

Гай Юлий
Орловский

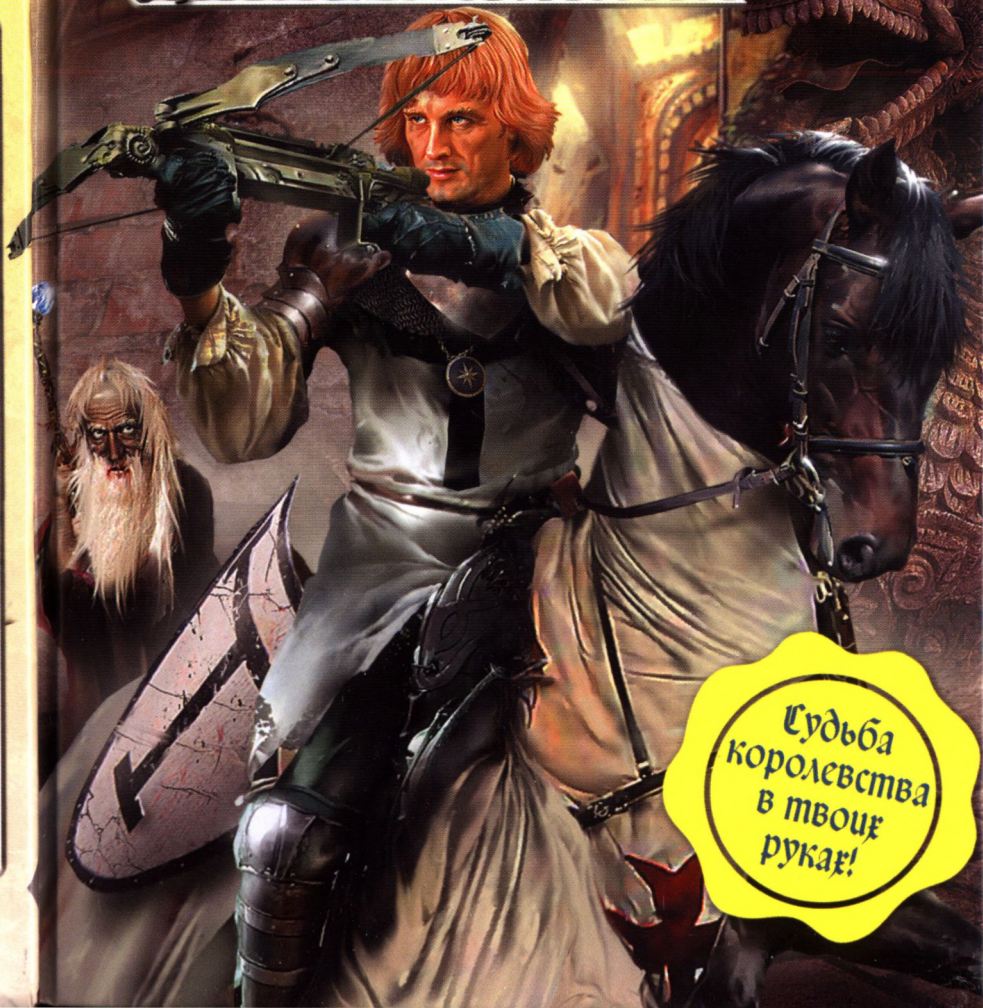


Ричард Длинные Руки —
рауграф

Гай Юлий Орловский

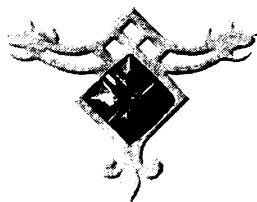


Длинные Руки —
рауграф



Судьба
королевства
в твоих
руках!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**



Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — наладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — грессграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркиграф
Ригард Длинные Руки — гауграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф

Ригард Длинные Руки —
рауграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки



Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
рауграф



ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Разработка серии художника *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.
О-66 **Ричард Длинные Руки — рауграф : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2010. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**

ISBN 978-5-699-40575-6

Исполнинская армия крестоносцев на могучих конях движется к границам таинственного Гандерсгейма, страны варваров, могучих магов, богатых городов и закопанных сокровищ.

Впервые произойдет массивное столкновение святости и древней изощренной магии. Возникнет ли что-то новое или же обратятся в прах обе части королевства?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-40575-6 © Орловский Г. Ю., 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо.

Евангелие от Луки

Часть I

Глава 1

Если можешь быть орлом, не стремись стать первым среди галок. Это правило я не то чтобы совсем забыл, но сделал вид, что ко мне не относится. Я-де занят настолько важным делом, что могу побыть даже воробьем. Вообще-то в самом деле сделал все, что планировал: владею подробной и точной картой Гандерсгейма, для чего сюда и прибыл. Плюс внепланово завязал контакты с ограм, кентаврами и троллями. Если не станут союзниками вторгшимся крестоносцам, то и с кочевниками на этот раз не пойдут — большая победа, но все-таки завяз в моем странноватом маркграфстве непростительно долго.

Это же просто Гандерсгейм, а я начал рассматривать его как совокупность королевств и чуть ли не начал стараться превращать в друзей все сто семьдесят королей. Дело вроде бы нужное и полезное, но на самом деле — дурость и трусливое бегство от серьезных проблем. К тому времени, когда принесет вассальную присягу двадцатый, первые десять уже забудут обо мне, а то и вовсе в королевствах сменится власть.

Да и вообще... сам себе страшусь признаться, что нарочито затягиваю пребывание в Гандерсгейме. Проблемки мелкие, справляюсь чуть ли не левой лапой, это в Геннегау серьезная работа, а с нею и неприятности. А уж когда выйду на берег моря и посмотрю в сторону Юга...

Мне вообще надо отсюда убираться. Мало того, что здесь драконов бьют достаточно успешно, до сего момента я был уверен, что у меня абсолютный иммунитет к магии. Но тот гад сумел заставить меня подчиниться, что до сих пор бросает в дрожь. И хотя сделал это лишь потому, что я не укрепился и не взматерел в личине дракона, как бы дракон сам по себе, а я в нем сам по себе, хоть и управляю, все равно страшно и тревожно.

Сперва я ждал наступления темноты, однако прихода ночи в городе словно и не заметили: на площадях пляски и песни, в небе настолько яркие звезды, что небосвод странно зеленоватый, внизу такие же огни, только живые и теплые — распахнутых настежь харчевен, трактиров, постоянных дворов, продуктовых лавок.

Народ, вместо того чтобы спать, бесстыдно веселится, на улицах тесно, пыльно, уличные повара жарят в переносных жаровнях мясо, рыбу, подрумянивают хлеб, придавая ему хрустящую свежесть, даже сюда, на стену, доносятся игривые смешки, довольный говорок мужчин, визгливые звуки музыкальных инструментов...

Измучившись ожиданием, я в конце концов выбрался за город, где и нырнул в небольшую рощу. Вереница повозок все так же тянется к пролому в городской стене, и никто из возчиков не обратил внимания, когда над деревьями взметнулась некрупная летающая тварь и часто-часто заколотила по воздуху кожистыми крыльями.

Я поспешно взлетел повыше, пока вблизи нет охотников, всегда найдется какой-то дурак, что стреляет во все, что бежит, ползет или даже летит. Воздух на такой скорости плотнее воды, я проломился до облачного слоя и лишь там раскинул крылья, высунул язык и посмотрел вниз с таким вниманием, будто уже рассчитывал увидеть там наступающие войска крестоносцев.

Надо мной темное небо, однако далеко на востоке небо уже начинает светлеть, хотя это видно пока только мне, а внизу еще глубокая ночь. Я часто и сильно взмахивал крыль-



ями, рассекая воздух подобно гигантской стреле из арбалета. В Орифламме драконов вроде бы нет, я в личине заурядного птеродактиля, что даже овцу не утащит, потому на таких, как я, никто не охотится, мясо жесткое и невкусное, да еще и пахнет гадко. Разве что кто из озорства пустит стрелу.

Главное я выполнил, более подробной карты нет даже у королей Гандерсгейма. Все дороги, броды, переходы, мосты, переправы, опорные пункты, взаимоотношения королей с соседями — все здесь, а это и есть основа успешного и стремительного наступления.

Башни Брабанта медленно выступили на темном горизонте, красиво и грозно озаренные серебряным светом луны. Я не стал ускорять полет, и когда в личине незримника опустился как можно тише на самую высокую площадку, рассвет уже потеснил тьму, а в небе вспыхнуло алым огнем первое облачко.

Так привык к драконьему облику, что даже когда перетек в личину человека, чуть не спрыгнул с башни, дурак. Вошел в роль, вжился, можно сказать. Даже когда начал спускаться по лестнице, чувствовал, как сзади волочится и стучит по ступенькам хвост, а ноги ступают несколько неуверенно, без привычной бодрости и ловкости.

На ходу с запозданием проверил, на месте ли все, особенно мой новый арбалет из Гандерсгейма, перевел дыхание и с силой толкнул дверь.

Двор еще в тени, солнце даже не поднялось над краем земли, но из пекарни тянет запахом свежего хлеба, в конюшне кони всхрапывают и звучно хрустят пшеничными зернами, а в кузнице хоть и тихо, но в щели видно, как начинают разжигать горн.

Со стороны кухни важно идет, откинувшись всем корпусом назад, как беременная, прачка с корзиной грязного белья в руках. Увидев меня, вскрикнула дурным голосом:

— Ваша милость!.. Или мне мерещится?

— Мерещится, — подтвердил я весело. — Подбери кор-

зину, а то стирать придется дольше. Щас вам всем буду мерщиться, разжирили без моего хозяйского ока...

Она нагнулась к выпавшей из рук корзине, крикнула вслед:

— А это уже постиранное!

Из подсобных помещений высовывались самые ранние пташки, еще сонные, тупо тарасили на меня глаза. На стене слышались голоса внизу, зазвенело железо, кто-то хрипло выругался, как я все-таки попал в охраняемую крепость, недосмотр, затопали сапоги на толстой подошве.

Я ощутил, как ко мне стремительно приближается нечто огромное и горячее, но оглянуться не успел, огромное черное чудовище сбило с ног и прижало к земле, удерживая могучими лапами и горячим, как разогретая на солнце глыба металла, телом.

— Я вернулся только за тобой!.. — заверил я поспешно. — Люблю тебя, мой замечательный... Да люблю, люблю, отпусти, а то залижешь до смерти, пес-убийца...

В его глазах плескался океан такой безмерной и бескрайней любви, даже обида в них исчезла, растворилась без следа.

У меня зашемило сердце, а в глазах зашипало.

— Берем Зайчика... — сказал я поспешно, — вы не соритесь?.. и возвращаемся в Геннегау...

В его глазах было заверение, что куда угодно, лишь бы вместе, только бы не расставаться, это же так ужасно, когда они с Зайчиком остались без меня...

Послышались испуганные голоса мужчин, вскрикнула женщина, и тут же, перепрыгнув телегу с горшками, быстро пошел решительными шагами в нашу сторону Мартин.

Я видел, как сперва глаза начальника охраны замка расширились до предела, затем в великом удивлении распахнулся рот, но через мгновение он снова стал прежним суровым воином-ветераном, а вид таков, словно созерен каждую ночь исчезает неизвестно как и затем появляется из ниоткуда.



Я обнял его за плечи, он смотрел снизу вверх с веселой преданностью, рот до ушей, а в глазах счастье, как у Бобика.

— Ваша светлость...

— Все хорошо, — заверил я. — Все удачно, Мартин!

Он перевел дыхание:

— У вас только так, ваша светлость...

— Если бы... — ответил я. — Но на этот раз в самом деле все удачно. Гости уже прибывают?

Он кивнул:

— Пока совсем мало. Три отдельных отряда под баннерами королевских рыцарей, и один — из Армландии. Остальным, как сообщили, еще идти и идти. Вы же направляете из разных мест королевства? Да и обозы пока что тащатся, а не скачут.

— Скоро здесь будет не протолкнуться, — заверил я. — Готовьтесь выдавать дочерей за рыцарей. Как Дженнифер, леди Элинор?

— Здоровы, — заверил он. — Леди Элинор сейчас наверняка возится со своим нечестивым занятием, иначе бы уже вышла, а Дженнифер... да, леди Дженнифер отправилась на охоту.

Я изумился:

— На охоту?

— Да, — подтвердил он. — Но не извольте беспокоиться, она в нашей части Брабанта, а еще с нею два десятка молодых рыцарей. Они жизнь за нее отдадут, если что!

— Не сомневаюсь, — сказал я с некоторой ревностью. — Все рвутся в женихи...

Он ухмыльнулся:

— Так леди красавица!

— Да кто это видит, — пробормотал я. — Ты присматривайся к самым настойчивым. Если что, даю тебе право... ну, ты понял. У нас только она осталась. Даниэлла рождает лорду Митчеллу наследников, герцог еще в пути...

Мартин спросил с некоторой ноткой ревности:

— Этот непутевый Митчелл уже лорд?

— Кроткая Даниэлла, — заверил я, — сделала из него ягненка. Как мой Зайчик?

Он широко улыбнулся:

— Навестите его прямо сейчас, а то он всю конюшню разнесет, как только почувет вас.

Глаза его смеялись, доволен, как и всякий мужчина, что я сперва расцеловался с собакой, потом иду целовать коня, а уж затем навешу, если не забуду из-за малости, хозяйку крепости леди Элино́р.

Зайчик радовался сдержанно, благородный рыцарский конь, но когда я обнял его за шею и шептал в ухо все самые ласковые слова, он гордо поглядывал по сторонам, все ли видят, как его любит могущественный сэ́р Ричард, красиво и легко переступал ногами, словно горячая арабская лошадь.

Бобик все пытался вклинить между нами, отпихнуть меня, вилял всем плотным корпусом, заверяя, что вот же он, самый замечательный и любящий, ну как можно ласкать это травоядное?

В недрах земли заворчал, я ощутил непонятный страх и желание убраться подальше. Чуть позже почву ощутимо потрянуло, я огляделся в испуге, но ничего, к счастью, не рухнуло. Глубоко под ногами ворчит и потрескивает, словно проснувшийся великан расправляет затекшие от долгого сна кости.

Из дальней башни вышел сгорбленный синий гном в огромной белой бороде, что плотным покрывалом закрывает грудь и плечи. На голове остроконечный колпак, тоже синий, поля печально обвисли, как лопух под дождем, длинная, до земли, одежда прошита золотыми нитями, а в руке длинный резной посох с огромным рубином, что еще в первый раз поразил меня размерами.

· Я пошел к нему широкими шагами:

— Уэстефорд!

Он вздрогнул, повернулся ко мне. Из-под снежно-бе-



лых и кустистых бровей на меня взглянули старчески выцветшие глаза.

— Ваша милость!

Я не стал поправлять, что давно уже «ваша светлость», старики нового не запоминают, придержал его за плечо, не дав преклонить колено.

— Оставь церемонии для простых, Уэстефорд. Мы волшебники или хвосты собачьи?.. Я вижу, идешь из подвала. А раньше ты, если память не дурит, жил наверху, как аист на крыше?

Он чуть-чуть поклонился, спина захрустела, а потом опасно затрещала, будто в ней ломаются вязанки хвороста.

— Стар я стал совсем, — проговорил он шамкающим голосом, — трудно подниматься на такую высокую башню.

Я спросил с интересом:

— Да ты и раньше почти не спускался. Что-то изменилось?

Он пугливо посмотрел блеклыми глазами, почти белыми, даже страшновато в такие смотреть, сказал дребезжаше:

— Не... совсем...

— Но что?

Он тяжело вздохнул:

— Ваше милостивое отношение... доброта леди Элинор, а также леди Дженнифер... гм... позволили мне чуточку расшириться...

Я охнул:

— То есть теперь в твоём распоряжении вся башня? От крыши и до подвала?

Он проговорил торопливо:

— Крепость пока что пустует. Нам уже сказали, придут войска, надо разместить... это все будет! Но пока тихо... А я тут простым перебором нащупал тропку к тому могучему магу, если помните...

— Которым интересовалась леди Элинор?

— Вы все помните, ваша милость!

— И что?

— Она устала от попыток, передала мне, а сама занялась чем-то... более женским.

— Уэстефорд, — пораженно сказал я, — ты прям конь ломовой... О душе надо думать, о спасении, а ты все о науке своей нечестивой. Прешь, как дракон, стены ломаешь... Эликсир бессмертия бы искал!

Он прошамкал:

— Зачем вам, такому юному, эликсир?

— Да не мне, тебе. Я ж теперь по роду службы должен о других думать... Давай, не стой! Веди к тому зеркалу.

Бобик старательно втискивался между нами, хотя мог бы идти с другой стороны, но так меня придется делить с этим стариком, а это несправедливо. Я придерживал это энергичное чудовище, чтобы не свалил Уэстефорда, тот может вообще рассыпаться, Бобик лизал мне руки и смотрел влюбленными глазами.

В подвал он рвался с такой энергией, что я едва не взял с собой, но посмотрел на дряхлого Уэстефорда, вздохнул и потрепал Пса по башке.

— Лучше подожди меня здесь, лапочка. Я точно вернусь, никуда не исчезну.

Он скульнул, в глазах отчаяние, Уэстефорд слабо проговорил с дрожью в голосе:

— Ну, если обещает ничего не переворачивать...

— Он? — усомнился я. — Что угодно пообещает, и вы ему поверите?

Он вздохнул, а я поцеловал в холодный нос и толкнул дверь. Пахнет сыростью, все как и прошлый раз, когда мне показывала леди Элинора, спускаемся медленно, Уэстефорд уже не совсем орел. Кое-что изменилось даже здесь, на лестнице.

Исчезли торчащие из каменных стен масляные светильники, теперь в тех же чашах строго и возвышенно горят толстые свечи. Я прошел возле одной совсем рядом, почти задел рукавом, но огонек не колыхнулся, упрятанный внутри воскового футляра.



Свечи настолько толстые, что огонек, медленно опускаясь по фитилю, прожигает внутри настоящие тоннели, оставляя стенки иногда чуть деформированными, но целыми. Эти цилиндры и создают уютный желтый свет, очень похожий на мягкий солнечный, когда оно смотрит через тонкие облака.

Я покрутил головой, до чего додумались, это же сколько нужно было пробовать различные соотношения воска, чтобы получались такие вот оригинальные лампы. И, что радует, никакой магии, настоящая наблюдательность, изобретательность и смекалка. Хотя понимаю, Уэстефорд мог бы и просто магией, но в этом человеке осталась и чисто человеческая смекалка и наблюдательность, с этими свечами не могло получиться с первого разу...

Я посмотрел на него по-иному, и Уэстефорд, мне кажется, это заметил, только не понял, что меня заинтересовало. А может быть, и понял, но не учитывает, что эта неясная и очень извилистая тропка, исчезающая в темноте, вообще-то перспективнее так многообещающей широкой дороги магической мощи...

Ступеньки кончились, в зале вдоль стен те же свечи, но теперь я быстрым взглядом окинул подземное хранилище и его вещи. Если память не подводит, а теперь она у меня ходит по струнке, часть вещей леди Элинор перетасила в свои покои.

Стол у стены, два кресла с прямыми спинками, на таких не отдохнешь, а на боковой стене огромное зеркало в рост человека. И как в прошлый раз, я с порога увидел в отражении напольные часы в деревянном корпусе, хотя здесь их нет, большой стол со стопкой фолиантов, а также ряд полок с необычными предметами, в прошлый раз этого не было, я всматривался жадно, смутно угадывая нечто знакомое и явно не из этого века.

— Раньше от этого зеркала леди Элинор не отходила, — заметил я.

Он сказал дребезжащим голосом:

— Теперь надолго потеряла к нему интерес...

— Есть более перспективные вещи?

Он взглянул искоса.

— Не мне судить, чем сейчас увлечена хозяйка... Хотя зеркалом она снова заинтересовалась. Правда, уже и не так, как раньше.

— Разочарована?

— Да, стоим на месте. Хоть кое-что и сдвинулось...

Голос его звучал таинственно, я переспросил:

— Что изменилось?

— Многое, ваша милость.

Я сказал строже:

— Не темни. Мне угадывать некогда.

Он сказал торопливо:

— Простите, ваша милость. Это я так, расхвастался. Просто меня распирает от гордости. Столько лет бились...

— Что, — спросил я, — неужели?

Он кивнул:

— Если подождете...

— Долго?

Он посмотрел на стол, в деревянной рамке в песочных часах в верхней части крохотная горка золотистого песка, внизу сверкающий конус втрое больше, между ними тончайшая струйка, едва уловимая глазом.

— А переворачивать не забываешь? — спросил я. — А то в твоих сутках может оказаться и тридцать часов, и сто...

Он покосился на меня с некоторым изумлением:

— Ваша милость... Но это так просто...

— Не забывать?

— Переворачивать. Они ж сами и перевертываются.

— Ага, — сказал я, — ну да, сами. Как я забыл! Хорошо, когда сами, верно?

— Хорошо, — согласился он осторожно, — что ж за часы, если их надо самому?

— Дикари, — сказал я с чувством. — Не представляю, где такие и живут.



Из зеркала в комнату пал зловеще-багровый свет. Я насторожился, в прошлый раз этого не было, с этой стороны стекла всегда полумрак, какие бы огни ни пылали по ту сторону. Уэстефорд торопливо бормотал заклинания, начал двигать руками в воздухе, словно размазывал глину по невидимой стене.

Спустя пару минут напряженнейшего ожидания из красного, злобно клубящегося тумана вышел старик могучего сложения, все в том же плаще с выжженными пятнами, длинная седая борода в копоты, одна бровь с опаленными и закучерявленными кончиками.

Уэстефорд торопливо поклонился, маг не обратил на него внимания, но я сразу ощутил на себе его пронизывающий взор. Поверхность зеркала уже не препятствие, это я ощутил даже не по запаху гари с той стороны, а по этому взгляду, властному и ошутимому.

— О, что-то новое, — произнес он, замедляя шаг.

— Нет, — возразил я, — мы уже виделись.

Он остановился, всмотрелся внимательнее:

— Где?.. Ах да, припоминаю. Тогда еще слуга... сейчас... гм... о, маркграф и маркиз?.. Это же одно и то же, но почему... А, понятно...

Уэстефорд за моей спиной бормотал все быстрее. Мое сердце взвинтило темп, вот он, шанс, я спросил с учтивым поклоном:

— Вы можете принять меня в гости?

Он улыбнулся:

— Нет.

— Недостойн?

Он улыбнулся шире:

— Опасно... для новичка.

— Тогда будьте нашим гостем, — предложил я быстро. — Как маркиз и маркграф, обещаю сделать для вас все...

Он сказал вежливо, но я уловил снисходительную усмешку:

— Не смогу, очень занят.

Кивнул почти дружески, так я иногда улыбаюсь особо сметливым конюхам, шагнул в кипящую лаву и пропал. Я обернулся к Уэстефорду, его трясет, зубы стучат, а глаза безумно вытаращены.

— Успокойтесь, — сказал я дружески.

Он прошептал:

— Как вы разговаривали... непочтительно...

Я возразил:

— Я обращался к нему со всевозможным! Только ему все равно, даже если бы я обругал или выкинул что-то непотребное. Он смотрел на меня, как на двухлетнего малыша, а на таких взрослые не обижаются. Разве что слегка отшлепают, если чересчур далеко зайти... Кстати, вы от меня недалеко ушли. С его точки зрения.

Он вскрикнул предостерегающе, но мои пальцы уже ощупывали поверхность зеркала. Ощущение такое, что слегка прогибается под давлением, особенно когда вот так, ладонью и всем весом, но затем мягко и настойчиво возвращается к исходному состоянию.

— Не надо, ваша милость...

Голос его был умоляющим, я вздохнул и отступил.

— Да, хорошо бы кавалерийским наскоком... а вот осадой некогда. Но ты, дорогой Уэстефорд, сделал великое дело!.. Как я понимаю, а я из великих понимателей, иначе не стал бы тем орлом, на которого сейчас смотришь круглыми глазами... это твоя, а не того мага заслуга. Он вовсе не стремился к нам, верно?

Он смотрел на меня во все глаза:

— Спасибо, ваша милость, за высокую оценку, но она... заслужена, если уж честно. Он нами не интересовался и раньше. Это мы сумели.

— С леди Элинор?

Он покачал головой, на лице проступило смущение.

— С леди Дженифер.



Глава 2

Когда я наконец поднялся наверх, двор залит ярким солнцем, жизнь кипит, а Бобик прыгнул на меня, как кот на мышь. Я прижался к стене и выдержал бурные объяснения в любви, у собак нет чувства времени, им всегда кажется, что хозяин отсутствовал годами.

— Ну все-все, — сказал я наконец. — Ну люблю я тебя люблю! Как ты можешь сомневаться?

В сторонке держится человек в очень скромной одежде, плечи и спину согнул в позе просителя, шляпу заранее снял и держит в руках, но не мнет, смотрит на меня и ждет смиренно, однако с неким достоинством, не свойственным простолюдину.

Я смерил его долгим взглядом, Бобик зарычал на него, но не злобно, а предостерегающе, мол, это мой папа, а не твой, иди отсюда.

— Я тебя люблю, — повторил я. — Тебя!.. А теперь иди играй. Там на кухню что-то привезли особенное, а ты не видел!

Он посмотрел на меня с недоверием, как это он мог такое пропустить, но на всякий случай ринулся к кухне. Человек в позе просителя заспешил навстречу, торопливо поклонился издали, показывая широкую плешь во всей красе, проела макушку и торжествующе раздвигает просторы, хотя при его росте это незаметно, пока стоит прямо. Для таких людей снять шляпу — мучение, я по достоинству оценил его рвение и желание обратиться к лорду.

— Ваша светлость! — произнес он торопливым, слегка присвистывающим голосом. — Ваша светлость!

— Ага, — согласился я, — это я, моя светлость. Что скажешь?

Он заговорил быстрым, бегущим вперед голосом, но грамотно и четко расставляя слова, опять же не по-простолудинному:

— Меня зовут Автанаил, я алхимик... вообще-то и не-

множко маг. Среди наших упорно ходит слух, что вы, благородный лорд, оказываете нам покровительство...

Я нервно дернулся:

— Господи, какие обо мне жуткие слухи! Церковь услышит, на костер потащит!

— Ваша светлость, — сказал он умоляюще. — Мне пришлось покинуть своего покровителя, он требовал невозможного и грозит смертью... Вы же знаете пределы разумного...

— Мало ли что болтают, — оборвал я. — Будучи паладином Церкви и преданным ее высоким идеалам воином...

Алхимик побледнел и заметно сжался, стараясь свернуться в комок и пропасть из поля зрения человека, в котором надеялся найти покровителя.

— Простите, ваша светлость...

— Вот что, — сказал я все так же нервно, — мне сейчас некогда, я занят до свинячьего писка, так что подойди к хозяйке этой крепости леди Элинор... у нее еще есть маг Уэстефорд, пообщайся. Он, кстати, сейчас там, в подвале. Мы как раз того... чародействовали! Но вообще-то моя позиция вовсе не в оказании помощи и покровительства магам, а в... как бы это попроще, переводе вас всех на иные рельсы. В смысле на другой путь к прогрессу!..

Он, все еще испуганный, посмотрел исподлобья:

— Какой?

— Узнаешь, — сказал я. — Если захочешь. Тянет разгадывать тайны древних — копайся здесь со стариком Уэстефордом. Это путь быстрых мелких побед и общего поражения. Если хочешь общей победы, хоть и трудной, тебе надо пробираться в Геннегау. Там сосредоточиваю умных людей и создаю... научно-исследовательский центр, так сказать. Там можно и своим делом заниматься... хотя и чуть по-другому будешь называться, а покровительство всемогущей Церкви никогда не бывает лишним.

Он испуганно дернулся:

— Церкви?



Я посмотрел по сторонам, снизил голос:

— Если не режешь невинных младенцев и не душишь девственниц на алтаре, твоя работа не служит дьяволу.

Он смотрел исподлобья:

— А кому служит, Церкви?

— Никому, — сказал я раздраженно. — Науке! Познанию природы. Снимешь эту шляпу и не будешь надевать халат с астрологическими знаками — ты уже не маг, а ученый. А будешь носить на шее крест...

Он отшатнулся:

— Ваша светлость!

Я сказал зло:

— Да ты хоть попробуй! Сам ахнешь, что ни твоя шляпа в каббализме, ни крест на шее совсем не влияют на твою работу! Но крест нужен. У нас не все его, правда, носят, но такие стараются не показываться на глаза инквизиции. Но стоит ли из-за украшений портить себе жизнь? Мужчины мы или нет?

Он помолчал, несколько ошарашенный, проговорил неуверенно:

— Это не украшения, ваша светлость. Это позиция.

Я отмахнулся:

— Есть ложные позиции, ложные ценности! Тебе надо познавать тайны природы? Так?.. Ну вот. А какая на тебе шляпа, познавателю без разницы. Природе — тем более. Сейчас варишься в собственном соку и заново изобретаешь... колесо. Пообщайся с собратьями. У меня в Геннегау таких, как ты, около сотни. В одном месте!

Он замер, взгляд остановился, прикованный к моему лицу. Проняло, подумал я удовлетворенно. Коллективные действия скорее приводят к результатам. Даже если додумывается одиночка.

Бобик выметнулся из кухни, как низко летящий черный стриж размером с галапагосскую черепаху. Я встретил его, как баобаб в пустыне, что выстаивает под натиском

жаркого урагана, не упал и даже не сдвинулся. Бобик визжал и ластился, я дал себя снова облизать, как же, столько минут не виделись, ужасно.

Народ смотрит опасливо и в то же время с восторгом. К Бобику привыкли, но все играть с ним никто не рискует, зато с удовольствием рассказывают о нем всякие жуткие истории.

Наконец я начал отпихивать преданного барбоса, все не может оторвать от меня влюбленного взгляда и скачет вокруг, как козленок, постоянно требуя, чтобы я либо чесал его за ушами, либо говорил что-нибудь, либо просто смотрел на него, в это время как из далекого мира донесся ироничный голос:

— Сэр Ричард!.. А чем мы хуже вашей собаки?

Леди Элинор вышла из донжона и остановилась, щурясь на солнце, ослепительно красивая в нежно-голубом платье, с пышной прической из золотых волос, перехваченных на лбу узкой полоской из золота с блестящими красными камешками.

Я хлопнул Пса по толстой заднице, он довольно взвизгнул, а я пошел к этой удивительной женщине.

Она ждала, ровная и величественная, уже герцогиня, но в то же время с приветливой улыбкой прежней Элинор, удельной хозяйки своих земель, умеющей решать проблемы где силой, где женским обаянием.

Я еще издали поклонился, она чуть наклонила голову, жест многозначительный, у многих мужчин сразу забилося бы чаще сердце. В самом деле чувствую к ней симпатию, вообще, мы ко всем красивым женщинам ее испытываем, да еще когда нам улыбаются вот так обещающе...

Она удивительным женским чутьем уловила, что не ударю, с улыбкой подала руку, я почтительно опустил на колено, чего никогда не делал, и поднес к губам ее нежные пальцы.

— Целую ручку, прекрасная леди, — сказал я и надолго



припал к ним, ощущая нежность молодой кожи и женское тепло. — Как хорошо вернуться!

Она милостиво улыбалась, рассматривая меня большими внимательными глазами.

— Думаю, сэр Ричард... такие герои везде чувствуют себя как дома.

— Ах, леди Элинор, — ответил я проникновенно, — где нет вас... везде чужбина.

Она засмеялась:

— По крайней мере, говорить любезности вы не разучились. Хотя за такое короткое время что могло случиться?.. Но однако случилось. Вы меняетесь очень быстро, сэр Ричард.

— Что, заметно?

Она кивнула:

— Мне — заметно. Вы становитесь собраннее, сэр Ричард. Это делает вас скучнее, но и... взрослее. Меня это устраивает. Ненавижу мужчин, что и в пятьдесят лет подлости!

Я сказал грустно:

— Взрослость, это когда уже достаточно созрел, чтобы знать, чего не следует делать, но все еще молод, чтобы это сделать. Я, мне кажется, еще в нем. А мужчины, что в пятьдесят — подростки, это же здорово, как они считают. Не потеряли детской непосредственности, романтики...

Она отмахнулась:

— Оправдать можно все, что угодно. Надеюсь, на этот раз вы надолго?

— Надеетесь? — переспросил я. — Леди Элинор, я же знаю, как вы мечтаете, чтобы меня где-нибудь черти взяли...

— Сэр Ричард!

— И как можно скорее...

Она покачала головой, глаза стали серьезными.

— Может быть, — произнесла она без улыбки, — ино-

гда... где-то в глубине... Но это огорчило бы Готфрида, а я никогда не сделаю ничего, как вы понимаете...

— Понимаю, — сказал я. — И завидую ему. Может быть, и меня полюбит какая-то дура...

— Вы забыли добавить «такая же», — уточнила она. — Сэр Ричард, какой желаете пир в свою честь? Большой, малый или средний?

Я посмотрел на нее лютым зверем:

— Издеваетесь?

— А вы разве не герой?

— Да я малость не такой герой.

Она спросила с любопытством:

— Ну-ну, признавайтесь!

— Шас, — пообещал я. — Только шнурки завяжу. Просто пиры у меня в печенках. И в печени.

— Но как же без пира? — спросила она с наигранным удивлением. — Вы наверняка снова исчезнете слишком быстро. Кстати, как вы это делаете?

— Для вас никогда не слишком, — сказал я галантно, — вы уже сейчас посылаете меня ко всем чертям. Но я в самом деле намерен отправиться в Геннегау немедленно. Ухватить леди Дженнифер в седло и умчаться...

На ее лице пронеслась целая гамма чувств, от облегчения, что и меня не будет, и Дженнифер исчезнет, сразу два подарка, и до отчетливо проступившей гримаски вины, что тоже мне понятно, не совсем же чудовище, хотя вообще-то каждая женщина еще тот монстр, что там в лесу — даже в аду таких поискать, а уж если красивая, то и вовсе...

— Не получится, — заявила она и улыбнулась мне лучезарно. — Леди Дженнифер вернется только к вечеру... она как раз отбыла перед вашим возвращением, как всегда весьма странным.

— Как жаль...

— Если хотите взять Дженнифер с собой, вам придется...

— Да, — согласился я, — мне многое придется. Я уже



привык, что делаю не то, что хочу, а что приходится. Хорошо, леди Элинор...

Она улыбнулась, не сводя с меня не по-женски умного взгляда:

— Когда вот так произносите, у меня впечатление, что вот-вот ударите.

Я тоже улыбнулся, галантно и светски:

— Что вы, леди Элинор! Мы, как мне кажется, достаточно обменялись ударами. Теперь вам пора броситься мне на шею...

Сказал и прикусил язык, шуточка рискованная, леди Элинор, несмотря на ее непонятный возраст и то, что жена герцога, выглядит юной женщиной, эффектной, яркой и зовущей, ровесницей Дженнифер. Только по ее уверенности и властности можно догадаться, что знает и умеет больше, чем входящая во взрослую жизнь дурочка.

Она улыбнулась и опустила ресницы, то ли соглашаясь броситься на шею, то ли показывая, что приняла шутку как комплимент, всем мужчинам хочется, чтобы им бросались на шею.

— Жду вас в зале? — спросила она.

— Теперь у вас там приемная?

— Я не майордом, — ответила она, — и не герцог...

— Герцогиня!

— Это всего лишь жена герцога, — пояснила она и посмотрела прямо в глаза, я должен увидеть, что нет у нее никаких амбиций, что счастлива и не будет мутить воду. — У меня огород и сад, а к цветам и грядкам я хожу сама...

— А еще вещи из раскопок, — добавил я тем же елейным голоском. — Ох, леди Элинор...

Она грустно усмехнулась:

— К ним я тоже хожу в подвал...

— Разве? — спросил я. — Вы не все еще перетаскали в свои покои? Леди Элинор, если честно, я хоть временами злюсь на вас, но уже давно нет желания прибить. Более того, поверите или нет, восхищаюсь вами. И рад за герцога.

Она пустила вдоль тела гибкую чувственную волну:

— Правда?

Я потряс головой:

— Фигура у вас потрясающая, вы самая красивая из женщин, но вы проводите все свободное время не перед зеркалом, любуясь своей красотой и великолепием, а.... чем занимаетесь?

Она натянуто улыбнулась:

— Вам это неинтересно, сэр Ричард.

Я поклонился:

— Великолепно. Только что сказали, что вы всего лишь жена герцога без всяких амбиций, и тут же шелкнули по носу... вон уже кровь идет, указав мне мое место на тряпочке. Нет-нет, никаких обид, мы же с вами выше такой ерунды?

Она улыбнулась одними глазами:

— Что-нибудь предпочитаете на обед особенное?

— Если нельзя вас на блюде, — сказал я, — то предпочел бы что-нибудь не менее лакомое.

— Такого на свете нет, — ответила она достаточно надменно, чтобы я понял шутку, — но повара постараются.

Глава 3

На самом деле поварам для меня стараться нетрудно. Конечно, отличу говно от конфетки, но хорошую еду от очень хорошей вряд ли, а насчет прекрасной или восхитительной вообще сомневаюсь, существуют ли такое понятие для мужчин, все-таки мы и к еде должны относиться, как к женщинам: никаких излишеств.

Обед проходил в строгости, все как в первый раз, когда я прибыл в Бранбант. За это время леди Элинор ничего не внесла и не изменила, хотя ошастливленный герцог позволил бы ей перевернуть всю крепость.

Слуги подавали еду неслышно и тут же застывали у стен, даже не моргают, но следят, с какой скоростью опу-



тошаются тарелки, следующую нужно подать не раньше и не позже единственно возможного момента.

Мы сидим на противоположных концах длиннющего стола, такой этикет, и если бы не мертвая тишина, пришлось бы общаться через скорохода.

Посуда золотая и серебряная, ложки из чистого золота, это гостям попроще подадут из старого серебра. Я вздохнул, люди сами себе неимоверно усложняют жизнь, просто не понимая, что облегчить ее можно, просто сделав ложки из самого простого железа.

Какие романы старых авторов я ни читал, всегда после ухода гостей хозяева пересчитывают столовое серебро. И нередко недостает пары ложек или вилок. Или хотя бы одной. Начинаются мучительные вычисления, кто мог спереть, чтобы в следующий раз такого не приглашать. Кроме того, может украсть кто-то из прислуги, убиравшей со стола использованные приборы.

Пышность и этикет превращают людей в механизмы, мы некоторое время поглощали пищу, двигая передними конечностями в строго отмеренных рамках, морды неподвижные, спины прямые, локти свисают с края стола.

Расхожая премудрость, что, строго соблюдая в гостях правила этикета, уйдешь злым, трезвым и голодным, неверна. Этикет просто не позволяет жрать по-свински, но вот так размеренно и неторопливо можно слопать хоть слона. В то же время хотя приличие — это наименее важный из всех законов общества и наиболее чтимый, но мне, честно говоря, соблюдать его труднее всего. Во-первых, все еще не вышел из возраста борца «против усега», во-вторых, мое срединное целиком из простолюдинов, аристократию истребили много поколений назад, в моде как раз бесцеремонность и отсутствие условностей, так мы называем приличия.

А еще у нас их называют комплексами и тоже гордятся, что без комплексов...

Я чуточку вздрогнул от ее участливого голоса:

— Что-то случилось, сэр Ричард? У вас такое лицо...

— Какое? — спросил я с неловкостью.

— Все грехи мира на ваших плечах?

Я буркнул:

— Каждый должен брать на себя столько, сколько выдержит.

— Не переоценили себя?

— Возможно, — снова сказал я хмуро, — вообще-то я достаточно наглый, чтобы взять на себя чересчур много... в то время как другие отдыхают в тени.

— Чтобы потом злиться на них?

— Точно, — признался я. — В то же время у меня достаточно власти, чтобы наломать дров. К примеру, вот хочу, чтобы и другие тоже брали на плечи больше груза. Но как заставить, если даже не понимают, что я хочу?

Она улыбнулась.

— Я тоже не понимаю. Ваших стремлений. Просто мужские понимаю, а вот ваши... Возьмите эти куропатки. Их готовили под таким соусом, что просто не знаю, как я оставляю хотя бы косточки.

— Спасибо, леди Элинор. В самом деле бесподобно. За чем вам колдовство, идите в поварахи!.. Или это и было колдовство?

Она улыбалась и как женщина, и как хозяйка, что видит истинную цену моих слов. Мужчина, который может оценить все тонкости вкуса хорошо приготовленной еды, — либо мужчина в прошлом, либо так и не успел стать им, таких хватает в благополучных землях. Настоящий мужчина, глядя на красивую женщину, может съесть и тарелку, а потом скажет с восторгом, как хорошо здесь готовят отбивную.

— Сэр Ричард, — произнесла она участливо, — вы так часто задумываетесь даже за обедом... У вас неприятности?

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — просто дел много. Я по натуре бездельник, отдыхатель и развлекун, а тут вдруг дела...



Она спросила с недоумением:

— Но если вы мужчина... как можно без дел?

— Можно, — вздохнул я, — еще как! И дела бывают разные. У вас вот — интересные, а у меня — нужные. А нужные разве бывают интересными?

Она смотрела внимательными сочувствующими глазами:

— Гандерстейм?

— Увы, да.

— Мужчины стремятся к славе, — рассудила она, — а завоевать Гандерстейм... Об этом никто и не мечтал.

— Когда-то наступает очередь и Реконкисты, — сказал я. — Почему не сейчас? Никто не может сказать точно, когда приходит время. Это все потом, в зависимости как пошло...

— Так почему так озабочены? — поинтересовалась она. — Должны трепетать в предвкушении славы завоевателя!

Бульон подали в небольшой чашке, но с двумя ручками. Если не ошибаюсь, когда с одной ручкой, то можно пить, а когда вот такая шмакодявка, но с двумя, то предписано работать ложкой...

Нагло улыбаясь, я взял чашку одной рукой и мирно отхлебывал, майордомы выше этикета, я не вытираю руки о скатерть и не сморкаюсь в тарелку, этого для мужчины достаточно, чтобы считаться элегантным и знающим этикет.

Наконец слуги внесли на десерт большой торт, в коридоре послышался топот, я насторожился. В зал вбежал молодой рыцарь в разорванном на плече и груди бархатном камзоле, волосы слиплись от крови, длинная царапина на щеке.

Он ринулся было к леди Элинор, но узнал меня, круто свернул и рухнул на колени.

— Сэр Ричард!

Лицо бледное, как смерть, в глазах ужас, я потребовал резко:

— Что стряслось? Вы были с леди Дженнифер?

Он вскрикнул:

— Да!...

— Где она?

— Похищена!

Я вскрикнул, едва не опрокинув громадный стол:

— Кем?

— Мы не знаем, — проговорил он слабым голосом, — сэр Ричард, мы все бросились на защиту... и все погибли. Я был ближе всех к коням, сэр Фарлонг велел мне привести помощь... Я должен вернуться...

Он пошатнулся и упал лицом вниз. Леди Элинор выскочила из-за стола, но я успел первым, пальцы ощутили холодок, когда коснулись его лба, но грудь рыцаря тут же приподнялась.

— Лежи, — велел я. — Пока не придешь в себя.

Он открыл затуманенные глаза:

— Нет... Я вернусь... погибну вместе с друзьями.

— Он потерял много крови, — сказала леди Элинор. — Пусть останется.

— Он поедет, — ответил я резко. — Кто покажет место, где такое случилось?

Леди Элинор круто повернулась к замершим слугам:

— Оседлать Серебряную Гриву!

Я ринулся к конюшне, Бобик помчался за мной, морда серьезная, а в глазах вопрос: что-то случилось? Но что бы ни стряслось, я с тобой и я тебя люблю!

— Да-да, — ответил я, — я тебя тоже...

Даже ему не сказал, хотя мысль мелькнула, нехорошая вообще-то, если честно, дескать, только шажок до великих дел, а тут снова отвлекают бытовые мелочи. И хотя тут же устыдился, это же моя чистая и такая тихая теперь Дженнифер, но все-таки мысль такая нехорошая была, была. Свинья все-таки я эгоистичная...

С нами через южные ворота крепости вылетели на могучих конях с десятков рыцарей, да еще Бобик несется впе-



реди, держа нос по ветру. Я поглядывал на недавнего раненого, все еще бледный и резко исхудавший, он мужественно держится в седле, показывает дорогу, но Бобик все равно мчится впереди отряда.

Холмы здесь покрыты густым лесом, но внизу изумрудная зелень кое-где подсвечена кустарником с желтыми листьями, мирная и пасторальная картина, стада овец, что безумно быстро плодятся на этих роскошных пастбищах, синие глаза озер, иной раз не синие, а белые от обилия гусят и уток...

Леди Элинор то и дело вырывается вперед на своей удивительной лошадке со сверкающей гривой, еще у нее такой же хвост и серебряные копыта, хотя у всех коней неопрятно серые. Еще, как я заметил, не подкованная, однако из-под копыт часто бьют злые острые искры, похожие на крохотные молнии.

Я сперва поглядывал на нее с опаской, но держится в седле уверенно, ее заботливо опекают все рыцари, но окончательно успокоило меня воспоминание, что она долгие годы была единственной полновластной хозяйкой своего замка и своих земель, умело управляя ими ничуть не хуже мужчин.

Когда впереди наметился небольшой спуск, я насторожился, очень уж земля похожа на глинистую, но странно глинистую. Рыцари заворчали, когда я покинул седло и присел к земле.

— Что стряслось, сэра Ричард?

— Пока не знаю, — ответил я.

Пальцы нащупали твердые багровые комочки, я осторожно трогал их, не понимая, что вдруг встревожило.

— Что это? — спросил я. — Кто-нибудь знает?

Сэр ПП ответил нетерпеливо:

— Мы не знаем, сэра! Но дальше вся земля такая!

Я поднял комок и попробовал растереть в пальцах. Он поддался с великой неохотой и чем-то знакомым скрипом. На подушечках осталась красная пыль...

— Ржавчина, — произнес я тупо. — Но почему так много... Здесь что, выход железной руды на поверхность?

Рыцари промолчали, только сэр Норманн, старый ветеран, произнес неохотно:

— Ходят слухи...

Он умолк, словно испугавшись сказанного, я сказал резко:

— Какие?

— Кто-то, — договорил он еще неохотнее, — недавно выпустил ядовитый туман...

— Ядовитый? — переспросил я.

— Не для людей, — поправил себя сэр Норманн. — Пожирает железо, как свинья помой. Не успеешь глазом моргнуть, как любые доспехи, мечи, топоры — превращаются вот в такую ржавчину. Я сперва было не поверил...

— Я тоже слышал, — проворчал Пэришель, — но и сейчас не верю.

Я поднялся, окинул взглядом широкую долину впереди. Красная вся, и чем дальше, тем окраска гуще.

— Боюсь, — сказал я, — придется поверить. Кто-то туман выпустил для пробы сил, а сейчас вот второй шажок... Эта сволочь быстро смелеет...

— Набирает силу? — спросил сэр Фарлонг.

— Оно самое, — пробормотал я. — Но слишком быстро...

Сэр Фарлонг сказал торопливо:

— Сэр Ричард, поспешим!

Я покачал головой:

— Останетесь без доспехов и, что хуже, без оружия. А сражаться кольями, как пьяное мужичье, не станете... Сожалею, но вам придется остаться, дальше я сам. Бобик, вперед не бежать! Иначе оставлю здесь.

— Я пойду с вами! — крикнула леди Элинор.

Я отмахнулся:

— Не смешите.

Она сказала резко:



— А вы не глупите, сэр Ричард! На мне доспехов нет, как и меча в моей руке. А металл, что на мне, не поржавеет!

Я покосился на золотые серьги в ее ушах:

— Война — не женское дело.

— Это не война, — заявила она. — Но если вы не решаетесь брать меня с собой, я пойду одна! Тем более что ехать недалеко.

— Вы знаете, — изумился я, — куда?

Она вытянула вперед руку:

— Смотрите сами.

В четверти мили отсюда красную землю пересекает трещина, я сперва не обратил на нее внимания. Над нею слегка колеблется, струится воздух, словно на глубине чем-то разогревается. Если это так, то трещина идет очень глубоко.

— Раньше ее не было?

— Не было, — подтвердила она.

— Считаете, что дело в ней?

— По слухам, — произнесла она быстро, но глаза жадно заблестели, — в Брананте когда-то был гигантский город, один из самых крупных... но потом ушел под землю. Что, если кто-то из самых сметливых нашел к нему дорогу?

Я ощутил холодок по коже:

— Не дай бог! Там могут храниться такие штуки...

Она быстро посмотрела на меня:

— Какие?

— Нехорошие, — отрезал я. — Хорошо, поскачем! Авось колдун не пустит в это время туман...

— «Авось» — это заклинание?

— Да, — ответил я.

— Надежное?

— Ну... как кому.

Бобик добежал первым и носился вдоль трещины, объясняя, что берется перепрыгнуть на ту сторону. Зайчик гневно заржал, я соскочил на землю и подал руку леди Элинор, а едва ее ноги коснулись красноватого грунта, ринулся к трещине.

Горячий воздух не просто поднимается, продавливая холодные слои, а словно выстреливается раскаленными струями, далеко внизу чернота с красными точками, похоже на застывающую лаву.

За спиной простучали каблуки леди Элинор.

— Что-то нашли?

— Да, — ответил я. — Вот весьма заметные следы. Кто-то спускался сюда. И не раз.

Она присела рядом, лицо стало встревоженным. В щель между камнями вбит стальной штырь, явно не простолюдин, тот воткнул бы деревянный кол, сталью не разбрасываются...

Я свесился над краем, горячий сухой воздух обжигает лицо так, сто слезятся глаза.

— Похоже, он не спешит возвращаться. Или у него здесь сообщники.

— Почему?

— Оставил бы веревку, чтобы выбраться.

Она зябко передернула плечами:

— Если отыщет то, что скрыто внизу, сам не захочет возвращаться. Сэр Ричард, в моей седельной сумке веревка. Если похитил Дженнифер он, а кроме него тут больше никого, то явно прячется там... внизу.

— Давайте вашу веревку, — распорядился я. — Если пожадничаете, придется доставать мою.

Она даже не улыбнулась, это мы, мандражируя, острым, скрывая всякое, что у нас под шкурой, а женщины более цельные: когда страшно — визжат, а мы, когда нам жутко, гордо улыбаемся, расправляем плечи и дуром прем на рожон.

Первые метров пять-шесть в самом деле пришлось спускаться по веревке, отталкиваясь от стены с настолько свежим камнем, что радостно блестит, как молодой лед, затем ноги начали упираться в выступы.

Я посмотрел наверх, на фоне безмятежно голубого неба пламенеет, как маков цвет, голова леди Элинор, она опас-



но свесилась чуть ли не до пояса и наблюдает за моим спуском.

Попытка спускаться быстрее, отталкиваясь от скальной породы, результатов не дала, ну да ладно, никто не видел, кроме этой женщины, а что они понимают, пришлось как все, даже простолюдины так могут...

До дна веревки явно не хватит, хотя дальше можно и без нее, склон давно не отвесный, но жар все сильнее, я чувствовал, что одежда не успевает пропотеть, как тут же высыхает...

Нога попала в пустоту, я опустил еще, в стене щель, в глубине темно, а на камне царапина на внутренней стороне. Я бы не заметил, но поверхность расколотого камня гладкая, как зеркало, и царапина заметна. Как будто кто-то прошел вовнутрь, задев стенки пряжкой от заплечного мешка или топора за плечами.

Я заглянул в щель не столько опасливо, как с чувством протеста. Господи, неужели опять в пещеру? Как они достали... Хотя понимаю, природа ничего надежнее не придумала, и люди не зря использовали их для выживания. Не было бы пещер — не было бы человечества. Мы не с деревьев слезли, а вышли из пещер. Но сперва именно в них поднялись с четырех конечностей на две задние, встали покрепче, а в передние взяли камни и дубины. И как только первая обезьяна взяла в руки палку, остальные принялись трудиться и стали людьми.

Я бросил веревку и осторожно втиснулся в щель. Через несколько шагов она расширилась, а шарик света показал свод, густо затянутый давно высохшей мертвой паутиной.

Похоже, леди Элинор права, пусть даже под землей был не город, слухи всегда раздуты и преувеличены, но какие-то группы людей здесь прятались или даже обитали.

Пол под ногами постоянно опускался, иногда даже слишком круто, приходилось чуть ли не съезжать на спине. Шаги и даже мое сдавленное дыхание гулко отдаются под

высокими сводами. Впечатление, что двигаюсь уже в пещере, пусть и пока очень узкой.

Паутины становилось больше, кое-где перекрывала дорогу. Я из осторожности бросал камешки, а когда те скатывались на пол, уже без страха рубил серебряные нити, покрытые пылью, мечом.

В двух местах сверху капает вода, в одном месте льется целый поток. Я торопливо проскочил под ним, тут же огляделся широко распахнутыми глазами, но, кроме шума воды, ничего не слышно, зато пещера впереди начала расширяться с каждым шагом.

Глава 4

Под ногами целое поле, усеянное упавшими со свода камнями, но что мне все-таки нравится в пещерах, это их свойство, давно отмеченное спелеологами: ровный пол. Стены могут быть какими угодно, но внизу как будто некто выровнял катком, а потом либо в строго задуманном порядке натыкал сталагмитов точно под сталактитами, либо вот эти камни в художественном беспорядке.

Ноздри уловили запах животного. Арбалет оказался в руках раньше, чем я успел о нем подумать, пальцы привычно натянули тетиву. Сердце барабанит перепуганно, кровь в ушах гремит, а глаза судорожно выискивают жутких эндемов, приспособившихся жить здесь намного раньше человека.

Опасность только в том, что когда человек вышел на просторы, остались здесь полными хозяевами...

Ничего не происходило, хотя я чувствовал на себе множество взглядов. Под подошвами сапог похрустывает подозрительно знакомо, но косточки мелкие, сразу рассыпаются в прах. Такие зверьки не опасны... но кто-то же их пожрал...

Мышцы заныли от постоянного напряжения, шея стала



каменной, затем ощущение постоянного наблюдения ослабело, я перевел дыхание и ощутил, что ноют даже ребра.

После этой пещеры еще спуск, потом еще, сталактиты исчезли, свод аккуратно стрельчатый, везде мягкий свет, не отбрасывающий тени, стены гладкие, если не считать те части, где из-за недавнего землетрясения прошли трещины или выдвинулись скальные выступы.

Следующий зал потряс: в стенах странные статуи, таких зверей не существовало, скелет человека на полу... странный вкус: пропорции сдвинуты, словно в кривом зеркале, лица в отвратительных гримасах, словно творил злой ребенок, дети всегда бунтуют, и если одни что-то подрисовывают в картинках, то кто-то, наделенный мощью, смог вот такое... Хотя, возможно, и не ребенок.

Я настороженно смотрел по сторонам, опасность может быть везде, только краем глаза замечал, что у скульптора странный вкус: пропорции сдвинуты, словно в кривом зеркале, лица в отвратительных гримасах, словно творил злой ребенок, дети всегда бунтуют, и если одни что-то подрисовывают в картинках, то кто-то, наделенный мощью, смог вот такое... Хотя, возможно, и не ребенок.

Кое-где прямо из пола выступают обломки величественных статуй, я рассмотрел полузасыпанное женское лицо, дивное и прекрасное, другая эпоха, землетрясение перемешало их... заодно открыв доступ и к древним артефактам.

Хотя, думаю, разрушило их не это землетрясение, а намного более ранние.

Еще один зал... по нервам пробежал трепет. Вдоль стен высокие стеллажи, где ящики, приборы, непонятные устройства, колбы и тигли, огромные сосуды из стекла, но самое жуткое — все эти штуки очищены от пыли и грязи, везде свежие следы человеческих рук...

— Сволочь, — прошептал я в бессилии, — успел чем-то воспользоваться... Теперь хрен остановишь...

Зал огромный, я вижу только часть, дальше все теряется в темноте, страшно и подумать, что может храниться в этих древних арсеналах...

Я скрипнул зубами, мне бы это все, я тоже слаб и хочу все и сразу, в черепае нарастает жар, а сердце стучит все отчаяннее, но я закрыл глаза и велел себе стать огромным и очень сильным драконом.

Когда сознание прояснилось, пол от меня уже далеко, словно я залез на высокое дерево, однако вот внизу мои серые широкие лапы с толстыми и острыми когтями, а на плечах грузная тяжесть широких, как пласты земли, могучих мышц.

Сердце снова дрогнуло от жалости, здесь же сокровища, но я пошел рушить столы, наступая лапами и размалывая всем весом, а также работающим во все стороны массивным хвостом. Им же сбивал с обеих стен стеллажи, заполняя помещение грохотом, дымом, злыми ароматами и хрустом стеклянной посуды.

В черепае стучит, что я варвар, дикарь, чудовище, уничтожаю такие ценнейшие артефакты, но мое тело упорно двигалось вперед, а длинные лапы и хвост ухитрились рушить все в пещере на полу и сбивать все со стен, чтобы топтать и ломать, топтать и ломать...

Я был на второй половине склада, когда рассмотрел вделанную в дальнюю стену массивную фигуру каменного зверя, размером с тираннозавра, я даже остановился на миг, пораженный жуткой экспрессией. Неведомый скульптор ухитрился передать невероятную хитрость, жестокость и нечеловеческий разум неведомой твари...

Глаза твари внезапно начали разгораться багровым огнем. Инстинктивно ядохнул пламенем. Каменную морду опалило, а когда огонь спал, там осталась копоть на морде, однако блеск пламени в глазах чудовища становился ярче.

— Да чтоб ты сдох... — прошептал я.

Ударил обеими лапами, но алмазные кости соскользнули, словно зубочистками пытался поцарапать стальной щит. Морда начала менять выражение, вокруг зверя заструился воздух. Я торопливо развернулся и нанес сокру-



шительный удар хвостом, где на конце тяжелый шар с шипами.

Раздался хруст, я скосил глаза, зверь цел, но выражение морды изменилось, я с удвоенной энергией бил и бил хвостом, помещение наполнилось грохотом, лязгом, во все стороны летели каменные осколки, это я промахивался и бил рядом в стену, мышцы заныли, дракон из-за своей непомерной массы устает раньше человека, а зверь уже выступил из стены полностью, лапы поднял над головой, там медленно растут когти, подлиннее моих, а над плоской, как у змеи, головой появилось и начало шириться черное облачко.

— Во имя Отца и Сына, — прохрипел я и умолк, чувствуя, что это несколько нелепо, когда такие слова произносит дракон, — да не отступим перед тварью...

Глаза зверя вспыхнули ослепляюще ярко, я невольно зажмурился, но тут же хвостом ударил изо всех сил, развернулся, навалился всей тушей и принялся грызть этот неподатливый камень, чувствуя, как во рту хрустит и там наполняется моей же кровью.

Монстр пошевелился, я соскользнул, со страхом понимая, что даже не поцарапал это чудовище. Оно не из камня, камень бы я уже разбил...

Я бросился бежать, с ужасом понял, что зал кончился тупиком, не пройти, а вся пещера начинает подрагивать под тяжелой поступью каменной твари.

В стене нечто проступило, как мне показалось, я с силой ударил хвостом, камень выпал, обнажилась дыра, но не вход в другую пещеру, как я надеялся, а просто щель, темная щель...

Я припал к земле, сознание помутилось, все поплыло перед глазами, на некоторое время будто умер, только в голове стучала одна-единственная мысль: побыстрее, побыстрее...

Как только я ощутил, что сознание возвращается, бук-

важно запрыгнул в щель. Над головой страшно лязгнули огромные зубы, стену тряхнуло.

Бейся лбом, прошептал я, бейся, дурак... Пальцы нащупали арбалет, я выставил его перед собой, но, думаю, и арбалет не поможет, бросился прочь дальше, щель то сужалась, то раздвигалась, наконец вывела в большую пустоту, в самом деле пещера, но стены абсолютно гладкие, явно кто-то поработал, и снова выхода нет...

Далекий грохот приближался. Ужас пронзил тело, каменный монстр идет по щели, раздвигая ее, разламывая, превращая несокрушимый камень в песок.

Молот бы сейчас, мелькнула трусливая мысль, молот Улагарна, я с ним крепостные стены крушил, а там камни не из кизяка...

Трясет, как никогда раньше, погибнуть вот так глупо и нелепо, затем нахлынул стыд, перемешанный с диким страхом, я заорал, чтобы услышать свой голос, сжал кулаки и стиснул до хруста в зубах челюсти.

Ладно, я не рыцарь по духу, но погибнуть не так страшно, когда вот это будет жрать меня заживо. По телу пробежала незнакомая сладкая боль, словно утром после тяжелого дня мышцы свело судорогой, я скрипел зубами и жаждал дать этому каменному гаду бой, настоящий бой...

Стена рухнула странно беззвучно. Он вышел в облаке пыли, несокрушимый, без единой царапины, красные глаза горят, как факелы. Я заревел и ринулся на него.

Он прыгнул навстречу, удар был такой силы, что мы рухнули на пол, но не расцепили лап и челюстей. Я рычал и дрался с дикой яростью, человек на такую не способен, а монстр ревел и хватал меня пастью, рвал когтями и бил хвостом.

У меня хвоста почему-то нет, но я дрался, дрался, дрался, монстр ревел все тише, удары становятся слабее, хотя я изнемог, как мне показалось, еще раньше. В глазах потемнело, последним усилием ухватил его за голову, повалил под себя и начал выворачивать вбок.



Раздался хруст, монстр дернулся и застыл. Я долго лежал в бессилии, чувствуя, как черная волна накатила на мозг, оставив его в темноте, а когда пришел медленный рассвет, я ощутил себя в слабом человеческом теле.

Уши уловили шорох, стук, быстрые шаги. Я бросил руку к арбалету, но из-за каменных обломков выбежала леди Элино́р, запыхавшаяся и в изорванной одежде.

Я перевел дыхание, а она торопливо подбежала, в глазах ужас, на щеке кровавая царапина.

— Что тут было? — вскрикнула она. — И почему не дождались меня?

— Да как-то... — пробормотал я.

— Не объясняйте, — прервала она, — мужчины! Все оберегаете.

Я повел головой по сторонам:

— А что случилось? Что-то сдохло, да?

Она сказала быстро:

— На себя посмотрите! Будто с горы катились! И такой грохот стоял, будто весь мир трясло!

Я огляделся, голова каменного монстра лежит отдельно от туловища, залы примерно с такими же разломанными скульптурами я проходил по дороге сюда.

— Это я ногу зашиб, — объяснил я со все еще бурно вздымающейся грудью, — и увидел, что в ней правды нет.

— Ушибите вторую, — посоветовала она.

— Зачем?

— Вдруг там ее больше. Пойдемте!

— Вы знаете куда?

— Я знаю, куда вас послать, — ответила она.

В раздвинутой монстром щели обнаружили такие же щели в полу. Леди Элино́р проговорила с расстановкой:

— Все сужаются, а вон та нет. Что-то темное, какая-то пустота, но я не уверена...

— Раз наверху Дженнифер нет, — оборвал я, — значит...

— Хорошо, — сказала она, — я пойду первой.

— Почему?

— Женщина и должна идти впереди, — напомнила она.

— Это когда поднимается по крутой лестнице, — напомнил я в свою очередь, — и в широкой юбке. А вот когда спускается...

— Я тоньше, — возразила она.

— Да? — спросил я и с намеком посмотрел на ее грудь. — Даже если пойдете боком... гм... ладно, пройдете, а я застряну и вернусь?

Она сказала с неохотой:

— Хорошо, идите вы. Нет у вас никакой учтивости. Хотя за комплимент спасибо.

— Это был не комплимент, — буркнул я.

— Да? Тогда спасибо вдвойне.

Я торопливо начал спускаться в шель, перевязь с мечом и мешком с арбалетом то и дело цепляются за камни, я измучился, наконец та стена, что за спиной, исчезла, словно отстрелили, а по которой спускаюсь, сжалась и стала более пологой.

Израненные пальцы кровоточат, раньше организм заживлял себя сам, руководимый инстинктом, теперь дисциплинированно ждет приказа, хорошо и плохо, ноги наконец коснулись пола.

Я отнял ладони от стены и огляделся. Исполинская пещера уходит в темноту, воздух спертый и влажный, ощущение огромности давит, далеко-далеко чудится странный плеск, словно волны накатывают на каменный берег.

Наверху послышался шорох, сдавленный вскрик. Я быстро повернулся и подхватил падающее женское тело.

Леди Элинор с трудом выдавила улыбку:

— Кажется, я себе переоценила...

Лицо это смутно белеет в полутьме, но уже ни царапин, ни ссадин, чистая детская кожа, только глаза блестят сухо и болезненно.

— Там вода, — сказал я. — Хотя почему-то плещет...

— Должно быть тихо?

— Ну да, здесь же ветра нет...



Она сказала крепнувшим голосом:

— А если в это озеро низвергается водопад? Пойдемте, сэр Ричард.

Она повела руками, и вокруг нас возник рассеянный, по-женски мягкий свет, раздвинулся на несколько шагов, но, конечно, дальше его не хватило.

— Впечатляет, — похвалил я.

Она попыталась идти впереди, я придержал и зашагал, чувствуя как рукоять меча, так и надежную тяжесть арбалета. Леди Элинор сзади идти не возжелала, мы шли рядом.

Я спросил вполголоса:

— Что вас заставляет так рисковать?

Она огрызнулась:

— Не из-за вас, конечно!

— Из-за Дженнифер? Тем более не поверю.

— Ради герцога, — отрезала она. — Разве непонятно?

— Спасибо, — сказал я, — внесли ясность.

— Пожалуйста, — ответила она. — Только... тихо, там что-то есть!

С каждым шагом я лучше видел темную поверхность воды, каменное ложе походит на исполинскую чашу, дальнего края не видно, а здесь камень идет под воду медленно и плавно, а там дальше на длинной цепи покачивается лодка с двумя веслами.

— Вот оно, — сказала леди Элинор. — Он переправлялся на тот берег! Значит, идем правильно.

— Странно, — пробормотал я, — ведет женщина, а идем правильно. Наверное, это только здесь, под землей, такое...

— Спасибо, сэр Ричард. Вы удивительно галантны.

— Брал уроки, — ответил я. — Откуда здесь лодка?

Она взглянула с удивлением:

— Как откуда? Создал, конечно.

Я буркнул себе под нос:

— Ну да, конечно, просто создал, и все. Ну что я за дурак, таких простых вещей не понимаю?

Она ухватила за цепь и с неженской силой быстро подтащила лодку, пока та не закрипела днищем по камню. Я ухватил за борт и придержал, леди Элинон оперлась о мою спину, ее каблучки простучали по дереву, а когда уселась на носу, я снял цепь и, с силой оттолкнувшись, запрыгнул в узкую и длинную посудину.

Она скрипнула еще пару раз, я поспешно сел и ухватился за весла. Грести обеими почти не пришлось, везде так мелко, что едва не поломал, постоянно задевая за каменное дно, наконец вытащил одно из уключины и стал им просто отпихиваться.

Дважды попадались ямы или трещины, весло проваливалось, а я едва не падал за борт, но лодка двигалась быстро. Показалась противоположная стена, но там почти отвесно, леди Элинон послала свет спереди нас, а сзади сгустилась тьма, я то греб, то отпихивался, над головой проплывают арки, из воды торчат не то странные черные кораллы, не то окаменевшие деревья с растопыренными корнями, холодок страха постепенно разрастается, пускает корни, я начал чувствовать, что надо мной толща земли, что не такая уж и стабильная, и хотя пещеры стоят и по тысяче лет, а то и миллионы, но любое землетрясение или сдвиг пластов может здесь все обрушить...

Однажды за очередным выступом полыхнуло страшное зарево, огонь нехороший, багровый, с сильным запахом нефти. В его свете проступили развалины циклопических строений, то ли попавших сюда с поверхности, когда земная кора искала себе новое положение, то ли здесь в годы и столетия вынужденного заточения люди строили...

— Похоже, — проговорил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — горит давненько.

— Пусть горит, — сухо произнесла она, — меньше сил на освещение... Вон туда!

На берегу, мимо которого проплывали, отчетливо проступили ступеньки. Когда приблизились, я разглядел, что



камень уходит глубоко в воду, словно оттуда иногда поднимаются погулять по суше ихтиандры.

А дальше темный провал прохода, но слишком правильной формы, хотя и природа иногда вытесывает просто дивные фигуры.

— Придется идти туда, — сказала за моей спиной леди Элинор.

— Вы бесстрашная женщина, — пробормотал я. — Завидую герцогу...

— Тогда должны радоваться, — напомнила она.

— Да-да, — сказал я, — рад, еще как рад... Как там темно... Нет, дальше что-то горит... Ах да, понятно...

Узкий ход наверняка был не таким узким, когда его вырубili в каменной толще, но потом с обеих сторон выложили массивными плитами малахита. Зеленый камень красиво поблескивает золотыми жилками, дальше зал, потом еще, оба, несмотря на исполинские размеры, все-таки заставлены мебелью очень плотно и экономно. Людей здесь обитало много, я понял, когда увидел в нишах фигурки и украшения из человеческих костей. Возможно, каннибализм здесь был не ритуальным, а обыденным, бытовым. Все-таки в подземных озерах на всех не хватит рыбы, а люди не должны умирать с голоду...

Еще два зала, все богаче и пышнее, наконец вошли в зал, где светильники жарко полыхают у всех четырех стен и даже в углах, под противоположной стеной площадка на высоте моего роста, к ней ведут широкие ступени, а на ней — трон с высокой спинкой.

Леди Элинор сказала напряженным голосом:

— Осторожно. Я чувствую могучую магию.

— Я в нее не верю, — ответил я.

По мере того как приближались, я настороженно рассматривал сидящую на троне фигуру. Издали кажется дремлющим стариком, потом я сообразил, что там сидит, опустив широкие рукава на подлокотники, скелет в богатой одежде и с короной на голове.

Внизу перед ступеньками два очага, аккуратно обложенные камнями. Огонь все еще вскидывает багровые языки, от крупных пурпурных углей, размером с кулак, пахнуло сухим жаром.

Я не стал ломать голову, как и почему угли все еще не погасли, не мелочный, приближался медленно и настороженно, ловушки и западни могут быть везде, хотя у трона их уже не ставят...

Вообще-то не очаги, как решил издали, огромные каменные чаши, поставленные прямо на пол, пламя в них мощное, воздух сухой и горячий, блики на высохшее лицо скелета попадают снизу, из-за чего длинные зубы кажутся еще больше и опаснее.

В голосе леди Элинор прозвучал откровенный испуг:

— Не вздумайте сесть на трон!

— Там уже занято, — ответил я.

Она прошипела:

— Знаю я вас! Даже мертвецов свергаете...

— Я не такой, — возразил я гордо, — да и что мне этот трон?

— Вам все троны подавай, — сказала она резко. — Собиратели, когда насытитесь...

Не слушая, я поднялся по ступенькам к трону, в самом бы деле сел, будь он пуст, но выбрасывать оттуда скелет не по мне, хотя не особое почтение к умершим удержало, у такой свиньи, как я, ни к чему нет почтения, но что-то вот взяло и удержало. Что-то в этом есть нехорошее, в пинании мертвых.

За тронем стена в затейливых барельефах от пола и дальше ввысь во тьму под невидимыми отсюда сводами, едва заметен широкий и высокий квадрат в полтора роста человека.

Я осторожно коснулся его кончиками пальцев. Слегка кольнуло, будто укусил комар. Каменная плита, с грохотом поднимая пыль, резко пошла вниз. Открылся проход в яр-



ко освещенный зал, который назвать пещерой не повернется язык.

Верх плиты остался торчать, как невысокий порожек. Я осторожно переступил, осматриваясь, сзади загрохотало. Я быстро обернулся, но плиту как подбросило взрывом: мгновенно вернулась на место, отрезав меня от леди Элинор.

Я попытался сделать шаг назад и вперед, проход не открывался, словно здесь дорога в один конец, крикнул громче, но ответа не услышал.

Стиснув челюсти, быстро пошел вперед, разгадка, как и моя Дженни, где-то впереди.

Они вышли, как мне показалось, прямо из стены, хотя потом рассмотрел искусно замаскированные тканью ниши. Все в доспехах, в руках мечи, топоры, а у двух — арбалеты.

Я сказал быстро:

— Ребята, я не драться пришел!

Старший прорычал:

— Тогда бросай оружие и сдавайся!

— Я говорить пришел, — объяснил я, — а у посла должно быть оружие. Для авторитета, важности и чувства достоинства.

— Никто, — рыкнул он, — не может быть при оружии в его владениях, кроме верных слуг!

— Я согласен, — сказал я, — насчет владений, хотя вопрос вообще-то спорный, потому оружие...

— ...сейчас бросишь на землю, — прервал вожак, — или тебя убьют.

Я посмотрел на блестящие дуги арбалетов, кончики стальных болтов смотрят в мою сторону.

— Хорошо-хорошо. Отстегиваю перевязь, вы там не дергайтесь, а то все теперь такие нервные...

Я снял через голову перевязь и опустил на каменный пол. Один из воинов подбежал и, зацепив кончиком копья, утащил за собой. Еще двое зашли сзади, цепкие руки сняли

мешок с плеча, однако без тяжелого арбалета я не ощутил себя легче, наоборот, а старший велел хмуро:

— Обыщите его.

Я чувствовал, как неуклюжие пальцы обшаривают все места, где я мог спрятать оружие, простое или магическое, я не двигался, в таких случаях лучше демонстрировать кооперацию.

Один сказал наконец:

— Ничего нет.

Старший прорычал с подозрением в голосе:

— Совсем ничего? А ножны на поясе?

— Там нет ножа, — отрапортовал воин.

— Может, просто не видно?

— Ножа нет, — заверил воин. — Я туда даже палец совал.

Второй, который обыскивал очень старательно, сказал с осторожностью в голосе:

— А вдруг это маг?

Старшой оглядел меня с головы до ног:

— Ты совсем дурак? Посмотри на его рост и плечи!.. А руки? Ладно, ведите к господину Кентеру. Пусть он сам решит.

Один больно ткнул меня в спину:

— Топай!

— И не оборачивайся, — добавил второй с угрозой.

Оба сопели разочарованно, очень уж хотелось подраться, но никак нельзя сказать, что этот чужак сопротивлялся.

Я сказал мирно:

— Ребята, держите оружие покрепче.

Один спросил с недоумением:

— Зачем?

— Вам это понадобится. Говорю как гуманист.

Они повели вдоль стены, в какой-то момент часть стены колыхнулась и сдвинулась, штора под цвет стены, настолько искусно сделана, что прошел бы мимо и не заметил.



В спину снова толкнули грубо, провоцируя хотя бы огрызнуться, но я стерпел, открылся небольшой зал, вещей еще больше, а под дальней стеной на троне сидит с прямой спиной человек в синем халате, расшитом хвостатыми звездами, очень важный и довольный.

При нашем появлении не утерпел и наклонился в нашу сторону, глаза с живейшим интересом обшаривали мое лицо и мою фигуру. Я незаметно напряг мышцы, хоть он и не женщина, перед той бы я вздул все, что могу, но все равно пусть видит, что я крут и силен.

Я рассматривал его с небрежностью лорда, встретившего на дороге торговца глиняными горшками. Высокий, худой, с острыми ушами на голом черепе, губы вымазаны синей краской, над переносицей такая же синяя точка, словно ткнули испачканным пальцем, но в целом лицо чистое, умное, злое, на тонких губах презрительная усмешка.

Не считая дурацкого халата, одет достаточно просто, здесь пускать пыль в глаза некуда, пещера любого признает господином. На пальцах кольца, но без огромных драгоценных камней.

— Это и есть тот, — произнес он с интересом, — который прошел через все преграды, а поймали его в самом конце? Поставить его на колени!

Страж ударил меня в спину:

— На колени перед господином!

Я возразил:

— Никто меня не ловил, я добровольно сдал оружие, чтобы ничто не мешало переговорам.

Воин снова ударил в спину, а второй замахнулся топором:

— На колени, тварь, или разрублю пополам!

Я уже торопливо входил в ускоренное состояние, когда всего трясет, слова опережают друг друга, а мысли несутся хаотично. Голова разогрелась, как камень на горящих углях, кровь кипит, я одной рукой схватил за горло орла, что

бил в спину, другой перехватил топор второго, выдернул и, уронив на пол, шарахнул обоих лбами.

Раздался треск, тут же я услышал характерный шелчок стальных тетив арбалетов. Уклонившись от первой стрелы, навстречу второй толкнул потерявшего топор. Стрела ударила несчастного в грудь, а я, подхватив его оружие, развернулся и красиво снес шлем с третьего стража.

Оглушенный, он улетел вслед за шлемом. Я бросил топор под ноги и сказал громко:

— Я разве не говорил, чтобы вооружились получше?

Между мной и магом затрепетала едва видимая глазу мерцающая завеса. Возможно, вижу только я, и если он ждет, что сейчас сдуру брошусь, ошибается очень сильно.

— погоди, — сказал я быстро. — Я не драться пришел. Хотя, конечно, весь склад древних вещей я уничтожил, не спорю.

Он вздрогнул, невольно привстал, глаза его впились горящим взглядом в мое лицо.

— Что? Это невозможно!

— Хочешь узнать как? — спросил я. — Тогда слушай и других. Одиночки всегда проигрывают коллективу. А коллектив — это я.

— Но склад, — пробормотал он, сосредоточился, глаза расширились, словно увидел сквозь стены, что там сейчас, вскрикнул: — Что ты наделал!

— Могу объяснить, — ответил я, — я тоже маг, только старый, древний! И даже мудрый. И могу объяснить новичку, что сделал это во имя пользы... Однако новеньких можно заставить слушать себя только вот так, перебив у них всю мебель и отняв игрушки.

Он прошипел:

— Как бы ты ни был силен, ты сейчас в моей власти!

— Не будь так уверен, — предостерег я. — Ты не видишь, стоит ли за твоей спиной невидимка с поднятым мечом, что ждет только моего кивка.

Он вздрогнул, но оглядываться не стал, совладал с со-



бой и смотрел очень пристально, на висках вздулись красные жилки, как сытые пиявки.

— Если ты пришел ради вещей Древних... зачем уничтожил?

— Все узнаешь, — пообещал я. — А пришел я не за этой мелочью, у моих слуг их побольше. Ты похитил леди Дженнифер. Конечно, знаешь, что она дочь могущественного герцога. Это дает тебе возможность потребовать что-то ценное. Давай это обсудим...

Его все еще трясло от ярости, в глазах недоумение, как я мог все это сделать, и так быстро, спросил перехваченным злобой горлом:

— А если я хотел просто саму леди?

Я покачал головой.

— Прости, не поверю, что настолько глуп. Ни одна женщина в наше просвещенное время не стоит, чтобы из-за нее воевать или даже драться. Люди хлебом делятся, а уж женщинами... ты мог бы получить нечто большее! Или ты не маг, а всего лишь воин?

Его лицо передернула злая судорога, губы искривились.

— Например?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Тебе виднее, чего недостает. Я лишь самый лучший в мире переговорщик! Компромиссник, консуист, в смысле консенсунсник. Я даже рад, что ты проявил себя, а то у нас кадровый голод, одни дураки вокруг, да еще любители драк... Ну, ты понимаешь, о ком я...

Он наклонил голову, во взгляде злоба и жестокость, но меня понимает, любителей драк много, это не только те, кто сейчас стонет и ползает у моих ног.

— Но вы сами, — произнес он сквозь зубы, — рыцарь...

— Маскарад, — заверил я. — Как в этом мире выжить, если не мимикрировать под глупых и опасных? Я несколько месяцев учился ходить со злой рожей и смотреть по сторонам угрюмо и с неприязнью, чтобы меня все боялись!.. А иначе что? Пришлось бы, вон как ты, прятаться в руинах или

стать шутом при дворе!.. Умных нигде не любят, хотя без нас мир рухнет. Но теперь я хожу, растопылив руки, смотрю на всех нагло, и мне уступают дорогу! Потому и говорю, что тебе надо выторговать для себя хорошие условия...

Он фыркнул:

— Да-да, конечно. А потом, как только выйду без защиты, тут же срубят голову. Или повесят.

— Это рыцари? — переспросил я с недоверием. — А для тебя новость, как они свято держат слово? Да нет ничего хуже, позорнее и отвратительнее для настоящего мужчины, как нарушить свое слово!.. Потому, сам хорошо знаешь, если дадут гарантии безопасности, то она гарантирована!..

— Гарантия?

— И безопасность, — поправил себя я.

Он покачал головой:

— Я вовсе не собираюсь торговаться. И ничего от вас не нужно. А тех болванов я рассеял лишь потому, что вторглись в мои владения. А леди, ну, это понятно, приз.

— Понимаю, — быстро согласился я. — Хотя это владения герцога Готфрида, моего отца, кстати, но эту часть он никак не использовал, а вот ты, обнаружив свежий разлом в земле, поспешил спуститься, что естественно для отважного естествоиспытателя... и обнаружил целый подземный город!.. Здесь чисто юридический казус: герцог владеет всеми землями в Брабанте, но под словом «земли» мы имеем в виду тот плодородный слой, на котором произрастают всякие злаки, а то, что обнаружил ты, уже не «земли», а «подземли», потому что здесь земли нет вовсе, а только мертвый камень...

Он слушал внимательно, я видел удивление в его глазах и даже на лице, вслушивается не только в смысл, но и в темп, оттенки, искушенному человеку это все говорит больше, чем обманчивые слова.

— И что? — спросил он наконец.

Я вздохнул, развел руками:

— Ты абсолютно прав! Но, боюсь, из-за непроработан-



ности вопроса и недостаточного разграничения понятий «земли» и «подземли» ты проиграл бы вопрос в любом суде.

Мои слова явно не понравились, лицо перекосилось, а когда заговорил ледяным тоном, глаза страшно заблестали. Я ощутил холод во всем теле, решил, что прекогния предупреждает об опасности, но краем глаза увидел, как медленно белеют и покрываются морозными узорами стены. Ткань, прикрывающая ниши в стене, застыла и жалобно зазвене-ла, как стеклянная.

Слова колдуна падали обрекающе и страшно:

— Несчастный... Ты понимаешь, что говоришь? Я, великий маг Кентер, стал бы обращаться в суд? Миром правит сила!

Я проглотил ком страха, постарался сделать голос понимающим и участливым:

— Увы, тут ты абсолютно прав. Миром, к сожалению, правит грубая сила, что нам, гуманным и одухотворенным, конечно же, не нравится. Вообще-то сила должна быть в руках умных людей. Когда-то это время наступит, а пока нам придется идти с ними на компромисс. К счастью, мы уже начали строить светлое будущее, когда войны будут начинаться не с примитивных кузниц и оружейных мастерских, а с добротных чертежных столов...

— А зачем, — спросил он раздраженно, — вообще тогда войны?

Я удивился:

— А как же проверять свои теории, изыскания, гипотезы? Те, кто любит воевать, — пусть воюют! Главное, чтобы умные люди не страдали. А дураков нам разве жалко?

Он задумался, я затаил дыхание, только бы не оказался гуманистом, достали, все уже перепортили, наконец Кентер вперил в меня злой взгляд.

— И как, — прогремел он, — вы намерены все это осуществить?

Глава 5

Сердце еще колотится, словно я взбежал на гору, а пальцы дрожат после смертельного поединка в жестоких дебатах. Даже руки трясутся, но я кое-как подобрал перевязь с мечом и с достоинством перекинул через плечо, проверил, в мешке ли арбалет, и уже пристраивал за плечом, когда пол под ногами дернулся, из глубин донесся приглушенный треск.

Дыхание пошло чаще, меня потрянуло еще и изнутри, теперь понимаю тараканов, что нутром чуют землетрясение и убегают в панике. Треск повторился, пол дернулся еще пару раз, от стен начали отрываться стеллажи, артефакты покатались по полу, некоторые блещут драгоценными камнями.

Гул стал тише, но не умолк, я чувствовал, что земля, как великан, лишь медленно набирает в грудь воздуха для еще более мощного рева.

Из дальней щели, откуда явился я сам, показалась бегущая в мою сторону женская фигурка в голубом платье.

— Сэр Ричард! — прокричала она издали. — Сэр Ричард!.. Что у вас? Я едва сумела снова отворить там проход!

— Восторгаюсь, — сказал я. — Вами.

Она так торопилась, что на последнем шаге споткнулась. Я едва успел подхватить, ее легкое тело с разбега ударилось в меня, как в стену. Я держал крепко, не давая упасть. Она подняла голову, лицо раскраснелось, в глазах смятение, а ее сердце колотится в мою грудь часто-часто, словно просится туда к моему.

— Чем? — прошептала она.

— Отвагой, — сказал я. — Умением. Настойчивостью. Стойкостью... и вообще, леди Элинор, даже не знаю, что вы со мной делаете.

Она с великой неохотой, борясь с собой, просунула ладони между нами, уперлась в мою грудь и с усилием от-



страгилась. Лицо полыхает, как жар, в глазах смущение и непонятный страх.

— Где Дженнифер? — спросила она тихо.

— По моим подсчетам, — сообщил я, — ее сейчас передают нашим рыцарям. Вместе с ее кавалерами, кстати. Убитых вроде бы нет, судя по непроверенным, но заслуживающим доверия данным, а раненых уже подлечили.

— Вы... уверены? — спросила она задышающим голосом.

— Согласно договоренности, — пояснил я.

— Какой?

— С местным магом.

— Разве вы его не убили?

Я укоризненно покачал головой:

— Ах, леди Элинор... Я теперь такой мирный, такой мирный... За последние годы столько снес голов, рассек артерий, распорол животов, из которых кишки выползают, шипя, как змеи, потому что выпускают воздух, такие склизкие, мокрые, гадкие, но их хватило бы устелить дорожку от Брабанта до Геннегау раз двадцать туды-сюды...

Она уже взяла себя в крепкие женские руки, бросила на меня надменный взгляд:

— Хватит-хватит! Я не представляю, как можно ходить по такой дороге и не поскальзываться. А на коне так и во все можно убиться! Маг испугался и принял ваше требование вернуть пленников?

— Ну, — ответил я уклончиво, — можно толковать и так. У нас же либо ты, либо тебя, третьего не дано? А если и есть, то все равно вроде бы нет?

Она повернулась в сторону заставленного артефактами помещения. На лице появилось знакомое выражение азарта, но неприятный гул в глубинах стал громче, я сказал твердо:

— Леди Элинор, уходим! Даже убегаем. И ничего не берем. Ни-че-го.

Она прошептала:

— Но здесь столько может отыскаться необычного...
А если кто-то отыщет другой?

— Вы не слышите толчки? — спросил я. — Трещина как открылась, так и закрывается. Плиты под нами сдвигаются. Мы и так рискуем, как двое безумцев! Надо выбираться.

Она тяжело вздохнула.

— Хорошо.

Я не успел рта открыть, как она произнесла жутким голосом заклинание, помертвела, глаза стали черными, из вытянутых рук ударило гудящее пламя.

Деревянные панели вспыхнули, огонь побежал по дощечкам вверх, но одновременно перекинулся и на сундуки. Элинор смотрела с застывшим лицом, в глазах мука, пламя разгорается стремительно, жар опалил лицо.

— Леди Элинор! — крикнул я. — Зачем?

— Чтоб тогда никому...

— Но ваш огонь отрезал нам дорогу!

Она медленно повернула ко мне голову, лицо смертельно бледное, в глазах пустота.

— Что?.. Я сожалею...

Я прокричал требовательно:

— Погасите этот чертов пожар своим колдовством!

Она послушалась и начала бормотать заклятия, но огонь разгорался все сильнее. Когда она вскинула руки, я ждал, что пламя исчезнет, однако красные языки взметнулись выше.

Я прокричал зло:

— Тогда погасите чем-нибудь, как человек!

Она ухватила со стола большой кувшин и выплеснула в огонь. В ответ пламя с радостным ревом взметнулось под самый свод, там затрещало, моментально охватило всю стену и перебросилось на соседние.

Я заорал, отступая перед жаром:

— Леди Элинор! Вы пламя гасите маслом?

Она крикнула виновато:

— Кто-то налил не то, что на кувшине написано...



— А что написано?

— Не успела прочесть... Уходим!

— Не уходим, а бежим! — крикнул я. — Как хорошо, вы все-таки женщина!

Она крикнула в недоумении:

— Что это значит?

— А то! — ответил я злораднo.

Она еще пятилась, но я ухватил ее на руки, наклонил голову и закрыл глаза, а затем, задержав дыхание, ринулся через огонь. На третьем шаге одежда на обоих вспыхнула, но я вслепую пробежал через ревущий ад, ударился о стену лбом с такой силой, что камень треснул, а я ощутил некоторое неудобство.

Одежда разом погасла, леди Элинор не потеряла голову, только в ноздри лезет неприятный запах горящей ткани.

Ее тонкие руки все еще обнимали меня за шею, а сама она спрятала лицо на моей груди и прижималась всем телом. Я нехотя наклонился и поставил ее на землю, но ее руки все еще оставались на моей шее, а сама она не находила сил отлепиться от надежного мужского тела, мы же призваны бдеть и защищать, а теперь надо снова начинать защищать себя самой.

Наконец она отстранилась и посмотрела на меня смущенно и вместе с тем уже внимательно. На щеках еще полыхает румянец, как у ребенка, но взгляд обретает прежнюю властность.

— На вас, — произнесла она задумчивым голосом, — нет ожогов, сэръ Ричард...

— Ваше колдовство! — ответил я любезно.

— Нет, — возразила она негромко, — это ваше...

— Не колдовство, — поправил я, — святость.

Она посмотрела с сомнением:

— Святость? У вас?

— Выбираемся побыстрее, — сказал я. — Скоро обед, а они пожрут все без нас. А потом уедут с песнями.

Руки ноют от усталости, вверх тяжелее, к тому же на веревке еще и леди Элинор, что уже несколько раз срывалась и повисала в воздухе, грозя сдернуть вниз и меня.

Внизу грохочет громче, наконец раздался страшный рев, догнала волна сухого жара. Я скосил глаза вниз, там на фоне ярко-желтого огня отважно карабкается, хватаясь за веревку, леди Элинор.

Глаза слезятся, камни начали накаляться, я дышал, как загнанный конь, стена начала трястись, я ощутил, как ее сдвинуло и продолжает сдвигать...

Едва живой, я карабкался, чувствуя, как стены вот-вот сомкнутся, руки покрылись кровавыми ссадинами, но сверху подул свежим воздухом, Бобик прыгнул, когда моя голова еще не сровнялась с краем трещины, а этот гад ликующе топтался на мне и все пытался облизать лицо.

Сильные руки ухватили за плечи, я перевалился через край и упал на плоское и ровное, тяжело дыша и глядя тупо в страшное закатное небо с громоздящимися там горами пылающих облаков. Рыцари торопливо вскрикивали, суетливо тащили на себя веревку. Стены ущелья двигаются навстречу медленно и неудержимо, как два материка, снизу несется страшный треск перемалываемых скал.

Когда между ними оставалось не больше метра, показалась голова леди Элинор. Рыцари выдернули ее с такой силой, что хозяйка Брабанта взлетела в воздух, и тут же стены ударились одна в другую, пошли сминаться, с тяжелым грохотом топорща вал из камней.

— Бегом! — прокричал я. — Быстрее!

За нами был жуткий треск, грохот, а когда я уstraшенно оглянулся на бегу, на месте ущелья вырастает на фоне закатного неба чудовищный каменный вал, похожий на вздутый шрам на ране, земля лечит себя так же, как и человек.

Оруженосцы с трудом удерживали испуганных коней. Рыцари там уже вскакивали на коней, ко мне навстречу



ринулась Дженнифер, трепещущая, большеглазая, с вытянутыми руками.

— Нет! — крикнул я. — Быстрее на коня!

Не слушая, она набежала на меня, я подхватил, не сбавляя бег. Зайчик с готовностью подставил бок, я усадил Дженнифер, вскочил в седло и быстро огляделся.

За нами грохочет, земля трясется, а огромный вал все растет, землю выдавливает наверх, тектонические плиты еще двигаются по инерции, сминая передний край, камни катятся с вершины гребня огромные, как скалы, от них пышет адским жаром.

— Уходим! — прокричал я. — Все уходим!

Кони сразу пошли галопом, спеша уйти от опасного места. Дженнифер затихла у моей груди, как испуганная птичка, я одной рукой прижимал ее к себе, Бобик по моей молчаливой команде догнал рыцарей, я прокричал:

— Мной было велено ждать за границей ржавчины! Почему нарушили приказ?

Они переглядывались, наконец один ответил нехотя:

— Сэр Фарлонг.

Я поравнялся с сэром Фарлонгом. Уже немолодой и сурового вида рыцарь тоже держится позади, как пастух, подгоняющий овец, чтоб ни одна не пропала, конь его скачет быстро, но не в полную мощь, чтобы не обгонять скачущую массу.

— Сэр Фарлонг! — потребовал я. — Чем руководствовались, когда велели выдвинуться к расщелине в нарушение моего приказа?

Он пригнулся на скаку к гриве, спасаясь от встречного ветра, но для ответа сюзерену выпрямился и проговорил со сдержанным достоинством:

— Я взял с собой только троих. Тумана пока не было... а к тому времени, когда появится, вы уже разделаетесь с колдуном. Надеюсь, смерть его была ужасной.

Я изумился:

— Почему вы решили, что обязательно разделаетесь?

— О вас так говорят, — сообщил он. — Вы убиваете

всех. У вас твердая рука и каменное сердце. Вы всегда побеждаете.

Я осекся, ничего себе репутация, подумал, сказал нехотя:

— Благодарю за правильное решение, сэр Фарлонг. Счастлив тот сюзерен, вассалы которого не страшатся нарушать его приказы, если у них есть варианты лучше.

Он посмотрел на меня с недоверием, улыбнулся, кивнул. Дженнифер чуть завопилась, устраиваясь поудобнее, тихонько вздохнула. Я поцеловал ее в макушку, сердце взволнованно стучит, словно и оно чувствует тепло моей сестренки, нежный запах и девичью чистоту.

Кавалеров, что были с нею, легко отличить по пышным нарядам, сейчас изорванным и перепачканным, мои же все в полных рыцарских доспехах, оружие не охотничье, а боевое.

Облака в небе погасли, на землю окончательно пала ночь, однако серебряный свет луны озаряет мир, а потом вдали показались огни на башнях Брабанта.

За всю дорогу обратно леди Элинор подъехала к нам только один раз, величественная, недоступная, настоящая хозяйка Брабанта, посмотрела надменно, но губы раздвинула в приветливой улыбке.

— Леди Дженифер?

— Леди Элинор, — ответила Дженнифер.

Леди Элинор кивнула и придержала коня, вокруг нее сразу же прибавилось рыцарей, как ее брабантцев, так и моих северян, гады, предатели, летят на женский запах, как одуревшие мотыльки на сладкое.

Я обнял Дженнифер так, что она счастливо вспискнула, вскинула на меня лучистые глаза.

— Я тебя не спущу с седла, — объявил я. — Прощайся с друзьями, и... нас ждет Геннегау!

Глава 6

Дженнифер молчала, лишь прижималась ко мне всем телом, и я молил Зайчика, чтобы он помедленнее, помедленнее, чуткий арбогастр все понимает, но в то же время



нельзя отставать от простых коней, я же не просто его хозяин, но и сюзерен этих земель и всех людей, что поверили в меня и принесли клятву верности.

Ворота распахнули сразу, как только увидели нас в ночи. Отряд галопом ворвался во двор крепости, здесь горят все светильники, а народ ждет с факелами в руках.

Я прыгнул на землю и бережно снял Дженнифер. На земле она совсем маленькая и хрупкая, подняла голову, в ясных чистых глазах такая любовь и светлая нежность, что теплая волна окатила мою мохнатую зачерствевшую душу и разом сняла с нее толстую кожуру, уже превратившуюся в панцирь.

— Рич... ты прости...

— Прощаю, — сказал я весело, — за все, что натворила, творишь и будешь творить! Собирайся, Дженни. Я заехал из Гандерсгейма по дороге в Геннегау только за тобой. Сейчас тебя ждет самая удивительная поездка в жизни. Зайчик у нас особенный...

Она сказала тихо:

— Ты сам особенный, и все у тебя тоже особенное: конь, пес, меч, твои умения... Только, Рич, я не могу с тобой сейчас поехать. Может быть, потом...

Я охнул, отшатнулся, всматриваясь в ее смущенное лицо:

— Дженни! Что случилось?

— Да так... не особенно как бы, но изменилось...

— Дженни, что?

Она улыбнулась несколько неловко, вид удивленный, словно сама еще не верит себе и своим словам.

— Когда ты уехал, леди Элинор пригласила меня в свою... комнату, где хранит колдовские вещи. И долго говорила о них, чего никогда не делала. Я не могла понять, зачем рассказывает такое. Наверное, пыталась загладить вину? Не знаю, Рич. Я сперва даже не слушала. Но она старалась общаться, стала непривычно ласковой, а я, чтобы как-то ответить, сделала вид, что и мне интересно, чем она

занимается. Я не думала, Рич, что это в самом деле так замечательно интересно!

Я пробормотал, не веря своим ушам:

— Ты?.. Ты увлеклась магией?

Она кивнула, вид смущенный, но глаза радостно сияют.

— Очень!

— А что леди Элинор?

— Рич, ты будешь смеяться, но мы подружились... Ну вот, уже смеешься! Перестань, это правда. Ни она, ни я — не притворяемся. Сейчас помогаю разбирать ее коллекции, там масса удивительных вещей. Я просто не понимала, как это может быть интересно, но теперь меня за уши не оттащишь. И, Рич, я не могу все это бросить!

Я крутил головой, ошарашенный и обалделый, Дженнифер уже перестала смущаться и говорит с напором, убежденностью, какой давно от нее не слышал.

— Хорошо-хорошо, — сказал я. — Хотя, честно говоря, я просто сбит с толку... Уж не околдовала ли она тебя? Впрочем, тогда постаралась бы заставить уехать... со мной, например. Или нет? Ничего не понимаю, а еще майордомить берусь, гроссграф набитый... Дженни, тебя будет доставать в Геннегау... Надеюсь, найдешь время хотя бы навестить меня там? А то что-то тревожно у меня в том месте, где душа...

— Рич, — воскликнула она с упреком, — ну конечно же, я буду приезжать! И, надеюсь, часто.

— А я там попробую тебя соблазнить так же, как сумела леди Элинор.

Вокруг нас шумела и гремела железом толпа, везде смех и победные вопли, мелькнуло платье леди Элинор, народ сбегается со всех сторон и с ликованием слушает победные речи, ибо успехи господ — их успехи.

К нам осторожно приблизился Мартин. В полных рыцарских доспехах, что делает редко, ограничиваясь панцирем, почтительно поклонился леди Дженнифер, посмотрел на меня строго и одновременно с восторгом.



— Сэр Ричард, — произнес он с чувством, — поздравляю.

Я отмахнулся:

— Пустяки. Даже драться не пришлось. Так, поговорили, пообщались.

Он широко распахнул глаза:

— Вы его... не убили?

— Ну, Мартин, — сказал я с упреком, — что вы все... Мне уже сказали, что у меня рука не дрогнет, и все такое... А вместо сердца так и вовсе булыжник необтесанный!.. Не-хорошо. Я вообще-то гуманист по натуре, хоть и очень глубоко. Но жизнь такая, что не успеешь сказать «мама», как тебя самого загуманистят... Словом, я взял его к себе на службу.

Дженнифер дернулась в моих объятиях и посмотрела с недоумением, а Мартин вообще распахнул рот:

— Что-о?

— Пришлось пообещать кое-что, — сказал я с неохотой, — но специалисты вообще стоят дорого. Это расплата за пренебрежение выращиванием своих! Предыдущая власть только пела, а сейчас пляшет в Ундерлендах, а все шишки на мне!.. Хорошо, сырьевые ресурсы есть, пока расплачиваюсь, а если бы не было?.. Эх... Ладно, Мартин. У меня зуд в крови, все тело чешется, так за работу хочется взяться, просто подташнивает! Потому с тобой прощаюсь прямо сейчас, отведу сестренку в ее покои и... меня заждался Геннегау.

Мартин сказал с недоумением:

— Так вы вроде бы недавно оттуда...

— Эх, Мартин, — сказал я с достоинством, — я за это время успел горы сдвинуть!.. Потом, правда, понял, что лучше бы этого не делал. Но нам ведь не результат важен, правда? Рыцари мы или какие-то жалкие торговцы, которым обязательно нужен результат?

Обнимая Дженнифер за плечи, я повел ее в донжон. Перед нами расступались и кланялись, многие преклонили

колени, хотя этого и не требуется, я улыбался и поводил над головой ладонью с плотно прижатыми четырьмя пальцами и слегка оттопыренным большим, а то если раскрою всю пятерню, это будет сигналом к бегству, сложные у людей ритуалы, обезьянами нам было проще.

В ее покоех я запустил руку в свой мешок, Дженнифер заинтересованно прислушивалась к знакомому перестуку, а когда я вытащил горсть крупных драгоценных камней, восторженно ахнула:

— Где ты столько набрал таких... красивых?

— Не скажу, — заявил я.

— Почему?

— А то побежишь туда и все выгребешь, по глазам вижу. Нет, шучу, я сам все выгреб. Я такой, выгребистый! Остальное, непонятное даже мне, заберу с собой в Геннегау. Я как сорока, все складываю и складываю в гнездо, а потом оказывается, что и само гнездо приходится оставлять со всем нажитым непосильным трудом...

— Обидно, — сказала она серьезно.

Я вздохнул:

— А мне как горько! Но — надо. Держа по синице в руках, не могу цапнуть журавля, даже если этот длинноногий гад нагло расхаживает прямо перед моей светлостью и провокационно топорщит перья.

Она сказала непонимающе:

— Рич... какая синица, какой журавль? О чем ты?

Я крепко поцеловал ее в обе щеки:

— Все, Дженни, отбываю. Раз ты остаешься, то больше меня здесь ничто не удерживает. Жди отца, он вот-вот придет.

Она ахнула:

— Рич, уже полночь! Даже за полночь!

— Выеду раньше, — ответил я, — приеду раньше.

— Рич...

На ее лице было такое удивление и даже проступающая обида, что я сказал поспешно:



— Дженни, ты не представляешь, как я соскучился по своим боевым друзьям и по работе!

— Да ты всегда в работе...

— Мелочь, — сказал я с презрением. — А сейчас вот наконец-то займусь... ого-го!.. большими делами.

Зайчик ничуть не удивился, как и Бобик, что поедем ночью, а Мартин так и вовсе кивнул одобрительно. Сам вообще неизвестно когда спит, ему что ночь, что день, заверил на прощание:

— Казармы готовы, в комнатах для лордов только убрать да пыль вытереть, а для пешего войска уже выбрали место для лагеря. Не извольте беспокоиться, сэр Ричард!

Я обнял его и вскочил на Зайчика. Дженнифер подбежала, я поднял ее к себе в седло, поцеловал и отпустил. Ле-ди Элинор протянула руку, Дженнифер подошла, и они обнялись, наблюдая за мной.

— Я вернусь, — пообещал я твердым голосом.

Зайчик красиво пошел к воротам, Бобик уже крутится там, подпрыгивает, а когда их распахнули, довольно замахал хвостом: люди поняли его и послушались, наконец-то...

Я вскинул руку в прощальном жесте, Зайчик пошел галопом, а когда мы скрылись из виду, начал набирать скорость, соревнуясь с Адским Псом.

Оба несутся, не придерживаясь протоптанной дороги, дважды мы на такой скорости проскакивали через реки, что я даже не понял, мелководье там или же пронеслись по воде, как та знаменитая бегаящая на задних лапах ящерица, что бегает со скоростью, позволяющей не погружаться глубже, чем по лодыжку.

Бобик показал себя не хуже ящерицы и даже арбогастра, но у него нет на спине груза, так что хвастаться нечем, я погрозил пальцем и сказал строго, чтобы не бахвалился перед Зайчиком. Ночное небо даже не пытается прогреть воздух, а наша скорость не такова, чтобы я нагрелся от тре-

ния, напротив — продрог на встречном ветру, начал зарываться в гриву.

Слева выросли горы, от них пала густая опасная тень, но быстро осталась позади, копыта простучали по каменной насыпи, а затем мы влетели в настоящую пустыню, сейчас с корочкой льда между барханами. В пустынях с их континентальным климатом это обычное дело. Даже птицы здесь свои: и такого же цвета ястребы, и желтые юркие ящерицы, и песчаные змеи.

Мы пронеслись мимо группы старых неопрятных верблюдов с грязно-рыжей косматой шерстью, тоже путешествуют ночью, но эти потому, что ночью не так жарко, затем сразу же, словно влетели в другой мир, где небо такое же черно-звездное, лунный свет дробится в густой сочной траве, справа и слева виноградники, поля мирно спят под тучными хлебами...

Нужна и карта Сен-Мари, напомнил я себе угрюмо. Мало ли что здесь ко всему привыкли. А я должен знать, где резко обрывается плодородная земля и вдруг начинается жаркая пустыня, а потом ни с того ни с сего так же внезапно заканчивается, словно ее перенесли из другого пояса и насильно всобачили в серединку обустроенного мира.

На длинном спуске Бобик снова обогнал, но гусей не ловит, на оленей внимания не обращает: догнать нас не просто. Через необъятную долину Беудеш, на которую пешее войско затрачивает сутки, мы пронеслись во мгновение ока, темные горы на горизонте, похожие на тяжелую тучу, сдвигаются и уходят за наши спины так быстро, словно их тащат на канате.

Дорога пошла с холма на холм, и хотя мы летим без нее, но то и дело пересекаем, она так же точно то взбирается наверх, то мчитя стремглав вниз, а там под копытами злорадно грохочет сухая глинистая почва с выступающими на ружу гигантскими костями допотопных существ...

Месяц, как и Бобик, несется с нами наперегонки, азартно ныряет в тучи, как этот толстозадый в темные кус-



ты, но всякий раз выскакивает, продолжая бег и не желая сдаваться. Слабый свет для меня совсем не слабый, только все в черно-белом, но из меня все равно эстет неважный, так что ладно, пригнулся к луке седла и выдерживаю напор встречного ветра, что ревет и грозитя выдернуть из седла, унести, завязать узлом...

Звезды редкие, да и не до них, долина сузилась до каменной трещины, там вроде бы бывает беспокойно, и хотя за последнее поколение никто не пострадал, народ старается ее обходить...

Стук копыт остается позади, мы несемся в этой мертвой стране, сами как призраки, что никак не решатся покинуть землю с ее греховными прелестями.

В какой-то момент Зайчик ржанул, я ответил с готовностью:

— Согласен. Как видишь, прислушиваюсь к мнению сотрудников. Только сбавь малость... А лучше не малость. Иначе лоб расшибем о Геннегау...

Он неохотно перешел на галоп, Бобик насмешливо оскалил зубы и пошел носиться кругами.

В лунном свете заблестели, как лед под зимним солнцем, крыши далекого Геннегау. Я крикнул строго:

— Бобик! Рядом!.. Вперед не забегать!..

Адский Пес послушно пошел рядом у стремени, понимает по интонации, что в этом случае слушаться обязательно. Я привстал на стременах, все тихо, по обе стороны запертых ворот полыхают костры, багровый свет рывками выхватывает из тьмы блестящий металл доспехов. Двое воинов, мирно положив рядом с собой мечи в ножнах, лениво помешивают угли прутьями. Один что-то жарит, второму явно нравится смотреть, как вспыхивает и перебегает с угля на уголь оранжевое пламя.

Я пустил Зайчика шагом, пусть и меня рассмотрят издали, заранее вскинул руку в дружелюбном приветствии:

— Спокойно, ребята! Я не враг, хоть и пришел, аки тать, ночью.

Бобик держится рядом с Зайчиком с той стороны, его не видят, умница, не пугает, а воины остались на местах, ни один даже не протянул руку к оружию.

Я сказал укоризненно:

— Беспечно живете! Все-таки в покоренной стране...
Кругом враги.

Один хмыкнул, второй сказал насмешливо:

— Для кого кругом враги, а для кого и нет...

Вроде бы сказал обычным, хоть и насмешливым тоном, но я еду из таких мест, где подозревают всех, и здесь моментально перешел на тепловое, уже привычно переждал сильнейший приступ тошноты и головокружения.

За трепещущим кругом багрового света пугающе близко светятся багровым два силуэта. Один с дротиком в руке, уже в замахе, другой в характерной позе арбалетчика с прижатым к плечу прикладом.

— Сдаюсь, — сказал я пораженно, — вы молодцы. Особенно этот с арбалетом. Значит, вы двое вроде приманки?

— Проверки, — уточнил один, — но ты что-то слишком быстро все понял и увидел... А ну-ка ближе к костру!. И учти, кроме того, с арбалетом, ты на прицеле еще у двух скрытых...

Я осторожно приблизился, да не дрогнет ни у кого палец на спусковой скобе. Часовой всмотрелся в мое лицо, поспешно вскочил на ноги и так же быстро преклонил передо мной колено.

— Сэр Ричард!.. Ваша светлость!

Я сказал благодушным державным голосом Гарун аль-Рашида, который возвращался после ночных походов по Багдаду:

— Молодцы, хорошо бдите. Как за эти дни? Ничего особенного?

Он подхватился, отчеканил:

— В Геннегау все спокойно!

— Хорошо, — сказал я, — ладно, бдите, бдите.

— Послать во дворец гонца? — спросил он с надеждой.



Из темноты вступил в круг света воин в сюрко, на шлем наброшена темная ткань. Такие в своей жаркой стране носили воины Саладдина, а северное крестоносное войско после первой же недели марша по жгучим пескам тут же собезьянничало.

Опустив арбалет со взведенной тетивой, он преклонил колено, но не голову, продолжая смотреть снизу вверх мне в лицо с такой неистовой верой в чистых честных глазах, что мне стало неловко, будто украл у ребенка конфетку.

Я жестом воздел его на ноги.

— Молодец, — сказал я державно, — хвалю. Ты держался так тихо, я не учуял.

— Спасибо, ваша светлость!

Я кивнул старшему:

— Все нужное я уже узнал по дороге... и за ее пределами. Теперь берусь за руль сам. И все у меня попляшут!

Он чуть кивнул в сторону, я услышал топот ног. Один из багровых силуэтов сорвался с места и начал быстро уменьшаться, словно таял в непроглядном мраке.

Часовой сказал счастливо:

— Как мы рады, ваша светлость!.. А то все переживают, когда вы уходите так внезапно.

— Я должен знать, — сказал я проникновенным голосом, — о чем думают простые горожане. Потому и хожу по городу тайком, слушаю разговоры. Зато меня никто не обманет! Я все знаю, где и что делается...

Они смотрели мне вслед полными восторга глазами, у простых воинов я популярен, не спорю. Даже слышал о себе такие легенды, что отцу Дитриху лучше их не знать.

Глава 7

За время, пока мы неторопливо двигались от ворот через весь город к королевскому дворцу, небо посветлело. Восточный край начал медленно и нежно розоветь, словно щеки юной застенчивой девушки. В чашах светильников

вдоль дороги к королевской резиденции еще трепещет оранжевый огонь, но уже достаточно светло и без них.

Я поторопил Зайчика, нужно успеть до того, как устроят крестный ход навстречу, не люблю помпезной торжественности. Вообще никакой не люблю. Увы, здесь не Тибора, в понятие «дворец» входит не только само здание с пристройками и окружающий сад, но и пространство вокруг размером чуть ли не с сам Тибор.

У ворот еще одна стража, ждут, вижу по их лицам и горящим глазам. Еще издали вытянулись, с таким рвением ударили тупыми концами копий в землю, будто добивали врага.

— Ваша светлость!

Я помахал рукой:

— Вижу-вижу, все на месте. Благодарю за службу.

— Рады стараться! — прокричали они счастливо, а когда я миновал их, держа благожелательную улыбку, прокричали еще раз уже в спину: — А ваша собачка уже пробежала тут мимо!

— Во дворец?

— Не совсем...

— Понятно, опять повара придут жаловаться.

Они гордо улыбались, моя собачка тоже предмет гордости, даже у короля такой нет, хотя, по слухам, и собрал много разных диковин и драгоценностей.

Дорога от ворот вымощена гравием настолько умело, что Зайчик идет, как по сплошной каменной плите, самую малость выгнутой посередине, это чтоб вода после дождя скатывалась в стороны.

Справа ровная зеленая площадь, траву то ли стригут, то ли сама такая, но тоже как идеальный ровный ковер, здесь тысячи придворных могут устраивать танцы и увеселения, а также пикники.

Вот так почти полмили по прямой от решетки ворот до главного входа в этот великолепнейший ансамбль зданий, белых как снег и сверкающих на солнце ярко и празднич-



но. Только остrokонечные крыши и башни венчают не флюгера, а победно реют белые полотнища с огромными красными крестами.

Дворец приближается, разрастается, огромный и величественный, арка главного входа выглядит темной, там двойные ворота, с обеих сторон часовые в белых сюрко поверх легких доспехов. Красные кресты сразу бросаются в глаза, яркие и заметные на белых полотнищах, а на шлемах, молодцы, легкие шапероны из тонкой ткани, что не позволяет солнцу накалять доспехи.

Во дворце на нижних этажах начали вспыхивать огни, затем на втором, на третьем. Донеслись сонные, но возбужденные голоса, кто-то начал громко ругаться, затем донесся сдавленный вопль: «Его светлость?.. Возвращается?»

Часовые подались мне навстречу, в глазах радостное ожидание. Я видел, как им хочется преклонить колено, но такой жест сделает на минутку беспомощными, а это недопустимо, и оба лишь широко и счастливо улыбались, наблюдая за моим широким и подчеркнуто уверенным шагом.

— Ваша светлость, — сказал один преданно.

— Сэр Ричард! — воскликнул другой.

— Уже предупреждены? — спросил я сварливо.

Первый сказал, улыбаясь во весь широкий рот:

— Промчался тут один... Кричал, что сэр Ричард объявился и сейчас будет здесь. А потом мелькнула ваша собачка.

— Как черная молния, — уточнил второй с восторгом.

— И чего радуетесь? — спросил я. — Отдых кончился, буду гонять вас в хвост и в гриву.

Они заулыбались еще шире и радостнее. По ту сторону ворот раздался вопль:

— Его светлость сэр Ричард!

Конюхи выбежали навстречу, я красиво соскочил на землю, все должны видеть, что сюзерен силен и бодр, ведь государство — это я, олицетворяю, так сказать.

— Позаботьтесь, — велел я без всякой необходимости,

но все должны видеть, что я забочусь о своих близких. — Он хорошо поработал.

— Не извольте беспокоиться, ваша светлость!

— Покормим лучшим овсом и зерном...

— И железа уже для него поднакопили!

Я поднялся по ступенькам, главные ворота распахнулись с легкостью крыльев вспугнутой бабочки. В каждую створку вцепилось по пять человек, все тоже радостные и ликующие.

Я улыбался державно и на ходу вскидывал руки в приветствии. Легенда не меняется: я неузнанным брожу по народу, слушаю разговоры и все думаю, как сделать жизнь лучше. Конечно, кто-то пустит слухок, что тайком хожу по бабам или срезаю кошельки у пьяных торговцев, но что делать, Царство Небесное еще не построили, а у кого слишком длинные языки, могут высунуть их еще больше, болтаясь на крепкой пеньковой веревке. У меня такая свобода слова, особенная.

Залы переходят в залы, то большие, то малые, но все с невероятно пышно украшенными золотыми и серебряными узорами стенами, разноцветными мозаиками, то абстрактными, словно пришли из ислама, то с чувственными сценами средневековых декамеронов.

Здесь, в отличие от замков севера, пол не каменный, умельцы стелют паркет из дорогих сортов дерева, светильники — не просто светильники, а ювелирные украшения, а заодно уж и подставки для чаш с горящим маслом, а люстры так вообще нечто необыкновенное из множества ромбиков сверкающего хрусталя.

Немного странно видеть в такой роскоши застывших через равные промежутки вдоль стен крепких парней в доспехах и с полным набором оружия. Я издали узнавал армландцев, ратников и арбалетчиков, призванных бароном Альбрехтом на охрану дворца снаружи и внутри. Чтобы не оскорбить их прозвищами лакеев, всем пожаловали



некие вольности, а также объяснили, что они, как и лорд Ричард, здесь хозяева, а не слуги.

Чем ближе к королевскому кабинету, тем меньше местных слуг, а в самой приемной перед кабинетом уже только проверенные армландцы и брабандцы, что, понятно, объяснять глупо.

В своих покоях я велел подать горячей воды, слуги сбились с ног, стремясь предупредить каждое мое желание. Я наскоро ополоснулся и сменил одежду. Один из придворных подал золотой крест длиной с кинжал и тяжелый, как наковальня.

Я поцеловал его, чувствуя еще тепло омытого горячей водой металла, по моему повелению всякий раз окропляют святой водой, не могу без отвращения прикоснуться губами к тому, что недавно могли чмокать другие.

Вошел сэр Жерар Макдугал, угрюмый и молчаливый, очень расчетливый в каждом слове и жесте, с тяжелым характером, однако надежный, с прямой и рассчитанной на много лет вперед жизнью. Теперь он мой личный секретарь — граф Ришар подыскал из своих вассалов грамотного и молчаливого, им заменили прошлого, что служил раньше Кейдану.

— Власяницу? — спросил он вопросительно.

Я отмахнулся:

— Нет.

— Позвать священника?

— Я уже исповедался, — сообщил я. — Мне было видение, Господь одобрил мои скромные начинания.

Он согнулся в почтительнейшем поклоне, сегодня же станет известно не только во дворце, но и по всему городу, что майордому явился светлый ангел, а то и архангел, и теперь сэр Ричард действует по его указаниям.

Еще перед отбытием в Гандерсгейм я обошел здесь несколько залов, выбирая помельче, чтобы устроить кабинет, но везде непристойная роскошь, в стены вделаны золотые щиты с множеством умело расположенных драгоценных

камней, где кругами, где ромбиками, но везде изящно, с выдумкой, в посеребренных кадках растут причудливые деревья, странные и довольно красивые...

Впрочем, деревца можно убрать, а ненужную роскошь стен завесить коврами, но мой кабинет должен еще и располагаться удобно, а я, как ни искал, все же удобнее покоев самого Кейдана не нашел. И зал перед кабинетом просторный и достоин называться королевской приемной.

— Что-то изволите еще? — спросил сэр Жерар.

— Собрать моих лордов, — сказал я отрывисто. — Военачальников!

— Будет сделано, ваша светлость! В приемной?

— Ни в коем случае, мы же все равны! Только я чуточку равнее. Выбери достойный зал, чтобы никто не ощутил себя ущемленным.

Он посмотрел на меня пристально:

— Это же королевский дворец, сэр Ричард! Кто тут может быть ущемленным?

Я отмахнулся:

— А как насчет того, что вон тот гад трудится меньше, а получает больше?

Он спросил с недоумением:

— Сэр, разве такое возможно среди рыцарей?

Я с усилием улыбнулся:

— Да, конечно, ты прав. Это невозможно.

Передо мной распахнули двери, я вошел, прямой и гордый, хотя весь сжался от пышной и ошеломляющей роскоши королевского зала. Надеюсь, не слишком заметно для всех этих сотен пар внимательных глаз. Кейдан принимал здесь послов и местных лордов, а их должно ошарашивать с того момента, как впустят в этот зал. Стены не просто в золоте, а в изысканнейших и сложнейших украшениях, рубины, изумруды, алмазы — вделаны в барельефы и горельефы, подвески люстр не из хрусталя, а из бриллиантов... по крайней мере, так кажется даже мне, а придворные короля



все как на подбор, знатнейшие лорды королевства, важные и могущественные, кланяются с достоинством и с такой важностью, что едва удерживаюсь, чтобы не поклониться в ответ еще ниже.

Одергивая себя, я же майордом, иду через зал, постепенно накаляясь, злой на всех и на себя, ну что это я играю по чужим правилам, я же сам собрался их создавать, но по-монаршьи задираю голову и выпячиваю нижнюю челюсть.

Справа и слева кланяются, слышу подобострастные голоса:

- Ваша светлость...
- Ваша светлость!
- Ваша светлость?
- Ваша светлость...

На всякий случай не отвечаю на поклоны даже легким кивком, вдруг да не тому, а это сразу что-то да нарушит, изменит, сдвинет. На той стороне зала украшенная золотыми накладками и гербами двустворчатая дверь, это к ней ведет проход между склоненных голов. Попадаются и присевшие в поклоне дамы, вырезы платьев настолько глубокие, что отчетливо вижу верхние края розовых ореолов, хотя стараюсь не косить глазом, будет истолковано, увы, в точности так, как оно есть.

В дверь заглянул церемониймейстер:

— Ваша светлость, ваши лорды спешно прибыли во дворец.

- Где они?
- Ждут в малом зале.
- Регалии, — велел я.

Слуги быстро заменили на мне изрядно потертую рубашку на джуббоне, изысканный, без крикливой яркости и лишних разрезов, точно подогнанный по моей фигуре. Я терпеливо ждал, пока навешивают тяжелую золотую цепь из соединенных квадратиков, размером с навершие меча, броши-застежки, а напоследок опоясали широким ремнем,

где кожи не видно под накладками из золота в виде всяких разных фигурок.

— Его светлость, сэр Ричард! — прокричал церемониймейстер.

В зале торжественно пропели серебристые фанфары. Чувствуя себя обманщиком, я тем не менее расправил плечи и вышел в зал прямоспинный, развернутоплечий и с широкой улыбкой уверенного в себе человека и даже правителя.

Из окон падают широкие лучи света, ярко рисуя на полу окна, по контрасту все остальное кажется в тени. Еще с порога я увидел седого льва графа Ришара, красивое мужественное лицо дышит силой и благородством, множество шрамов, как ни странно, совсем не портят, а делают его суровым и загадочным, что так нравится женщинам. Рядом могучий сэр Растер, единственный, кто в доспехах, только голова открыта. Узкое удлиненное лицо с внимательными синими глазами Максимилиана фон Брандесгерта, его и другие уже вслед за мной зовут просто Максом, очень пышно, изысканно и в то же время со вкусом одетый Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, еще несколько знатных лордов, что пришли со мной из Армландии, двое из Брабанта, остальные местные, в том числе и Куно, что скромно держится позади всех.

Все склонились в поклоне, фанфары издали последний радостный вопль, полный шенячьего ликования. Я в полной тишине проследовал по узкому проходу из склоненных голов к трону.

— Рад, — сказал я уверенно и властно, — всех вас видеть снова! За время своего отсутствия я следил и за вами... я не настолько беспечный, чтобы вот так все оставить без присмотра! И узнавал, кто чем дышит в столице и королевстве. Могу сказать с гордостью, отныне у нас есть полная и подробнейшая карта Гандерсгейма!

Словхватившись, я сел, властно и державно положил обе длани на широкие подлокотники. Вообще-то они руки, но



когда вот в таком жесте государственного деятеля, это уже длани.

Лорды выпрямились, слушают почтительно и внимательно. На губах графа Ришара заиграла одобрительная улыбка, он первым понял и оценил важность моих слов. Макс, Растер и даже Альбрехт смотрят просто радостными глазами, местные вельможи радуются более сдержанно, но все-таки довольны, мое исчезновение могло бы вызвать анархию и кровавый передел власти.

Граф Ришар, как старший по возрасту и положению, сделал шаг вперед и с достоинством склонил голову.

— Заверю от имени всех в зале, — произнес он сильным и звучным голосом, которым перекрывал шум битвы, — мы рады вашему возвращению, сэр Ричард! Но... насколько подробно карта?

На его лице жадный интерес, барон Альбрехт пояснил суховатым голосом:

— Все королевство перевернули, но карт нет.

— Любые деньги предлагали, — добавил Макс печально. — Полагали, скрывают зачем-то...

Я сделал рассчитанную паузу и ответил как можно более спокойно и мирно:

— Все дороги, мосты, переправы, броды, крепости и ущелья отмечены. Как и реки, понятно.

У Ришара вырвалось:

— Это немыслимо!.. И что за карта? Столетней давности или посвежее?

— Сегодняшние данные, — ответил я, скромно раздуваясь от гордости и чувствуя, как у меня начинают под нижней челюстью расти с обеих сторон резонаторы. — От силы — на вчерашний день.

Ришар отшатнулся, словно его пихнули в грудь, но устоял на ногах, только взгляд стал еще прямее.

— Господи, сэр Ричард! С такой картой половина победы уже в наших руках!

— А также отмечены места, — добавил я, — где живут огры, тролли и кентавры.

Все затаили дыхание, у Ришара глаза полезли на лоб.

— Как вы достали именно такую карту, — спросил он неверяще, — какая нам нужна позарез? Сэр Макс сказал верно, мы весь город перевернули.

— Не только город, — уточнил барон Альбрехт педантично. — И по королевству шастали от нас люди, предлагая любые деньги. А уж что сэр Норберт вытворял...

Я все раздувался, как огромная торжествующая жаба на кочке в болоте, резонаторы вот-вот издадут торжествующее кваканье. Лорды смотрят счастливыми глазами, я почти услышал пение ангелов, так все хорошо и благостно.

— Старался, значит, — сказал я покровительственно. — Вы с подачи благородного графа Ришара не случайно предложили мне титул лорда-протектора? Значит, верили, что могу кое-что. Я смог, друзья!.. А теперь давайте разберем текущие дела, что требуют именно моего вмешательства, а потом...

Сэр Растер проревел могучим басом обеспокоенного медведя:

— Потом пир, что же еще?

Местные вельможи от него опасливо отодвинулись, я помолчал и заставил себя широко улыбнуться.

— Ну конечно же, сэр Растер! Как без воинских традиций?

Вельможи поспешно придвинулись к рыцарю, который осмеливается прерывать самого правителя, а тот не гневается, идет у него на поводу. Некоторые начали, сладко улыбаясь, заговаривать с этой закованной в железо скалой, но как реагировал сэр Растер, я уже не видел: ко мне начали подходить один за другим просители.

По взмаху моей руки ко мне приблизился сэр Альбрехт, низко поклонился:

— Что угодно вашей светлости?

Я поморщился:



— Не переигрывай.

— На нас смотрят, — шепнул он. — Должны видеть знаки почтения. Тогда и сами будут кланяться еще ниже.

— Полы разобьют, — буркнул я. — Лбы у местных просто чугунные, привыкли дорогу в жизнь пробивать, знакомо... Что за мое отсутствие натворили?

Он усмехнулся:

— Честно? Ничего. Вас нет, мой лорд, и жизнь замирает. Смешно сказать, все это время долго и старательно совещались с вельможами-законниками Геннегау насчет верного и точного титулования майордома сэра Ричарда! Представляете?

— Нет, — буркнул я.

Он посмотрел на быстро наполняющийся зал, щека его дернулась, то ли неудовольствие, то ли презрение, пояснил:

— Решили, раз титулы майордома и лорда-протектора признаны только войсками победившей стороны, было бы неправильно пытаться навязать их жителям Сен-Мари. Никто из уважающих себя местных лордов не станет именовать сэра Ричарда ни майордомом, ни лорд-протектором, а только гроссграфом или пфальцграфом, ибо эти титулы пожалованы легитимными монархами.

— А маркграфом?

— Это получено от императора, так вас и будут величать... скорее всего. С другой стороны, обращение «ваша светлость» уравнивает человека, захватившего королевство, с множеством лордов, которые тоже имеют право на «ваша светлость». Одних герцогов в королевстве семь, не считая всяких разных, к которым тоже надлежит обращаться так же.

— Что за буквоедство, — сказал я шепотом, — ладно, пропусти подробности.

— В результате компромисса, — сказал он тихо, — было достигнуто соглашение, что к «ваша светлость» будет добавляться ваше грозное имя. «Ваша светлость сэр Ричард». Теперь к вам будут обращаться только так.

— Хорошо-хорошо, — сказал я с нетерпением, — хоть горшком... впрочем, извини, ты прав, титулование и обращение очень важны в цивилизованном обществе. А «хоть горшком, только в печь не ставь» — это у дикарей... Ладно, понял, какими важными делами занимались, пока я там у папуасов их кумыс пил. Сейчас начну прием, а ты подсказывай, кто тут и что за цаца. Ты уже знаешь местных, а для меня все как попугаи с южных островов.

— Половина, — ответил он, — ни на что не способны, обычные трутни. Другая, напротив, способна на все.

— А на то, что нужно?

— Таких лучше искать не здесь.

Я пробормотал:

— Я бы сам приблизил незнатных, но резкое недовольство зачем нам... Ладно, вроде бы народ уже собрался? Кто опоздал, я не виноват. Начнем.

Он кивнул церемониймейстеру, а тот, грузный и очень представительный, повернулся к залу и провозгласил громовым голосом:

— Его светлость сэр Ричард начинает прием жалоб, просьб и предложений!

Глава 8

Подошел немолодой мужчина в пышном, но чуточку старомодном костюме, как я это понимаю, другие сен-маринцы ярче и со всякими... да, этот проще.

Он опустил на колено и сказал густым медвежьим голосом:

— Ваша светлость сэр Ричард!.. С неба ночью упал огонь и выжег большой участок леса.

Я сказал участливо, но строго:

— Божья кара. Хочешь, чтобы я поговорил с Богом?

Он сказал торопливо:

— Все говорят, что огонь упал с неба, но у меня хорошие глаза, ваша светлость!.. Я как раз перед сном смотрел в



ту сторону и думал насчет завтрашней охоты... Не завтрашней, а тогда думал о завтрашней, это почти неделю назад...

— Понял-понял, — перебил я. — Так что насчет огня?

— Он упал не с неба, ваша светлость, — сказал он твердо. — У меня и память еще не шалит! Я заметил искорку в небе как раз в момент, когда она вспыхнула, а затем стала быстро падать на лес. Хотя была ночь хоть глаза выколи, но я точно могу сказать, что на том месте высокая скалистая гора, а на самой макушке высокая каменная башня!

Я насторожился, не люблю неприятности, переспросил:

— А как было раньше? Никакой колдун не шалил?

Он покачал головой, перекрестился, и некоторые в зале, что внимательно слушают, перекрестились тоже.

— Слава Господу, — сказал он с чувством, — раньше у нас их вообще не было. Да и хозяйство мое не велико, правда... Но теперь этот вот откуда и взялся? Ваша светлость, всего за сутки до того я как-то оглядывал все со своей башенки, у меня замок тоже на горе, пусть и невысокой, и точно помню, что никакой башни не было!

— И что, — спросил я недоверчиво, — появилась всего за сутки?

Он перекрестился:

— Может быть, ваша светлость, вообще за час!.. Я не смотрел туда все время. Вчера не было, а сегодня, смотрю, есть. Откуда взялась? Я вообще-то раньше был не против колдунов, есть они ну и есть, но сейчас если изволите принять какие-то меры, то я и все мои люди пойдем с вами!

Я подумал, кивнул:

— Хорошо. Сэр Альбрехт, проследите, чтобы жалобу сэра...

— Сэра Сильвеша, — подсказал он, — владетельного хозяина поместья Пенбрабергов.

— Сэра Сильвеша, — повторил я. — Чтобы жалобу сэра Сильвеша приняли и сообщили, что удалось узнать под-

робнее. Я не потерплю бесчинств на землях под моей властью!..

С языка чуть не сорвалось «в моих владениях», но вовремя сориентировался, хотя барон, хитрый жук, наверняка заметил крохотную заминку в речи.

Сэр Сильвеш поднялся, сказал «ваша светлость» и скромно отступил. На его место встал высокий худой с резкими чертами лица вельможа, одет пышно, но с достоинством, сказал нервно:

— Ваша светлость, сэр Ричард! Я лорд Алоиз Мессинский, барон Нью-Вудства. Смерч Странник сошел с дороги!

В его словах было столько ужаса, что я ощутил холодок в теле.

— Что за смерч?.. Расскажите, сэр Алоиз, поподробнее. Знаете ли, по ту сторону гор их нет, это у вас тут развелись вблизи моря всякие цунами, тайфуны и прочие ураганы...

Он почти выкрикнул:

— Древний смерч, что испокон веков ходит по старым дорогам!.. Это проклятие наших земель, но за века к нему привыкли, идет медленно, обычно все мы ему уступаем...

— А если не уступить?

Он зябко передернул плечами:

— Моментально ухватит... и все!.. Но ходит медленно, все приспособились, было... неопасно. А неделю тому вдруг сошел с дороги!

— И что, — спросил я тревожно, — много разрушений?

— Пока нет, мой лорд!.. Идет по степи, потом у него на пути вроде бы лес... Но теперь неизвестно куда пойдет. А дома и пашни с его дороги так просто не убрать!

Я подумал, повелел:

— Сэр Альбрехт, распорядитесь, чтобы выделили человека... а лучше двух-трех на легких конях, что составят новый маршрут этой аномалии. Если прет по прямой, можно рассчитать, куда принесет нелегкая. Будут серьезные разрушения, сэру Алоизу будет оказана помощь из федерального центра. Нашему научно-исследовательскому ком-



плексу, что временно располагается в монастыре под заботливым крылом отца Дитриха, дать указание поискать методы борьбы или обуздания этой штуки. Пусть пороются в старых книгах, соберут все на один лист и представят перед мои светлы очи.

Сэр Алоиз поднялся, поклонился и со словами «ваша светлость» отступил в ряды. Вперед вышел круглолицый, плотного сложения, толстый, с румяной мордой кабатчика, к моему изумлению, в кожаном панцире поверх бархатного камзола, явно подражает нашим рыцарям и хочет казаться своим или хотя бы понравиться суровым людям Севера.

Преклонив колено, он заговорил с негодованием и дрожью в голосе:

— Ваша светлость, сэр Ричард! Мой сосед, сэр Баодуин из Клерма, пользуясь моим отсутствием, отхватил от моих владений кусок долины с двумя деревеньками!

Я заинтересовался:

— А что, ваше отсутствие было таким длительным?

Он помялся, опустил взгляд:

— Нет, ваша светлость, сэр Ричард. Не длительным, но... он мог посчитать, что не вернусь.

Головы он не поднимал, что-то в нем не так, я подумал и спросил в лоб:

— Это значит, вы были в передовых частях, что сражались с нами, армландцами и брабандцами?

Он пробормотал:

— Да и не было серьезных сражений, ваша светлость. Я видел вас, я тогда командовал пешими мечниками. Сами знаете, прошло для нас не так, как хотели... Да я был, увы, в передовых частях.

Теперь, когда скрывать нечего, он поднял голову и смотрел с угрюмой надеждой.

— Вы приняли присягу новому лорду? — спросил я. — Я имею в виду... мою светлость?

Он покачал головой:

— Нет, ваша светлость. Мне это кажется не совсем че-

стно. Все-таки наш король — Его Величество Кейдан. Это было бы... актом мятежа против законной власти.

Я повернулся к Альбрехту, но решил, что некоторые детали стоит уточнить, снова поинтересовался:

— А сэр Баодуин, отнявший у вас две деревеньки?

— И он не принес, — сообщил кабатчик, но добавил со вздохом: — Хотя, думаю, принесет ее быстрее, чем я.

— Почему?

— Он разумный человек и больше уважает силу, чем законы.

Я подумал, все замерли в ожидании соломонова решения, я произнес отчетливо:

— Закон не может быть законом, если нет силы, могущей принудить к его соблюдению. Повелеваю сэру Баодуину вернуть вам изъятое и выплатить штраф, размер которого определите по-соседски сами в ходе обоюдной дискуссии. Война окончена. Не имеет значения, воевали вы против или нет.

Его лицо вспыхнуло, глаза заблестели радостью, а в зале сдержанно заговорили. Следом преклонил колено сэр Стефан Сансерский и угрюмо сообщил, что в его владениях земля в долине за одну ночь опустилась, взамен выступила вода. Теперь там большое озеро, весь урожай погиб.

— Разберемся, — пообещал я. — Вернуть все назад не обещаю, но соседи помогут зерном, а вы пока думайте, как использовать озеро. Какая там рыба, много ли ее? Вдруг да ценная...

Затем сэр Безансон предъявил бумаги, что его род имеет права на лес Серые Ели, но тем сорок лет назад незаконно завладел дед нынешнего хозяина поместья Людогеллов и с тех пор даже перекрыл все дороги.

— Перекрывать дороги, — рассудил я, — это не совсем хорошо, как и стучать по мосту шлемами. Должно быть свободное движение товаров, людей и этих... ну, идей. Всяких разных. Кроме крамольных. И антигосударственных. А также подрывающих нашу высокую, я бы сказал, нравст-



венность. Но мне отсюда не видно, кто из вас кто, так что это дело велю передать в местное самоуправление лордов. Они знают друг друга, как залупленных.

Альбрехт незаметно кивнул, чует, хитрый лис, что мне как-то не по себе в роли всезнающего судьи. Хотя я из тех орлов, что еще с пеленок самодовольно раздают советы и уже знают, как управлять миром, и что все взрослые — дураки, но я уже сам почти взрослый, ладно, взрослый, а это значит — понимаю, что понимаю не все.

Они подходили один за другим, одни просто излагали жалобы или просьбы, другие сперва клялись в верности, рассчитывая на добавочные шансы, я перевел дыхание и разбирался увереннее. Альбрехт понаблюдал, отошел незаметно и, как призрак, растворился в зале.

Я с усилием держал на лице улыбку великодушного и все понимающего, внимательного и заботливого, а сам начинал звереть, что такую хрень вынужден разбирать я. Надо бы создать какой-то орган для подобных дел, ну не люблю я, не люблю, хотя, по мнению моих лордов, должен бы радоваться: подобные тяжбы лордов вообще-то подлежат юрисдикции самого короля.

Когда посетителей поток иссяк, я поднялся, красивый и, надеюсь, внушающий, сказал весело и властно:

— А теперь — военный совет! Всем военачальникам прибыть в мой персональный кабинет. А также государственным мужам. Уклонившимся — виселица!.. Ладно, шутка, если кто не понял глубокого майордомьего юмора. Напоминаю непонятливым, у майордома все шутки — остроумные и смешные.

Все склонили голову, я повернулся и удалился через дверь за тронем, все предусмотрено, облеченные властью не ходят через длинные залы, когда есть пути покороче.

Пока лорды медленно и важно шли обходным путем, вежливо пропуская один другого вперед, раскланиваясь и обмениваясь любезностями, я прошел короткой дорогой,

сбросил мантию, ее набросили мне там для важности, раздраженно уселся в неудобное, но внушающее кресло.

В дверь заглянул барон Торрекс Эйц, начальник дворцовой стражи, обедневший барон из Армландии, простодушный и честнейший. На прежнем месте ему хронически не везло, а здесь сразу возвысился до важнейшего поста, о котором не мог и мечтать.

— Сэр Ричард, — доложил он, — охрана удвоена!

— Зачем? — удивился я.

— На всякий случай, — ответил он. — Барон Альбрехт велел. Мы все-таки в завоеванном королевстве!

— Ждете покушений?

— Все может быть, — ответил он уклончиво.

— Хорошо, — ответил я, — только ставьте так, чтобы не слишком выпячивались. А то местные сочтут, будто и тени боимся.

Рыцари в мой кабинет заходили, одни гремящие железом и грузно топающие, другие шуршали шелками сен-маринских костюмов и распространяли изысканные ароматы. Граф Ришар опустился в кресло напротив, я снова с удовольствием рассматривал этого красивого седого льва, все еще полного силы. Волосы небрежно падают на плечи, густые и толстые, как лошажья грива, сам прям, как корабельная сосна, даже сейчас, в спокойном состоянии, крупное поджарое тело полно сдерживаемой силы. Я в который раз подивился живучести, столько глубоких шрамов, что просто чудо, как выжил и все еще без посторонней помощи взбирается в седло. И как здорово, что этот ветеран, участвовавший во всех войнах континента, граф Ришар де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и всех войн королевства с соседями, сейчас со мной.

Макс сел возле сэра Растера, тот для него живое олицетворение рыцарского мужества. Альбрехт с тремя лордами занял место в сторонке.

Я поприветствовал всех и со вздохом облегчения рухнул



в тронное кресло на возвышении, сюзерен должен быть выше остальных, здесь это подчеркивается просто и незатейливо.

— Наконец-то все свои, — сказал я громко, — так что забудем о церемониях. Я обращаюсь не к армландцам, они и так бесцеремонные дальше некуда, а больше к сэру Куно и его помощнику. Здесь все равны, я разве что чуточку равнее. Итак, у нас сейчас военный совет...

Куно поднялся и, трепеща от собственной смелости, взмолился:

— Но я не военный!.. Меня позвали, видимо, по ошибке...

— Мы все воины Господа, — сообщил я ему потрясающую новость и перекрестился. — Одни воюют за воплощение его идей оружием, другие — словом, а ты, Куно, умелым хозяйствованием. Так что навести уши. Услышишь глупость — поправь, увидишь, как сделать что-то лучше, — говори немедленно, выслушаем и даже бить не будем.

Куно поспешно сел и постарался сделаться маленьким и незаметным. Граф Ришар сказал нетерпеливо:

— Сэр Ричард, вы что-то упоминали о карте...

— Упомянул, — ответил я. — Еще как упомянул!

— Его светлость чуть не лопнул от гордости, — заметил барон Альбрехт вполголоса.

— Дык есть повод, — ответил я.

— Пора бы уже посмотреть, — проговорил Ришар, я видел, как подергиваются его пальцы от жажды поскорее ухватить и развернуть во всю ширину стола.

— Вы, как всегда, правы, — сказал я любезно.

По моему хлопку в ладоши в зал вошел слуга, я указал на свободный стол, он расстелил на нем огромный лист. Все жадно подхватились, граф Ришар первым посмотрел и тут же поднял голову.

— Сэр Ричард... это шутка?

— Нет, граф, — ответил я любезно.

— Но там... ничего нет!

— Совершенно верно, — ответил я. — Все в интересах секретности, граф.

Он пробормотал:

— Гм... Но как...

— В интересах секретности, — повторил я с удовольствием, — сделал видимой только для себя. Но теперь, когда здесь все свои, делаю видимой для всех.

Они жадно смотрели, как я быстро, сверяясь с памятью, рисую очертания береговой линии, провожу линии рек, рисую озера, холмы, ущелья, отмечаю мосты, переправы вброд, а когда слуга принес цветные чернила, я начал отмечать города, оазисы, горячие пески и плодородные долины, а в завершение эффектно провел линию Великого Хребта и отметил место, где он опускается в океан.

— Здесь живут огры, — сообщил я. — В худшем случае они просто воздержатся от войны на стороне кочевников.

Граф Ришар заворуженно смотрел на карту, а барон Альбрехт пробормотал:

— В худшем? Я бы назвал это лучшим.

Я покачал головой:

— Обижаете, барон.

— Что не так? — спросил Альбрехт.

Все в ожидании смотрели на меня, я сказал как можно небрежнее:

— Я подружился с ними и почти уговорил выступить на нашей стороне. Гарантии нет, но...

В зале наступила гробовая тишина, на меня смотрели непонимающими глазами, на лицах смятение.

Альбрехт сказал осторожно:

— Вам удалось... подружиться с ограми?

— Удалось, — ответил я скромно. — А вот эта штука... где же она... ага, вот!.. это зуб редкого морского зверя — подарок вождя огров великого и ужасного Аянбека. Когда будем в тех краях, напомните, чтобы я повесил на грудь. Сэр Альбрехт, я вижу тысячу вопросов в ваших глазах, но лучше не вникать в мелочи. Установил с ними дружбу и ус-



тановил. Как?.. Да ерунда, ну что вы, право... Другие пусть ищут свои пути налаживания контактов. Давайте лучше прикинем, как поведем войска...

Сэр Альбрехт пристально смотрел на меня, но граф Ришар уже вел пальцем по карте, голос его прозвучал приподнято-деловито:

— Города укреплены хорошо?

— Там очень интересное государственное устройство, — сказал я. — В городах живет завоеванное население. Но это вовсе не значит, что нас примут с распростертыми объятиями...

Они слушали очень внимательно мой пространный рассказ о ста семидесяти карликовых королевствах, о кочевниках, о постоянных войнах племен и ежедневных набегах друг на друга, только барон Альбрехт пару раз вскинул голову и посмотрел на меня очень внимательно. Я подумал, что надо будет все же сочинить что-то правдоподобное, объяснить такие глубокие и свежие данные. Не на постоялом же дворе я купил такую карту и все разузнал... хотя почему нет?

Граф Ришар, как единственный, кто водил объединенные войска лордов и умеет управляться с большим скоплением людей, начал с ходу намечать варианты, как и где нанести первый удар. Полководцы слушали внимательно, спрашивали, постепенно начинали спорить, предлагать свое, я слушал, всматривался в их лица, горящие азартом, вслушивался в слова, вернее, в то, как произносятся.

На самом деле кочевые народы завоевывать вообще легко, хотя поверить в такое трудно. Все эти ужасающие армии Чингисхана, Атиллы и прочих татаро-монголов приводят в трепет только натиском, внезапным нашествием. В обороне ничего не стоят, что и было легко доказано русскими князьями, страдавшими от набегов печенегов и половцев. Рассердившись, собирали войска и ответными походами опустошали земли всех этих куманов, но едва уходили, там все начиналось снова. Окончательная победа

пришла только тогда, когда начали строить на захваченных землях крепости. И — не стало самих печенегов, влились в местный этнос славян, а половина половцев, не возжелавших осесть по приказу русских князей на землю и заниматься хлебопашеством, ушли на свободные земли Паннонии, где их вскоре покорили прибывшие венгры и все-таки заставили осесть и пахать.

Аттила был ужасен, но никому из европейских государств не приходило в голову собрать войско и двинуться в земли гуннов. Все прекрасно понимали: кочевые народы идут в эти опасные походы от нищеты и крайней бедности, им лучше умереть в бою, чем в грязи от голода. В скудных монгольских степях нет ничего, кроме барханов и жесткой травы. Ее не станут есть европейские кони, избалованные ячменем, овсом, а то и отборной пшеницей, и потому походы туда бессмысленны.

Но в моем случае, если хочешь избавиться от постоянной угрозы, придется не просто вторгнуться большим войском, но и спешно строить там крепости. Иначе после нашего ухода кочевники быстро оправятся от любого разгрома. Да и не будет разгрома, они могут сколько угодно водить за собой тяжелое крестоносное войско, как скифы таскали победоносную армию царя Дария, от которой в конце концов ничего не осталось, а сам Дарий убежал просто чудом.

Сэр Растер первый заскучал, все эти стратегии-тактики — дело непонятное и скучное, главное — тяжелый удар рыцарской конницы с опущенными копьями.

— Нам нужно, — сказал он громовым голосом, — вторгнуться. А там, с Божьей помощью — победим!

Я сказал убежденно:

— Одной веры в Творца недостаточно. Для продвижения в Гандерсгейм... а также на юг нужна еще и прочная идеология.

Он спросил озадаченно:

— А это что?

— Вера, — объяснил я, — это то, ради чего умирают, а идеология — ради чего убивают.



Глава 9

Граф Ришар попросил позволения скопировать хотя бы участки карты для своих полководцев, я велел сделать это действительно, раз уж двинемся, как он мудро решил, тремя колоннами. Наконец я отпустил всех, Куно, как всегда, почтительно пропускал знатных рыцарей, а они все знатнее, и пристроился в конце, а когда был уже на пороге, я сказал строго:

— А вы, сэр Куно, останьтесь.

Он вздрогнул, обернулся с бледной улыбкой, испуганный и трепещущий, поспешно поклонился:

— Да-да, ваша светлость! Как скажете.

Я сказал с досадой:

— Что у тебя всегда такой виноватый вид? Казну обобрал?.. Еще нет?.. А что, уже собираешься?

Он замотал головой.

— Сэр Ричард, — воскликнул он умоляюще, — как можно!

— Да смотришься таким, — объяснил я. — Садись вон там и докладывай. Коротко, но подробно. Сколько украл, когда, где, зачем, куда истратил или сложил в кубышку.

Он сказал умоляюще:

— Да ничего я не крал!.. Ваша светлость, я набрал штат помощников, как вы и велели, они составили свод законов, их вам предстоит подписать...

— А прочесть можно? — поинтересовался я язвительно.

Он вздрогнул:

— Простите, ваша светлость! Конечно, вы наверняка изволите внести поправки...

Я отмахнулся:

— Вряд ли. Ты уже знаешь, что надо делать. Но все равно принеси, я должен просмотреть государевым оком. А вообще... чтоб ты знал, я тебя могу проверить в любой момент. Не зарывайся.

Дверь осторожно открылась, церемониймейстер осторожно заглянул и сказал с виноватостью в голосе:

— Простите, ваша светлость, к вам Великий Инквизитор...

— Отец Дитрих? — переспросил я. — Зови, он зря не явится.

Он отступил в сторону, поклонился кому-то, невидимому мне. В комнату медленно вошел бледный отец Дитрих, его осторожно поддерживал под руку мрачный и сердито сопящий сэр Растер.

Я вскочил в испуге:

— Отец Дитрих! Что случилось?

Он слабо улыбнулся.

— Нет-нет, все в порядке. Ступенька в старом монастыре прогнила, но я катился не так уж и далеко, хотя...

Я торопливо придвинул кресло:

— Садитесь, садитесь немедленно! Сэр Растер, оставайтесь, поможете на обратном пути. Мы тут занимаемся всякими пустяками, в смысле обустройством королевства, но это такие мелочи в сравнении с делами духовными...

Отец Дитрих вяло отмахнулся:

— Ох, оставьте это для проповедей... Еще не читаете? А уже готовы, даже выражение лица вполне, вполне... Обустроить королевство необходимо прежде всего для того, чтобы ничто не мешало думать о духовном пути...

— Этим и занимаемся, — заверил я. — Сейчас вот с Куно продумываем законы, воплощающие в себе величественную идею равноправия! Как вот все равны перед Творцом, так должны быть равны и перед законом.

Куно кивал и мысленно записывал, такой у него сосредоточенный вид, но сэр Растер спросил обиженно:

— Это как? Я, благородный рыцарь, и грязный простолюдин, будем равны? Сэр Ричард, это недопустимо!

— Равны, — сказал я твердо. — Сегодня же подпишу закон, Куно его уже составил. Запрещаю спать под мостом и красть хлеб одинаково всем: богатым так же, как и бедным!



Растер попыхтел, подумал, не его дело составлять законы, звучно и с озадаченным видом поскреб затылок.

— Ну-у-у... — прогудел он в затруднении, — вообще-то вы где-то правы, мой лорд. Я как-то не подумал о такой стороне законности и равноправия. Да-да, справедливость должна быть...

Отец Дитрих сказал ласково:

— Спасибо тебе, сын мой. А теперь иди, там внизу рыцари уже составляют столы для пира.

Растер посмотрел на него обеспокоенно, потом с надеждой на меня. Я кивнул:

— Идите, сэр Растер. Без вас точно поставят криво.

Он поспешно приложился к руке отца Дитриха и отбыл.

— *Santa simplicitas*, — сказал отец Дитрих.

— Да уж, — согласился я, — он самый. Святой отец, Господь дал десять заповедей для всех двуногих. Постепенно мы и законы приведем в соответствие с заповедями. Сперва, как вот благосклонно одобрил сэр Растер, будем вешать каждого, кто по ночам прячется под мостом, вне зависимости от знатности или бедности, а потом и к суффражизму подойдем осторожными шажками.

Он переспросил с непониманием:

— Суф... суффражизму?

Я отмахнулся:

— Это еще не скоро понадобится. Когда рождаемость упадет и рабочих рук не будет хватать остро. А сейчас давайте подумаем над...

Дверь приоткрылась, барон Эйц вошел, сильно смущенный, не ждал, что у меня все еще гости, да еще такие, плотно прикрыл ее за собой и остановился в нерешительности.

— Ваша светлость...

— Говори, — сказал я недовольно. — Что замолчал? Я знаю, ты зря не зайдешь.

— К вам гость, — ответил он кратко.

— Кто?

— Просил не называть его по имени. Но сказал, что примете его с охотой.

Я проворчал:

— Сейчас я никому не рад.

Он поклонился и взялся за ручку двери:

— Значит, велеть прийти завтра?

Отец Дитрих сказал поспешно:

— погоди. Это может быть очень важное. Куно, помогите мне подняться... Вот так, спасибо. Ничего, к двери могу и сам, но спасибо... Сэр Ричард, примите гостя, пожелавшего остаться неизвестным! И не стесняйтесь в таких случаях выпроваживать гостей. Даже таких любезных вам, как я. Сюда будет набиваться все больше народу и все чаще, вы должны уметь ставить заслоны.

— Но, отец Дитрих! — запротестовал я.

Он покачал головой:

— Нет-нет. Я зашел просто удостовериться, сын мой, что ты вернулся целым и полным христианского рвения.

— Но мы еще не успели...

— Я все увидел, — прервал он. — Занимайся королевством. На твоих плечах большая тяжесть, сын мой.

Они с Куно вышли, сэр Торрекс застыл в нерешительности. Я сказал с раздражением:

— Поверим чутью отца Дитриха. Приведи, но будь у этого гонца за спиной. И проверь хорошенько по дороге сюда. Сейчас он где?

— В саду.

— Это хорошо. Можно успеть понять, чем он вооружен.

— И чем защищен, — добавил он негромко. — Я все сделаю.

Его шаги затихли в коридоре. Я прикинул, сколько времени понадобится, чтобы доставить незнакомца сюда, уселся поудобнее и перешел на тепловое зрение, а затем и на запаховое. Комната исчезла, я очутился в жутковатом вращающемся мире, полном цветных пятен и диких кра-



сок, которым просто нет и не может быть названия, так как это не краски, а запахи, но кислотовато-красная шершавость или сладость оранжевости может сдвинуть сознание весьма...

Послышались чересчур громкие шаги. В горьковатой прелости шалфея возникла дыра. Тепловое зрение услужливо нарисовало две фигуры, в одной узнал Эйца, я на него уже и раньше смотрел тепловым, а вторая, поменьше и спектром потемнее, принадлежит, как я понимаю, гонцу. Вроде бы ничего скрытого под одеждой, человек насторожен и взволнован, но нет особой агрессии, нет и готовности броситься на меня...

Переход к обычному восприятию мира сопровождался таким же приступом тошноты, я кое-как подавил его, поднял голову. Перед глазами мутные фигуры четверых, сдвинулись в две, затем восстановилась резкость, хотя мутные пятна еще какое-то время плавали в воздухе, постепенно растворяясь в нем.

Гость, крепкоплечий мужчина с рыжими волосами и короткой рыжей бородкой, низко поклонился. Под дорожным плащом просматривается очень дорогая одежда, а в этом королевстве, как и везде, существует закон, не разрешающий простолюдинам носить шелка или бархат. Значит, из благородного сословия как минимум.

Барон сказал негромко:

— Перед вами майордом Ричард. Преклоните колено!

Я сказал недовольно:

— Мы одни, никаких церемоний. Кто вы и кто послал?

Гонец все же преклонил колено и, глядя снизу вверх, ответил спокойным и твердым голосом:

— Я виконт де Голдинвуд. Послал меня тот, кого вы и сейчас еще готовы убить.

Я взглянул на барона, тот понял и тихонько вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Таких много, — сказал я холодно, — но, как я понимаю, это слова Арнульфа.

Виконт сказал почтительно:

— Он сказал, вы так и ответите. Мне велено доставить вам некий дорогой вам лук...

— Где он? — спросил я быстро.

— В гостинице, где я остановился. С собой взять не рискнул.

— Правильно сделали, — одобрил я. — Я пошлю с вами людей. Что-то еще?

Он колебался, наконец обронул:

— Не знаю, стоит ли говорить...

— Почему? — спросил я.

— Мне было велено только доставить лук, — ответил он.

— Лук доставлен, — сказал я. — Что в Ундерлендах?

— Ничего не изменилось, — ответил он. — Только посла от вашей светлости Его Величество в гневе велел заточить.

Я вскочил, кровь бросилась в голову, горячей волной залила щеки.

— Что?

— Он в темнице, ваша светлость.

Я прорычал, не узнавая своего голоса:

— Мой посол? На каком основании?

— Как изменник, — произнес виконт. — Ваша светлость, не гневайтесь! Вы уже завоеватель, с которым можно вести переговоры. Позвольте смиренно напомнить, вы приняли титул маркграфа.

— И что?

— Тем самым признали власть короля, — ответил он торопливо, — над своими подданными. И, как следствие, барон Фортескью разом потерял неприкосновенность.

Я стоял над ним, коленопреклоненным, мышцы закрипели от натуги, когда я пытался разжать сведенные с дороги руки. Он склонил голову, страхась видеть мое искаженное лицо.

— Это... оскорбление, — прохрипел я. — Зачем он это сделал?

Виконт сказал осторожно:



— Как король... он вправе так поступать со своим подданным. С точки зрения права вы тоже, ваша светлость, его подданный.

— Пусть и не надеется, — прорычал я.

— Вы его подданный, — повторил он, — хоть и с достаточно большими правами. Но за вашими плечами войско. Вас бросить в темницу не смог бы. А вот барона Фортескью...

— Барон выполнял мое поручение, — сказал я лютю. — Отвечаю за его слова и поступки я! Потому... потому... хорошо же, этот королишка получит ответ!

Он поднялся, не дожидаясь моего разрешения или же решил, что стоял так достаточно долго для любого этикета, выставил перед собой ладони:

— Ваша светлость!.. Ваша светлость!.. Только успокойтесь, все, что вы сделаете во гневе, только повредит вам и вашим реформам.

Я остановился, смерил его злым взглядом:

— Что ты знаешь о моих реформах?

Он поклонился:

— Достаточно, чтобы желать вам успеха. Герцог Ульрих и его люди следят за ними с надеждой.

— Ты из ордена? — спросил я.

Он посмотрел с удивлением:

— Какого ордена?

Я кивнул:

— Спасибо, ты уже ответил. Скоро прибудет герцог Готфрид, они с герцогом Ульрихом смогут взяться за восстановление Арндского королевства гораздо интенсивнее. Так и передашь герцогу Ульриху. Конечно, с некоторыми поправками и добавлениями.

Он поклонился, лицо не дрогнуло, произнес смиренно:

— Да, ваша светлость. Все, как прикажете.

— И что сейчас с моим посланцем?

Он ответил ровным голосом:

— Ждет приговора.

— Короля?

— Королю, — объяснил он осторожно, — как мне кажется, уж простите, хотелось бы, конечно, решить его судьбу лично.

— А что мешает?

— Дела такого рода требуют приговора суда лордов.

Я переспросил:

— Что, у короля так мало власти?

Он пожал плечами:

— Как сказать... обычно решение всегда совпадает с мнением Его Величества. Кроме совсем уж, скажем так, трудных случаев.

Я переспросил снова:

— А этот случай?

— Думаю, — ответил он бесстрастно, — этот не будет трудным. Маркграф может присылать ко двору Его Величества только гонцов, но не послов.

Я молчал, стиснув челюсти, кровь в висках начинает стучать все громче. Он не двигался, наблюдая за мной, как паук-прыгун за толстой и жирной мухой.

— Но еще не собрал суд лордов?

— Нет.

— Не успел? Их что, нужно созывать по всему королевству?

Он покачал головой:

— Ваша светлость, вам необязательно слушать мнение простого гонца...

— Говорите, — велел я. — Говорите, виконт де Голдинвуд.

Он деловито кивнул, я чувствовал, что между нами уже установилась более прочная связь, чем у него с королем, мы оба маршалы, он так понял, мои интересы теперь для него выше, чем кейдановские.

— Его Величество, — произнес он осторожно, — вполне возможно, сознательно не спешит созывать суд лордов... чересчур поспешно. Для него важно еще знать, как поступите вы. Его Величество человек вспыльчивый, но и осторожный.



Я смотрел в его лицо, стараясь понять, что кроется под этой информацией, затем сказал люто:

— Сделаем так... Эй, сэр Торрекс! Ко мне!..

Барон ворвался с обнаженным мечом, за ним еще двое очень быстрых воинов с дротиками в руках наготове.

— Ваша светлость, — спросил Эйц, он не сводил враждебного взгляда с гонца и готов был мгновенно снести ему голову. — Только прикажите!

— Немедленно возьми отряд, — велел я хриплым от ярости голосом, — пройди по залам, схвати и заключи под стражу всех наиболее знатных лордов, что остались верны королю Кейдану.

Он вскрикнул с превеликой готовностью:

— Сделаю немедленно!.. Только как отличить... кто ему все еще верен?

— Сам догадайся, — буркнул я и повернулся к гонцу. — Передайте своему правителю в изгнании, что велю казнить всех схваченных, если с головы моего посла... посла!.. падет хоть один волос.

Он вскрикнул шокированно:

— Ваша светлость!

— Что? — прорычал я.

Он отшатнулся:

— Но... как можно? Так нельзя!

— Можно, — прошипел я люто. — Эта сволочь еще не знает, с кем решила потягаться! И кровь всех казненных мною будет на короле Кейдане!.. Так и передайте. Но сперва расскажите по дороге лордам о моем зверском решении.

Он проговорил напряженно:

— Я не понял хода ваших мыслей. Разве это прибавит им симпатии к вам?

— Не нуждаюсь, — прорычал я, прекрасно понимая, что бесстыже вру, — зато это заставит их надавить на Кейдана! Уверен, у многих здесь родня и связи. Есть люди, которые просто не могут без связей. И таких почему-то много.

Глава 10

Виконт ушел вместе с начальником стражи, я бешеным взглядом сверлил закрывшуюся за ними дверь, потом опустил лоб на кулаки и постарался дышать спокойнее, утихомиривая разбушевавшееся сердце. Кейдан не сразу схватил барона Фортескью, тот прибыл от меня в Ундерленды за сутки до того, как меня там сцапали самого. И все это время Кейдан, как ни ярился, барона не трогал, хотя я уже висел в застенке в полной беспомощности, а Кейдан велел меня пытать так, чтобы я охрип от крика.

Не стал трогать барона даже после дарования мне титула маркграфа. Почему? Вернее, почему велел схватить только теперь?

По хлопку в ладоши мгновенно распахнулась дверь. Слуга возник в дверях, крупный, сильный, готовый закрыть меня грудью от любой беды.

— Да, ваша светлость?

Я бросил резко:

— Графа Ришара ко мне!

— Сейчас доставлю...

— Еще барона Альбрехта, — велел я, — Альвара Зольмса и Арчибальда Вьеннуанского. Они там внизу уже пируют, свиньи полосатые... Лорд мыслит, а они пируют!

Первым явился сэр Растер, хотя его не звали, но рубака-рыцарь не понимает, как это можно без него что-то решать. Я промолчал, он с важным видом уселся так, чтобы видеть всех. Остальные рассаживались по мере того, как заходили.

Последним вбежал, запыхавшись, благородный сэр Альвар Зольмс, в прошлом командир двух полков элитной конницы в Фоссано, а теперь мой военачальник, опытный, несмотря на молодость, и решительный в действиях. За время боев в Сен-Мари на подбородке прибавился еще один шрамик, молодой рыцарь сам всегда ведет тяжелую



конницу в атаку, но морщинки у глаз весьма ощутимо разгладились от привольной городской жизни в столице.

Я начал рассказывать о проблеме раньше, чем все заняли свои места. Рыцари мрачнели, впереди поход в Гандерсгейм, слава и подвиги, боевые трофеи, а тут мелкие дворцовые интриги. Сэр Растер начал тихонько ругаться, от его громового голоса пламя свечей задрожало, а на стене зазвенели металлические чаши светильников.

Граф Ришар отсел ближе к камину, в задумчивости положил ноги на узорную решетку, словно по ту сторону все еще горит огонь, лицо стало до крайности задумчивое.

— Его Величество, — проговорил он мрачно, — узнал нечто еще. Что-то резко усиливающее его позиции. Или ослабляющее ваши, что вообще-то одно и то же.

— Или его сумели убедить, — добавил барон Альбрехт, — действовать решительнее.

— Нет, — сказал сэр Альвар, — не это.

— А что?

— Не знаю...

— Тогда помалкивай, — сказал сэр Растер сердито. — Пока не придумаешь что-то дельное!

— Возможно, — продолжал Ришар тем же задумчивым тоном, — его убедили, что вы почему-то безвредны? Или у вас связаны руки?

— Кем?

— Императором, к примеру.

Я подумал, покачал головой:

— С берега кораблем не правят.

Он посмотрел непонимающе:

— Вы о своем будущем флоте?

— О правлении императора, — ответил я. — Я принимаю его власть, что еще?.. Он слишком далек, чтобы указывать мне каждый шаг и поворот штурвала.. Мне на месте просто виднее. Император не дурак, ситуацию понимает.

Ришар сказал с сомнением:

— Хорошо бы. Нет-нет, я не сомневаюсь в мудрости

императора, но он может переоценивать свое влияние. Возможно, Кейдан решил, что вы просто стерпите?

— С какой стати?

Он ухмыльнулся:

— Из милосердия. Вы отобрали у него почти все королевство! Теперь можете в чем-то проявить снисхождение.

— И позволить ему казнить моих людей? — спросил я едко.

— Барон Фортескью, — напомнил сэр Альвар, — подданный короля. И, думаю, сам барон Фортескью этого не отрицает.

Куно наконец задвигался, закричал, на него начали оглядываться, я сказал с нетерпением:

— Куно, давайте без церемоний. Если пукнуть невтерпех, не стесняйтесь. Вон вокруг сэра Растера целая желтая завеса, но сэр Арчибальд вроде и не замечает. Воспитанный, значит.

— У меня насморк, — сообщил Арчибальд Вьеннуанский, но на всякий случай отодвинулся от насупившегося рыцаря. — Нежный я, у нас климат, а не погода, как у вас там где-то.

— А если Его Величество, — сказал Куно несмело, — полагает, что вы, человек дела, в первую очередь заботитесь о... скажем так, общих интересах? В последнее время он был под сильным влиянием рыночных отношений... Человеческие жизни в этом случае весят не так уж и много...

На него посмотрели с таким удивлением, что он смешался и умолк, виновато опустив глаза.

Я сказал раздраженно:

— Если так мог подумать, это просто дурак, а не король! Мы с Севера, а там честь и достоинство всегда выше любых прибылей. Дурак, не понимает, что, поступи я иначе, меня мои же лорды разорвут в клочья, как последнее ничтожество!..

Барон Альбрехт аристократически поморщился, красиво поддернул манжеты на запястьях.



— Вам не стоит так часто бродить среди простонародья, — заметил он надменно. — Слов каких набрались... Мы же не стая собак.

— Но, по сути, не возражаете, — сказал я. — То-то. Ладно, заканчиваем. Подождем реакцию короля. От меня тоже ждут, какотреагирую, вот и послал отчетливый сигнал! Надеюсь, очень ясный.

Ришар кивнул.

— С бароном Фортескью ничего не случится, пока Его Величество не убедится, что волен поступать со своим подданным как хочет, а вы помалкиваете. Даже если все лорды его Верховного Суда и скажут, что барона нужно казнить немедленно.

Арчибальд проговорил со своего места несмело:

— Мой отец, верховный лорд Жерар Фуланд, всегда говорил, что из любой тюрьмы выход есть, а из могилы — нет. Полагаю, барон Фортескью в безопасности до прибытия гонца с известием о вашем решении. А тогда уже Его Величество что-то решит.

Ришар кивнул с одобрением:

— Хорошо сказано.

— А почему, — спросил я, — не схватил барона сразу? Чего выжидал?

— Возможно, — предположил Арчибальд, смелея, — ждал вторжения в Ундерленды. Но когда этого не случилось, он и начал свою игру.

— Что и следовало ожидать, — добавил Ришар. — Он не хочет довольствоваться статус-кво, когда вы в Геннегау правите всем королевством, а он сидит в крохотных Ундерлендах, отгородившись непроходимыми пропастями земля дьявола.

Я посмотрел с удивлением:

— А это еще что за земли дьявола?

Он отмахнулся:

— Да вы знаете... Бывали там. И хаживали.

— Не припомню, — ответил я настороженно. — А память у меня как у стада голодных слонов.

— Почему голодных?

— У сытых память спит, — объяснил я. — Что за земли?

— Вы через них ехали, — напомнил он. — Когда в Ундерленды... И обратно тоже. Другой дороги там нет.

Меня осыпало жаром, я ощутил запах горящей почвы, вспомнив эту страшную, вечно раскаленную землю, отделившую Ундерланды от остальной части Сен-Мари. Исполинские ущелья, полные кипящей магмы, то и дело выстреливают из недр огненными протуберанцами. Пласты земли часто подрагивают, из глубин доносится гул, с треском возникают пламенные щели, похожие на вход в ад.

Немногие могут пробираться в Ундерленды, там извилистая тропа под отвесной горой, где из нор выстреливаются, как арбалетные болты, ужасные гарпии. Когда вылетают большой стаей, затмевают собой небо. Только отряд закованных в лучшие доспехи рыцарей в состоянии пройти, а в середине под защитой постоянно стреляющих лучников и арбалетчиков прячется королевский гонец или другой важный человек.

Я передернул плечами:

— Да хрен с нею, этой страной дьявола, или как ее там. Пусть и дальше отгораживает. Я бы еще шире пропасти сделал, чтоб он там застрял навеки. Ладно, всем спасибо за обсуждение. Перчатка на поле короля, посмотрим, как ответит.

Они поднялись, сэра Арчибальд толкнул задремавшего сэра Растера, и все один за другим вывалились в коридор. Я раздраженно слышал, как уходят весело и беспечно, кто-то даже затянул веселую песню, я же их выдернул прямо из-за стола, а что может быть лучше застолья, разве что кровавый пир на поле брани!

Вскоре заглянул слуга и сообщил шепотом, что прибыл человек, которого я уже принимал сегодня.

Я махнул рукой:



— Давай.

Он исчез, в комнату вошел тот крепкоплечий и рыжебородый виконт де Голдинвуд, в руках нечто завернутое в простую мешковину, размер в половину его роста.

Сердце мое застучало чаще. Виконт медленно и торжественно развязывал туго затянутые узлы. На поясе нож, невытащить и перерезать не решается, незримыми телохранителями жест может быть истолкован неверно, а пасть пронзенным арбалетными стрелами из-за недоразумения может только дурака.

Мешковина рухнула на пол, лук заблистал, как золото. Барельефы на обеих половинках в свете колеблющегося пламени свечей задвигались, будто живые.

— Наконец-то, — выдохнул я. — Как я по нему соскучился... Только он и остался от полного доспеха.

Виконт произнес почтительно:

— Сочувствую. Представляю, каким тот был.

— Не представляете, — ответил я. — Такие будут делать не скоро. Хотя, надеюсь, вообще не будут...

На его лице проступило озадаченное выражение.

— Ваша светлость?..

— Пойдем другим путем, — объяснил я.

— Безлуковым?

— Скорее арбалетным, — ответил я. — И дальше.

Руки мои приняли лук, он показался тяжелее, чем раньше, в сердце кольнула тревога. Я вспомнил, что сперва с легкостью натягивал его лишь в доспехах Арианта, потом стал и без них, по мере роста моего паладинского опыта, но как сейчас... после той нечеловеческой схватки, когда погиб Логирд?

Виконт наблюдал, как я трогаю, глажу, ощупываю барельефы, в глазах ожидание, но я натягивать не стал, попробую без лишних глаз, сказал уже другим голосом:

— Передайте Арнульф, я принял посылку.

Он поклонился:

— Что-нибудь еще?

Я смотрел прямо, не моргнув глазом, ответил бесстрашно:

— Нет. Просто, я принял.

Он еще раз поклонился, отступил к двери. Двое слуг тут же распахнули перед ним двери.

Он вышел, я прислушался к долетающим снизу воплям. Понятно, пир в разгаре. По голосам чувствуется, среди слуг появились молодые женщины, это как водится. Блюда носят хуже мужчин, но у пирующих настроение резко идет вверх, промахи не замечают, разве что в наказание ушипнут за спелую ягодицу.

Всем хорошо, только я, как загнанный зверь, мечусь в королевском дворце, который не совсем уж и мой, злюсь, не желая все это оставить, но придется, и все злее в мозгу всплывает мысль: а почему бы и нет? Если уж начистоту, то не пора ли замахнуться на нечто повыше, чем маркграфство. Хотя бы на герцогский титул, а там... себе-то признать-ся могу?.. и на королевский трон. Почему нет? Не думаю, что я глупее Кейдана. Правда, его поддерживает вся клановая система, а я лишь пытаюсь опираться на военачальников и на тех рыцарей, которым раздал земельные наделы. Но таких немного, к тому же за ними не стоят многочисленные семьи, где каждое поколение вращалось корнями и завязывало прочные связи с более могущественными лордами.

Короля играет свита, у меня такой свиты пока что нет. А у нас европейское мышление, здесь безродные чингисханы или аттилы не пройдут.

Но... и я не всего лишь Чингисхан или хромой Тимур. И трон будет мой. И королевство — мое!

Не находя себе места, я вышел из дворца одновременно злой и униженный, иш, моего посла в темницу, и в то же время кипящий от желания что-то делать, рушить, ломать, а на обломках возводить нечто прекрасное...

Ноги сами принесли к строящемуся собору. По дороге в залах сразу пристроилось сзади несколько местных при-



дворных, самые смелые, а впереди побежали четверо дюжих телохранителей с пиками с руках, расчищая дорогу.

Как и надеялся, среди работающих мелькнула оранжевая хламида отца Дитриха, он руководит инженерами так умело, словно всю жизнь только и возводил соборы, а не жег людей на кострах. Правда, это я так, со зла. Жечь стал, понятно, сравнительно недавно, не родился же Верховным Инквизитором, а раньше вообще неизвестно кем и был. Может, и в самом деле строил.

— Отец Дитрих!

Он обернулся, ряса в опилках и брызгах извести, даже волосы испачканы, но в глазах тихая и совсем неинквизиторски светлая радость.

— Сын мой, — сказал он отечески, — можешь возрадоваться, стройка идет даже быстрее, чем рассчитывали!

Я ухватил его руку и поцеловал.

— Вашими усилиями, отец Дитрих.

Он помотал головой:

— Нет, здесь строители смышленее. И умелее. Никогда соборы не строили, но быстро ухватили, что и как делать. Словно им Господь сам подсказывает!

Я засмеялся:

— Думаете, в таком великолепном соборе и другие ощущают присутствие Творца?

Отец Дитрих посмотрел с ласковой укоризной.

— Бог, — ответил он мирно, — который позволил бы нам удостовериться в своем существовании, был бы не Богом, а идолом.

Я пробормотал в неловкости за глупую шуточку:

— Гм, ну да... Я рад, что вам эта стройка нравится.

Он тяжело вздохнул:

— Я и рад бы забыть, что я еще и Великий Инквизитор! Но то и дело приходят просьбы вернуться в Зорр или в другие королевства, разобраться с нарушениями церковных законов. Всем кажется, что самое важное именно у них. Но направляю туда лишь легатов да подписываю разные указы

и постановления. У них просто святые места, если сравнивать с тем, куда вы нас привели...

Я виновато развел руками:

— Увы...

Он сказал отечески:

— Не извиняйся, сын мой, ты сделал великое дело. Мы должны радоваться тяжелой работе, а не прятаться от нее, как собаки от мух. Всем нам, чего греха таить, хотелось бы беспечной жизни. Но никто еще не попал в рай, лежа на диване и попивая сладкое вино! А вот с поля боя, с креста, плахи, из застенка... Господь наш взошел в рай в страданиях, так почему же мечтаем попасть туда, возлежа на перине из лебяжьего пуха? Разве нам не указано на примерах, что надо идти до конца? Каким бы тернистым ни был путь?

Я зябко повел плечами:

— Такие страсти говорите. Но это сейчас мир жесток. Но когда-то жизнь станет мирной?

— Мирной никогда не станет, — заметил он.

— Что, всегда воевать будут?

Он посмотрел удивленно:

— Почему воевать? Люди могут страдать не только в условиях войны. Старое сдается с трудом, первый ряд воинов обычно гибнет... Они уж точно попадут в рай. Как и те, кто напряженно трудится всю жизнь, забывая о мирских радостях.

— Это трудно, — пробормотал я. — Одно дело — подвиг, это дело минуты, другое — годами пахать одно и то же поле и знать, что так до конца жизни. Это своего рода мученичество!

Он невесело улыбнулся, в словах прозвучала слабая ирония:

— Церковь стоит на крови мучеников, сэр Ричард. Жить и умереть за веру — привилегия, а не беда или несчастье. Может быть, когда придет смертный час, я буду жалеть, что не удостоился чести быть распятым, как святой



Петр, колесованным, как святой Усмар, или сваренным в кипящем масле, как великомученик Агилай.

Я перекрестился и сказал совершенно искренне:

— Свят-свят, отец Дитрих! Такие страсти рассказываю-те. Я мечтаю о том времени, когда люди вообще не будут страдать.

— Это только в Царстве Небесном, — ответил он. — Но на земле такое не построить.

Глава II

По площади простучали конские копыта, в нашу сторону мчится десяток вооруженных всадников, телохранители насторожились, но с коня спрыгнул барон Эйц, он начальник дворцовой стражи, но, будучи родом из Армландии, должность понимает как охрану сюзерена, а сам дворец без моей светлости ничто, по его мнению.

Его люди рассыпались по площади и не позволяли народу ринуться ко мне и затоптать со своими прошениями, жалобами и кляузами, а барон подошел быстрыми четкими шагами.

Колено преклонять не стал, видимся слишком часто, сказал почтительно:

— Мне придется заделать эти боковые двери. Слишком их много... вашей светлости что-нибудь угодно?

Я отмахнулся:

— Ничего не надо, спасибо, сэр Торрекс.

Он спросил упрямо:

— А святому отцу?

Я с интересом посмотрел на отца Дитриха:

— Желаете чего-нибудь, ваше преосвященство?

Он покачал головой:

— Спасибо, сын мой. Я сыт.

Сэр Торрекс с разочарованным лицом развел руками, а я сказал со смешком:

— Отец Дитрих, а вас любят!.. Что вообще-то странно. Подумать только, Великого Инквизитора!

Он покосился с некоторым удивлением:

— А кто им дает представления на площади, сжигая ведьм и чернокнижников? Все любят смотреть, как жгут продавших души дьяволу.

Я засмеялся, что-то сам туплю, простой народ в самом деле инквизиторов любит, те никогда не трогают их, а все среди богатых находят добычу для костра, среди знатных, грамотных.

— Хорошо, — сказал я с чувством. — Чистое, незамутненное счастье... Приятно вернуться к друзьям, где тебе рады, где все хорошо, все идет правильно...

Отец Дитрих не стал советовать сплунуть, это язычество, но во взгляде была укоризна. Сэр Торрекс не уходил, а перехватив мой взгляд, сказал уже негромко:

— Только что прибыл гонец от сэра Норберта. Тот сообщает, что к нам едет прелат из Ватикана! Всего в двух днях пути от Геннегау!

Отец Дитрих вздрогнул, мне даже показалось, что переменялся в лице:

— Прелат? Где он?

Сэр Торрекс выпалил с готовностью, повернувшись к нему, словно отец Дитрих здесь главный:

— В сутках пути отсюда. Видимо, между Ангулем и Першем.

Отец Дитрих почему-то быстро взглянул в мою сторону, лицо напряглось:

— Хорошо, нужно успеть подготовиться.

— Как? — спросил я. — Кроме покоев.... Что-то особое?

Он покачал головой:

— Нет, люди из Ватикана, что бы о них ни рассказывали, на самом деле неприхотливые. Приготовиться надо иначе... Провести ночь в бдении перед распятием Иисуса,



подумать о себе и своей жизни, вспомнить, что сделано не так, и попросить у Господа прощения...

Я сказал сэру Торрексу:

— Отправьте гонца в домик с красной крышей, он сейчас свободен, пусть отдохнет. А мы подготовимся к приему высоких гостей.

Он сказал с готовностью:

— Я могу подобрать для них покои!

Я взглянул на отца Дитриха. Тот кивнул.

— Только позаботьтесь, чтоб их покои были недалеко от часовни.

Сэр Торрекс преклонил колено и припал к его руке. Отец Дитрих перекрестил склоненную голову.

Лицо Великого Инквизитора оставалось встревоженным.

— Ну вот, — произнес он, — а вы, сэр Ричард, только что про незамутненное счастье.

Сэр Торрекс вскочил на коня и унесся, за ним ускакал только один всадник, остальные бдили, охраняя сюзерена. Отец Дитрих обеспокоенно смотрел вдаль, словно видел нечто сквозь пространство далеко впереди, а увиденное тревожило еще больше.

Я спросил быстро:

— Что не так, святой отец?.. Мы установили власть над целым королевством — этого достаточно для пристального интереса со стороны Ватикана. К тому же оно на этой стороне Великого Хребта!

Он медленно и несколько неуверенно кивнул:

— Все так...

— Но что вас тревожит?

Он посмотрел на меня с сомнением:

— Из Ватикана нелегко путь. Там много опасных мест... Оттуда нелегко добраться в эти края. И всякий раз заранее предупреждают о приезде высоких гостей.

— Всякий раз?

Он кивнул:

— Да.

Я сказал осторожно:

— Если дороги столь опасны, гонцы могли и не доб-
раться?

Он покачал головой:

— Они всегда добираются.

— Их защита столь совершенна?

Он отвел взгляд, у священников свои тайны, медленно
наклонил голову.

— Пока еще, — произнес он осторожно, — не было слу-
чая, чтобы гонца Ватикана кто-то остановил или задержал.
Или что-то.

В этот раз голос его был тверд.

С утра, хотя уйма дел, я проснулся с мыслью о прибы-
вающих из Ватикана. И хотя явно не ко мне, это заботы от-
ца Дитриха, однако нехорошее чувство, из-за которого
проснулся на час раньше, лежит во мне, как тяжелая гряз-
ная льдина.

Вошли придворные, удостоенные чести быть допушен-
ными к утреннему туалету моей светлости. Один взял в ру-
ки зеркало, другой открыл роскошную шкатулку из слоно-
вой кости, там гребни и расчески, я посмотрел на их край-
не важно-серьезные и даже торжественные лица, вздохнул
и отказался от мысли создать чашку горячего крепкого кофе.

Мельком взглянув в зеркало, я сказал нетерпеливо:

— Хорошо!.. А теперь уберите, я себя уже одобрил.

— Ваша светлость, а не желаете ли...

— Желаю, — обрубил я. — Одеться и за работу!

Их лица выразили неодобрение в разной степени, мне
помогли зашнуровать жиппон, хотя могу и сам, привык же
без оруженосца, я поблагодарил за помощь, все расступи-
лись, я направился к выходу, и стражи бесстрастно распах-
нули передо мною двери.

Хватит, стучит в висках. Гаугграф, фрейграф, вильдграф —
топтанье на месте. Я же раньше как мчался, ветер ревел в



ушах и старался оторвать их с головой вместе! А сейчас барахтаюсь, словно влетел с размаху в патоку, завяз, как муха, ползаю, крылья слиплись... Давно пора Кейдану ощутить, какой из меня подданный, пора мне самому узнать, что это за император такой странный на Юге, приглашающий в личную охрану лучших рыцарей из северных королевств...

В зале множество важных и пышно одетых господ, я шел быстро, держа взглядом дверь на той стороне, там по бокам такие же рослые часовые, а справа и слева слышится торопливое:

- Ваша светлость!
- Ваша светлость...
- Ваша светлость?
- Ваша светлость...

Голоса преисполнены почтения, хотя иду просто стремительно и ни на кого не смотрю. Понимают, что легко могу бросить взгляд и выхватить им того, кто произнес без должного уважения, а то и равнодушно. Хотя «Ваше Величество» звучит намного эффектнее, но здесь быстро сообразили, что реальная власть, пусть даже без соответствующих титулов, тоже весьма и весьма весомая вещь.

Только часовые не кланяются, так можно пропустить что-то опасное для лорда, да и спина заболит, где вельможные ходят, как гуси, стаями.

У королевского кабинета такие же часовые, я бы не отличил их от кейдановских, если бы барон Альбрехт еще в первый же день не сменил их надежными людьми из наших войск.

У двери встретил с поклоном сэра Жерар Макдугал, как всегда угрюмый и молчаливый.

Двери передо мной распахнули часовые. Церемониймейстер склонил голову в почтительном поклоне, но почему-то смолчал, я прошествовал в сияющее золотом пространство, пламя свечей отражается в золотых статуэтках, полированной поверхности стола, золотых украшениях на стенах и потолке.

Справа и слева с обеих сторон полыхает огонь в каминах, а еще один — у противоположной стороны демонстрирует россыпь крупных пурпурных углей, похожих на рубины сказочных размеров. Вообще-то я редко вижу здесь работающие каминные, все-таки Юг, но двое суток лили дожди, воздух настолько сырой и плотный, что в нем могут плавать мелкие рыбы.

Сэр Жерар вошел следом и остановился у двери. Не шевеля головой, он лишь поводил глазами, отслеживая мои передвижения по комнате.

Я отодвинул кресло от стола, настолько тяжелое, что не ударишь им оппонента по голове, опустил в него задницу, локти положил на стол, после чего вперил взор в сэра Жерара:

— Что нового?

Не меня выражения лица, он произнес ровным голосом:

— Вчера прибыло письмо от Его Величества короля Барбароссы. Ему уже поступило множество жалоб на бесчинства ваших людей... Интересуется, так ли это.

Я переспросил:

— Отсюда? Из Орифламме?

— Да, — подтвердил он, — из Сен-Мари.

— А почему Барбароссе?

— Вы его подданный, — напомнил он. — Хотя, конечно, теперь есть сложность, вы и подданный Кейдана, а также императора... гм... видимо, полагают, что Барбароссу послушаетесь лучше...

— Я из непутевого поколения, — ответил я невесело, — без идеалов и почтения к старшим. Что за жалобы?

— Ваши люди отчуждают земли, — объяснил он бесстрастно, — присваивают замки и владения...

— Это с моего разрешения, — оборвал я. — Давай письмо.

— Вот, ваша светлость.

Я вскрыл пакет особым ножом для разрезания конвер-



тов, хотя таким можно убить вепря или майордома, что тот еще кабан. Письмо накорябал сэр Маршалл, я узнал не только почерк, но и манеру, быструю и решительную. Королевский советник и в дипломатии остался все тем же турнирным бойцом, что не потерпел ни единого поражения, идет напролом, но не забывает и о защите.

Пробежав глазами текст, я велел:

— Напиши, я благодарен и все такое. Побольше пышностей. Барбаросса этого не любит, сразу разозлится и поймет, что дразню нарочито. А раз так, то наши отношения по-прежнему крепкие, я его что и весьма даже повинуюсь. Если бы я что задумал, то рассыпался бы в любезностях, он не дурак, понимает. Под этим соусом попроси прислать больше священников. Можно один-два конных полка. И еще спроси, выполнен ли дополнительный заказ на композитные луки.

Он поклонился:

— Все сделаю, ваша светлость.

— Только потом мне на редактуру, — сказал я строго. — Должен я видеть, что пишу, или не должен?

— Должны, — ответил он с поклоном, но по его неприкрытому лицу я видел, что это какая-то блажь с моей стороны. — Я исправлю, если вам вдруг не понравится.

— Сам исправлю, — буркнул я.

Пока я просматривал прочую почту, жалобы, прошения, он писал старательно, наконец, скатав плотный лист в трубочку, почтительно подал мне, сам терпеливо ждал, пока разогреется сургуч, капнул жирно, я вытащил из стола большую печать и аккуратно сделал оттиск, запечатывая края.

— Отправить немедленно, — распорядился я.

— Будет сделано, ваша светлость.

— Сэра Альбрехта ко мне!

— Сейчас пришем, ваша светлость.

Барона искали недолго, он вошел и остановился в двер-

ном проеме, давая собой полюбоваться, затем склонился в грациозном поклоне и витиевато помахал шляпой.

— Заходите, сэр Альбрехт, — сказал я. — Что это вы с такими церемониями? Старые боевые друзья вправе заходить без стука и без этих поклонов.

Он вошел, сдержанно ухмыляясь и горделиво постукивая подковками на каблуках сапог.

— И не показать это сложное приветствие, что я недавно выучил?

— А зачем вам оно?

— Нравится, — ответил он. — Чем человек глупее, тем и приветствия у него проще.

— А мне тогда что, — спросил я, — всякий раз в двойной морской узел завязываться?

— Вам проще, — сказал он. — Сюзерены выше вычурных поклонов. Достаточно и простого кивка.

— А в морду?

Он поморщился:

— Это уже фамильярность. Избегайте.

Его кожаный жиппон весь расшит бисером, ровными такими линиями, что красиво изламываются при любом движении. Даже двойной стоячий воротник по торцу украшен этими крохотными застывшими капельками божьей росы, из-за чего его умное лицо постоянно в обрамлении благородно сияющих без всякого наглого блеска чудесных капелек света.

Скрепляющую воротник застежку ювелиры сумели превратить в произведение искусства, вдобавок к ней подцепили три жемчужины, и сэр Альбрехт не просто великолепен, на этот раз вообще неотразим.

Я кивнул на кресло по другую сторону стола:

— Садитесь, вводите в курс дела. Что-то народу здесь прибавилось... Вина? Или позавтракаете со мной?

Он сел с деликатностью, красиво и элегантно расправив складки одежды на заднице.

— Да, когда вы пошли в народ, залы были пустыми.



Спасибо, вы в самом деле прямо из постели за стол с бумагами?

Я поморщился:

— И какого ангела сейчас залы заполнились?

Он пояснил с легкой усмешечкой:

— Ваши придворные, сэр Ричард. Спасибо за приглашение, сэр Ричард. Но на будущее не приглашайте кого попало разделить с вами завтрак или обед. Это великая честь, за это должны бороться. А мне сегодня придется объясняться, почему именно меня пригласили отзавтракать. Придется сказать, что наш майордом дурак, правил не знает...

— Так и скажите, — посоветовал я.

Он вздохнул:

— С огромным удовольствием бы, да нельзя. Тем самым признаюсь, что служу такому... гм. Увы, мы все в этой стране повязаны одной крепкой веревкой.

Слуги подходили, бесшумные, как призраки летучих мышей, преклоняли колено, держа подносы на виду. Мы указывали, что и сколько переложить на наши тарелки. Они в той же коленопреклоненной позе выполняли указания, поднимались, еще раз кланялись почтительнейшим образом, удалялись совсем неслышно, словно испарялись прямо от стола.

— Вина? — поинтересовался я.

Он покачал головой:

— Благодарю, но если можно, и мне того же, что вы пьете с утра и называете не вином.

В моих руках образовалась глиняная чашка, я спохватился, вылил кофе в большую серебряную чашу, остальное добавил уже туда. Барон с интересом смотрел, как чуть позже в чаше перед ним поднимается почти черная жидкость.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал он серьезно. — И за доверие, кстати.

— Раньше вы этого напитка боялись, — напомнил я.

— Просто осторожничал, — уточнил он. — Я вообще человек нерисковый. А придворные вообще-то не зря... Правителю необходима свита. Даже деревенский староста выходит к людям в сопровождении... в сопровождении... Кто его сопровождает? Обычно какой-то дюжий мужик, готовый по его взгляду или жесту наводить порядок. Тем самым доказывая, что староста — власть. Чем человек выше, тем свита больше. И знатнее. Вы можете гордиться, сэр Ричард...

— Чем?

— По слухам, свита у вас побольше, чем сейчас у Его Величества!

Я удивился:

— У меня есть свита?

— Ну да, — подтвердил он. — Только вы ее не замечаете почему-то.

Я недовольно отмахнулся:

— В этом я не хочу тягаться с Кейданом. Пусть будет у него хоть в десять раз больше. Я не против. Зачем эти люди во дворце, не понимаю! С утра до вечера толпятся в обоих залах. Да что там в обоих — везде, как тараканы! Это что, соискатели работы?

Он повторил с недоумением:

— «Работы»?.. Что вы, сэр Ричард! Просто так положено! Они своим появлением оттеняют вашу мощь, ваше влияние, вашу значимость. А работу... гм... почти все хотели бы получить от вас еще земли, должности, льготы, но не думаю, что найдется такой, кто ищет работу.

— Дураки, — проворчал я, — ничего не понимают! Отдыхать не так интересно, как работать.

— Смотря что за работа, — уточнил он.

Я посмотрел зверем:

— Полагаете, у меня медом намазано? Ничего подобного! Когда был простым рыцарем, пусть даже с одним-двумя замками, как я счастливо и беспечно несся по миру на Зайчике! А теперь туда нельзя, то не делай, этого не тронь...



Он добавил в тон:

— А простому можно и трогать, и щупать, и подол задирать...

Я отмахнулся:

— Поверьте, барон, об этом я подумал в первую очередь. Хоть и не сказал из природной скромности. Мы такие, всегда на новом месте по сторонам вот так смотрим.

— И что? — произнес он спокойно. — Красивых женщин много. Даже очень, я бы сказал, красивых. В Армландии таких ухоженных и... гм, подготовленных я просто не встречал.

Я сказал сквозь зубы:

— Увы, нельзя. Для солдата женщины — удовольствие и забава, для политика — подводные рифы. А я, будь неладна такая жизнь, уже политик больше, чем солдат.

Он посмотрел понимающе:

— А-а-а, вот для чего вы переодеваетесь в простого горожанина и пропадаете на несколько суток?

Я вздохнул:

— Ну да, а как же. Вы все угадали верно, барон! Какой вы проницательный...

Глава 12

Присутствие слуг ощущалось только в моменты, когда исчезали пустые тарелки и появлялись новые. Кувшин с вином возник ниоткуда, однако барон с удовольствием потягивал горячий кофе, довольно шурился, а уже потом, вопреки всяким правилам застолья, принялся за жареную тетерю.

Ел спокойно, с достоинством, его невозможно представить себе с довольным ревом набросившимся на пищу в стиле сэра Растера или разрывающим обеими руками печеного гуся.

Я поглядывал на слуг и думал с завистью, что в Армландию такая выучка придет не скоро. Слуги, а держатся с

достоинством герцогов, что только подчеркивает высокий ранг того, кому служат.

— Как насчет дворца? — заметил он как бы невзначай.

— А что с ним не так? — переспросил я.

Он бросил беглый взгляд на мое лицо, снова уткнул его в блюдо.

— Если вернется Его Величество, — обронил он так же небрежно, — переедете в какой-то иной?

— Собирался, — ответил я честно. — Уже велел присмотреть достаточно крупный и в хорошем месте... чтоб охрану поставить, и все такое.

— Дворец из тех, — уточнил он, — чьи хозяева последовали за Кейданом?

— Точно, — сказал я, — но сейчас понимаю, что они тоже могут вернуться. И как я уступлю королевский дворец Кейдану, так должен уступать дома и владения его приближенным. А там, глядишь, потребуют отобрать те земли, что я роздал своим лордам и рыцарям.

Он кивнул, взгляд был холодноватый, как и голос:

— Это наверняка.

— И как тогда? — спросил я. — Если начну уступать, то у какой черты остановиться?..

Он поинтересовался:

— Какое-то решение уже есть?

— Пока нет, — признался я. — Я тоже хочу, чтобы все было по закону! Но когда законы мне противоречат, это плохо для меня или для этих дурацких законов?

Он догрыз мясо, аккуратно вытер пальцы о скатерть, взгляд его не отрывался от моего лица, жутковато ровный и требовательный.

— У Его Величества больше прав.

— Все верно, — согласился я. — Прав у него больше. Однако моя армия покрупнее. А еще все крепости королевства в моих руках. Мне кажется, такой юридический аргумент делает мои претензии на королевский дворец более весомыми.



Он некоторое время смотрел молча, затем во взгляде мелькнуло беспокойство.

— Надеюсь, только на дворец?

Голос его был настолько ровным, словно лед на высокогорном озере, что я не сразу даже понял, а когда сообразил, что барон имеет в виду, охнул и сказал громко:

— Что вы, барон! О короне я и не думаю. Это было бы слишком... чревато. Нет, пусть королем остается Кейдан. Я не выступлю против легитимности, но и отказываться от привилегий, что дает сила, было бы глупо.

Он чуть-чуть раздвинул губы в усмешке:

— В самом деле не думали о короне, сэр Ричард?

— У меня их несколько, — сообщил я.

Он не отрывал от меня насмешливого взгляда:

— О королевской, я имею в виду.

— Думать можно обо всем, — напомнил я. — Скажу честно, барон, если вам так уж хочется. В самом деле не думал... до недавнего времени. Слишком уж многое на меня свалилось. Но сейчас да, кое-что я мог бы делать и получше Кейдана.

Он снова деликатно и тщательно вытер руки о скатерть, поправил манжеты, мне показалось, что барон что-то никак не решается сказать, а когда наконец заговорил, то поглядывал на меня с несвойственной ему полублудливой, полувиноватой усмешкой:

— Сэр Ричард, ваш двор уже начинает равняться по блеску и пышности иным королевским.

— И что, — буркнул я, — это плохо?

— Замечательно, — согласился он, — все короли стараются сделать свой двор настолько значительным, чтобы к нему стремились поэты, художники, философы! У вас это получается без особых усилий уже потому, что своими блестящими действиями и мудрым управлением...

Я поморщился, прервал:

— Барон, вы меня удивляете! Как будто кто-то говорит вместо вас. Давайте ближе к делу.

Он поклонился и дальше говорил, не поднимая головы:

— Да, я сам чувствую, что это не мое дело, но другие только шипят по углам, а вслух никто сказать не решается. Словом, вашему двору недостает некоторого блеска. А блеск придают красивые женщины.

Я фыркнул:

— Женщины? Их и так предостаточно!

Он поднял голову, в глазах все то же скрытое, я бы сказал, смущение, опять же очень нехарактерное для барона.

— Сэр Ричард, — проговорил он медленно и отвел взгляд в сторону, — осмелюсь напомнить, при всех дворах самые красивые женщины группируются вокруг королевы. Они становятся ее фрейлинами, у них свои порядки, но именно двор королевы и придает блеск, теплоту и очарование... А сейчас женщины разрознены, они как светлячки в ночи! Вот если собрать их воедино, это будет такой свет!

Я отмахнулся:

— Вот и собирайте, если совсем уж делать нечего.

Он сказал опасливо:

— Есть-есть, а то я вас знаю, сразу нагрузите еще... Значит, вы доверяете мне подыскать вам спутницу жизни?

Я поморщился:

— Ну и шуточки у вас, сэр Альбрехт. Я бы вам не доверил отыскать пару к сапогу, хотя оба будут в одной комнате. Точно сопрете, а мне всучите растоптанные тапочки! Передайте жажущим, что мы все еще в крестовом походе!

Дверь распахнулась, вошел и сразу склонился в глубоком поклоне Куно, к груди прижимает толстую папку.

Я сказал с раздражением:

— Да заходите же, чучундр! Что-то неотложное?

Куно робко взглянул на недовольного барона Альбрехта:

— Для вас это, конечно, мелочь, но меня обеспокоила.

Я спросил нетерпеливо:

— Что стряслось?

Он помялся, отвел глаза снова, посмотрел на барона,



Альбрехт встал и в раздражении пошел смотреть в окно на гуляющих внизу дам в роскошных платьях.

— Герцог Джонатан Меерлинг, — сказал Куно почти шепотом, — собирает армию.

— Что-о? Зачем?

— Повод есть, — сообщил Куно так же тихо, — он намерен посетить восточную часть королевства. Там пара его владений, но в тех краях он не весьма... популярен. Явись туда один или с малым отрядом — мигом сомнут и будут с торжеством носить его голову на пике, невзирая на месть со стороны короля. Однако на самом деле причина стягивания боевых отрядов в его замок, на мой взгляд, иная. Да и денег для такой простой поездки занимает многовато. И дают ему чересчур охотно. Знаете ли, чересчур.

Я помрачнел, спросил на всякий случай:

— Собирается поднять мятеж?

— Думаю, — ответил он осторожно, — по всему королевству это не получится, хотя и попытается. Однако его земли очень уж удобно расположены. Там одна-единственная дорога, а везде то бурные реки, то горы, то пропасти...

— Понятно, — прервал я. — Попробует отложиться.

Он наклонил голову:

— Да, вероятность высока. Прецеденты есть.

— Брабант и Ундерленды?

— Да, ваша светлость.

Я промолчал, что думаю о независимости этих регионов, такое непопулярное для лордов, никто не должен знать, посмотрел на своего канцлера очень внимательно.

— Ты знаешь характеры местных лордов, Куно. Нельзя ли его вызвать в Геннегау для разговора?

— Смотря о чем, ваша светлость.

— То есть может и не подчиниться?

— Если решит, что его планы раскрыты... кто бы полез в пасть льву?

Я скривился:

— Ну что за жизнь? Только-только начали строительст-

во Царства Небесного в отдельно взятом королевстве... Уже и котлован под фундамент начали копать, а придется пустить под братскую могилу! Все же попробуй. Приложи все свои умения.

Куно поклонился, бросил взгляд на барона, тот вышел на балкон и, опершись о перила, с увлечением смотрел на часто дефилирующих внизу женщин. При здешней моде на глубокие декольте точка обзора у него восхитительная. Думаю, женщины потому и прогуливаются здесь так упорно и настойчиво.

За дверью прогремел топот, словно в приемной не бесшумные паркетные шаркуны, а пьяные арбалетки. Дверь распахнулась, сэр Жерар сунул голову в проем.

— Едут!.. — прокричал он непривычно для него восторженно. — Из Ватикана едут!..

— Где они? — спросил я.

— Прошли через городские врата, — сообщил он торопливо. — Раздают благословения, народу сбежалось тьма, весь город там на коленях, потому продвигаются медленно.

Альбрехт посмотрел на меня с вопросом в серых строгих глазах:

— Собираетесь встречать?

— А вы?

— Я такой возможности не пропущу.

— Еще бы, — ответил я. — Хотя я с большей охотой посмотрел бы на мужика с медведем.

— Вам не мешает проявить учтивость, — напомнил он. — Все-таки гости такого высокого ранга!

— Может быть, — предположил я, — стоит принять их здесь, во дворце?

— Вы еще не король, — напомнил он едко.

Глава 13

Не люблю поклоны, когда низко склоняют головы, мол, можешь рубить, все в твоей власти, гораздо приятнее, когда женщины кокетливо приседают, давая возможность



заглянуть в низкий вырез платья, а мужчины преклоняют колено, но опять же никто не склоняется, даже напротив — голова слегка откидывается назад, чтобы смотреть сюзерену прямо в глаза.

Суть такого поклона в том, что показывают неравенство, я выше, они ниже, это необходимая преамбула к общению. Звери при встрече дерутся, выясняя отношения и ранг, а потом уже только демонстрируют... ну все знают, как более слабый волк подставляет горло более сильному, признавая его вожаком, то же самое и с этими преклонениями колена, хотя мы еще те звери, но не драться же с каждым, это всей стае невыгодно, а так вот сразу все понятно, иерархия налицо, зрима и понятна.

Я прошел через зал, отвечая на поклоны когда милостивым наклоном головы, когда улыбкой, а когда и просто движением бровей, чаще вообще никак не реагировал, за мной бесшумно двигаются телохранители.

Так вышел из дворца, а с крыльца узрел, как со стороны площади в нашу сторону движется огромная толпа простонародья. Решетчатые ворота отсекли шумный сброд, с той стороны в королевский сад вошли два священника в темно-красных сутанах. Между ними суетливо семенит мелкими копытцами коричневый мул, священники держат его под уздцы с таким почтением, словно это животное только что снизошло с небес.

На муле восседает, как грузная копна, человек в пурпурной тоге. Судя по цвету одежды и красной шапочке на голове, что едва прикрывает макушку, этот человек... кардинал!

Сердце мое невольно застучало чаще. Такого ранга посланца я меньше всего ожидал увидеть. Кардинал в трехчетырех одеждах, как луковица, поверх наброшен роскошный тяжелый плащ цвета солнца, с богатыми узорами от ворота и до края полы. Именно он и придает ощущение грузности, а так седок, если смотреть внимательнее, достаточно худ и тщедушен.

На груди слегка двигается из стороны в сторону тяжелый золотой крест. У священника, что идет рядом, крест болтается на уровне живота. У всех на головах крохотные красные шапочки, солнце блестит на седых висках, у одного волосы выбиваются крупными седыми локонами. Одежда священников тоже красного цвета, хотя и не такая яркая.

Из дворца продолжают выбегать люди, а со стороны площади ворота снова распахнулись, пропуская отца Дитриха и группу местных священников.

Они поспешили вслед за прибывшими, ко мне подошли барон Альбрехт и сэр Арчибальд, барон проговорил странным голосом:

— Что, вот так и ехали? Из самого Ватикана?

Сэр Арчибальд сказал тихо:

— Наверное... Священникам нельзя на коней. А повозки не везде пройдут.

— То-то и оно, — сказал Альбрехт. — Как сумели добраться до нас с этими золотыми крестами на виду? И без охраны!

Священники и монахи за спиной отца Дитриха крестились, все с просветленными, счастливыми лицами. Я pokrutil головой в удивлении, никогда не думал, что их там много. Постоянно прибывая через Тоннель, они тут же незаметно вливались в работу и как бы исчезали из внешнего мира, полного воинственных криков, пышной одежды и громкого смеха.

Отец Дитрих шагнул вперед, священник с мулом в поводу остановился. Кардинал вскинул руку, широкий красный рукав опустился почти до плеча, обнажая худую дряблую руку, больше похожую на высохшую лапу большой птицы, чем на человеческую.

— Да будет Христос с вами, — сказал он слегка дребезжащим голосом. — И да будет с вами Его благодать!

Священники на нашей стороне разом опустили колени и склонили головы. Я остался стоять, не нравится



мне вот так в стаде, кардинал метнул в мою сторону недобрый взгляд.

Отец Дитрих протянул руку, помогая сойти с мула. Кардинал тяжело спустился на землю, оба священника передали мула подбежавшим слугам и молитвенно сложили у груди ладони.

Кардинал с отцом Дитрихом обнялись, как братья во Христе, следом обниматься подошел первый из священников, сгорбленный и с белой, как снег, головой. Отец Дитрих и он побыли некоторое время в клинче, затем подошла очередь второго, высокого, с худым заостренным лицом и близко посаженными глазами.

Они тоже обнялись с отцом Дитрихом, монахи оставались коленопреклоненными и со смиренно опущенными головами. Я смотрел на всех троих с некоторой дрожью, причины которой не понял, пока не сообразил, что тремор в конечностях из-за одежды прибывших. Одежду вообще-то шьют из ярких тонов для высшего сословия, и темных — для простонародья. Цвета для всех — только синие, зеленые и пурпурные, даже желтый предпочитают не употреблять, это цвет измены, ненависти и подлого предательства. Белый цвет — чистота и непорочность, а также вера в Господа, черный — скорбь и верность, голубой — нежность. Одежду красного цвета носят только палачи... и высшие иерархи Церкви.

Все трое гостей из Ватикана в пурпурной одежде, начиная с одинаковых красных шапочек, что прикрывают только макушки!

Я зябко повел плечами, задействовал мышцы лица, изображая самую доброжелательную улыбку, как же, люди из Ватикана, они самые, только их нам и не хватало, спасибо, что осчастливили...

Отец Дитрих повернулся ко мне, глаза Великого Инквизитора сияют, хотя на лице все еще некоторая скованность.

— Ваше преосвященство, — обратился он почтительно к кардиналу, — позвольте вам представить сэра Ричарда,

верного воина Церкви!.. Это он привел наши войска в это королевство, забывшее заветы Господа...

Все трое смотрели на меня, как мне почудилось, с непонятной неприязнью. Старший, который кардинал, произнес негромким, но сильным голосом:

— Это мы знаем, брат Дитрих.

Отец Дитрих виновато усмехнулся, развел руками:

— Сэр Ричард, перед вами полномочный прелат Ватикана кардинал Эрнесто Мадзини. Его помощники — Габриэль Хорст и Раймон Весилион.

Я поклонился сдержанно, обычай падать ниц не по мне, как и целовать туфлю папе.

— Рады вашему прибытию, святые отцы. Вам будет предоставлено все по первому слову для вашего отдыха...

Габриэль Хорст и Раймон Весилион смотрели бесстрастно, а кардинал произнес веско:

— Мы не отдыхать приехали, сэр Ричард. Постарайтесь к вечеру высвободить пару часов для разговора с нами.

Я помедлил, что-то очень не нравится в его тоне, но ответил крайне вежливо и почтительно:

— Да, конечно, ваше преосвященство. У нас впервые такие высокие гости. Никто прелата в глаза не видел.

Он взглянул на меня остро из-под набрякших красных от усталости век.

— Я не просто прелат, — произнес он со значением. — Я легат!

Я чуть поклонился, а сам торопливо вспоминал, чем же легат отличается от прелата, а кардинал позволил местным священникам взять себя под руки и повести через сад к дому для почетных гостей.

Его помощники, Габриэль Хорст и Раймон Весилион, неторопливо шли следом, настолько смиренные, что просто раздуваются от гордыни и церковной спеси.

Отец Дитрих остался со мной, провожал гостей из Ватикана задумчивым и все еще настороженным взглядом, но тревога уже покинула его чело, вид снова деловой и дея-



тельный. К нему подошел монах с резной шкатулкой из темного дерева, на крышке витиеватые букочки переплетены друг с другом настолько хитро, что в таком ухищрении можно усмотреть и колдовской смысл.

Монах что-то шептал отцу Дитриху на ухо, тот хмурился и покачивал головой.

— С чем эта штука? — спросил я.

Монах ответил смиренно:

— С ничем, ваша светлость.

— Ни с чем, — автоматически поправил я. Отец Дитрих посмотрел на меня удивленно, я торопливо извинился: — Простите, святой отец, это я брякаю по суетной задумчивости мирской...

Он продолжал смотреть на меня, наконец сказал с непонятной улыбкой:

— Я бы взял вас преподавать в нашей школе.

— Берите, — согласился я. — Я вам такое напреподаю!

Он подумал, покачал головой:

— С другой стороны, у нас там слишком чистые души. Им слушать вас еще рано.

Я вздохнул, развел руками и смиренно потупил глазки:

— Отец Дитрих, что вы обо мне так... Я, к примеру, могу быть очень скромным и сосредоточенным. Например, если написать слово «финтифлюшка» красивой вязью, да еще — киноварью, а потом долго всматриваться в букву «ф»... вот она, видите, на крышке?.. то все равно ничего из этого не выйдет.

Он посмотрел оторопело:

— Так зачем же...

Я пожал плечами:

— Не знаю. Но это похоже на поиски истины. Правда, по-восточному. Это к тому, что я не только рубака, но и глубокий мыслитель.

Он подумал, покачал головой и проговорил с сомнением:

— Для нас слишком глубокий. Так и утонуть можно. Как, наверное, уже утонули те народы, что слишком всмат-

ривались... Нет, сэр Ричард, в монастырь вам рано. Даже преподавателем.

— Жаль, — ответил я. — Ну да ладно, мое дело предложить. Пойду майордомить. Мне как раз предлагают дам завести.

Отец Дитрих ответил без улыбки:

— Заводи, заводи. Человек должен быть всегда в брении.

Глава 14

Во дворце только Бобик без всякого почтения напрыгивает и требует бросать ему какое-нибудь бревно, но я цыкнул, и он пошел рядом смиренный и чинный.

По дороге догнал двух молодых девушек или чьих-то молодых жен, шлейфы длинных платьев волочатся следом, отставая от хозяек на метр-полтора. Такие подола в саду пригибают коротко скошенную траву, а здесь я почти слышу скрип по камню пола...

Я опасливо пошел на обгон, как бы не наступить на эти роскошные хвосты, бедным женщинам приходится постоянно следить за своими хвостами. У них, насколько помню, есть серия уроков, как грациозно подхватывать подол, когда идешь по лестнице, переступаешь через бревно, а еще должны следить, чтобы никто не наступил, ибо виноват в данном случае не мужчина, они все растяпы, а женщина, что следит не за собой, настоящая всегда видит себя в пространстве и оценивает расстояние до других...

Обгонять не пришлось, они оглянулись, вспискнули разом и присели, чтобы мне удобнее заглянуть им в декольте, другого назначения этих книксенов придумать не могу.

В своих покоях я рухнул на ложе и, закинув руки за голову, начал прикидывать, сколько дней потребуется, чтобы сосредоточить на границе с Гандерстеймом все военные силы королевства и начать методичное наступление. Еще надо вбить побольше клиньев в межплеменную рознь, хотя



при первых поражениях они сами перессорятся, обвиняя друг друга...

Дверь оставалась распахнутой, там возникла фигура слуги, молодого и очень красивого парня, одетого со всей пышностью. Он остановился на пороге и стоял неподвижно, пока я не изволю его заметить, а когда я повернул голову в его сторону, склонился в низком поклоне.

— Что там? — спросил я.

— Письмо от сэра Норберта.

Он оставался неподвижен, давая мне решить, послать его вон или же изволить принять письмо, наконец я сделал слабое движение пальцами. Он подошел торопливо, но без поспешности, во дворце властелина даже слуги должны вести себя с достоинством, поклонился снова и, заложив правую руку за спину, как велит дворцовый этикет, левой, что ближе к сердцу, подал узкую трубочку бумаги, заляпанную сургучом и со свисающим шелковым шнурком, тоже с висящей печатью, уже металлической.

Я взял письмо, под моими пальцами сургуч с готовностью крошился и осыпался ржавыми комочками. Слуга оставался в той же полусогнутой позе, я поинтересовался негромко:

— Тебе Кейдан платит?

Он вздрогнул:

— Ваша светлость!

— А что, — сказал я, — очень похоже. Хочешь заглянуть хоть одним глазом в написанное? Я таких вешаю сразу.

Он побелел, попятился, губы задрожали, а в глазах отразился откровенный ужас.

— Ваша светлость!.. Но так принято... Пока вы не изволите отослать, я должен ждать!

— Мало что в этикете, — буркнул я. — Думай головой. А то буду тонуть, а ты побежишь переодеваться, неприлично вытаскивать меня одетым не по форме...

Он исчез, я углубился в донесение, где сэр Норберт докладывал о передвижении военных отрядов герцога Ме-

ерлинга. Хорошо вооруженные рыцари с дружинами прибывают в его цитадель, а из нее выезжают только отдельные гонцы... Перехватывать не стал, но велел проследить, к кому направлены...

— Все правильно, — пробормотал я. — Хорошо руководить такими, кто сам все понимает и делает без подталкивания...

В дверном проеме возник сэр Эйц, коротко поклонился.

— Гости из Ватикана, — доложил он негромко и почти таинственно, — устроены.

Я кивнул, чувствуя, как настроение слегка портится. Есть люди — просто люди, ничего о них сказать определенного нельзя. Или, наоборот, как вот о сэре Растере или об отце Дитрихе: один — воин с головы до ног, другое вообще в голову не придет, второй — деятель Церкви и только Церкви. Крестьян тоже видно издали не только по одежде, еще больше — по рожам. Эти же трое прибывших резко отличаются от всех, кого я видел раньше, и когда тогда смотрел на них, по спине бегали мурашки.

У каждого тяжелый гнетущий взгляд, но если при виде отца Варфоломея мне всегда кажется, что смиренный священник тащит на себе все грехи мира, то эти как будто одним своим видом нагружают ими всякого, на кого посмотрят.

— Как они, — спросил я, — ну... ничего не выражают? Как себя ведут? Ничего особого не требуют?

Он покачал головой.

— Распятие по вашему приказу там приколотили к стене самое огромное, что вошло через дверь. Еще в двух соседних комнатах есть все для различных служб. Также приготовлены свечи из самого чистого церковного воска, отдельно сложены как рукописные книги отцов церкви, так и несколько томов, отпечатанных в типографии отца Дитриха.

— Неплохо, — одобрил я. — Кто им прислуживает?

— Отец Дитрих сам отобрал, — сказал он все тем же тихим голосом. — Мне кажется, он чем-то встревожен.



— А кто не встревожен? — огрызнулся я. — Только тот, кому все пофигу. У меня вообще вон даже руки трясутся, будто кур крал.

Он спросил встревоженно:

— У нас что-то не в порядке?

Я удивился:

— А как может быть в порядке? Все время что-то ломаем, что-то строим... И что, никому пальчик не прищемили, одежду не испачкали, не изнасиловали ненароком, не сожгли кого сгоряча?

— Такого в большом, — поддакнул он, — и... эта... светлом деле не бывает.

Я буркнул:

— Особенно когда строишь Царство Небесное на земле без всякого плана на руках. Эти ребята, похоже, прижучивать умеют!

Он вздохнул, а я вспоминал пергаментные лица гостей из Ватикана и старался понять, что именно и как видят у нас все трое. Прибыли не с самого Севера, где все выглядит более сурово, мрачно и строже, начиная от климата и погоды и заканчивая теплой облегающей тело одеждой.

Здесь из-за климата все предпочитают легкие одежды со свободно падающими складками, что северянам может показаться распушенностью, хотя в Орифламме мода диктуется южным климатом. Здесь, как и везде в христианском мире, существует обычай, что после четырнадцати лет юноша обязан носить тогу, чтобы выработать плавную величавую поступь, избавиться от порывистости, что граничит с суетливостью, но я почти не видел таких, разве что в самых редких случаях, да и то наверняка кто-то хочет понравиться либо своему отцу, либо отцу будущей невесты.

Конечно, длинные одежды носят все придворные, писцы и прочие должностные лица, вне зависимости от ранга, а также монахи и вообще все духовенство. Женщины тоже, вне зависимости от их положения и знатности, но мужчины предпочитают короткие и легкие одежды, если не брать

слишком старых, которые начинают скрывать свои изъяны, да и вообще мерзнут в любую погоду. А это вполне может показаться прибывшим распушенностью и упадком нравов.

Эйц почтительно ждал, пока выйду из ступора, со стороны выглядит глубокой задумчивостью крупного государственного деятеля, а за дверью слышались решительные шаги, на пороге возник сэр Жерар, непривычно растерянный.

— Ваша светлость! — выпалил он. — К вам женщина!

— Ага, — сказал я саркастически. — Сам удивляюсь, ко мне — и женщина. То ли дело вы от них не вылезаете, но для меня чудо?

Он сказал испуганно:

— Без сопровождающего! Откуда? Как прошла? Или появилась прямо во дворце!

Барон Эйц побледнел, рука метнулась к мечу, но тут же бессильно упала, на лице стыд, кто как не он — начальник охраны...

Я посмотрел на него без укора, и так жалок, предположил спокойно:

— Пряталась где-нибудь. Но будьте оба поблизости.

Через минуту дверь распахнулась. Я был готов, как мне казалось, ко всему на свете, но все равно челюсть отвисла, когда в кабинет вошла, лучезарно улыбаясь, леди Бабетта.

— Сэр Ричард, — прошебетала она счастливо. — Как я по вас соскучилась!

Я опомнился, сказал обалдевшим соратникам:

— Все, идите, дорогие друзья. Рад... что вы не препятствовали леди Бабетте.

Сэр Жерар поспешил удалиться, а начальник охраны пробормотал:

— Но, ваша светлость...

— Иди-иди, — сказал я со строгостью. — Леди Бабетта, располагайтесь...

Она сделала большие глаза и воскликнула радостно:



— Вот так сразу? Как здорово!

— Присаживайтесь, — поправил я себя поспешно, с Бабеттой надо следить за языком, — это садитесь и чувствуйте себя как дома... Но раздеваться донага не стоит, ко мне постоянно народ заглядывает.

Она спросила тревожным шепотом:

— Что, меня уже и показать нельзя? Я так подурнела? Фигура не та?

— Все выше всяких похвал, — заверил я, — вот смотрю и уже не то думаю, что должен бы крупный государственный деятель, но... увы, служба! Со всеми ее строгостями и ограничениями.

Она вскинула удивленно красивые дуги бровей:

— Разве не вы всеми командуете?

— Леди Бабетта, — сказал я с укором, — я командую только людьми, но не обстоятельствами.

Она прошла к столу, я поспешно выдвинул стул, леди Бабетта остановилась у края, я придвинул стул, она опустилась на сиденье в полном восторге.

— Ах, как галантно! Сэр Ричард, это надо ввести в придворную моду. Что угодно я могла подумать на вас, но что-бы вы придумали вот такие красивые жесты ухаживания...

Я сел напротив, стараясь настроить себя как можно быстрее на подозрительный лад, но леди Бабетта щебетала, улыбалась, играла глазками, а платье тем временем сползает все ниже и ниже с обнаженных плеч...

— Это нечестно, — сказал я.

Она сделала большие глаза.

— Мало того, — сказал я обвиняюще, — что вы с помощью колдовства появились во дворце, но еще и сейчас колдуете...

— Я не колдую, — заявила она.

— А вот это движение плечиком? — спросил я. — Уже ни о чем думать не могу, смотрю, как дурак, жду... Разве так с друзьями поступают?

Она хихикнула:

— Вы мне льстите! Никакое это не колдовство, но все равно приятно, спасибо. У меня хорошая кожа, правда?

— Безукоризненная, — сказал я со вздохом. — Просто невероятно. Уж и не спрашиваю, как вы ее такой делаете...

Она сказала обидчиво:

— Сэр Ричард! Вы на что намекаете? Что мне сто лет? Ничего подобного. Я юная и почти несовращенная. А вы — совратитель, это я уже узнала. Мне с вами и страшно, и жутко интересно. В пороке все-таки что-то есть, правда?

Она смотрела с интересом, улыбалась, губы полные, сочные, красиво вздутые, сразу почти чувствую их нежность в моем рту, щеки румяные и с ямочками, странный контраст с аристократически холеным лицом.

— Попробую догадаться, — сказал я, резко меняя русло разговора, — вы появились внезапно, а это значит, что-то нужно сделать быстро... Примерно в это время к королю Кейдану должны прибыть его шпионы с сообщением о некоторых арестах в столице.

Она смотрела смеющимися глазами:

— Продолжайте. Вы всегда так хорошо рассказываете!

— Кейдан понял, — сказал я, — что перегнул. На меня давить — себе дороже. Это ветхие евреи — око за око, зуб за зуб, а я христианин, за один зуб всю челюсть выломаю... Как сказано в Евангелии, воздавать сторицей! И послал он вас срочно объяснять, что пошутил, что его не так поняли и что барон Фортескью со всеми почестями под ручки выведен из темницы, сейчас с него отряхивают последние пылинки...

Она засмеялась:

— За такие умозаключения еще больше люблю вас, сэр Ричард!.. Конечно, король меня не посылал и никак не мог бы послать в силу некоторых причин, о которых вы можете догадаться. Но Его Величество король Кейдан действительно освободил барона Фортескью и вернул отобранные титулы и владения... Вы так и будете меня держать за пустым столом?



— Могу поставить чернильницу, — предложил я. — Это канцелярский стол. Рабочий стол, как уже говорил, и еще скажу, крупного государственного деятеля. Я говорю о себе, если это не так заметно.

Она надула и без того пухлые губки.

— Сэр Ричард! Вы же воин, а они обедают и прямо на земле, как свиньи какие-нибудь немытые и грубые. В самом деле сможете сидеть за таким прекрасным столом и не угостить даму вином?

— Да побаиваюсь, — сказал я честно, — начнем с вина, а потом и вовсе не сумею вырваться из ваших нежных лапок, что и слона удержат. Я вообще-то такой податливый, такой хрупкий и ранимый...

Она сочно расхохоталась:

— Была такая мысль, как только вас увидела, признаюсь. Но обещаю не тащить в постель и не тиранить там.

Я хлопнул в ладоши, слуги почти сразу начали заносить, двигаясь, как в хороводе, блюда, преклоняли колено и перекладывали на стол, а я присматривался к леди Бабетте.

Надеюсь, она не заметила, как я старательно задавил в себе глубочайший вздох облегчения, что начался еще из голенищ сапог и докатился, увеличиваясь в размерах, до моего вороньего горла, но каркнуть я ему не дал, даже улыбочку полного довольства не допустил на государственное, надеюсь, лицо.

Бабетта указывала слугам пальчиком, таким нежным и розовым, что восхотелось грызнуть его со всей дури и ощутить во рту эту сладость, что и сколько переложить ей, они выполняли быстро и слаженно, молчаливые и бесстрастные, как автоматы.

— Хорошо живете, — заметила Бабетта, когда мы остались одни. — Но беспечно.

— Заметно?

— Даже слуг не заменили, — сказала она с упреком. — Сменить охрану — это мало.

— А вдруг и эти новые?

Она покачала головой:

— Нет.

— Вы их всех в лицо помните? — спросил я.

Она поморщила носик:

— Чувствуется многолетняя выучка. Новые бы все роняли, толкались, задевали друг друга. Не боитесь, что отравят? Или ножом в спину?

Я вздохнул:

— Некогда думать о таких мелочах. О больших вещах мыслю. Например, поставить вон там шкаф или не поставить...

Она улыбнулась:

— Так что насчет барона Фортескью?

Я поинтересовался:

— А что с ним снова? Арестован опять?

— Свободен, — заверила она. — На всякий случай, со всей поспешностью выдворен обратно в гостевой дом, а потом его должны провести через земли дьявола. Так что скоро ждите.

— А-а-а, — сказал я. — Ну, ладно, он свою задачу выполнил успешно. Так что насчет?

Она с укором покачала головой, продолжая обгрызать куриную лапку. Даже это получается у нее настолько эротично, что я, глядя на ее блестящие от жира, полные разогретые губы, сразу напредставлял себе всякое, ощутил, что и сам начинаю разогреваться, рассердился на чересчур разыгравшее самцовое начало и велел себе быть мужчиной, а не мужиком.

— Любопытно, — пояснила она, — что планируете дальше.

— Дальше? — переспросил я. — Вообще в глобальном масштабе... я имею в виду вселенском, или же имеете в виду всякие мелочи вроде этого королевства?

Она хитро стрельнула глазками:

— Да-да, я догадываюсь, что для вас масштабы королевства... узковаты. Боюсь, что об этом могут догадаться и люди, у которых больше силы и власти... Но я не об этом.



Милый Ричард, не прикидывайтесь, что не поняли. Обычно ожидается ответный жест. На усмотрение вашей светлости, конечно, но все, понятно, ожидают... как бы сказать, нечто связанное с бароном Фортескью.

Я смерил ее оценивающим взглядом:

— Ах, леди Бабетта... Иногда мне кажется, что вы рангом намного выше, чтобы заниматься такой ерундой, как эти арестованные дураки.

— Спасибо, сэра Ричард, за лестные слова!

— Ага, проговорились!

Она хихикнула, как юная девочка, на нежных щечках здоровый крестьянский румянец, даже милые ямочки, а глаза сияют весельем.

— Ах, милый Ричард, я вне рангов, потому что могу и такой ерундой заниматься, что другие придут в ужас. Но доверием императора пользуюсь, если хотели это выяснить.

— Не хотел, — сказал я, — но спасибо, что похвастались. А я на досуге подумаю, насколько этому верить. Нет-нет, я не называю вас вруней, но вы разве не женщина? А женщины всегда врут, особенно — красивые. Вы же, как бы это сказать понеуклюжее, бесподобны.

Она закончила заниматься мясом, глазки быстро стрельнули на кувшин с вином, хитро посмотрела на меня смеющимися глазами:

— А почему не угощаете своим дивным напитком?

Я пробормотал:

— К-каким?

— Кофе, — сказала она невинно. — Думали сохранить в тайне? Сэр Ричард, вы ахнете, узнав, как много о вас знают в канцелярии императора!

Молча, потому что в голове каша, я сосредоточился, Бабетта с любопытством уставилась в свою чашу, на дне появилась темная ароматная жидкость и начала подниматься кверху.

Я смотрел, как затрепетали ее красиво вырезанные ноз-

дри. Взгляд стал сосредоточенным, вполне возможно, Бабетта умеет улавливать не только запахи, но и анализировать состав, а потом меня самого удивит, с торжеством налив точно такой же кофе.

— Великолепно, — сказала она, когда я наполнил и свою чашу. — Никаких заклинаний, жестов, подпрыгивания... Скупое и просто, как и подобает мужчине... Да, насчет барона. Его Величество надеется, что из-за этого досадного недоразумения не пострадают его верные лорды, что остались в его столице.

— Это где? — переспросил я. — В Геннегау, что ли?

Она улыбнулась, прекрасно понимая мой намек:

— Вы сказали все точно, милый Ричард. Здесь не слишком много ушей слушают нас? Это ничего, что я вас так называю?

— Продолжайте, — попросил я. — Это мне льстит. Можете еще что-нибудь добавить в этом духе. Завтра же будет известно, что ко мне благоволит такая бесподобная женщина...

Она довольно рассмеялась:

— Ах, милый Ричард! Вы так умеете говорить приятное.

— Тогда добавлю еще, — сказал я, — для приятности. Пока не увижу барона Фортескью живым и невредимым, все останутся в тюрьме. Им так и передадут. Их жизни, имущества и земли зависят от барона. Это научит кланяться ему почтительнее, а то видел их задранные к потолку морды.

Она кивнула с полным пониманием в глазах:

— Хороший ход. Это привяжет к вам не только барона, но толкнет к вам и других лордов короля. Как только увидят, что своих не бросаете, а своими у вас становятся и местные. Даже только что поступившие к вам на службу. Чем вас загрузили на сегодня, милый Рич?

Мне почудилось в ее щебете чуть больше интереса, чем следует для милой беседы разнополых особей, расплылся в довольной улыбке и сказал сытым голосом:



— Да вот предлагают мне завести гарем из фавориток. Хотел было отказаться, но сейчас вижу — зря. Как насчет первого номера? В смысле быть прямой в таком кордебалете?

Она расхохоталась:

— Ох, сэр Ричард! Вы как тот древний змей-искуситель... Я бы охотно осталась у вас даже служанкой, чтобы стелить вам постель и прыгать под одеяло, согревая к вашему приходу! Но, увы, столько дел, как и у вас, и все такие интересные, что голова кружится от любопытства.

— И желания ухватиться за все сразу?

— Точно!

Я посмотрел на нее со злостью и нежностью:

— Иногда мне кажется, вы — это я.

Глава 15

Сэр Жерар появился сразу же, как упорхнула Бабетта, хмурый и сосредоточенный, на меня не смотрел, а, не отрывая взгляда от пола, пробормотал, что я собирался вечером навестить гостей из Ватикана.

— Я в самом деле собирался?

Он наклонил голову:

— Кардинал просил вас к вечеру высвободить для беседы с ними пару часов.

Я буркнул:

— Разве я обещал?.. Ладно-ладно, сам знаю. Пойду, куда денешься. Хотя вообще-то мог бы принять их у себя...

— Когда будете королем, — напомнил он без улыбки. — А пока...

— Понял, — огрызнулся я. — Иду.

Он почтительно отступил от двери, я пошел прямой и надменный, а за спиной дружно затопала моя коридорная гвардия.

Прелаты, как понимаю, когда-то в Древнем Риме были старшими офицерами в армии, а теперь стали высшими

церковными офицерами: кардиналами, архиепископами, епископами, приорам, аббатами и настоятелями крупных монастырей.

Это и хорошо, что церковь сохранила такую преемственность в названиях, римская армия всегда была примером мужества, отваги и стойкости. Хотя нет, что-то путаю, слишком умный, это легаты были высшими офицерами, а еще их посылали в провинции и покоренные земли с особо важными поручениями.

Легатов отправляли от самого императора, теперь — от папы. Легат обладает высшей церковной властью и предельными полномочиями. Можно сказать, что как личный представитель папы, легат замещает папу, и каждое его слово — закон. Разница между папским легатом и нунцием лишь в том, что нунций представляет папу в провинциях на постоянной основе, а легат действует только в рамках личного поручения и только на этот срок...

Значит, кардинал Эрнесто Мадзини, кроме руководства прелатурой, еще и полномочный легат. Только бы не начал вмешиваться. Это отца Дитриха я сумел во многом переубедить, хоть и не до конца, а эти чинуши и бюрократы из Ватикана все испортят, если начнут всюду совать носы...

Благородный сэръ Альвар Зольмс, командующий двумя полками элитной конницы, вел учтивую беседу с местными лордами, я улыбнулся ему на ходу, кивком пригласил следовать со мной. Он коротко бросил собеседникам «простите, я на минутку», пошел рядом, учтивейший и одновременно готовый к решительным действиям.

Как и все мои рыцари с той стороны Великого Хребта, в дублете он просто образец строгости, если сравнивать с жителями Сен-Мари. Дублеты у армландцев самые классические, без наворотов вроде сшивных шоссе или пуфов: обтягивающие фигуры кожаные куртки с кусочками кольчуги, изнутри лен или шелк, стоячий воротничок защищает шею.

Мне они кажутся не только практичными, но и весьма



элегантными, в то время как орифламцы шеголяют в жиппонах, что те же дублеты, но растерявшие простоту и строгость, превратившиеся в стеганный камзол, поддоспешник, но слишком роскошный и непрактичный даже для поддоспешника, так как делается из пяти слоев ткани. Если дублет сам по себе воинский костюм, то жиппон служит разве что нижним камзолом...

— Неприятности? — спросил он мужественным голосом, от звуков которого у меня всегда на сердце становилось веселее. — Что на этот раз?.. Вам чем-то мой костюм не угодил?

Я отмахнулся:

— Сам знаешь, мне все равно, кто во что одет. Мы все еще в походе...

— Так что же?

— Комиссия из Ватикана, — сказал я с тоской. — Эти начинают смотреть сперва на одежду, а в ней всегда что-то не так...

— Если мы не в длинных рясах? — спросил он с издевкой.

— И с непокрытыми головами, — добавил я. — А потом начнут рыться и под одеждой...

— У меня не пороются, — заявил он.

Я покачал головой:

— Сэр Альвар, это из Ватикана! Святая церковь. Мы должны сотрудничать. Как бы это ни было нам... обидно, что ли. Так что скажите всем нашим, чтобы держались ниже травы и тише воды в пруду.

— Скажу, — пообещал он. — Что еще?

— Хотя бы на время пребывания таких необычных гостей, — сказал я, — наше крестоносное войско должно являть собой образец чистоты нравов.

— Сам прослежу, — пообещал он. — Я вернусь с вашего позволения?

— Идите, сэр Альвар.

У гостевого домика прохаживаются рослые стражи. Для охраны высоких гостей подобрали армландцев, их добродетели написаны на лицах: суровые, хмурые, сосредоточенные, кресты на груди, на спине и на рукоятях мечей.

Мои железнобокие остались с ними, в дом я вошел один, в коридоре слуга с поклоном ринулся открывать передо мной нужные двери. Когда открыл последнюю, я увидел сразу, что гости из Ватикана успели отдохнуть и переодеться: все трое в одеждах темно-фиолетового цвета, хотя и с крупными золотыми кольцами, нашитыми от плеча к плечу в виде перевернутой радуги, нечто вроде рубаш из толстой материи, длиной чуть ниже груди.

Я склонил голову, весь полный почтения, эти трое мне годятся в деды, если не в прадеды:

— Мое почтение, дорогие гости.

Один из священников, высокий, с худым заостренным лицом и близко посаженными глазами, окинул меня быстрым взглядом. Габриэль Хорст, как называли его, явно тоже птица очень высокого полета. На голове все та же крохотная символическая шапочка, короткие седые волосы выбиваются прямые, как шерсть большой крысы.

— Все мы гости в этом мире, — произнес он холодно. — Сейчас вам принес его высокопреосвященство кардинал Мадзини.

Второй, который Раймон Весилион, посмотрел на меня с некоторым интересом и кивнул на ряд кресел у стола.

Я взял крайнее, развернул и уселся прочно, но в этот момент из внутренних покоев показался кардинал, и мне пришлось вскочить с недостойной майордома поспешностью.

Кардинал все в той же кроваво-красной одежде, словно Юлий Цезарь, такой же свободной, как и тога, только более закрытой. Отец Габриэль Хорст и отец Раймон Весилион торопливо поднялись и застыли в смиренном поклоне.

Я сложил руки ковшиком:

— Благословите, ваше преосвященство!



Кардинал чуть поморщился, я сообразил, что к лицу такого ранга нужно обращаться «ваше высокопреосвященство», ладно, следующий раз скажу громко и ясно, чтобы слышали и за дверью.

Он небрежно подвигал ладонью, а я вспомнил формулу, что епископ, небрежно дающий благословение, оскорбляет Бога больше, чем пьяница, который богохульствует, ругаясь в кабаке.

— Будь чистым перед лицом Господа, — сказал кардинал.

Я насторожился, вроде бы не это положено говорить, но переспрашивать нельзя, поинтересовался с вежливым поклоном:

— Хорошо ли отдохнули, ваше высокопреосвященство?

— Необходимость не знает отдыха, — ответил он несколько сухо.

— Но после такой длительной дороги необходим покой, — сказал я. — Вы должны были растерять все силы за дорогу!

Нечто мелькнуло в его глазах, я сообразил, что ляпнул глупость, но не успел понять где, кардинал произнес высокопарно:

— Лактанций, наш богослов, говаривал, что покой принадлежит только сну и смерти. Самый даже сон есть несовершенный покой, потому что отдыхает одно только тело, а в душе представляются разные образы, и она находится в непрерывном движении, тогда как тело восстанавливает свои силы. Следовательно, одна смерть, собственно, есть вечный покой. Надеюсь, вы не о таком покое для нас говорили.

Я отшатнулся:

— Святой отец!.. Ну ладно, мою корявую речь политика и воина понять богословам, наверное, трудно. С чего начнете знакомство с новым королевством, ваше преосвященство?

— С отчета отца Дитриха, — ответил он. — Как Верхов-

ный Инквизитор Зорра, самовольно покинувший вверенное его опеке королевство, он сперва должен объяснить свой странный поступок.

Он сделал рассчитанную паузу, я все понял правильно, от кардинала веет недобрый холодом, да и отец Раймон посматривает как-то намекаяще. Впрочем, я и не скрывал, что именно я уговорил отца Дитриха приехать, соблазнив не чем-то дьявольским, а возможностью работать с утра до ночи не покладая рук.

— Да, — ответил я, — да, вы совершенно правы, ваше преосвященство.

Во взгляде кардинала было самодовольство, и хотя не сказал, что он прав всегда ввиду своего высокого церковного сана, но на лице это крупными буквами.

— А потом будут вопросы к вам, — сказал он бесстрастно, — постарайтесь эти дни быть в городе.

— А если что-то возникнет на другом конце королевства?

Он посмотрел мне в лицо жуткими немигающими глазами:

— Постарайтесь, чтоб не возникало. А если возникнет, нам может показаться, что вы нарочито избегаете общения с высшими церковными иерархами.

Я охнул:

— Да зачем мне такое понадобилось бы?

— Причин может быть много, — произнес он холодно. — Если человеку есть что скрывать... а вы многое скрываете, сэр Ричард.

— Господи, — воскликнул я, — да зачем это мне?

Он продолжал сверлить меня взглядом.

— Все люди что-то да скрывают, сэр Ричард, — произнес он холодно. — Но у большинства такие мелкие грешки, что за таких людей стыдно, но есть и великие преступники. Хорошо, если пашут землю, но бывает ужасно, когда в их руки попадает хотя бы меч... или власть.

Отец Габриэль вклинился в разговор:



— Простите, сэр Ричард, у меня к вам уже есть один вопрос...

— Да хоть десять, — ответил я настороженно и пожалел, что ляпнул. — Голому чего бояться?

— Расследований бояться все, — произнес он мирно, но с таким спокойствием, что на меня повеяло могилой.

— Расследований? — переспросил я. — Меня в чем-то подозревают?

Кардинал постарался мягко улыбнуться, это выглядело устрашающе, словно сама смерть старается выглядеть любезной.

— В Ватикан поступили весьма противоречащие данные. Высшей комиссии они показались достаточно... гм... важными, чтобы послать нас для проверки на месте.

Я произнес сдержанно:

— Осмелюсь поинтересоваться, что именно вас интересует?

Кардинал покачал головой:

— Пока этого сказать нельзя. Но мы все выясним. Брат Габриэль, брат Раймон, приступайте!

Оба легата поклонились, Габриэль оглянулся на меня и сказал торжественно:

— Мы выясним все. От нас скрыть ничего не удастся!

Оба вышли из комнаты, кардинал сказал с холодной любезностью:

— Сэр Ричард, я должен задать вам несколько вопросов.

— Задавайте, — ответил я.

Он указал на кресло:

— Сядьте. Вопросы могут показаться неприятными или слишком личными, но для святой курии не должно быть тайн.

Я сел и стиснул челюсти, давненько никто не смотрел на меня так, не указывал, где сидеть и как сидеть.

— Первый вопрос, — проговорил он, — поступили све-

дения, что вы скрываете явных безбожников и хулителей веры Христа и даже покровительствуете им!

— Доносчику первый кнут, — сказал я зло.

— Что, простите?

— Пороть, — сказал я с нажимом. — Чтобы проверить, насколько тверды в брехне.

Он сказал сухо:

— Позвольте нам самим выбирать методы. Итак, что скажете в свое оправдание?

— Мне оправдываться нечего, — сказал я с той твердостью, какой на самом деле не испытывал. — Все брехня. Простите, ваше высокопреосвященство, но сие нелепость и выдумка.

— Так ли? — спросил он.

Он смотрел в меня неотрывно, я ответил твердо:

— Так, ваше высокопреосвященство.

— А что вам говорят такие имена, как Логирд, Задинг, Рихтер?.. Есть и другие, но я жду, что ответите хотя бы по этим.

Внутри меня завязался тяжелый холодный узел, я с трудом проглотил ком в горле и сказал уже не так твердо:

— Ваше преосвященство, эти люди никогда не хулили веры Христа.

— Точно?

— Точно, — подтвердил я, он смотрел с тем же вопросом, я понял, что нужно разжевать подробнее, сказал нехотя: — Им просто нет дела до религии, их религия — знание. Они заняты тем, что пытаются разгадывать многие загадки прошлого...

Он покачал головой, в глазах начал разгораться нехороший огонек, но голос прозвучал с отеческой укоризной:

— Сэр Ричард, знания без веры опасны.

— Эти люди не сами по себе, — пояснил я. — В большинстве своем они работают в монастыре!.. Под надзором отца Дитриха, Великого Инквизитора. Он постепенно прививает им основы веры, но так, чтобы не мешать основной работе.



— Какой работе?

— Ваше преосвященство, — сказал я, — мир не состоит из священников и воинов. Нужны еще и пахари, ремесленники, а ремесленникам нужны инженеры. Инженерам необходимы те, кто придумывает более дешевые пути строительства... и вообще придумывает, как сделать жизнь лучше в материальном плане. В духовном о людях заботятся священники, что ни уха ни рыла в делах инженерных!

Он поморщился, щека нервно дернулась, я уже пожалел, что сорвался, но давно на меня никто так нагло не наезжал, я привык, что сам на кого хошь наеду, мне можно.

— Сэр Ричард, — проговорил он холодно, — я, конечно, поговорю с отцом Дитрихом, но все-таки он для нас... как бы мягче, не авторитет. Точнее, не окончательный авторитет. У нас свои головы, свои методы выжигания всяческой нехристианской мерзости.

— Выжигать необходимо, — согласился я. — Но мы здесь уже это сделали.

Он смотрел бесстрастно, только щека дернулась снова.

— Да, мы слышали. Но эту борьбу нельзя оставлять ни на минуту. А вы... остановились. Потому хотим узнать, нечаянно это, по недомыслию или же имеет место преступный умысел... А теперь идите, сэр Ричард. Пока это все, но будьте готовы к новым вопросам. И неприятным выводам.

Я поднялся.

— Ваше преосвященство...

— Сэр Ричард, — ответил он холодно.

По-моему, он ощутил, что я нарочито снизил его титул. Мелочно, понимаю, но чем-то хотелось устать, а чем — не ашел.

Глава 16

В окна потянуло легким запахом горелого мяса, еретики сжигают на заднем дворе, просто и деловито, при малом стечении народа. Земля вымощена булыжником, с трех сторон высокие стены из толстого камня, пожара

можно не бояться. Отец Веспазаний, занимающийся заготовкой дров, заказывает как сухие, так и сырые, чтобы можно было на медленном огне.

Я против такого варварства, морщился, но утвердил, все-таки трудимся для народа. А простой народ любит зрелища, ему нет ничего приятнее, чем смотреть на корчи преступника, что вопит и дергается от невыносимых мук на сырых дровах. В общем, жажда панэм эт цирцензес осталась, но откровенные гладиаторские бои мы мудро заменили христианским зрелищем, наполнив их благочестивым смыслом и в духе смирения, не прибегая к пролитию крови.

Мерзок правитель, который, дорвавшись до власти, ведет себя как оголодавший простолюдин: закатывает пиры, тащит в постель подвернувшихся женщин, утопает в оргиях, придумывает себе пышные наряды и без конца украшает и перестраивает дворец, стараясь сделать как можно пышнее и значительнее.

Но глупо, сев на трон, довольствоваться хлебом и водой. И ходить в драном платье, утешая себя тем, что настоящему мужчине без разницы, во что одет и что о нем думают. Я пальцем не пошевелю, чтобы добыть себе особо модную и дорогую одежду, но когда приносят прямо в спальню, а мне только встать и растопыриться, оденут, застегнут и зашнуруют, глупо отказываться от того, что дается легко, мыслей не занимает и работать не мешает.

Утром, когда сонный встаю с постели, в соседней комнате, а то и прямо в спальне уже ждут портные, что без конца шьют и шьют новые наряды, я терплю, иначе пришлось бы лишиться их заработка, а у них семьи. Еще там же застыли в почтительности слуги с тазиком воды в руках и полотенцем на локте.

Служить мне в таких интимных вещах порывались знатные рыцари, я долго убеждал, что в моем королевстве это обязанность простых слуг, но сегодня в спальню вошел граф Ришар, бодрый и подтянутый, в прекрасно сшитом и



подогнанным по фигуре камзоле, с порога метнул на меня взгляд, полный укоризны.

— Сэр Ричард, — сказал он доверительно, — вы в Сен-Мари. Здесь, как и во всех известных мне королевствах, королю прислуживают самые знатные рыцари.

— Я не король...

— Любому правителю, — уточнил он, — прислуживают следующие за ним по рангу рыцари. Я сам должен держать поднос за вашей спиной, когда вы обедаете, но больно много дел с утра... но не удивляйтесь, когда вдруг увидите меня с полотенцем в руках или подносом.

Я поежился:

— Граф, мне так неудобно...

— Так надо, — сказал он. — Обычаи зря не возникают. С утра у вас голова свежая, а пока туалет, застегивание всех пуговиц и затягивание шнурков, заодно и обмен новостями, мнениями... что-то вроде ежедневного военного совета. Таким образом, начинаете работать, едва встаете с постели.

— А-а-а-а... вот для чего!

— Сэр Ричард, а не упали вы с луны?

— Почему «с луны», — обиделся я. — С обыкновенного развесистого дуба. Прямо на темечко. Потому местами умнее меня поискать, а местами и совсем даже наоборот.

В спальню бодро вошел, ступая мягкими сапогами без шпор, виконт Онофруа Штаренберг, который из Фезензака, в прошлый раз я видел его в крайне помятых и посеченных доспехах, за отвагу и мужество в бою был пожалован, а теперь перед нами словно бы павлин с растопыренным хвостом или яркий тропический попугай ростом с человека: просторное сюрко, расшитое немыслимыми цветами и украшенное множеством висюлек, показалось похожим на пончо, разве что с роскошным гербом, но так же без рукавов и с обязательными разрезами спереди и сзади.

За виконтом проскользнул робко Куно и остановился, тихий и незаметный.

— Вы уже закончили свой поход, сэз? — поинтересовался я.

Виконт удивился:

— Поход? А разве мы не достигли своей... вашей цели?

Я сказал с укором:

— Разве наша цель — покорить это королевство? Разве мы настолько мелки? Разве мирские цели стали выше духовных?

Он раскрыл рот, чтобы ответить, но взгляд уперся в графа Ришара, человека не бедного, однако его сюрко все еще носит следы дальних ночных переходов и жестоких сражений в виде плохо отстирываемых пятен крови.

— Ладно, — сказал я нетерпеливо, — что у вас?

Он учтиво поклонился, скрывая смущение.

— Мы перехватили гонца с пренеприятнейшим известием. Сэр Норберт просил меня доставить его лично.

— Давайте само известие, — мрачно сказал я, — а комментарии оставьте при себе.

Граф Ришар, очень строгий в вопросах воинского этикета и субординации, заметил строго:

— Ваше мнение, сэз Онофруа, настолько ценно, что не мешало бы его спрятать.

Куно, заметно смелея, заговорил, волнуясь в нашем присутствии, но явно стараясь повернуть все в шутку:

— Легче всего опровергнуть мнение тем, что попало под руку.

Я опустил взгляд на стул, о спинку которого опираются мои руки.

— Говорят, этот гарнитур помнил еще Гагагена Велико-го, а вы им предлагаете бить сэра Онофруа по голове! Не-хорошо. Теперь таких стульев уже не делают.

А граф Ришар, смягчаясь, сказал сэру Онофруа уже совсем по-отечески:

— Вы вправе иметь свое мнение, но не обязаны им сме-шить своего сюзерена.



Красный, как вареный рак, сэр Онофруа поклонился, явно желая провалиться сквозь землю.

— Его Величество король Кейдан, — выпалил он торопливо, — намеревается покинуть Ундерленды и, по возможности благополучно пройдя земли дьявола, прибыть в свой стольный град Геннегау!

Я сжал челюсти, в черепе начался жар, в виски стрельнуло.

— Этого еще не хватало...

Граф Ришар и Штаренберг деликатно промолчали, а Куно сказал с несвойственной ему твердостью:

— Ваша светлость, это его законное право. Он — король!

— Ну да, — сказал я, — а я — маркграф. О майордомстве молча предлагается забыть с милостивого молчания императора. Напомни-ка мне, Куно, что может и что не может маркграф.

Он осторожно взглянул на мое рассерженное лицо:

— Ваша светлость, в системе титулов заложен определенный люфт, что позволяет толковать их так и эдак, но, конечно, в пределах...

— Каких пределах?

Он посмотрел на меня с осторожностью:

— В пределах разумного.

Я махнул рукой:

— Понятно, продолжай.

— Формула, — сказал он с поклоном, — «Вассал моего вассала не мой вассал» дает определенную свободу, в том числе самую главную: возможность не участвовать в тех войнах, великих стройках или любых деяниях, которых не требует непосредственный сюзерен.

— Ага, уже хорошо. Что еще?

— Маркграф — это вассал императора, король над ним не властен и вообще не может кого-либо делать маркграфом. Это прерогатива императора.

— Чудненько!

— Одновременно маркграф, — продолжил он бесстрастно, — подданный короля. Его марка не сама по себе, а входит в королевство, не так ли? Хотя и пользуется привилегиями и ограниченным суверенитетом.

Я спросил с беспокойством:

— Но в войнах короля вроде бы участвовать обязан? Не помню точно, маркграф Ролан Бретонский, герой «Песни о Роланде», сопровождал Карла короля или уже императора, а в этом, как я понимаю, весь ключ взаимоотношений...

Он развел руками:

— Я не знаток древних легенд и песен. Я живу в сегодняшнем дне и знаю только сегодняшние законы. Ваше положение весьма двусмысленное, сэр Ричард. Вам многое можно, однако многого и нельзя. Вы сами должны определить ту грань, за которую переходить... чревато.

Я сказал с тоской:

— Вот этого как раз и не люблю. Я ж такой: лучше свое отдам, чем чужое возьму! Ну, при обычных обстоятельствах. А к Кейдану у меня уже нет злости. Я его невзлюбил потому, что он собирался обидеть мою сестру... но если подумать, он действовал так, как действовал бы я сам: пытался пристроить на правах отца народа замуж дочерей овдовевшей, как он считал, герцогини. Заодно пытался покончить ненасильственными методами с раздробленностью королевства, лишить Брабант независимости от центральной власти...

Куно смотрел с удивлением:

— У вас уже нет ненависти к королю?

Я сказал раздраженно:

— Да особой и не было! Я называл мразью и гнусью, но если вспомнить, то лишь за сестру, других поводов не было. А когда ввел войска в его королевство, то я обязан был называть его чудовищем! Сейчас же, когда мы захватили все Сен-Мари... или Орифламме, как хотите, то и вовсе какое-то чувство вины, когда загнали его в Ундерленды...

Я закрыл глаза, вспомнив, что там он захватил меня в



плен, зубы мои скрипнули, а на лбу проступили мелкие капельки пота. Куно почтительно молчит, я перевел дыхание и закончил:

— Словом, мешать возвращению короля не буду. Не только из боязни прогневать императора. Просто не вижу для себя в этом прямой выгоды.

Сэр Онофруа, получив щелчок по носу, терпеливо ждал, никаких комментариев себе не позволил, а сейчас проговорил с осторожностью:

— Значит, можно так сообщить?

— Как?

Он понял сарказм в моем голосе, красиво поклонился, разводя обе руки в стороны:

— Как и принято. Что препятствий к возвращению в столицу Его Величества не будет. Без подробных комментариев.

Я кивнул:

— Хорошо. Именно, без подробностей.

Граф Ришар бросился к окну, я замер, чувствуя недоброе, но он лишь сказал быстро:

— Идите вниз. Похоже, там приехали... Да, прибыли.

Во дворе на легких конях гарцевали всадники, но и они, и кони покрыты пылью. Я только успел сбежать со ступеней, как со стороны внешних ворот сада донеслись голоса, стук тяжелых подков, звон железа. Я насторожился, стража сразу же метнулась в ту сторону и пропала за деревьями.

Через пару минут на открытое место к дворцу выехала группа тяжелых рыцарей на огромных конях, все в запыленных плащах и вообще покрытые пылью и грязью от конских копыт и до макушек шлемов.

Из дворца выбежал Макс, охнул, прокричал звонким радостным голосом:

— Это же баннер сэра Клавдия!

— Так быстро? — пробормотал я. — В Брабанте его не было...

Могучие кони под рыцарями шатались и хрипели, выкачивая налитые кровью глаза. Конюхи торопливо расхватавали их, некоторым рыцарям пришлось помогать сойти на землю.

Один отбросил серую тряпку, закрывающую лицо от грязи и пыли, там грязи поменьше, но на бал с такими тигриными разводами не пошел бы даже сэра Растер. Оруженосец привычно принял у него шлем, черные с проседью волосы тоже в пыли, хотя и были под шлемом, только оранжевый, как солнце, панцирь сияет и переливается оттенками, как грозное солнце.

Я радостно воскликнул:

— Сэр Клавдий!

Он заулыбался, пошел навстречу. Я перехватил его в момент, когда он намеревался преклонить колено, сдал в объятиях.

— Сэр Ричард...

— Как вы так скоро? — сказал я. — Я сам только вчера из Бранта!

Он сказал сожалеюще:

— Герцог Готфрид сразу от Тоннеля поспешил в крепость, чтобы успокоить своих и начинать принимать войско. А мы ринулись сюда по прямой. Сэр Палант клянется, что однажды в сотне ярдов пронесся всадник на огромном черном коне, очень похожий на вас. Правда, когда мы повернули головы, там уже никого... Думаю, почудилось от усталости. Ни один человек не в состоянии двигаться так быстро, а если и смог бы, то лишь с помощью врага рода человеческого.

— Конечно-конечно, — поддержал я его горячо. — Враг постоянно ждет, на чем бы нас подловить... Я так рад, что вы решились отправиться в Орифламме, а также счастливы вернуть вам замечательный амулет, который буквально спас нас в тот день, помните?



На его лице отразилось замешательство:

— Ваша светлость, но...

Он охнул, на моей ладони камень мощно и ярко сияет голубым льдом, аристократически надменный камень, холодный и высокомерный. В последний раз, когда его видел сэр Клавдий, это был уже невзрачный камешек.

— Берите, берите, — сказал я. — Я чувствовал, что снова может набрать силу. Нужно только время. Я рад, что могу это сделать для вас. Разве он не прекрасен?

Сэр Клавдий принял камень очень бережно обеими руками, глаза все еще неверящие и непонимающие.

— Он... снова полон мощи! Как вам удалось?

— Побывал в таких местах, — ответил я туманно, — хотя и не помню, где такое случилось. Уже на обратном пути обнаружил.

— Ох, побывать бы в тех местах!

— Побываете, — пообещал я.

Ко мне подходили Палант, Ульрих, Рикардо, Ангелхейм, Герцель и другие знатные рыцари, а теперь еще и герои, со всеми я обнимался и расцеловывался, так принято, никому не позволял преклонять колено, мы здесь все рыцари, одна семья и один ранг. Меня тоже обнимали, хлопали по плечам и спине, мы все отличились, совершили дерзкий рейд во враждебное королевство и освободили подло захваченного соратника.

— Вы все прибыли вовремя, — сказал я. — Мы начинаем... да, начинаем! Смените одежду, вымойтесь, а после ужина жду вас всех в большом зале.

— Пир? — спросил сэр Растер с надеждой.

— Воинский совет, — сказал я внушительно. — Но присутствовать на нем так же обязательно.

Он кивнул:

— Да-да! Совет не обязательно начинать с пира, можно им и завершать.

Глава 17

Рыцарей разобрали и увели, конюхи занялись боевыми конями, расседывали, отшагивали, давая остыть, потом поили, оруженосцы носились бегом. Я ушел к себе, пусть отряд сэра Клавдия малость переведет дух, и как здорово, что герцог уже в Брабанте, а то все время чувствовал неловкость перед Дженнифер и леди Элинор: я здесь, а герцог все еще в чужих землях...

Во второй половине дня красиво и торжественно протрубили фанфары, впереди раздался зычный рев церемониймейстера:

— Его светлость майордом!

Я шел неспешным державным шагом, отметив про себя, что из привычного вопля убрано «Ричард Длинные Руки», явно граф Ришар изъясал, так и короче и достойнее. Майордом — и все. Других майордомов не существует. А принятая формула «его светлость сэр Ричард» еще не закрепилась.

Дверь распахнута, в головном зале все встали и согнулись в почтительном поклоне. Как стражи у стен, так и люди за столами для письменных работ с разложенными бумагами, массивными чернильницами, заостренными перьями в металлических стаканчиках.

За центральным столом граф Ришар, Альбрехт, Клавдий, Ульрих, Ангелхейм, Палант, Альвар, Арчибальд, Ульрих, Макс, Куно и ряд менее именитых, но известных как мои друзья: Асмер, Бернард, Теодорих, Ульман, Зигфрид, сэр Растер...

За столом для знатных рыцарей, отличившихся в боях, я впервые увидел Жерара де Брюса, он обычно избегает попадаться на глаза, все еще помня о первой неприятной стычке, там же Варанг, граф Арне Дюбле, барон Диас, бароны Комтур и Лабард, Кристофер де Марк и Арлинг, множество других, верных и преданных, готовых и сейчас по одному моему слову ринуться на любого врага.



Я нетерпеливым жестом велел всем сесть, мои телохранители отошли к стене и встали там, неподвижные и старающиеся не привлекать к себе внимания.

Я подошел к своему креслу, что на ширину ладони выше остальных плюс высокая спинка напоминает трон, но не сел, а уперся ладонями в стол, оглядывая всех и стараясь понять, насколько они готовы идти за мной. Понять трудно, у всех на лице смятение, всяк порывается встать, ибо сидеть в присутствии короля немыслимо, а я здесь почти король, но взор мой суров, лицо каменное, и все смиренно остались за своих местах.

— Милорды, — сказал я, — для вас не новость, что в королевстве Орифламме, оно же Сен-Мари, еще что-то и даже Арндт, произошли... скажем так, некоторые изменения. Уточню, весьма существенные. Сменилась не власть короля Кейдана на власть майордома...

По обращенным по мне лицам промелькнула тень удивления, Куно едва сдержал вздох облегчения, а барон Альбрехт чуть опустил голову, пряча довольный блеск в глазах.

Я продолжил неумолимо:

— Что такое власть одного или другого человека? Это все мирское... Сменилось гораздо более важное, милорды. Временам безверия и упадка нравов пришел конец. Всемиловивейший и всепрощающий Господь направил сюда наши войска, дабы помочь людям заново обрести достоинство, честь, гордость и чистоту души. Как вы знаете, святая церковь уже выжгла гнезда заразы, но если полагаете, что этим все кончилось, — ошибаетесь. Только теперь и начинается работа по лечению королевства и больного общества!

Теперь все смотрят с тревогой, только мои лорды довольно улыбаются, хотя и не знают, что имею в виду.

Сэр Растер, что клянется приверженности церемониям, но не соблюдает ввиду их незнания, прогрохотал железом и спросил в громогласном недоумении:

— Еще и работа?

— Да еще какая, — сказал я злорадно. — Лорд де Бюэй, вы назначаетесь главой Верховного Совета со всеми вытекающими полномочиями.

Граф Ришар, не моргнув глазом, чуть склонил голову, серебро волос красиво заиграло в мерцающем свете:

— Лорд майордом...

— Лорд дэ Бюэй, — ответил я так же церемонно и повернулся к другим. — Лорд Гуммельсберг, вы отвечаете за все вопросы, связанные с безопасностью внутри королевства.

— Лорд майордом, — ответил барон Альбрехт с поклоном.

— Лорд Гуммельсберг, — произнес я, эти повторения необходимы, это как в армии, когда солдат должен повторить приказ командира, чтобы тот был уверен, что его правильно поняли. Здесь процедура укорочена, но суть та же. — А вы, сэр Норберт... вся внешняя разведка в вашем ведении. Вам вменяется знать все, что происходит у наших соседей, что замышляют, сколько у них войск, наблюдают ли какие-то передвижения больших воинских соединений в сторону наших незыблемых и священных...

Сэр Норберт наклонил голову:

— Простите, сэр Ричард, но королевство окружено горами и океаном. У нас просто нет соседей.

Я изумился:

— А как же Армландия? Сэр Норберт, ваши полномочия покрывают гораздо больше земель, чем вы думаете!

Он поклонился, слегка ошарашенный:

— Сэр майордом...

— Сэр Норберт, — сказал я и повернулся к тихому, как мышь, Куно. — Барон Крumpfельд, королевский советник, отныне заведует всеми экономическими задачами. Это не значит, конечно, что все остальные проблемы пропади пропадом, но вопросы экономического планирования, развития, привлечения инвестиций... на нем целиком и



полностью. Плюс общая координация вопросов, так как он лучше всех знает местные проблемы.

Куно торопливо поклонился, еще больше согнутый, уже чувствуя на себе тяжесть должности.

— Сэр Ричард, — прошептал он испуганно.

— Барон, — ответил я милостиво и добавил, глядя поверх его склоненной головы: — То, что сказано доблестному сэру Норберту, относится ко всем!.. Ваши полномочия простираются не только на Орифламме, но и на Армландию. Тесная связь двух таких разных королевств может дать нам дополнительные возможности...

Ни один голос не прозвучал ликующе или хотя бы радостно, обязанности никто не любит, даже если дают привилегии. В своих землях каждый из них — король, отец, прокурор, судья, адвокат и присяжные в одном лице. И никто такому не указ, и ни перед кем не отвечает, кроме Бога.

Даже Куно, единственный из местных, вознесенный до канцлера, сохранил на лице суровость и невозмутимость. Я продолжал вызывать из зала и распределять полномочия, выискивая жадным взглядом, кого бы еще нагрузить, обязать, но, к счастью, никто не прячет голову, хотя и не подпрыгивает с поднятой рукой.

— Асмер, — сказал я, — в этом королевстве нет лучше лучника, чем ты. Как и в тех, где я побывал... Принимай поступающие партии композитных луков, распределяя, набирай новых лучников, занимайся обучением. Набери помощников, одному не справиться.

Асмер посмотрел волком, но поднялся и сказал почти-точно:

— Сэр майордом...

Я окинул всех грозным, надеюсь, взглядом и сказал властно:

— У меня руки трясутся, так жажду перемен, и знаю, мы все это сделать в силах! Но проклятая жизнь то и дело подсовывает мелкие проблемки и всячески пытается увести в сторону. Но мы не поддадимся! Хотя, увы, этот так

некстати подлезший под руку Гандерсгейм завоевать придется. Но!.. Повторяю, я не хочу долгой и кровавой войны! Мы должны побеждать легко!.. Как победил Черный принц французскую армию, как Вильгельм саксов или кельтов!.. А эти все призывы к жестокой сече, когда победа вырывается тяжелой ценой... это не наш путь!

Сэр Растер возразил мощным, гудящим, как колокол, голосом и сразу приковал к себе всеобщее внимание:

— Но как же? Доблестный путь меча... А где добытая в битве слава... великие подвиги?

— Это было раньше, — отрезал я. — Я не хочу терять половину армии для победы, если могу вырвать малой кровью!.. Мне вся эта хрень, что нам нужна победа, а за ценой не постоим... не нужна!.. Я хочу, чтобы все вернулись! С трофеями, конечно.

Уточнение лишним не было, даже нахмурившийся сэр Растер посветлел лицом, трофеи все любят, а мертвым они ни к чему.

Когда распределение обязанностей закончилось и начался шумный и бестолковый пир, ко мне подошел Альбрехт, наклонился к уху и прошептал:

— Сэр Ричард, благодарю за назначение...

— Кушайте на здоровье, барон, — сказал я мирно.

Он проговорил с почтительным ехидством:

— Но что-то вы, ваша светлость, сэра Растера ничем не загрузили...

— Сэр Растер, — сказал я внушительно, — образец!.. Памятник! Монумент. Монументы не работают, они одним своим видом внушают... ну, почтение к рыцарской жизни. А в ней есть место и подвигам, и пирам, и даже гарпиям. Хотя да, можно ему вменить в обязанность пиршества...

Он отшатнулся:

— Нам не придется вылезать из-за столов!

— Э-э, — сказал я, — вы забыли про распределение полномочий. Когда и какие пиры, будет указывать другой... граф Ришар или барон Куно, к примеру. По важным



случаям. А вы шпионов ловите. Нет, шпионов пусть все-таки сэр Норберт, а вы крамольников...

— Это кто?

— Бунтари.

Он подумал, сказал осторожно:

— Если народ бунтует, то не от стремления взять чужое, а от невозможности сохранить свое.

Я отмахнулся:

— До народного бунта не докатимся. Вылавливайте отдельных, что призывают к бунту.

Он продолжил в том же тоне:

— Бунты — язык тех, кого не выслушали.

Я посмотрел на него хмуро:

— Признайтесь, барон, не хочется заниматься такой мелочью? Вам что, пиры в духе сэра Растера ближе или же воинские подвиги, как жаждет юный Теодорих?

— А третье придумать трудно? — спросил он. — Нет-нет, никто не увиливает. В самом деле нужное, хоть и неприятное... Шпионов я тоже буду ловить, кстати. Сэр Норберт изощреннее в воинской разведке, но там все просто и ясно, а в мирное время не всегда разглядишь врага под боком.

— Спасибо, барон.

Он ухмыльнулся.

— Помните, я колебался, идти ли с вами, когда меня так горячо уговаривал Митчелл? Пока что не жалею.

— А как там Митчелл?

— Отложил меч, не отходит от Даниэллы. Она родила ему уже второго сына, этот свирепый кабан скачет от счастья, как щенок с тряпочкой... Кто бы подумал, что такое чудовище можно вот так просто превратить в ягненка?

Часть II

Глава I

Вечером, одурев от груды дел, которых меньше не становится, я вышел во двор, птицы в кронах деревьев орут перед сном, как перед дождем, воздуха нет, одни запахи, а придворные расплываются в любезных улыбках и кланяются, кланяются, мать их, всем надо милостиво улыбаться, но не слишком, а так это чуть-чуть, мол, моя светлость заметила и поклоны одобрила.

По параллельной дорожке прочучундрил Куно, озабоченный до крайности, за ним двое помощников, такие же серые и очучундренные, деловито и вместе с тем пугливо несут за ним кипу бумаг.

Я окликнул:

— Сэр Куно! К тебе вопрос.

Он поспешно ломанулся в мою сторону напрямик через кусты, я важно кивнул, одобряя такое ревностное стремление встать перед мои светлы очи немедленно.

— Уточни состояние дороги, — потребовал я, — до Великого Хребта. В смысле до Тоннеля. Мне понадобится как можно более прямая и устойчивая.

Он сказал торопливо:

— Там одна! Выбирать не из чего...

— Кривая?

— Ну, как все...

— А насчет выровнять?

Он ответил озадаченно, не понимая такой причуды:



— Где-то удастся... а в другие местах... холмы срывать, что ли?

— Если надо, — изрек я, — сроем. Еще надо послать бригады лесорубов. И распределить вдоль всей дороги.

— Это помимо строителей? — уточнил он с непониманием.

— Им придется, — сказал я, — от Геннегау и до Тоннеля рубить лес и делать шпалы...

— Ваша светлость?

— Потом объясню, — сказал я нетерпеливо. — Главное, состояние дороги. Даже если идеальная, чего не бывает, все равно где-то надо укрепить, расширить, прорыть боковые кюветы для оттока воды. И, конечно, понадобится много леса вдоль всей дороги.

— Будет сделано, — произнес он озадаченно. — Вам, наверное, как-то виднее... в чем-то... сбоку... и с высоты вашей...

Его помощники держатся за его спиной и стараются не попадаться на глаза, будто карманы набиты краденым золотом.

Из конюшни вышел сэр Клавдий, отряхнул руки и одежду от сена и конской пены, завидел сюзерена, что даже на отдыхе трудится, довольно улыбнулся и быстрым шагом пошел к нам.

— Конечно, виднее, — подтвердил я. — Майордом я или кто? Нам позарез нужны дороги, не все же на метлах умеют...

Из гостевого домика вышли кардинал и поддерживающий его под руку отец Габриэль Хорст, я сделал вид, что не вижу, но голос сделал громче:

— ...ибо хорошие дороги соединяют мир воедино, и заповеди Христа смогут найти путь в любой дом и любой сарай! А они нам нужны такие, чтобы даже черные кошки уступали дорогу!.. Церкви нужны дороги, по которым можно с наибольшей скоростью попадать из города в город, из ко-

ролевства в королевство, ибо объединение стран и человека ведет к Царству Небесному...

Кардинал приблизился, явно прислушиваясь, лицо такое, словно старается подловить меня на неосторожном слове и пришить крамолу, отец Габриэль смотрит исподлобья, морщится, такое лицо бывает у человека, если только что говорил о тебе гадости и не уверен, что его не услышал тот, о ком была речь.

Куно торопливо поклонился, даже не решаясь попросить благословения или поцеловать руку столь высокому церковному чину. Кардинал издали окинул его придирчивым взглядом, мне показалось, на лице на короткий миг проступило недовольное выражение, хотя, на мой взгляд, Куно выглядит достаточно прилично, если сравнивать с остальными придворными.

Он в жиппоне с пышными рукавами, но у других еще пышнее, а бедный Куно вынужден и в одежде выбирать середину между строгой одеждой завоевателей и пышностью своего распущенного и утонченного мира. Хотя прошло совсем немного времени, но уже появились первые модники, что позаимствовали какие-то детали из костюмов рыцарей Севера. Чуть позже, как я понимаю, начнется более глубокая конвергенция.

Сэр Клавдий поспешил к кардиналу, уже забыв про сюзерена, никуда не денется, много их тут, майордомов, крайне почтительно преклонил колено перед его высокопреосвященством, как же, цаца.

На взгляд кардинала, думаю, он хорош: в старомодном дублете из такой толстой кожи с многочисленными вставками из добротной стали, что стоячий воротник эпохи Древних Королевств, подпиривший уши и подбородок, не кажется неуместным, хотя выполнен из великолепной стали синеватого оттенка.

— Ваше высокопреосвященство!

Кардинал величественно протянул ему руку. Сэр Клав-



дий подобострастно ухватил ее и припал губами к сухим и дряблым, похожим на куриную лапу, пальцам.

— Благослови тебя Господь, сын мой, — произнес кардинал. — Доволен ли ты своей жизнью?

— Как можно? — воскликнул сэр Клавдий. — Еще столько не сделано во славу Господа! А еще больше предстоит сделать! Мы только начали... А с вашей помощью так вообще...

Кардинал молвил снисходительно:

— Мы не надолго. Все придется самим.

Сэр Клавдий еще раз низко поклонился, ухитрившись снизу бросить на меня хитрый взгляд, дескать, они не надолго, так что тревожиться нечего, сэр Ричард, скоро уберутся...

Кардинал проводил его довольным взглядом, когда сэр Клавдий с таким почтением пятился до самой зеленой изгороди из декоративных кустов, что уткнулся задом и некоторое время елозил ягодицами, видимо пытаясь нащупать и взять ими ручку двери.

Кардинал наконец обратил на меня отечески благосклонный, как он, видимо, полагал, и вместе с тем пронизывающий, как февральский ветер, взгляд.

— Сэр Ричард, — произнес он очень значительно, — в нашем столь важном деле, заставившем нас прибыть из Ватикана, вы должны помогать со всем рвением христианского духа.

Я торопливо кивнул:

— Да-да, конечно. В самом широком спектре. Хотя я все равно в недоумении, ваше высокопреосвященство.

— Пока ничего сказать не могу, — произнес он с ледяной любезностью, что сразу возвела между нами барьер размером с Большой Ледник Антарктиды. — В свое время все узнаете.

Отец Габриэль добавил с тайным злорадством:

— Может быть.

А кардинал проговорил значительно:

— И еще... ваши люди очень неохотно идут на сотрудничество. Прикажите им быть более разговорчивыми и откровенными. Помните, от церкви ничего не должно быть сокрыто.

Я подумал, что это от Бога ничего не должно быть сокрыто, но кивнул и сказал послушно:

— Да-да, святой отец. Конечно же, скажу.

— Со всем рвением скажите, — подчеркнул он. — Нам должны отвечать как на духу все, невзирая на знатность и положение.

Отец Габриэль смотрел с откровенной неприязнью. Судя по его виду, он невзлюбил меня с первого взгляда. Сам он очень высок, но я выше, этого уже достаточно для неприязни, в молодости был явно красив, и сейчас лицо величественно и больше подходит для воинствующего герцога на покое, чем для смиренного монаха, пусть даже высокого ранга. Возможно, мечтал о победах и завоеваниях, но где-то обломали, и вот теперь инстинктивно не любит тех, кому повезло, как он считает.

Кардинал прошептал было дальше, отец Габриэль поддерживает под руку со всей почтительностью, на лице восторг, он близок к его высокопреосвященству, близок, смотрите все и завидуйте, мы — настоящая власть, хоть и не задираем носы, но кардинал повернул ко мне голову и сказал внятно:

— И побольше смирения, сэр Ричард! Я смотрю, вас гордыня обуяла.

— Меня? — удивился я. — Да я все время с народом!

— А зачем? — спросил он. — Не для того ли, чтобы подчеркнуть свою власть? Не для того ли, чтобы еще больше возвыситься над малыми и сирыми? В Евангелии, учении Христа, сказано: будьте кротки, как голуби...

Я ответил смиренно:

— Евангелие вообще-то не учение Христа, а учение о Христе.

Он спросил грозно:



— Что-о?

Я ощутил, что зря ляпнул, надо было молчать в тряпочку, Церковь умных не любит, кардинал вообще меня со свету сживет, промямлил торопливо:

— Говорю, что учения Христа, как ни странно, вообще-то и нет! Если не считать «...если тебя ударят по правой, подставь левую», все остальное либо было до него, либо придумано его учениками уже после его смерти. Единственная заповедь, данная Христом, настолько прекрасна и одухотворенна, что абсолютно не годится для реальной жизни.

Кардинал вперил в меня нещадный взор:

— Что-о? Заповедь Христа непригодна?

— В ее чистом виде, — пояснил я торопливо. — Для того и существует церковь, чтобы растолковать, как ее применять в нашей непростой жизни!

Он молча сверлил меня злым взглядом, еще не решив с ходу, как реагировать, потому что кошунство кошунством, но если предполагает большую власть Церкви, а в этом случае как бы уже и не кошунство, а расширенное толкование великих слов.

Я подумал, что кардинал не слишком умен, если не понимает, что истолковывать слова Христа принялись еще его ученики, как могли, конечно, эти простые и малограмотные люди, но развить в стройную систему сумели только такие безбожники, как Августин Блаженный, Тертуллиан и прочие Отцы Церкви. После их работ Церковь, получив руководство к действию, цепко взяла человека за шиворот и повела от рождения и до смерти по тернистой дороге к высокой горе со сверкающей вершиной, не давая сойти в сторону и полежать, как могут себе позволить даже козы.

— Мы еще вернемся к этому вопросу, — зловеще пообещал кардинал. — Пойдемте, отец Габриэль, нужно своими глазами посмотреть, чем на самом деле занят наш брат во Христе отец Дитрих...

Я вернулся во дворец злой и расстроенный, уже стемнело, везде горят свечи и слишком громко гремит музыка, эти трое из Ватикана наверняка скажут, что неуместно, я бы и рад согласиться, но я еще и майордом, должен быть демократом и потакать вкусам простых придворных и милых, но глуповатых дам.

На звуки музыки я пошел со странной смесью раздражения и удовольствия, играют неплохо, сразу поднялся на второй этаж, а там вышел на широкий балкон.

Внизу зал весь в огнях, ярко одетого народу полно, все танцуют. Мне они напоминают фигурки в сложных часах, которые обожали делать старинные мастера в угоду королям, когда с боем часов появляются из ниш эти раскрашенные и церемонно-неподвижные кавалеры, приближаются друг к другу и расходятся, не прикоснувшись. Время от времени проходят сквозь такой же церемонно застывший лицами строй женщин. В это время незамужние женщины, оставшись без присмотра бдительных нянек и старших братьев, и так чувствуют себя голыми, это смущение придает их лицам очаровательный румянец, глазки ликующе и чуточку блудливо блестят...

Века пройдут, пока появится отвратительно вульгарный танец, который при многих дворах поспешат запретить, в нем к даме не только можно прикасаться кончиками пальцев, но и обнимать ее — неслыханное дело! — за талию, а танцевать с партнершей разрешено, держа ее на расстоянии всего двух ладоней.

Но сейчас до вальса, как до луны, между этими вот церемонными, когда нельзя даже улыбаться, будет целая эпоха бальных, когда не ходишь вот так строем мужчин сквозь строй женщин, держа спину прямой, а морду каменной и значительной, а танцуешь с кем-то одной, эпоха, как говорится, индивидуальных танцев...

Когда смотришь вот так сверху, как я с балкона, бальные танцы всегда напоминают мне богатый украинский



борщ, такой же густой и цветной, когда хохлушка старательно размешивает его поварешкой...

— О чем задумались, благородный сэр, — пропел кокетливый голос за спиной, — об устройстве государства или новых способах шнуровки женских корсетов?

Бабетта подошла вольной и кокетливой походкой, так это трактуется здесь, признак вольных нравов, а через сотни лет так будут ходить строгие чопорные дамы из высшего света. Та же ситуация, что и с вальсом, сперва распутный танец, фи, как не стыдно, потом — строгая классика.

— О, это вы, прекрасная миледи, — ответил я. — Какое задание выполняете на этот раз?

Она капризно наморщила губки:

— Ну вот, сразу задание... А просто повеселиться?

— Мне кажется, — сказал я откровенно, — вам, как и мне, не так интересно веселиться, как чем-то заниматься. Кого-то замышляете перевербовать?

Она засмеялась, шутливо ударила меня розовыми пальчиками по руке, я ощутил тонкий запах духов.

— Ах, оставьте такие мысли! Ваши люди настолько чисты и верны вам, что ни деньгами, ни землями, ни титулами не оторвать от вас. Все вам настолько преданы, просто завидно.

— Уже пробовали?

Она кивнула:

— И не раз. Не я, не смотрите с таким укором, а то мне в самом деле станет стыдно... Интересное, наверное, чувство! Я такими простыми делами не занимаюсь.

— А какое дело у вас сейчас?

Она засмеялась и кокетливо стрельнула в меня взглядом:

— Вы безумно удивитесь, но скажу правду. Должна просто осмотреться и оценить обстановку. Ваше вторжение было слишком необычным, чтобы попытаться как-то действовать по старым шаблонам. Император при всей его мощи тоже не хотел бы попасть впросак... В Орифламме не

просто вторглись войска соседнего королевства, отыскав дорогу...

Я спросил с интересом:

— А что?

— Вы другие, — сообщила она мне новость. — Вы все спаяны больше, чем верностью вам лично, верностью и преданностью церкви. Вы все действуете так, будто вас ведет некая высшая воля...

Я перебил:

— Это так.

Она отмахнулась:

— Да ерунда, ничего высокого нет, однако эта вера творит в самом деле чудеса. Таких людей всяк хотел бы иметь на своей стороне, но беда в том, что у вас своя сторона, и эта сторона...

— Бог, — договорил я. — Да, с нами Бог, так кто же против нас?

Она усмехнулась, взяла меня под локоть, мы прошли на другую сторону зала, из окон виден двор с гуляющими там придворными, не пожелавшими тратить время на танцы.

— Император заинтересован в спокойствии своих владений, — сказала она. — Не выдам особой тайны, если скажу, он давит на Его Величество, чтобы тот установил с вами какие-то отношения. В конце концов, вы оба подданные императора, потому должны жить в мире. И сотрудничать.

Я поморщился:

— Жить в мире... это можно, пока на разных концах страны, но сотрудничать?

Она улынулась, но глаза стали серьезными:

— Сотрудничать придется. Не знаю как, но придется... Его Императорское Величество настаивает, чтобы король вернулся в Геннегау.

У меня вырвалось:

— Что? Это его воля?

— Это столица, — пояснила она, как ребенку, — король не может слишком долго пребывать на окраине. Сейчас



Его Величество занят проверкой работы королевских управителей в Ундерлендах, так это звучит официально, но, как вы понимаете...

— А вот не понимаю, — огрызнулся я. — Почему должен понимать такие странности?

Она смотрела на меня очень серьезными глазами:

— Ричард, я очень хорошо к вам отношусь, честное слово. Но вы уже не простой рыцарь. Вы управляете большими массами вооруженных людей, под вашей властью целое королевство... и потому хотите или нет, но вынуждены играть по сложившимся правилам.

Я пробормотал:

— Вы сами упомянули, что мы несколько иные. Мы в самом деле спаяны единой идеей, целью и стремлениями. И преданы в первую очередь Богу, а мне лишь потому, что я здесь как бы первый после Бога...

Она восхитилась:

— Обожаю вас за скромность!

Я кивнул:

— Спасибо. Так уж получилось, что эти люди сами убедили меня в своих идеях, а потом я их взгляды так подал им же, что меня и сочли наиболее преданным Господу. Самое странное, что фактически и есть именно так, хотя моя преданность несколько иного свойства, и многие пришли бы в ужас, увидев некоторые ее грани...

— Ох, — сказала она с чувством, — увидеть бы их!

— А еще по ту сторону Хребта, — сказал я, — множество густонаселенных королевств, где люди тоже носят на плащах кресты.

Она сказала озабоченно:

— Ах, милый Ричард! Перекройте скорее Тоннель для них! Фанатики опасны для любого строя и любого правителя! Вы и своих кое-как контролируете, но если придут и те, что не из вашего войска...

Я развел руками:

— Меня самого, скажу откровенно, тревожит. Хотя бы

потому, что не хотел бы выпускать власть из своих рук. А фанатики, как вы точно заметили, не подчиняются ни королям, ни императорам. Однако, увы...

— Что случилось?

Я вздохнул еще тяжелее:

— Чтобы ладить с Церковью, я передал ей полностью власть над Тоннелем и все секретные слова. Теперь только Церковь может обрушить его в любой момент.

Она призадумалась, я держал скорбное лицо и наблюдал за ней из-под маски мужчины, все еще подумывающего затащить ее в постель. Похоже, главной целью приезда и был Тоннель. Это уже не Кейдан, им заинтересовался император.

А вот хренушки, Церковь — это не такая легкая мишень, как одинокий маркграф. И не все служители церкви носят рясы.

Глава 2

Спал я в королевской спальне на безумно роскошной постели, где можно устраивать оргии, но, увы, один. Даже это вот такое простое для любого простолюдина действие, как затащить в нее женщину, для государя может грозить великими неприятностями.

Утром в спальню начал набиваться народ, выглядит бесцеремонностью, но так принято, помогают умыться, расчесаться, держат в растопыренном виде сразу несколько одежек, надо только руки подставить, а башмаки тоже натянут и зашнуруют.

Последним явился сэр Альвар в сюрко серого цвета, пристежные рукава котты разного цвета: правый синего, левый — зеленого, в то время как штаны с точностью наоборот, я не стал рыться в памяти, стараясь вспомнить, что это значит, сказал бодро:

— Сэр Альвар, вы как всегда чувствуете, когда Родина и Отечество нуждаются в вас! Да что там Отечество, кому оно



нужно, сейчас на вас смотрит весь цивилизованный мир! И ждет, соответственно, да.

Он прищелкнул сапогами в воинском приветствии, шпоры издали приятный малиновый звон, это вместо поклона, в таких роскошных покоех это должно выглядеть шуткой.

— Кого рубить? — спросил он бодрым голосом. — Могу послать своих людей, хотя коней трудновато на третий этаж... но мы все сумеем с таким сюзереном!

На него смотрели серьезно и без улыбок, зато я широко растянул уголки рта, мол, понял-понял, но тут же сделал серьезное лицо и сказал деловито:

— Мы должны обустраивать жизнь в городе не только мечами, но и мудрым правлением. Так ведь?

— Так, — ответил он кисло. — Ну да, конечно. А как же... Я вот все мечтаю, как обустроить...

— Прекрасно, — сказал я. — Раз уж проснулись так рано и уже как огурчик, то вот вам первое задание... Что я хотел... ага, с въезжающих в город телег плату взимают по конским головам, а это не совсем справедливо.

Он смотрел непонимающими глазами.

— А как изволите? — спросил наконец. — По человеческим? Я отмахнулся:

— Да какая разница? Что конская, что человеческая, разве так важно? Я их вообще не отличаю. Надо — по стоимости товара.

Лица придворных вытянулись, то ли не поняли, то ли не одобряют. Сэр Альвар поскреб затылок, переступил с ноги на ногу, а на лице отразилась благородная задумчивость.

— По стоимости...

— Ну да, — подтвердил я. — Один везет пару глиняных горшков на продажу, другой — полный воз дорогих шелков! А пошлина у них одинаковая.

Он проговорил медленно:

— Сэр Ричард, но кто сумеет справедливо определить стоимость товара?

— Да пусть сам хозяин подводы и определяет, — решил я. — Кто лучше его знает, что везет?

Он покачал головой с сомнением, но приказ есть приказ, кивнул и отбыл. Граф Ришар за нашими спинами перебирал на стене украшенные драгоценными камнями мечи короля, я должен быть опоясан чем-то соответствующим, коротко засмеялся.

— Это вы так боретесь с теми, кто приходит к вам утром помогать с туалетом?

— А что, — спросил я бодро, — плохо придумано? Сразу двух зайцев одним камнем.

— Ну, — сказал он, — мне кажется, здесь вы промахнулись, сэр Ричард. Купцы — такие жуки...

— А мы? — спросил я.

К полудню, разобравшись с делами, я сам подъехал к городским воротам и понаблюдал. Весть о новой форме налога моментально разлетелась между торговцами, я хмуро наблюдал, как быстро все наглеют, с каждой телегой все больше занижая стоимость ввозимого товара..

Я хмуро усмехнулся, эти хитрецы еще не знают, с кем имеют дело, тронул коня и подъехал ближе. Начальник стражи, сэр Форестер, немолодой обедневший рыцарь из отряда графа Зольмса, как раз унылым голосом спрашивал очередного торговца, сколько собирается получить за свой товар на рынке Геннегау. Тот, блестя веселыми глазами, ответил приподнято, со скорбным лицом, но веселым голосом, явно рассчитанным на наблюдающих за ним других торговцев:

— Одну серебряную монету, клянусь!..

Сэр Форестер сказал упавшим голосом, едва не скрипя зубами от бессилия:

— За сорок выюков драгоценного шелка?..

— Да, — ответил торговец бодро. — Времена такие ужасные, цены падают...



Форестер буркнул:

— С тебя тогда и брать нечего.

Со всех сторон заржали, торговец воскликнул:

— Я по доброте душевной заплачу медную монету, хотя это и в десять раз больше, чем нужно за такой товар.

Форестер, смирившись, готовился принять монету, я пустил коня вперед и сказал громко:

— Стоп-стоп!.. Как хорошо, когда товаров так много, что продаются за бесценок!.. Богатая у нас страна, хорошо живем! Говоришь, рассчитываешь получить на рынке всего одну мелкую серебряную?

Торговец поспешно поклонился:

— Да, ваша светлость!.. Истинно так.

Я повернулся к угрюмому начальнику стражи:

— Сэр Форестер, вы не рады? Странно... Помогите доброму человеку! Освободите от тяжелого дня распродажи на рынке. В смысле купите для государственных нужд! Товар пусть сгрузят тут же, вот свободное место. Продадим позже...

Сэр Форестер мгновение смотрел оторопело, потом лицо озарилось хищной радостью. Он кивнул своим молодцам, те мгновенно ухватили коня под уздцы, у рыцаря серебра не нашлось, но один из рядовых ссудил командиру, тот злорадно сунул монету оцепеневшему торговцу, а сам стал выше ростом, усы поднялись концами кверху, смотрит орлом.

Я сказал громко:

— Сэр Форестер, отныне вы вольны сами покупать для государственных нужд товары, понятно? Тем самым можете приезжим купцам быстрее распродаться и снова вернуться за новыми.

Сэр Форестер едва не прослезился от счастья, наконец-то этим гадам покажет, вытянулся, голова его в поклоне упала на грудь.

— Будет сделано, ваша светлость!.. Я им помогу, со всем рвением помогу!.. Век будут помнить мою доброту... и вашу мудрость.

Я милостиво улыбнулся и повернул коня. Свита последовала за мной, оживленно шушукаясь. Я перехватил восторженный взгляд стражников, все из местных, вот так и завоевываем сердца сенмаринцев, не мечом, а понятными для всех торговых людей контрприемами.

Во дворец возвращаться тошно, я проинспектировал уходящие в Брабант отряды, дал отеческие наставления, стараясь выглядеть старше и мудрее, свернул к собору.

Ворота распахнуты, я услышал тихое пение, соскочил на землю и пошел как можно более неслышно. В соборе пусто, только на хорах десятка два мальчиков в одинаковых белых одеждах, а перед ними медленно поводит руками лохматый человек, то поднимая, то понижая голоса.

Я остановился, голоса удивительно нежные и чистые, не зря это называют ангельским пением. Если ангелы в самом деле вдруг бы запели, вряд ли их голоса звучали бы лучше. Я остановился и слушал. С моей мохнатой и заскорузлой души сперва начала опадать шерсть, все быстрее и быстрее, а потом и чешуйки, что у всех нас нарастают за годы взрослой и такой беспощадной жизни. Я стоял так, превратившись в слух, даже не знаю, как долго. Мне кажется, в моих глазах даже появились слезы, во всяком случае, жжение я ощутил, хотя по щекам, конечно, струйки не бегут, мы же мужчины, а герои скупы на слезы.

— Вам нравится, сэр Ричард?

Я вздрогнул, словно застигнутый голым перед толпой хохочущих женщин. Отец Дитрих так же тихо подошел со спины и смотрит с пониманием.

— Не то слово, отец Дитрих, — ответил я. — Я вообще не нахожу слов. Это нечто нечеловеческое...

— Мы все бываем лучше людей, — ответил он кротко. — Жаль, это так редко. И это ангельское пение... способствует.

— Отец Дитрих, — проговорил я осторожно, — простите за дерзновенный вопрос...

— Говори, сын мой, — произнес он. Умные глаза сверк-



нули настороженно, он подобрался и смотрел с ожиданием. — Обычно пустяки тебя не волнуют.

Я сказал с неловкостью:

— Тот некромант, который тогда погиб...

Он прервал строго:

— Погиб человек, при чем здесь некромант?

Я сказал с еще большим смущением:

— Он завис здесь в виде призрака. Я не скажу, что он стремится отсюда уйти... гм... но и ему непонятно, как и мне, каков его статус. И чего ему вообще ждать.

Он взглянул на меня с изумлением:

— А ты с ним общаешься?.. Удивительно. Отношение Церкви к нему, сын мой, самое теплое. По крайней мере той части священнослужителей, которых я знаю. Высшим деянием Христа было принесение себя в жертву. С тех пор жертвенность стала приоритетной для святости, для искупления и очищения. Пожертвовать собой за други своя стало доблестью для основ христианства. Человек не смеет убивать ни себя, ни других, но может отдать жизнь за друзей, за веру, за идеалы, за честь...

Я наклонил голову, печаль стиснула сердце.

— Понимаю.

Он сказал тихо:

— Вряд ли Логирд понимал в тот миг, что делает. Он повиновался зову сердца, а не рассудку. Мы с тобой, сын мой, уже тертые орешки, знаем, что посоветовал бы разум. А сердце у него, в отличие от трезвого разума, было чистым... или очистилось для этого жеста, который разом искупил и осветил его жизнь. Потому отец Варфоломей не устает в своих проповедях приводить его в пример.

— Как злодея, — спросил я невесело, — что сумел исправиться?

Отец Дитрих отвел взгляд:

— Да, что-то вроде. Или чуточку сгущает, это неважно. Важно то, что, когда отпевали его обугленное тело, все искренне возносили о нем молитвы как о святом человеке.

Конечно, он не святой, но сердца наших священников были полны восторга и благодарности. Возможно, наш голос тоже был услышан... Но, главное, сам Логирд своим поступком избежал ада. А что он все еще здесь... Что ж, Господь ничего не делает зря. Возможно, дело не только в желании Логирда задержаться на земле среди людей. Кто знает пути и замыслы Господа? Может быть, бывшему некроманту начертано совершить нечто такое, что не смогут другие... Не будем строить догадки, у нас своих дел немало.

Я торопливо поклонился:

— Простите, отец Дитрих. Извините, что отнял у вас время.

— Я понимаю, — ответил он кротко. — Люди из Ватикана заронили в тебя сомнения. Это ничего, сын мой. Ты выдержишь.

— Уже хребет трещит, — ответил я угрюмо. — Но спасибо, отец Дитрих, на добром слове.

Он сказал кротко:

— Если попадете в рай, на что я надеюсь, вы удивитесь, встретив знакомых, которых вовсе не ожидали там встретить. Многие из них будут удивлены еще больше, встретив там вас. Это я к тому, что все мы склонны оценивать людей, сообразуясь со своими симпатиями и антипатиями, но не по их реальной стоимости. Но вы, майордом, вы этого себе позволить не можете...

Я вздохнул:

— Ах, отец Дитрих! Как сладко было думать, что король — это только бабы и пьянки... А тут еще до короля, как до Юга ползком, а уже обратно в простолюдины восхотелось.

Он грустно улыбнулся, моя жалоба понятна, как понятно и то, что дальше жалобы дела не пойдут. Многие богачи с умилением вспоминают свое голодное прошлое, но никто не захотел бы в него вернуться.

В нашу сторону торопливо шел человек в длинном одеянии, что уже не халат алхимика или мага, но пока и не по-



вседневная одежда горожанина, эти высоколобые цепко держатся за пустые признаки.

— Ваша светлость, — сказал он торопливо, — позвольте обратиться к его преосвященству?

Я махнул рукой:

— Давай, мы не в армии.

Настроение испортилось, алхимик напомнил о других преосвященствах и одном высокопреосвященстве, язык сломаешь, я хмуро следил, как тот пал на колени перед отцом Дитрихом, поцеловал руку и начал торопливо объяснять, что во славу Церкви старается сотворить гомонкулу-са, это совсем не то, что человека, то был божественный акт, а это всего лишь воссоздать более простую жизнь...

Я покачал головой, всегда людям кажется, что горизонт вот он, только руку протяни. И бессмертие ищут уже тысячи лет, и всегда уверены, что вот-вот, это уже потом престарелый и разочарованный Гете написал «Фауста», а в молодости в собственной алхимической лаборатории как страстно искал секрет бессмертия!

— Господь Бог, — сказал я внушительно, — не инженер, а каменщик.

Отец Дитрих нахмурился, алхимик поднял на меня робкий и вопрошающий взгляд.

— Это... как?

— Все, — сказал я, — что сделает инженер, можно разобрать, перенести в другое место и там собрать заново. А вот обтесанные камни уже нельзя сделать необтесанными.

Отец Дитрих замедленно кивнул, еще не зная, одобрить такую вольную трактовку, пусть и в защиту Творца, или же осудить за принижающие Господа сравнения.

— Господь, — проговорил он наконец наставительно, — сотворил этот мир для нас, но дальше велел ухаживать за ним и улучшать его нам. Так что все, что на улучшение...

— На улучшение, — торопливо заверил алхимик. — На улучшение!

Я махнул рукой, вернулся к Зайчику и, вскочив в седло, повернул к дворцу. Сколько ни оттягивай, возвращаться придется, а дел там накопится больше.

Глава 3

Когда-то я не мог понять, зачем в Библии, этом учебнике «Как жить правильно», есть и про сластолюбивых старцев, что подглядывали за купающейся Сусанной, и про апостола Петра, ухитрившегося при виде стражников трижды за одну ночь отречься от Иисуса... а тот такого подлого труса после этого позора еще и поставил главой Церкви!.. И почему Соломона считают мудрым, если так обкакался с царицей Савской и практически погубил царство Израилево, допустив политкорректность, то бишь разрешив строить в Иерусалиме мечети и языческие капища...

Почему Ной, лучший из людей, напился как свинья и лежал голый, на потеху сыновьям и невесткам, почему праведник Лот совокуплялся с дочерьми, почему... почему, тысячи почему, ведь должны быть только правильные примеры, а не такое вот непотребство!

И не сразу, а только медленно взрослея, сообразил, что написано не для героев со стальной волей и упрямо выдвинутой вперед челюстью, каким вот я стараюсь казаться, таким нужны идеальные образы, а для людей вообще, а значит — слабых, трусливых, поддающихся соблазнам... И вот там на примерах показано, что и трусивший может стать героем, как умер Петр, и слабый может найти силы идти в гору дальше, и все мы не совершенны, часто оступаемся по слабости или недомыслию, поддаемся соблазнам, но все-таки можем идти вперед и творить большие и добрые дела. И даже великие.

Я проснулся с мыслью о посланцах из Ватикана, что-то в их появлении очень тревожное, намного более тревожное, чем простая инспекция. Должен бы думать, как собрать в Брабанте стальной кулак и разом обрушить на Ган-



дерсгейм, но мысли упорно поворачиваются к этой странной троице...

Куно обычно не присутствовал при моем утреннем туалете, чувствует, как неприятно отодвинуть полог на кровати и наткнуться на угодливо-любопытные рожи, но сегодня держал передо мной зеркало, наверное, его очередь, и сразу же сказал:

— Ваша светлость, сэр Ричард... Вы были заняты ратными делами и не обращали внимание на обустройство в других... гм... областях.

Я ответил бодро:

— Как раз напротив! Занимаясь ратными, уже думал о послератности. А сейчас вот жду от тебя на подписание смету на строительство нового монастыря и учреждение при нем университета...

Он поклонился и ухитрился вклиниться в мою речь, сделав вид, будто я закончил:

— Я имел в виду несколько иные аспекты укрепления вашей власти и положения. При дворе множество прекрасных юных дев из могущественных домов, кланов и династий.

Я поморщился:

— Сейчас не до того.

— Не упускайте возможности, — сказал он настойчиво.

— Не до женитьб, — сказал я. — Слишком уж, как ты понимаешь, много дел понеотложнее.

Он поднял голову и смотрел мне в лицо истово и прямо.

— Женитьба, вы правы, очень важный шаг. Но уже то, что вы кого-то приблизите к себе... ну, вы понимаете, возрадует целое семейство и сделает их вашими преданными сторонниками. А другие будут стараться приблизиться...

— ...предлагая своих дочерей? — перебил я.

Он поклонился:

— Вы сказали очень точно, ваша светлость.

— Не мой путь, — отрезал я и пояснил: — Наш великий

вождь однажды сказал, что мы пойдем другим путем. Безбабым... в важных вопросах, я имею в виду.

Он поклонился:

— Я только высказал свою точку зрения.

— Вот и высказывай, — сказал я сварливо. — Но не навязывай. Я сам навязыватель хоть куда и хоть кого. Нет уж...

Он повел глазами в сторону, в спальню вошел барон Альбрехт, свежий и элегантный. Он всегда одевается так, что я никогда не мог вспомнить, что на нем было, но твердо помнил, что выглядел он по меньшей мере привлекательно.

Красиво поклонившись с порога, он отобрал зеркало у Куно, тот поспешно отступил, и сказал вполголоса:

— Я слышал, слышал. Куно вообще-то дело говорит. Кстати, выяснилось насчет той красавицы, которая так неожиданно оказалась в вашей спальне.

— Да-да, — сказал я. — Что там?

Он поморщился:

— Сказать по правде, разочарован. Пришлось копать так глубоко, что надеялся на сложный заговор с участием двух-трех королей, а все оказалось до смешного просто.

— Ну-ну?

Он посмотрел искоса:

— У вас хватило... гм, не скажу глупости, о майордоме так даже думать рискованно, но хватило... вернее, вам не хватило выдержки крупного лорда, за которым следят и чьи желания ловят на лету. Да-да, это ваша вина! Как-то вы проходили через зал с кланяющимися придворными, которых так не любите, и, Господи, улыбнулись. Вот так, посмотрели внимательно и улыбнулись! Этого для сметливых людей достаточно. Я еще не разобрался, что ими руководило: желание подложить под вас умелую интриганку, которая сумела бы как-то влиять...

— Исключено, — сказал я твердо. — Никому влиять не дам! Хотя, конечно, сгруппил, признаюсь...

— Еще как, — подтвердил он без жалости. — Возмож-



но, просто желание через свою дочь получить замки, титулы, земли, богатства... Но могло быть и гораздо хуже. Вы сами знаете про ночных кукушек.

— Исключено, — повторил я менее твердо. — Не такой же я дурак, хотя да, дурак редкостный. Как все, оказывается, просто! Самому оказаться причиной...

— Все непросто, — возразил он. — Неумение владеть лицом может доставить и побольше неприятностей. Королям, а вы почти король, постоянно приходится врать, это называется дипломатией, и нельзя, чтобы вас постоянно ловили на брехне.

— Хотя бы сказали «лжи», — укорил я. — Брешут простолудины, а мы лжем. Винюсь, сэр Альбрехт! Сам дурак. Буду стараться следить за собой.

Он понаблюдал за мной исподлобья, я ждал, что скажет что-то неприятное, и он сказал неожиданно:

— Быть вам королем, сэр Ричард.

Придворные появлялись и так же неслышно исчезали, даже стены пропахли духами и притирками. Меня одели, обули, затянули ремнем, только что не взнуздали, повертели перед зеркалом в стене, где я изволил одобрить то, что мне показали, после чего двинулся, как большой гусак во главе стаи гусей, на выход.

Альбрехт, видя, что я не вскидываюсь, как норовистый конь, сказал деловитым голосом:

— Вам стоит обратить внимание на леди Стефанию Бриенскую.

— Почему?

— Она в родстве с Плантагенетами, Тюдорами и даже Одоакричами. К тому же девственница...

Я поморщился:

— Откуда известно?

— Что? Ее родство?

— Нет, что девственна.

Альбрехт развел руками, замялся, предположил задумчиво:

— Я ее видел как-то. Судя по ее лицу... гм... она и должна быть девственной.

Я фыркнул, отмахнулся, не до баб, когда ватиканцы что-то усердно уж копают, не говоря уже о стягивании войск к Гандерстейму.

Впрочем, когда шли через общий зал, где все уклоняются и стараются протиснуться в передний ряд, Альбрехт украдкой показал на группу молодых леди.

— Вон та, что в белом платье с голубыми лентами, и есть Стефания Бриенская.

Я увидел строгую девушку с бледным лицом и взглядом фанатичной веры, лицо истовое, светлое до неприличия, я смотрел на нее и не видел ее высокой груди, она рождена для веры и высшего служения высокой идее. Когда Альбрехт сказал, что она, судя по ее лицу, должна быть девственной, я предположил уродину, но любая уродина скорее потеряет девственность, чем эта.

Она в числе других присела передо мной в глубоком поклоне. Я смотрел внимательно, но, кажется, она не предполагает, что ее прочат мне в фаворитки...

Я как накаркал, через час в кабинет ввалился достаточно бесцеремонно на правах старого боевого друга сэр Клавдий, учтиво поклонился, но в кресло плюхнулся, не дожидаясь приглашения.

— Двор слухами полнится, — сообщил он деловито. — Что о вас только не говорят! Так что, если у вас пока нет жены, нужна фаворитка...

Я замотал головой:

— Ни в коем случае!

— Почему?

— Нехорошо, — ответил я сердито. — Одно дело тайком шастать к чьей-то жене или дочери, другое — вот так открыто пользоваться своей властью. Что-то в этом нехорошее и... просто гадкое.

Он хмыкнул:

— Все пользуются властью.



— Но по-разному, — огрызнулся я. — Я вон спешно набираю народ, чтобы поскорее строили порт и большие корабли! Где прикажу, где сокру, но у меня цель — и Бог простит. А чтобы таскать в постель баб... нет, это не по-рыцарски. Мои лорды меня осудят.

Он спросил негромко и чуточку доверительно:

— Вы не уверены в полной лояльности лордов?

Я сказал раздраженно:

— За мной идут добровольно и радостно, потому у нас такие... победы. Когда войско жаждет боя — нам все легко. Если бы только я принуждал создавать флот, его бы строили сто лет! Все тарасконцы на стройке, из других городов купцы шлют деньги, материалы, стремятся попасть в долю и поучаствовать в разделе будущей добычи!.. Вот что мне надо, а не повиновение!

Он наклонился в кресле, избегая моего взгляда и пережидая вспышку гнева сюзерена. Я замолчал и сердито хлопнул ладонью по столу, разговор окончен, сэр Клавдий понял, поднялся, но, отступая к двери, сказал смиренно:

— Как скажете, сэр Ричард. Вам виднее. И в самом деле, да плевать, какие слухи о вас распускают! Хотя в данном случае никого принуждать не надо. Женщины сами отчаянно стремятся в вашу постель.

Я хмуро промолчал, он вышел за дверь, не забыв еще раз поклониться, раз уж я зол и гневен.

Глава 4

Сэр Растер завалился в мой кабинет еще бесцеремоннее, для него я все еще тот странствующий рыцарь, что скрестил с ним копье за даму, имя которой он бессовестно перевирал.

— Сэр Ричард, — сказал он покровительственно, — рыцари беспокоятся, не случилось ли с вами чего?

— Сэр Растер, — сказал я затравленно, — и вы о бабах?

Он удивился:

— Я что, совсем дурак? Там пир по случаю возвращения отряда из Турнедо, вот уже который день празднуем красивую победу! А вас все не видно.

— Положение обязывает, — согласился я. — Да и жрать что-то хочется...

Он довольно улыбнулся, сам распахнул передо мной дверь, в рыцарской среде не должны считаться с такой ерундой, мы спустились на первый этаж, откуда идут мощные ароматы жареного мяса, вина, пряностей, а также доносятся удалые песни, заглушающие музыку.

За пиршественными столами одни мужчины, но чую, этой монополии скоро конец. А жаль...

Граф Ришар приблизился с холодной учтивостью аристократа, осанка безупречна, словно выступает перед войском, но он всегда таков, только глаза при всем деланом безразличии выдают тревогу.

— Сэр Ричард, — произнес он негромко, — что-то случилось?

— Вроде бы нет, — пробормотал я. — А что?

— У вас лицо такое...

— А вы какое хотели? — огрызнулся я. — Мне вечером к гостям из Ватикана идти! На допрос.

— Примите мои соболезнования, — сказал он участливо. — Если присудят к сожжению на костре, лично проследжу, чтобы сырые дрова заменили на сухие.

— Вы сама любезность, граф, — сказал я. — И вещи приятные говорите. А то сейчас у меня был сэр Клавдий, предлагал побольше красивых баб при дворце завести. А то вроде бы и воевали непонятно за что...

Он криво усмехнулся:

— Да, конечно.

А сэр Растер, по случаю огрузения очень задумчивый и степенный, разжевал короткую реплику доблестного графа до предельной пресности:

— Какая сладость от грабежа, если в добыче нет баб?

Я отмахнулся:



— Да они есть, только оглядись. Но нашим героям надо устроить заповедник прямо в дворце, чтобы руку протянуть, и все... Лодыри. С другой стороны, когда в доме эти беспечно щебечущие... гм... это благополучие, верно?

Ришар наклонил голову, вроде бы соглашаясь, но смотрел исподлобья, и взгляд не казался мне спокойным.

— Как вам легат из Ватикана? — спросил он внезапно.

— Пока никак, — со сдержанной злостью ответил я. — Конечно, я польщен таким высоким вниманием, но у семи козлят волк без глаза.

Он бросил короткий взгляд по сторонам:

— Эти два священника... которые с кардиналом...

— Да, сэр Ришар, — сказал я настороженно.

Он чуть понизил голос:

— Оба очень уж интенсивно расспрашивают наших рыцарей. И простых ратников.

— Это естественно, — ответил я. — Для них все ново.

Он покачал головой.

— Расспрашивают, — произнес он с расстановкой, — о вас.

— Надеюсь, — спросил я, чувствуя нехороший холодок, — не только?

Он посмотрел на меня очень внимательно:

— Практически только о вас. Создается впечатление, что все остальное их совершенно не интересует. Даже приобщение такого громадного королевства к христианскому миру, странно, не особенно их удивило. Даже выход к океану... Даже Тоннель!

Я не мог смотреть в его требующие ответа глаза, в полной беспомощности развел руками.

— Сэр Ришар... если бы я знал что-то, я сказал бы! Нам ли таить что-то друг от друга?.. Но для меня самого тайна, что они копают.

— Копают?

— Роют, — сказал я, — ищут! Что ищут, не знаю! Я не считаю себя святым, но я не посланец же ада!.. А они будто

в чем-то подозревают... Нет, даже уверены в моей вине, осталось только факты найти... или подтасовать...

Граф Ришар с сочувствием поиграл бровями, иссиня-черными при такой белой гриве. Даже щетина седая, но брови черные, удивительно.

Барон Теодорих, красивый, крупный, в дорогих доспехах, но с бледным лицом и запавшими глазами.

Я сказал весело:

— Приветствую вас, барон! Вы всегда будете для меня самым близким другом. Я прекрасно помню, что вы были первым рыцарем, кто пришел под мое знамя. И первым поступил ко мне на службу в крохотном замке Амальфи!.. Почему у вас грустный вид? Вина недолили?

Он грустно улыбнулся вельможной шутке:

— Сэр Ричард, после окончания вашей победоносной войны меня просто преследуют неудачи... Во всем.

Я не стал напоминать, что я его недавно из виконтов возвел в бароны и дал большое поместье и настоящий замок, покачал головой.

— Сэр Теодорих, неудачи преследуют всех. Но догоняют только слабых и ленивых.

Он запнулся, я видел, как проглотил уже готовые сорваться с языка слова, явно новые жалобы, исподлобья взглянул на меня, на рыцарей.

— Сэр Ричард, мне бы вашу... твердость.

Он не сказал «твердолобость», но явно это слово вертелось у него на языке. Сэр Растер на правах старого знакомого подхватил его под локоть и увел, а дальше я видел, как сидели рядом, и Растер усердно поил юного барона, твердо уверенный, что вино смывает любые печали..

— Что у него за проблемы? — спросил я Альбрехта. — Вы, дорогой друг, как барон барона понимаете лучше. Он же был безземельным рыцарем, а здесь получил и титул, и земли...

Барон Альбрехт смотрел в сторону печального Теодо-



риха с затаенной грустью, лицо помрачнело, а между бровями пролегла тяжелая складка.

— Что титул, — произнес он, — что земли... особенно когда так молод...

— Любовь? — спросил я.

— Ну конечно.

Я вздохнул с облегчением:

— Ну, это пройдет. Либо женится, либо не женится, но пройдет все равно. Кто она? Мы можем посодействовать сватовству.

Он покачал головой:

— Увы, сэр Ричард. На их род наложено семейное проклятие. Все женщины умирают, достигнув семнадцати лет. Выживают только мальчики. Говорят, королева чем-то оскорбила могущественную волшебницу, и та наложила такое вот...

— Может быть, — предположил я, — арестовать ту колдунью и заставить отменить проклятие? А потом вздернуть?

— Увы, — сказал он.

— А что не так?

— Было это лет триста тому, — пояснил он. — Хотя, говорят, волшебница все еще жива. Но никто не знает, где она. А вот дети в роду Колчестеров живут под страхом смерти.

Я поморщился, покачал головой:

— Вот почему и тащим всех колдунов и ведьм на костры. Сволочи!

Видя, как мы беседуем, забыв о налитых чашах, к нам подошел пышущий весельем сэр Клавдий, поклонился учтиво и едва не упал.

— Что, — спросил я едко, — снова о бабах?

— Ни в коем случае, — ответил он и рыгнул, вежливо прикрыв рот ладонью, — если ваша светлость желает без всякого боя уступить по блеску двору Его Величества.

Я спросил хмуро:

— А бабы при чем?

— Лучшее украшение любого дворца, — сказал он, —

женщины. Они подобны драгоценным камням на одежде... а тех никогда не бывает слишком много. Как не бывают слишком красивыми.

— При моем дворе занимаются делом, — возразил я.

— А между делами, — заметил он вкрадчиво, — так хочется бросить усталый взор на что-нибудь красивое, чтобы глаза отдохнули после всматривания в карты и документы. Как уже немолодой человек, ваша светлость, скажу со всей точностью, что в домах, где есть красивые женщины, мы отдыхаем быстрее! А значит, и работаем лучше.

Я поморщился:

— Хочешь сказать, при дворе Кейдана работают лучше?

— При его дворе самые красивые женщины, — уточнил он. — Правда, в Ундерленды за ним последовали немногие...

Я рассматривал его исподлобья, чувствуя, что его доводы не такие уж и пустые.

— И что они будут делать? Обычно самые красивые и знатные служат у королевы фрейлинами. У нее свой двор, свои правила...

Он вздохнул.

— Не понимаю, чем вам так претит идея фаворитки. Это же не наложница! Мы у вас все — фавориты, потому что пользуемся вашим доверием. Одни большие фавориты, другие — меньшие. Так и женщины. Одни больше нравятся, другие чуть меньше, но все равно они все фаворитки, раз в фаворе и допущены ко двору. И если вы так уж против кого-то одной, то предоставьте их самим себе! Увидите, скорее какая-нибудь станет управлять всеми...

Я сказал с интересом:

— Это идея. В самом деле любопытно. Хорошо! Я в этом не участвую, а вам даю добро.

Убив двух зайцев: отметившись на пиру и сытно пообедав, я решительно направился к гостевому домику. Если буду оттягивать до вечера, весь день сумею испортить...

Приставленный к гостям из Ватикана слуга отворил



жутко скрипнувшую дверь. Навстречу пахло сыростью и затхлостью, из стен торчат рога подсвечников, красноватое пламя освещает каменную стены из грубых блоков, в дальнем конце подвального помещения на стене распятие в рост человека. Фигура Иисуса, ряд свечей перед ним у самых ног.

Все трое из Ватикана сидят за одним столом, рассматривая и передавая друг другу листки бумаги. Я сказал вежливо:

— Святые отцы, мне передали, что вы хотите меня видеть.

Кардинал поднял голову и посмотрел на меня, как офицер на призывном пункте смотрит на новобранца.

— И видеть, — подтвердил он, — и задать ряд вопросов.

Голос его прозвучал суховато, я решил не обращать внимание, кардинал, естественно, опасается попыток сблизиться с ним, а то и набиться в друзья ради каких-то выгод, по себе знаю, как это бывает.

Отец Габриэль указал на единственный стул по ту сторону стола. Он находился в двух шагах, я взял его за спинку и, поставив у стола, сел. По лицу отца Габриэля пробежала гримаса недовольства. Там, в отдалении, не в состоянии положить руки на стол, я был бы на обозрении, экспонированный и в какой-то мере не защищенный от взглядов удобно и надежно устроившихся за столом.

— Какие новости, святые отцы? — спросил я.

Кардинал ответил нехотя:

— Пока знакомимся с происходящим. Сравниваем с тем, что было. Проверяем работу священников под управлением отца Дитриха. Хотя и к вам появляются первые вопросы...

— Первые уже были, — напомнил я, не утерпев.

— То были еще не вопросы, — сказал он сухо.

— А что, осмелюсь спросить?

— Так, знакомство. А сейчас вот уже действительно вопросы...

— Например? — спросил я.

Нехорошее предчувствие кольнуло грудь, кардинал переложил с места на место бумаги, как мне показалось, совершенно бесцельно, словно давая самому себе время то ли собраться с мыслями, то ли поточнее сформулировать то неприятное, что решил сказать вслух.

— Пока выяснилось, — проговорил он, взгляд его из тусклого стал пронизывающим, — что вы, сэр Ричард, очень редко обращаетесь к Господу с молитвами.

Отец Габриэль уточнил:

— Ваше высокопреосвященство, вы очень смягчаете формулировки. На самом деле сэр Ричард вообще не был замечен за вознесением молитвы Господу.

Кардинал кивнул:

— Поправку принимаю. Что скажете на это обвинение, сэр Ричард?

Во мне начало ошетиниваться где-то глубоко внутри, но я чувствовал, как острые иглы начинают медленно пробиваться наружу.

— Это в самом деле обвинение? — осведомился я как можно сдержаннее.

— Скажем, — уточнил кардинал, — пока только выяснение обстоятельств. Может быть, предпочитаете молиться только наедине?

Я ощутил подвох, помощь со стороны этого человека больше похожа на ловушку.

— Молитва, — проговорил я, тщательно подбирая слова, — это просьба об аннулировании законов Вселенной, установленных Творцом, от лица единственного просителя, по его собственному признанию в той же молитве, недостойного. К сожалению, в нашем мире многие смотрят на Господа Бога как на слугу, который должен сделать за них всю грязную работу. И еще я одну истину понял за свою недолгую жизнь: чем ленивее и глупее человек, тем чаще он беспокоит Бога.

Они переглянулись, на лицах прелатов я видел откоро-



венное недовольство и недоброжелательство. В глазах Габриэля я вообще прочел крупными буквами: сперва человек начинает молиться все меньше и меньше, а потом и Церковь ему не понадобится!

— А не гордыня ли вешает в вас, сэр Ричард? — спросил кардинал. — Как насчет левой щеки? Если вас ударят по правой, вы ее подставите?

Я хотел было сказать, что да, подставляю, а как же, кто же спорит с Евангелиями, но посмотрел на победоносное выражение на лицах всех троих, ответил зло:

— Если подставить вторую щеку, понадобится и третья.

Кардинал некоторое время сверлил меня взглядом, я чувствовал его режущую кромку, в самом деле чувствуется боль, сцепил зубы и терпел, уверяя себя, что мне только кажется, святые отцы тоже уставились в меня нехорошо, даже перестали двигаться, забыв про бумаги в руках.

Взгляд кардинала потерял остроту, словно его хозяину пришла другая мысль, я не успел перевести дыхание, как отец Габриэль произнес жутковато спокойно:

— Вы как-то заявили по прибытии, что вам явился светлый ангел.

— Да, — ответил я. — Он мне действительно явился.

Отец Габриэль с торжеством перевел взгляд с меня на кардинала:

— Ваше высокопреосвященство, какие еще могут быть доказательства непомерной гордыни этого человека?

Отец Раймон взглянул на меня с сочувствием, но промолчал, а кардинал проговорил снисходительно:

— В появление ангела я могу еще поверить... Но никто не может точно сказать, на чьей он стороне. Простой народ в своей дикости полагает, что свергнутые ангелы сразу потемнели, но это не так, как вы понимаете. Они потемнели в душах своих, еще когда задумали восстать против Господа, но с виду оставались все такими же светлыми, сияющими и сверкающими. Как остаются и сейчас.

Отец Габриэль сказал, разжевывая мне умности кардинала:

— Потому вы не в состоянии сказать точно, от Господа был тот ангел или от Сатаны.

— Могу, — возразил я. — Ангел Тьмы не станет славить имя Иисуса и не скажет, что Господь был прав.

Кардинал заметил:

— Тогда какой смысл в явлениях таких ангелов, если не скажут ничего нового?

Я покачал головой:

— Простите, ваше высокопреосвященство, но человек слаб, все мы нуждаемся в поощрениях. Пусть ангел просто похвалит, это уже немало. У человека из ничего прибывает сил и рвения.

Он поморщился:

— Однако я посоветовал бы вам впредь не... видеть во сне ангелов с посланиями. Лучше спите спокойно и крепко. Такие спорные видения оставьте духовным лицам.

— Хорошо, — ответил я покорно. — Не осмелюсь даже напоминать вашему преосвященству, что я, будучи паладином, тоже в какой-то мере духовное лицо. Однако вам виднее. Слушаю и повинуюсь святой Церкви. Что-то еще?

— Только один вопрос, — сказал кардинал. — Вы направляет войска в Брабант...

— ...чтобы вторгнуться в Гандерсгейм, — добавил я. — И привести ту страну, погрязшую в грехах, в лоно святой, а местами и святейшей Церкви!

— Но есть ли в ваших войсках священники? — спросил он. — Что-то я о них не слышал. Кто вашим воинам разъясняет, за что они, возможно, отдадут вскоре жизни?

Я вздохнул, вот оно, начинается, сказал как можно более убедительно:

— Человек готов умереть за идею... но только при условии, что видит ее не слишком ясно!

Кардинал нахмурился:

— Что-то вы не то говорите.



— Идея не должна быть слишком конкретной, — сказал я убежденно. — В ней должна оставаться недоговоренность, расплывчатость! Она должна быть парящей высоко против солнца дивной синей птицей, иначе потеряется все очарование!

Он надолго задумался, но на лице осталось все то же неприязненное выражение.

— Хорошо, — сказал он, — на сегодня все. Идите, сэр Ричард.

Я поклонился со всем смирением:

— Счастливых снов, ваше высокопреосвященство.

Отец Габриэль не преминул сказать мне в спину со скрытым вызовом:

— Но завтра вызовем снова.

Глава 5

Я вышел в ночь из их домика злой и униженный. Эта сволочь последними словами ухитрилась еще больше испортить настроение. Сперва я даже обрадовался, разговор на этот раз получился совсем даже спокойный, без обвинений, в прошлый раз было куда хуже, а этот гад: ишь, вызовут! И кого? Меня, всесильного майордома, который самого короля загнал в чертову нору и заставил там трястись за свою шкуру!

Над головой темное небо с яркими звездами, но воздух чересчур переполнен вязкими и приторно-сладкими ароматами, душно и противно, на верхних веточках застыли сказочно яркие бабочки, по-южному огромные, непристойно цветные, цветы закрыли чашечки и свесили головки в ожидании утра. Некоторые выглядят настолько тяжелыми, что там внутри наверняка уснул толстый шмель или бронированный, как сэр Растер, майский жук.

Телохранители, намерившиеся было следовать за мной в мои покои, переглянулись и двинулись следом, когда я миновал парадный вход и вышел из сада.

Отец Дитрих все еще в соборе, кроме спевки набранного хора там идут отделочные работы, не останавливаясь и ночью, лучшие художники рисуют на своде и стенах сцены из Библии, ангелов и святых. В прошлый раз некто из местных гениев пытался изобразить и самого Господа в виде могучего величественного старца с седой бородой и мудрым взором, но отец Дитрих вовремя пресек, резко объяснив, что Господь везде и всюду, у него нет образа, и потому изображать его запрещено.

Я вовремя прикусил язык, что Микеланджело, или как его там, изображал, но то было время ересей, а здесь, слава Господу, все еще чисто и серьезно.

— Отец Дитрих, — сказал я, — не знаю, в самом ли деле вы рады гостям из Ватикана, хотя, на мой взгляд, проверкам никто не бывает рад? Меня они уже достают! Или им послали кляuzu, где меня изобразили чертом?

Он посмотрел настолько чистыми и почти детскими глазами, что я подумал невольно: а ведь именно дети легче всего отправят другого на костер, взрослый же всегда найдет оправдание, ведь сам грешен...

— Сын мой, конечно же, кляузы отправляют! Для тебя это новость?

Я вздохнул:

— Да понимаю, только верить не хочется. Мне кажется, они все меня просто ненавидят. А это скажется на их объективности. Как вы сами их оцениваете?

Он подумал, ответил осторожно:

— Кардинал Эрнесто Мадзини обладает необыкновенными познаниями и умением их применить. У него живой, деятельный и ясный ум, он хитер, как сто тысяч лис, гибок во мнениях, обладает необыкновенной трудоспособностью, редким даром приспособления и неутомимой энергией.

Я пробормотал озадаченно:

— Ого, это немало...

— А еще, — добавил он со вздохом, — он обладает помимо всего необыкновенным властолюбием.



Я покачал головой:

— Может быть, такого не стоило допускать до кардинальской мантии?

— Почему?

— До папской слишком близко, — пояснил я. — Рукой подать.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Плохо, когда властолюбием обладает человек грубый или тщеславный. Но кардинал Мадзини — преданный воин Церкви.

— Хорошо, — сказал я, — а прелат Габриэль?

Он ответил немедленно и без колебаний:

— Работник.

Я удивился:

— И все?

Он кивнул:

— Практически. Он обожает работу, он рожден и создан для нее. Он сам не знает пределов своего трудолюбия, потому что может заниматься чем-то сутками, забывая о еде, но его работоспособность не падает, а ум остается таким же свежим и ясным. Словом, звезд с неба не хватает, на самостоятельную работу неспособен, но как исполнитель... ему нет равных.

Я вздохнул:

— Завидую. Мне бы таких. Ну а третий, отец Раймон, — схоласт и начетчик, это я сам понял. Помнит наизусть не только всю Библию, но и все постановления Ватикана с момента основания святым Петром Церкви. И никогда ни на шаг не отходит от писанных правил. А кого заподозрит в вольном толковании, того сам потащит на костер.

Он усмехнулся:

— Резко, но отчасти справедливо. Отец Раймон очень строг, никакого отступничества не терпит. Он полагает, что все уже есть в Библии, ничего менять и добавлять не нужно, это могут делать только еретики.

От отца Дитриха вернулся еще больше угнетенный, а в залах дворца, несмотря на ночь, к удивлению, многолюдно, народ по-дикарски веселый. Я не сразу сообразил, что сегодня молодых красивых девушек стало вроде бы еще больше, чем вчера.

Вообще-то они начали появляться во дворце уже со второго дня, как я дал это самое добро. Я только удивлялся, как все споро, слаженно и с таким воодушевлением делается, столицу мои рыцари брали штурмом с меньшим азартом, чем проводят в жизнь не такое уж и обязательное начинание.

К концу недели этих красоток стало вдесятеро больше, держатся робко, приседают в поклонах так низко, что я не мог разглядеть их лиц, только нежные белые груди в низких вырезах платьев, нещадно сдавленные корсетами и так отчаянно пытающиеся спастись бегством только в одном разрешенном направлении, что хотелось этим штукам благородно помочь.

Мои лорды заметно повеселели, вот свиньи, а я-то думал, что только о Боге и цивилизации, хотя и сам, конечно, поневоле напрягал живот и выпрямлял спину, когда проходил мимо группы низко кланяющихся красоток. И, конечно, делал значительным лицо, не позволяя глазам поворачиваться в орбитах, цепляясь взглядом за особенно пышные, как сдобные булочки, формы.

Постепенно красавицы смелели, быстро уловили, или кто-то подсказал, что в Армландии женщины не склоняются в поклонах, а только почтительно приседают, и теперь я видел над привычными грудями милые мордочки, полные робости и любопытства, блестящие от возбуждения глаза.

Сейчас, проходя через тронный зал, с недоумением увидел, что рядом с моим креслом появилось почти такое же, тоже с высокой спинкой, гербовым зверем наверху, на сиденье небрежно брошена леопардовая шкура.

— Это что? — потребовал я.



Сэр Торрекс появился словно из ниоткуда, отрапортовал четко:

— Спите спокойно, сэр Ричард. Это только для особо торжественных случаев!

Я поинтересовался раздраженно:

— Каких?

— Некоторые гости, — пояснил он, — прибывают с женами. Пока вы заняты деловыми переговорами с мужчинами, кто-то же должен занять их жен? Пусть это делает кто-то достаточно высокого положения! А оно подчеркнуто тем, что кресло этой женщины рядом с вашим.

Я спросил с угрюмой подозрительностью:

— И что за женщина?

Он поклонился, пряча ехидную ухмылку:

— Вы же сказали, вам все равно. Уверяю, она наверняка будет лучшей.

— Нет уж, — сказал я решительно, — мало ли кого мне подсунете! Хоть здесь я выберу сам.

Он снова почтительно поклонился, уже совсем порифламски: низко, с приседом и с движениями ладонями, словно подбрасывает справа и слева воздушные шарики..

— Как скажете, ваша светлость.... Только, гм...

— Что? — прорычал я свирепо.

— Избавляться от такой, — сказал он, — вдруг вам разонравится, с вашим мягким рыцарским характером будет потруднее. А ту, которую мы навязали, мы и уберем.

Я подумал, сказал устало:

— Ладно, действуйте сами. Только не употребляйте этого ужасного слова.

— Какого, ваша светлость?

— Уберем, избавимся, замочим, зачистим...

Он вздрогнул:

— Мне страшно представить, ваша светлость, из каких вы жутких просто земель! Если даже такие простые и милые почти слова у вас означают... я даже представить не могу, что значат!

Я отмахнулся:

— Только держите ее от меня подальше. Я намерен и дальше блюсти свою чистоту и невинность как можно чаще. Так что двери моей спальни должны быть закрыты для бабс. Кроме тех, разумеется, кого приведу сам.

Он ушел, я запоздало подумал, что меня, такого хитрого и прожженного, каким считаю себя сам, переиграла снова. Красотку выберут, да, я в этом не совсем чистом деле вроде бы не испачкан так уж сильно, однако мне могут подсунуть такую, что уже дала согласие работать на некую вражескую державу или какой-то оппозиционный лагерь в королевстве.

Подробная карта Орифламме совсем не подробная, просто не понимаю, как они с такими вообще находят дорогу. А рудники вообще не обозначены, зато королевские дворцы занимают пятую часть всего пространства: летние, зимние, в горах... Только на берегу моря, что напрашивалось бы в первую очередь, нет.

— Ничего, — прорычал я, — собьем рога и пиратам. Черт, да тут и дороги нет... или вот эти прямые линии и есть они самые? Но таких нигде не бывает...

Снова заснул под утро, уже и сам ощутил себя крупным государственным деятелем, что в самом деле проводит вечера и ночи у карты, а не только прикидывается отцом народов.

Постель слишком огромна и роскошна, чтобы вот так одному, в голову полезли всякие мысли, а когда засыпал и контроль ослабел, они вообще разыгрались, разыгрались... Слуги, убирая постель, точно разнесут слухок, что их повелителю просто срочно нужна женщина.

Поспать удалось пару часов, разбудил гомон, крики ослов и рев верблюдов, звон посуды и вопли водоносов. Пора бы уже и привыкнуть, но то ли я слишком нежный, в поэты податься, что ли, то ли чересчур нервный... или же



просто мне хватает этих часов, а дальше только лежать и тупо смотреть в потолок?

Моя кровать отделена от огромного мира спальни всего лишь шелковым пологом, а от высокого свода — роскошным балдахином. Даже не склонные к боязни открытого пространства люди чувствуют себя неуютно, если кровать стоит посреди большого зала, всем для сна нужна норка, вот и отгораживаем хотя бы шторами, а по ту сторону уже сопят, пришли пораньше, чертovsky туалетные помощники.

Слышно, как тихонько чешут языками, но если прислушаться, то не о великих стройках, гады, а все о бабах и о том, кого из знатных дам выберут для сидения рядом с майордомом. Нет уж, нет уж. От двух принцесс ушел я, третья ушла от меня. Пора кончать принцесничать тому, у кого лучше получается с прачками, служанками да деревенскими ведьмами. Даже с троллихой было, стыдно и приятно вспомнить о своей крутости.

Я шумно потянулся, за шелковыми занавесями сразу началось бурное шевеление, сморкание, задвигались стулья, зашаркали подошвы.

Я откинул занавеску, в большой зале спальни все чинно поклонились. Никого не коробит ситуация, когда стою без штанов перед тщательно одетыми и нафранченными важными вельможами, только я один дурью и комплексами маюсь...

— Доброе утро, — сказал я как можно более твердым и уверенным голосом. Как хорошо, что еще царствует маскулизм, а то перед одетыми женщинами как-то не того бы. — Надеюсь, и день будет добрым!

Сэр Жерар Макдугал вежливо поклонился:

— Под вашим руководством, сэр Ричард.

— Я вам наруковожу, — пригрозил я. — Что, опять умыться?.. Я ж вчера мылся! Ладно-ладно, это во сне приснилось, что в славное время Средневековья мылись редко...

Потом меня расчесывали, одевали, расправляли складочки и чуть ли не под руки повели из спальни. Я недо-

вольно повел плечами, тут же вокруг меня образовалось пространство, и дальше я шел как бы в пузыре, когда за его невидимыми стенками толчея, а я вот один, словно гриппозный.

Завтрак я велел подать в кабинет, где с головой погрузился в текучку, ел, что подают, только кофе наливал почаще, через пару часов уже перестал соображать, что делаю, какой-то вообще фигней занимаюсь, со злостью отодвинул кресло и покинул кабинет властной походкой, чтобы сэр Жерар не решился напомнить о неотложных и еще о неотлагательных делах, а также о работе чрезвычайной важности и необыкновенной срочности.

Глава 6

Грамотность изобрели мужчины. Они же писали первые хроники, а потом составляли свод законов Ветхого Завета. Думаю, если бы в этом участвовали женщины, во всем был бы виноват мужчина, и обвинен был бы в куда больших грехах, чем кража яблока. Но не дал Бог... поросенку рог, не знаю ни одного анекдота про свекровь, а вот про тещ — миллиарды. Яснее ясного, у кого лучше работает фантазия. Вернее, у кого вообще в наличии.

В мужских монастырях, которым вторую жизнь дал отец Дитрих, полным ходом идет печатание листов с вырезанных на дереве буковок и даже с простенькими гравюрами. Гости из Ватикана проявили великий интерес, даже сквозь зубы выразили сдержанное одобрение, но кардинал пророчески заметил, что этот пресс может точно так же служить и дьяволу, угадал, гад. В основном дьяволу потом и будет служить, это точно, я выразил горячий протест, как можно, мы же Библию печатаем!

Только отец Раймон бросил на меня быстрый взгляд, что-то уловил в моем тоне, среди этих искренних людей начинаю расслабляться и теряю вечную готовность к подвоху, о которой раньше и не подозревал, так как жил в



очень неискреннем мире, где все шли по трупам друг друга и называли это искренними отношениями.

А мы вот живем в неискреннем, ибо что может быть дальше от искренних животных чувств, как мораль, честь, верность, достоинство?

Кардинал и отец Габриэль удалились с отцом Дитрихом инспектировать другие объекты, а другой прелат, отец Раймон, подозвал сразу поникшего Максимилиана фон Брандесгерта, что-то выпрашивал. При кардинале он выглядит священником, а сейчас издали видно, что идет прелат, великий прелат, важный и облеченный чрезвычайными полномочиями. А наш замечательный и общий любимец Максимилиан выглядит рядом с ним не просто Максом, а Максиком или даже Максишкой.

У моего военачальника, на мой взгляд, такое лицо, словно болят все зубы, но выдрали только один, а остальные разболелись еще сильнее.

Увидев меня, он посмотрел страдальчески и с собачьей мольбой в честных глазах. Прелат тоже обрадовался, поспешил ко мне навстречу, удерживая в то же время Макса за рукав.

— Сэр Ричард, — сказал он деловито, — я тут прослышал про вашу дикую идею насчет крещения... нечеловеков!

Я стиснул зубы, беззвучно выругался, но сделал приятное лицо и поинтересовался:

— Это утверждение, а не вопрос. Если у вас вопросов нет, то позвольте, я продолжу путь... И сэра Максимилиана захвачу, он мне крайне нужен.

Макс встрепенулся, во взгляде зажглась надежда на спасение, но отец Раймон тут же сказал:

— Да, я неверно сформулировал, но странно, что вы это заметили...

— Вы хотите сказать, — поинтересовался я, — что я дурак?

Он чуть опешил, давно не встречал отпора от таких простых, как я, продолжил уже не так агрессивно:

— Вы как-то странно переворачиваете мои четкие слова. У меня именно вопрос, сэр Ричард.

Я спросил нетерпеливо:

— Что вас интересует конкретно?

— Тролли, гномы, кентавры, — сказал он, — и прочие, прочие... Вы что, в самом деле верите, что примут христианскую веру?

Я вздохнул:

— Нет.

— Тогда почему же...

— А вы как думаете?

— Теряюсь в догадках.

— Святой отец, — сказал я невесело, — а что нам еще остается, чтобы и с дороги не сворачивать, и в то же время поступать правильно? Это не всегда сходится. Но мы должны, просто обязаны, чтобы оставаться честными людьми или просто людьми, поступать по-человечески.

Он внимательно всматривался в меня серыми глазищами прирожденного убийцы.

— То есть по совести, — сказал он наконец, — как велит Господь.

— «По совести», — повторил я. — Мы и поступаем так. Тролли... не люди, я даже не представляю, как бы мы ужились в одном обществе, однако мы обязаны использовать шанс! Если тролли примут веру Христа, то примут и все морально-этические законы, из которых вытекают и все остальные: уголовные, политические, имущественные, нравственные...

Он кивнул, лицо стало суровым:

— Если же не примут...

— ...то наша совесть чиста, — закончил я так же подчеркнуто бесстрастно. — Мы им давали шанс влиться в наше общество и стать в нем равными.

Он задумался, а Макс сказал с подъемом, счастливый, что его перестали допрашивать:



— Надо будет заранее укрепить наши позиции на ключевых высотах вблизи компактных поселений троллей.

— Только сделайте это незаметно, — предупредил я.

— Как?

— Ну, не слишком привлекая внимание. Или пустите ложный слух насчет скорой высадки пиратов, появления великанов, драконов, гарпий...

Он снова кивнул, лицо посветлело:

— Хитрый же вы жук, сэр Ричард! Нет, с вами играть не сяду. Вы такой, что и коня в рукав спрятать сумеете.

— Идите, — разрешил я. — Разрабатывайте стратегию строительства.

Макс откозырял и поспешно удалился, почти побежал. Даже спина у него выглядела счастливой настолько, что из-под лопаток могли прорасти крылышки.

Отец Раймон кисло посмотрел ему вслед.

— Вообще-то у меня были к нему вопросы, — проговорил он недовольно, — но ладно, я обращаю их вам.

«Вот так и делай добро», — мелькнула у меня мысль. Спасенный Макс смылся, а я вынужден принять запасенные для него удары. Впрочем, я же майордом, я и должен спасать своих людей. Они мои, а я — отец народа...

— А что он должен был ответить?

Отец Раймон отмахнулся:

— Да по мелочи. Скажите лучше, в каких вы отношениях с императором Германом?

Я ответил уклончиво, но твердо:

— Я, как благородный рыцарь, прежде всего подданный Господа Бога, а уж потом — императора.

Он поморщился, демагогии никто не любит, посмотрел на меня пытливо.

— Королевство содрогнулось в ужасе, когда по нему зсуюду запыхали костры. Вам не кажется, что вы взялись за /прочение веры слишком... резко? Народ привык к прежней жизни.

Я сочувствующе улыбнулся, как бы давая понять, что

сам считаю вольную и бесцерковную жизнь более приемлемой для людей, но сказал с должною твердостью в голосе:

— Когда наводишь порядок, не стоит ждать, когда му-
сора станет больше. Странно, что это говорю вам я, а не вы
мне.

Он огляделся украдкой по сторонам, сказал тише:

— Сэр Ричард, в Ватикане тоже не все... одинаково ду-
мают. Есть ригористы, есть более свободномыслящие. Это
в основном более грамотные и просвещенные люди. Я хочу
сказать, что лично мне импонирует ваша смелость и свобо-
домыслие... С другой стороны, некоторые ваши шаги обра-
довали бы самых твердолобых в Ватикане...

Он смотрел с вымученной улыбкой, в глазах то и дело
мелькало беспокойство, время от времени пугливо погля-
дывал по сторонам и болезненно улыбался.

— Я не твердолобый, — объяснил я. — Я свободомыс-
лящий. И даже свободно мыслящий. Данные нам основы
должны развиваться и усложняться, чтобы не отставать от
времени.

Он торопливо кивнул:

— Что и делают свободомыслящие священники. Не все
новое — ересь!

— Не все, — согласился я и тоже понизил голос. — Из
иной ереси вырастают свежие здоровые ветви.

Он прошептал горячо:

— Вот-вот!.. Вы глубоко правы. Именно так!.. Потому
вы мне глубоко симпатичны...

— По вас не скажешь, — обронил я осторожно.

Он поморщился, помотал головой.

— Вас не любят, — сказал он горячим шепотом. — И я
вынужден смотреть на вас так, чтобы не заподозрил карди-
нал. Так что при нем я буду к вам придирааться, сэр Ричард,
но, уверяю вас, ничего серьезного!.. Только умоляю, не от-
стаивайте перед ним никаких взглядов! Он сотрет вас в по-
рошок. Лучше сохраните себя для серьезных дел.

Я замедленно кивнул:



— Спасибо на добром слове, падре. У меня камень с груди, такая поддержка стоит дорого.

Он смущенно улыбнулся:

— Вы без всякой поддержки выдержите любые бури... ну, я пойду, не стоит, чтобы нас видели вместе.

Я проводил его долгим взглядом, отец Раймон снова согнулся и всячески изображает церковную крышу высшего ранга, мелкого начетчика и трудоголика. Таких никто не воспринимает как серьезных противников...

По дороге во дворец рядом крупно зашагал граф Альвар, с каждым днем он все элегантнее и ярче, молодость первой перенимает зарубежные моды, одежду на него шьют едва ли не чаще, чем королю.

Я заметил, что одежда стражей изменилась, но не понял в чем. Мы такие внимательные к мелочам, только слона в коридоре, да и то в тесном, и заметим. Это женщины сразу схватывают взглядом все новые рюшечки, но граф довольно хмыкнул.

— Куно, — сказал он с одобрением, — не забывает и мелочи...

— Какие? — спросил я.

Он кивнул на застывших у двери стражей в красной с золотом одежде. В головных уборах, кирасах, но с пышными рукавами из пурпурного шелка и дублетах до середины бедра, они выглядели такими же, как и всегда, за исключением...

— Заметили? — спросил он.

— Гербы, — пробормотал я. — Старые спорол?

— Он хотел вообще новую пошить, — сообщил он, — но граф Ришар запретил. Наш сюзерен, сказал он, не обращает внимания на мелочи. А деньги тратить нужно с умом!

— Верно сказал, — одобрил я.

Он хмыкнул:

— Только все это понимают по-своему.

— Средства, — сказал я строго, — нужно бросить на скорейшее строительство охранных башен и порта в Тара-

сконе. Если замечу, что стройка идет не ударными темпами, — полетят головы!

— Всем сообщу, ваша светлость, — сказал он почтительно и на всякий случай отстал в первом же зале, затесавшись в толпу придворных. — Да-да, обязательно...

Я едва успел сесть за свой стол, как вошел сэр Жерар, посмотрел на меня хмуро:

— Новости, сэр...

Я отмахнулся:

— Давай.

Вместо того чтобы сразу сообщить, он вышел, я чуть не выкипел до дна в нетерпении, наконец вернулся с церемониймейстером и провозгласил громовым голосом, словно сообщал о дате начала Страшного суда:

— Сэр Ричард, прибыли герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери!

— Ого, — сказал я, — сразу два герцога? Что-то небывалое. Напомните, кто они и откуда.

Он поклонился со всей церемонной почтительностью.

— Герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери — ближайшие советники Его Величества короля Кейдана.

Сэр Жерар и глазом не моргнул, дескать, это не новость, а я устался, как на привидение.

— Кейдана? .

— Да, ваша светлость.

— Ты не ослышался?

— Как можно! За это легко головы лишиться. Государственные дела, ошибки недопустимы...

— Все бы так считали, — проворчал я, — а то все такие умные, все за других знают. И что они хотят?

— Наверное, скажут во время назначенной им аудиенции. Но если я могу осмелиться...

Он умолк, глядя вопросительно. Я нетерпеливо махнул рукой:

— Да-да, можешь. Осмеливайся!



Он поклонился снова.

— Возможно, — заговорил он осторожно и старательно давая мне время успевать осмысливать, на случай если я вдруг тугодум, — речь пойдет о подготовке возвращения Его Величества в столицу. И в королевский дворец. Если у вас есть какие-то свои соображения... гм... отличающиеся от взглядов Его Величества, вам стоит взять время, чтобы подготовиться.

Выпрямившись, он стоял ровный и неподвижный, словно массивный столб, покрытый толстой золотой корой и роскошным лишайником из дорогого бархата. На лице полная бесстрастность, он лишь подает факты, а решения принимаю я и только я.

Я подумал, в самом деле подумал, а не только сделал вид, как водится для многозначительности, посмотрел на упрямо помалкивающего личного секретаря, но сэр Жерар сделал непроницаемое лицо, я сказал так же размеренно:

— Спасибо. Вопрос в самом деле непростой. Назначь им аудиенцию на вечер.

Он сказал со всей почтительностью:

— Осмелюсь ли...

— Осмеливайся, — прервал я.

Он развел руками:

— Это будет расценено как знак вашей крайней заинтересованности, что позволит им потребовать больше, чем они рассчитывают получить.

— И что надо делать?

— Назначить им через неделю, — сказал он. — Так было бы правильнее. Но учитывая ваш юный возраст и буквально молниеносные ваши решения, это будет расценено как нарочитое затягивание. Как посланниками, так и здешним окружением.

— И что надо? — повторил я нетерпеливее.

— Соотнося ваш возраст, — ответил он бесстрастно, — ваши быстрые перемещения, вашу реакцию на события, ваши неординарные решения... встречу нужно назначить

на завтра. Или послезавтра. Это покажет, что вы не очень заинтересованы их визитом, но и не пренебрегаете.

Я кивнул:

— Спасибо. Вижу, именно так и надо. Еще раз спасибо! И... вот что, в следующий раз подсказывай не колеблясь. В конце концов, все твои мудрые мысли могу присвоить и тем самым выглядеть умнее, чем я есть. Так что добро пожаловать в тайные советники!

Он чуть-чуть склонил голову, лицо оставалось бесстрастным, как у вырезанной из дерева статуи. Сэр Жерар впервые чуть-чуть улыбнулся, словно и этот человек подобран им лично, сделал шаг к двери. Я взглянул на него внимательнее, что-то еще есть?

Он потупился:

— Из особо серьезного ничего. Только вот жалоба сэра Кудлинга на священника... Отец Бонифаций вроде бы совратил его дочь...

Я поморщился, прервал:

— Это не наше дело.

— Но народ уже возмутился... Дочь сэра Кудлинга еще несовершеннолетняя!

Я помотал головой:

— Я соблюдаю неприкосновенность Церкви от мирской власти. Это же распространяется и на священнослужителей.

Он спросил осторожно:

— Даже на преступивших закон?

Я отрезал:

— У Церкви свой суд. Церковный! Он не мягче нашего. И если выносит смертный приговор, то передает в руки светской власти. Но судить своих должны сами! И судят... Это народ всегда уверен, что ворон ворону глаз не выключит! Но Церковь на самом деле еще как чистит свои ряды.

Он поклонился:

— Простите, сэр Ричард. Я полагал, что захотите, поль-



зуюсь случаем, укрепить свою власть и над местной Церковью.

Я сказал твердо:

— Если ослабеет Церковь, мы утонем в похоти, непрерывных войнах, преступлениях, и дьявол будет торжествовать победу над человеком! Такое уже бывало, Куно, я сам видел... Что там у нас еще накопилось за неделю?

Сэр Жерар поклонился:

— Ничего, что могло бы заслуживать вашего внимания.

Он отступил к двери.

Слуга открыл перед ним створку, а я в открытую щель увидел, как через зал с грохотом топают в мою сторону, пугая нежных придворных, две башни из железа: сэр Растер и подражающий всему в нем сэр Макс.

Церемониймейстер видел, что не успеет объявить о таких гостях, поспешно распахнул перед ними дверь пошире, северные рыцари пока пользуются привилегией являться к своему вождю без просьб об аудиенции.

Я устало повел рукой в сторону свободных кресел:

— Хоть у вас что-то хорошее?

Сэр Растер с грохотом и лязгом всадил себя в кресло, сэр Макс опустилс я чуть позже, отвесив мне полурыцарский-полууорифламский поклон, оба положили руки, законные по самые кисти в блестящую сталь, на стол.

— Очень, — буркнул сэр Растер. — Лучше не бывает!

— Выкладывайте, — сказал я.

— Эти гости из Ватикана, — сказал сэр Растер хмуро. — Какого... ангела их принесло? Лезут, как тараканы во все щели, разговаривают со всеми, даже со слугами, спрашивают всякое дурацкое... Что пытаются узнать? Кто-то из очень могущественных нажаловался на вас в Ватикан?

Я пожал плечами:

— Знаю не больше вас.

— Мы все равно знаем меньше, — сказал сэр Макс.

Сэр Растер проревел уже с быстро разгорающейся злобой:

— Когда со мной разговаривал этот... который с рыбьи-ми глазами...

— Брат Габриэль, — подсказал сэр Макс.

Сэр Растер прогудел раздраженно:

— Он самому черту брат! Такие вопросы задает... Я уже с самого начала начал чувствовать себя вором, клятвопреступником и предателем. А потом дальше и дальше!

Сэр Макс посмотрел на меня за поддержкой и пообещал:

— Я им ничего не скажу!

— Эх, — сказал сэр Растер люто, — если бы это помогло... Если молчать, они скажут, что скрываем что-то преступное. Или, хуже того, покрываем преступления нашего майордома. Нет, сэр Ричард прав, как-то надо с ними сотрудничать...

— Я их ненавижу, — пожаловался Макс.

— А я? Но смотри на сэра Ричарда. У него власти побольше, а терпит. Сопит, а терпит.

Я молчал, пока они не выдохлись и усталились на меня, шас решу все и всех осчастливлю.

— Мне они тоже не нравятся, — сказал я с неохотой. — Но что делать, мы все можем не любить один другого, важно то, что идем в одном направлении и делаем общее дело. И враг у нас один.

Сэр Растер сердито засопел, но смолчал, Макс только вздохнул. Вошел сэр Жерар, молча положил на стол бумаги на подпись, сказал с легким поклоном:

— В городе объявились двое прорицателей...

Я прервал:

— Повесить!

Он перепросил:

— Обоих?

— Не обоих, — сказал я резко, — а всех! До единого. Вешать немедленно и без всякого суда. Это вредное и пагубное язычество! Господь дал человеку свободу воли, так что отныне все с нами, не поймешь что и как, или, говоря



по-ученому, непредсказуемо. И кто пытается предрекать конец света или прочие глупости — вешать, даже не удаивая чести быть подвергнутым пытке.

Сэр Растер и Макс помалкивали, а сэр Жерар сказал осторожно:

— В город пришел еще один... конец света не предрекает, но говорит, что уже родился Избранный. Вернет принадлежащий ему древний трон королей, восстановит королевство, будет новая династия...

Я отмахнулся:

— Вешать! Без разговоров. Господь всех сделал равными, хотя стартовые возможности у нас и разные, так что никому не уготована на блюдечке никакая избранность.

— Народ его слушает... — обронил он деликатно. — Кстати, он намекает, а иногда и говорит прямо, что Избранный — это вы, сэр Ричард.

Я запнулся на миг, быстро-быстро прогоняя в мозгу все варианты, плюсы и минусы, чем грозит и что могу иметь, наконец сказал твердо:

— Повесить.

— Но, сэр Ричард...

— Что?

— А вдруг вы и есть Избранный?

Я сказал еще резко:

— Этот гад добивается, чтобы меня самого сожгли на костре!.. Не могут в просвещенном мире быть Избранные!.. Вообще их не бывает, но дикари слишком тупые, чтобы понимать, верят даже в гороскопы, но мы не они? То-то. Повесить! Иначе Церковь объявит меня Антихристом, и тогда мне самому мало не покажется. И все крестоносное войско не спасет. Напротив...

Он кивнул, раздавленный железными доводами, сути которых, судя по его виду, совсем не уловил, повторил тупо:

— Значит, схватить и повесить?

Я сказал резко:

— Повесить, громко и внятно объясняя, что любое про-

рочество унижает человека, связывая ему руки и превращая в бессловесного скота. Повесить за оскорбление народа Сен-Мари! Хотя...

Я загнулся, Растер и Макс не отрывают от меня взглядов, а сэр Жерар взглянул с вопросом в темных глазах:

— Что?... Вешать не надо?

— Да, — сказал я. — Всех вешать — нехорошо. А то еще Вешателем обзовут!.. Лучше сожги. Это, правда, обходится дороже, но запоминается лучше.

— На пять повешенных одно сожжение? — уточнил он деловито.

— Сперва проверь, — посоветовал я, — как там с дровами. Если запас маловат, то на семь повешенных одно, а то и на восемь... Так, что там еще по списку?

— Танцы, — сказал он, — после повешения танцы.

— После повешения танцы, — повторил я с удовольствием. — Хорошая у нас жизнь! Без лишних затей.

Сэр Растер поднялся, за ним вскочил и Макс.

— Хорошая у нас жизнь, — прогудел Растер. — Если бы еще не люди из Ватикана...

Глава 7

Настроение у меня сразу испортилось, даже просмотрел бумаги на случай, если еще кого повесить или утопить, но, увы, это оказались скучнейшие сметы на строительство дороги к Тоннелю, однако просмотреть нужно внимательно, воровать здесь умеют лучше, чем в Армландии...

В коридоре, к моему удивлению, отец Габриэль беседовал с Максом. Тот морщился, кривился, но терпел, помня мое требование сотрудничать с прибывшими из Ватикана, но лоб покрыт испариной, а по красному как у вареного рака лицу я понял, что приходится очень несладко.

Увидев меня, прелат с удовольствием сказал с видом могучего кота, перед которым дрожит хилая мышь:

— Сэр Ричард, у меня к вам несколько вопросов...



— В другой раз, — отрезал я.

Он так изумился, что даже не догадался рассердиться.

— Но вы обещали помощь в расследовании!

Сэр Макс метнул на меня страдальческий взгляд, я мановением длани велел ему встать и бросил резко:

— Сэр Макс, в город прибыли послы от Кейдана. Срочно понадобилось ваше присутствие.

Сэр Макс обрадованно рывкнул в духе сэра Растера:

— Слушаюсь, сэр!.. Готов до последней капли крови...

Я поморщился:

— Надеюсь, обойдемся без крови. А вы, отец Габриэль, пока передохните. Наши люди уже стонут от вашей... въедливости.

— Вы сказали «въедливости»?

— Настырности, — сказал я зло.

— Это не настырность, — сказал он строго.

— А что?

— Это расследование.

Я видел, каким ненавидящим взглядом он провожал нас, не двигаясь с места, пока прошли весь коридор и свернули на лестницу.

На ступеньках Макс сказал с благодарностью:

— Спасибо, сэр Ричард! Спасибо!

— Не стоит благодарности, — буркнул я. — Мы еще не знаем, что это за послы и какую гадость от них ожидать.

Он воскликнул с жаром:

— Да что угодно, только не эти из Ватикана!

— Согласен, — сказал я. — А еще мне совсем не нравится, что они что-то вынюхивают совсем близко от моих покоев.

Макс воскликнул:

— Вот они!..

Я бросился к окну, Макс указывал вниз пальцем. В распахнутые ворота вливается, как живая радуга, отряд в ярких цветных одеждах. Оба герцога во главе группы наиболее пышно одетых всадников. На их счастье, погода на ред-

кость прохладная, небо в тучах, и все смогли показать себя во всей пышности, а от обилия красок, цветов, блеска золота и драгоценных камней в глазах наступило мельтешение.

Мы видели, как к ним вышел сам сэр Жерар, мой личный секретарь, и от лица майордома вызвался показать им апартаменты, где и подождут аудиенции.

Я напряг слух, герцоги благодарили и спрашивали, когда она состоится. Сэр Жерар объяснил, что завтра во второй половине дня майордом и примет их.

Я пробормотал:

— Судя по их лицам, церемониймейстер подсказал самый лучший вариант. Важно опираться на простой народ, — поделился я с Максом опытом правителя. — В нем мудрость. Очень глубоко.

На другой день я сам с нетерпением дождался второй половины дня, да и весь двор гудит в предвкушении необычного зрелища. Сэр Эйц доложил, что принял дополнительные меры безопасности, а сэр Жерар деловито обрисовал обстановку в зале для приемов, где послы от Кейдана ждут среди других придворных, но вокруг них пустое пространство, местные опасаются моего гнева и, кроме дружеского кивка, ничего себе не позволяют.

— Трусы, — сказал я с презрением. — С другой стороны, хорошо. Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

Он оглядел меня с головы до ног:

— Можно начинать. Смотрите хорошо. Лицо решительное, в глазах стальной блеск, челюсти стиснуты, нижняя чуть вперед... В таком виде и топайте через зал. Первое впечатление о вас останется, даже если на троне иногда позволите себе улыбку. Но не слишком, а так... вельможноснисходительную.

— Ладно, — сказал я кисло, — постараюсь не выходить из образа. При импровизации это необходимо. Я же не



знаю, что привезли эти высокородные. Ишь, герцоги... А у нас ни одного, верно?

— Будут, — заверил он.

— Жаль, — сказал я, — мой ранг не позволяет возводить в герцоги.

— Графа Ришара? — спросил он.

— Его первым, — ответил я. — А там посмотрел бы... Ладно, пошли. Потопали, как вы изволи заметить. Вы кавалерией командовали?

— Еще минутку внимания, — попросил он.

В кабинет вошел скромно, но со вкусом одетый человек, местный ювелир, это видно по одежде, никто в королевстве не смеет носить покровы, несвойственные рангу и профессии, в руках большой продолговатый ларец.

Опустившись на одно колено, он склонил голову и вытянул в мою сторону руки с этим разукрашенным богато и вычурно золотом и драгоценностями ящичком. Подозрительный сэр Эйц откинул крышку, всмотрелся, но поклонился и отступил на шаг.

Приблизился церемонный сэр Жерар, я наблюдал с неподвижным лицом, как он бережно и почтительно вынимает обеими руками украшенную камешками золотую корону.

Я протянул к ней руку, он сказал строго, но со всей почтительностью:

— Ваша светлость... возможно, вы предпочтете другую?

Ларец потому и широк, в нем еще три короны. Я пошевелил в затруднении пальцами, считая зубчики и листочки, только по ним и определяю, какая корона что означает.

Сэр Эйц подсказал почтительно:

— Лучше вот эту. Герцожью.

— Я не герцог, — возразил я.

— Королевскую успели увезти при бегстве, — сообщил сэр Жерар. — А эти в спешке оставили.

Мои мысли уже о приеме, я безропотно позволил напя-

лить себе на голову герцожью, сэр Эйц собственноручно распахнул передо мной дверь из кабинета.

В зал для приемов я вышел быстрой и решительной походкой, не слишком споро, чтобы не походило на суетливость, но и не царственно медленно, это для потомственных королей и лордов, а я — завоеватель, главарь, вожак, узурпатор — словом, бойтесь и трепещите, но кто со мной — тот в большом выигрыше.

Они все склоняли головы, чуть-чуть, больше и не надо, они лорды, а не сенмаринцы, я шел через зал и сканировал все вокруг, а особенно те два ряда наиболее знатных, между которыми иду.

Кто-то вздыхает и кривится, вон один сразу вспылал гневом и начал щупать рукоять меча, другие смотрят мне в глаза истово и преданно, еще один чуть склонил голову и поглядывает несколько исподлобья, и только барон Альбрехт, зачем-то затесавшийся в первый ряд сен-маринских вельмож, повернул голову направо, потом налево, зачем-то запоминая, кто как реагирует на мое появление, а сам словно и не замечает своего сюзерена. Во всяком случае, на его лице ничего не отразилось.

«Что он замышляет, — мелькнула мысль, — свою игру, что ли? Или самостоятельно ведет внутреннее расследование, кто насколько предан сюзерену?.. Эх, насколько было проще в походе: враг впереди, друзья справа, слева и за спиной, Бог сверху...»

Все низко склоняют головы, только двое сенмаринцев, одетые как никто пышно, стоят как столбы, а когда я с сопровождением к ним приблизился, оба лишь чуть склонили голову, не беспокоя позвоночник. Брови мои грозно сдвинулись сами по себе, но я вовремя вспомнил их на конях, въезжающих во главе посольства во двор. Это же послы, а раз так, то низко кланяются только своему королю, и мои губы точно так же сами по себе растянулись в приветливой, но весьма сдержанной улыбке.



— Сэр Куно, — сказал я, — мой советник стоит в опасной близости от послов Кейдана.

— Ваша светлость, — ответил он с почтением.

С той же улыбкой я миновал его, а потом на четверть дюйма сдвинул губы и дальше прошел с более сдержанной улыбкой.

После моего победного возвращения из Ганнерсгейма вокруг каждого из моих знатных лордов началась среди местных тайная драка за место поближе. У старой знати все забито, там идет борьба путем подсиживания, вытеснения, порочащих слухов, а здесь еще не занято, нужно только успеть понравиться, выказать себя полезным и, желательно, незаменимым.

Первым оброс своим двором граф Ришар, затем и другие мои полководцы начали появляться в сопровождении целой свиты из вельмож, что шествуют позади с самым гордым и неприступным видом, богатством одежды и регалиями подчеркивая величие господина, которому служат.

Но Куно то ли держится особняком, то ли полагает, что и так незримо присутствует в свите самого главного человека...

Я сидел на тронном кресле, они подходили один за другим, опускались на колено и, поцеловав кольцо с перстнем на моей руке, громко и торжественно произносили присягу верности. Я слушал внимательно только первых, затем пошло по накатанной, напрягся, только когда увидел среди лордов герцога Чарльза Фуланда, отца Арчибальда Вьеннуанского, наиболее влиятельного из вельмож короля Кейдана.

Первый раз, когда мы встретились, он милостиво принимал нас, как брабандцев, явившихся помочь бороться с варварами из Гандерсгейма, но сейчас я уже не тот, кем он видел меня прежде...

Высокий и худой, в роскошном, но старомодном камзоле, но каждой деталью костюма подчеркивает, что все еще воин, на длинных красных сапогах поблескивают золотые шпоры, признак рыцарского братства, а еще смотрит

гордо и непреклонно, таких согнуть невозможно, разве что сломать...

Сердце мое стиснула тревога, я видел, как напрягся и побледнел Арчибальд, но лорд Фуланд, даже верховный лорд, как его называют, неспешно и с достоинством преклонил колено и, легонько коснувшись губами кольца, произнес:

— Сим заверяю вас в преданности вам и клянусь служить вам, насколько позволят мне силы.

Я смотрел в его глаза, стараясь понять, где в этих словах несколько измененной клятвы ловушка или повод для ее неисполнения.

— Благодарю вас, — сказал я церемонным голосом. — Придет час, и ваша преданность пройдет испытание. И будет вознаграждена, как и принято в нашем мире.

Он посмотрел на меня внимательно, ощутив некий намек, но смолчал, поднялся и отступил в группу уже принявших присягу.

Из-за моей спины вышел граф Ришар, как самый влиятельный и могущественный из моих лордов. Красивый и величественный, он окинул замерший зал строгим взглядом и сказал громко, соревнуясь с церемониймейстером мощью голоса:

— Лорд Жерардин из Регенсбурга!

Из толпы вышел и преклонил колено немолодой рыцарь, чем-то похож на герцога Фуланда, одет так же старомодно, но с достоинством, лицо честное, строгое, взгляд прям.

Граф Ришар собственноручно набросил ему на плечи короткую мантию красного цвета, подбитую горностаем, признак принадлежности к высшему сословию лордов, а сэр Эйц водрузил на чело сэра Жерардина корону с мелкими зубчиками.

Граф Ришар впервые улыбнулся, ему подали свернутую в трубочку бумагу, он сломал печать и развернул свиток. Для меня привычен жест, когда разворачивают в стороны и



держат руками края справа и слева, но здесь всегда пишут, с моей точки зрения, поперек, потому приходится лист переворачивать. Когда разворачивают трубочку, одна рука всегда вверху, другая внизу. И чем больше написано, тем выше вскидывают левую, а правую опускают ниже. Впрочем, писать умеют немногие, да и для них это дело нелегкое, потому все так кратко, лапидарно, сжато.

В торжественной тишине граф Ришар громко прочел:

— Сэр Жерардин из Регенсбурга! По приказу и с соизволения его светлости майордома Ричарда за ваши заслуги вам даруется звание лорда Кентбрукского.

Я сказал величественно:

— Поднимитесь, милорд.

Он торопливо встал, в глазах преданность и опасение сделать что-то не так, кто знает этих армландских зверей, я подал обеими руками меч в дорогих ножнах, украшенных золотыми накладками и мелкими драгоценными камешками.

Он принял почтительно, коснулся губами рукояти и прошептал:

— Ваша светлость...

Я наблюдал, как он отступил в строй лордов, тут же пропели трубы, из толпы придворных степенно вышли послы короля. Вообще-то должны по протоколу ждать в соседнем зале, а сюда явиться по сигналу труб, но оба то ли сделали вид, что не знают дипломатического этикета, то ли решили, что не знаю я, но предпочли побыть среди орифламцев, наверняка успели с кем-то перемолвиться и здесь в зале.

Оба вышли и поклонились настолько сдержанно, словно король Кейдан наблюдает за их каждым жестом.

— Ваша светлость, — произнес герцог Бозмунд, — шлем вам сердечный привет от далеких Ундерлендов!..

Я перехватил его взгляд на мою корону, второй герцог, который Алан де Сен-Валери, вообще поглядывает с явной иронией.

— Благодарю вас, — ответил я державно, ирония в мой

адрес очень не нравится, никто не должен чувствовать превосходства над моей светлостью, это опасное и чреватое умаление власти, — в свою очередь передаю вам привет от королевства Орифламме.

Я нарочито употребил старое название королевства, пусть сразу видят, что здесь им не там, оба как будто не уловили разницы, герцог Боэмунд произнес вежливо:

— Благодарим вас, ваша светлость. У нас несколько щепетильное дело... и мы предпочли бы его обсудить в более приватной обстановке.

Я поинтересовался холодно:

— Сэр Боэмунд, правила есть правила. Я от них не отступаю.

Герцог Боэмунд Фонтенийский снова покосился с ухмылкой на мою корону. Веселье в глазах разгоралось все ярче.

— Ваша светлость, — произнес он, я обратил внимание, что на этот раз вовсе не поклонился, а продолжает смотреть мне в лицо уверенно и с наглым превосходством, — все-таки я вынужден напомнить, что мы... благородный лорд Алан де Сен-Валери и я, сэр Боэмунд Фонтенийский... как бы вам сказать поделикатнее... гм... настоящие герцоги...

Взгляды моих лордов в который раз метнулись к блистающей короне на моей голове, я увидел замешательство и на их лицах, эти две титулованные сволочи правы, по всем законам правы.

Герцог Алан де Сен-Валери добавил покровительственно:

— Потому лорд Боэмунд и предлагает провести встречу в другом формате. Как трое равных... как минимум.

Сэр Эйц опустил голову, стараясь не встречаться с моим грозным взглядом, а мой секретарь вообще отступил за спинку трона, чтобы я не увидел его в любом случае.

Сцепив зубы от злости и унижения, я кивком подозвал Макса, снял корону и передал ему в руки. В глазах молодого



го рыцаря мелькнуло замешательство, однако принял с поклоном, отступил в группу моих рыцарей.

Я отыскал взглядом сэра Растера.

— Сэр, — сказал я ему громко, — окажите мне любезность...

Сэр Растер гаркнул так, что зазвенели стекла:

— Приказывайте, мой лорд!

— Принесите, — сказал я, — мой меч.

Глава 8

Растер без поклона повернулся, как носорог в броне, раздвинул лордов, словно камыш, и пропал за их спинами. Я молчал, вежливо улыбался. Послышался топот, грохот, лязг, сэр Растер примчался с таким шумом, словно во главе рыцарской конницы, преклонил колено и подал обеими руками меч.

— Спасибо, сэр Растер, — сказал я. — За аргумент в дипломатических переговорах. За весьма и зело весомый аргумент.

Герцог Боэмунд и герцог Алан де Сен-Валери оторопело смотрели, как я положил меч себе на колени, пламя свечей заиграло на золоте накладок, взялся за рукоять и чуть выдвинул из ножен. Красиво и зловеще блеснула голубая сталь отменной выделки.

— Ну, — сказал я и улыбнулся послам Кейдана, — если переговоры в старом формате зашли в тупик, продолжим в новом. На ваше любезное и столь уместное напоминание, что я не герцог, отвечаю такой же галантностью и уместностью.

Мертвая тишина стояла в зале, потом началось осторожное шевеление, неуверенные смешки. Лица моих рыцарей медленно прояснялись, а у герцога Боэмунда и герцога Алана, напротив, темнели. Пухлые щеки сэра Алана потеряли алый цвет и даже слегка провалились.

Герцог Боэмунд шевельнулся, голос его прозвучал не-
уверенно:

— Ваша светлость... это не по правилам. Вы должны
держаться в руке символы власти...

В мертвой тишине голос сэра Растера прозвучал, слов-
но грохот отдаленной лавины:

— Майордому корона ни к чему.

Послы не двигались, только чуточку вздрогнули, а я на-
помнил властно:

— У кого меч, того и правила.

— Но...

Я прервал:

— Разве это не символ власти?

— Однако...

— Будем считать, — сказал я твердо, — вы сорвали пе-
реговоры, предъявив непомерные требования, и теперь го-
товы отправиться обратно?

Они переглянулись, мои лорды затаили дыхание. Гер-
цог Боэмунд сказал, запинаясь:

— Это будет поспешное решение... дипломаты так не
поступают... Мы должны посоветоваться...

— Советуйтесь, консультируйтесь, — разрешил я. —
Минуты вам хватит?..

Он охнул:

— Ваша светлость!.. На консультации с Его Величест-
вом уходят месяцы!

— Хорошо, — ответил я быстро. — Как хотите, я не
против. Только ждать не могу, дела, дела. Его Император-
ское Величество Герман Третий изволил пожаловать меня
титлом маркграфа, вдруг да вы не слышали, вы же дипло-
доки, тьфу, дипломаты, теперь вот я, выполняя Его Высо-
чайшую волю, начинаю стягивать войска к границам Ган-
дерсгейма. И, как полагаю со всем смирением, должен на-
ходиться в военном лагере, подготавливая вторжение.
Могу отправиться туда уже завтра. С утра.



Граф Ришар проронил задумчиво, но так, чтобы услышали:

— Вообще-то все готово... Я велю оседлать коней?

Послы переглянулись, герцог Алан кашлянул и сказал с рассчитанной медлительностью:

— Ваша светлость, в экстренных ситуациях мы можем с разрешения Его Величества принимать решения сами. Хотя это и риск...

— В чем?

Он позволил губам чуть сдвинуться в короткой улыбке:

— Для наших шей.

— Ваши не жалко, — ответил я безжалостно. — Другое дело, шей моих людей.

Герцог Бозмунд вздохнул.

— Мы понимаем, — сказал он, — воля Императорского Величества превыше всего, в том числе и королевской, потому мы с гер... гм... лордом Аланом готовы продолжать обсуждать детали.

Я в задумчивости трогал кончиками пальцев блестящие накладки из золота на ножнах. Все затаили дыхание, когда я взялся за рукоять и вытащил меч до половины. Я подвигал морщинами на лбу, вздохнул и со стуком задвинул его обратно. На послов короля не смотрел, но ощутил, как оба с облегчением перевели дух.

— Хорошо, — сказал я и поставил меч стоймя между колен. По золотым накладкам побежали, словно струящаяся вода, блики подрагивающего пламени свечей. — Продолжим. Я не герцог, вы правы. Но у меня есть кое-что, чего нет у герцогов.

Из группы лордов громко прорычал Растер:

— Да и у Его Величества нет...

Я сделал вид, что не услышал, непристойно бить упавшего, хотя иногда стоит, но слышали послы, помрачнели.

— Если вы готовы, — сказал я громко, — то и я готов. Но только к разумным речам. Подчеркиваю, разумным!

Козыряние титулами оставим для тех, кто... ну, вы понимаете.

Они понимали или в этот раз поняли, сметливые послы, даже несмотря на то, что герцоги. И быстро ориентируются в меняющейся ситуации. Мне бы таких, а то прут прямо, как крокодилы, которым хвосты мешают пятиться. Даже не смотрят, что по бокам то и дело выпрыгивают кудаходимее тропки.

Сэр Боэмунд, который герцог Фонтенийский, медленно наклонил голову.

— Мы готовы к плодотворному диалогу, — проговорил он с застывшим лицом. — К обоюдной пользе.

А герцог Алан де Сен-Валери уточнил:

— И к разрешению некоторых досадных противоречий, которые, я уверен, просто случайны.

— Хорошо, — сказал я. — Приступим.

Мои рыцари, даже граф Ришар, поглядывали на меня со все возрастающим уважением. Я говорил с послами искренне и убедительно, соглашался и призывал Господа в свидетели, объяснял сложные моменты взаимоотношений, но ухитрился ничего ровным счетом не сказать, в таких случаях говорят, что обмен мнениями был плодотворным, а дискуссия очень полезной.

Герцоги прокалывались чаще, хотя хороши, очень хороши, однако за ними нет того пласта культуры, как у меня, когда врать постоянно и с честными глазами просто жизненная необходимость для выживания, все так делают, и сейчас я чувствовал себя в этом мире, как шука среди плотвичек.

Наконец сэр Жерар, уловив мой незаметный для других сигнал, поднялся и провозгласил:

— На сегодня аудиенция закончена. У его светлости запланирован осмотр партии луков из Армландии. Ваша светлость...

Я кивнул:



— Ты прав, сэр Жерар. Уже даже опаздываю. Сэр Боэмунд, сэр Алан... был рад пообщаться. Надеюсь, вы в точности донесете мою точку зрения до Его Величества.

Сэр Боэмунд ни одним движением не показал, что грубо разочарован нулевым успехом переговоров, учтиво поклонился:

— Ваша светлость, будьте уверены...

У сэра Алана нервно дернулась щека, но тоже глазом не моргнул, когда заставил себя светски улыбнуться и ответить крайне вежливо:

— Сэр Ричард, мы представим Его Величеству самый полный и точный отчет.

— Надеюсь на это, — сказал я милостиво.

Мои лорды молча и озадаченно наблюдали такой странный конец аудиенции, а когда герцоги ушли, граф Ришар поинтересовался негромко:

— И к чему пришли? О чем договорились?

— И я не понял, — честно признался Альвар.

Барон Альбрехт промолчал, но и его взгляд говорил ясно, что я где-то сбрендил.

— Ни о чем, — ответил я. — Мы договорились ни о чем.

Граф Ришар посмотрел с укором:

— Но почему? Какой тогда смысл?

— Смысл в том, — сказал я, — что нам обоим нужно продемонстрировать императору некоторое сближение. Он терпеть не может войн и конфликтов в его империи, такое должно происходить только по его указу!.. Но и Кейдан не хочет уступать ни на йоту, и мне ему уступать незачем, так как у меня в руках аргумент, который я весьма наглядно предъявил послам.

Сэр Растер прогудел разочарованно:

— А я уж думал, о чем-то важном сумели... Так красиво и долго вешали и вы, и они, что я вздремнул малость. Значит, они возвращаются ни с чем?

Я покачал головой, в глазах укоризна:

— Сэр Растер! Вы же понимаете, дипломаты всегда воз-

вращаются с результатами. Сейчас результат в том, что результата нет, это тоже результат. На его основании будет разрабатываться вторая попытка... Но мы, надеюсь, будем в это время в Гандерсгейме, так что аудиенция будет отложена на неопределенное время. Что нам на руку. Если, конечно, сумеем упрочить свои позиции, а не ослабить...

— А-а-а, — протянул Растер довольно, — ну, тогда пир по этому случаю!

В большом зале, где проходят пиры, на спинках всех кресел большие королевские гербы, вышитые золотом. Мои лорды с первого же дня бурчали, откидываясь на них спинами, кое-кто предлагал спороть все до одного, другие возражали на том основании, что это пока поспешный шаг. Если уж менять, то на что-то такое же значимое или более известное.

Сегодня я с порога обратил внимание, что кресла обтянуты дорогим красным шелком, все цветисто и празднично, гербов нет вообще, практичная полумера, а если майордом одобрит, можно будет поменять обивку еще раз, уже с его гербом..

Я пробормотал:

— Куно распорядился?

Сэр Чарльз ответил с поклоном:

— Я велел.

— Зачем?

Он ответил задумчиво:

— Стилисты подсказали. Дескать, что занадто, то не здраво. Перебор с этими гербами. Не возвеличение, а умаление королевского достоинства. Еще бы на сиденьях разместили!

— Ага, — сказал я, — значит, за общую эстетику переживаете? Ну тогда ладно. Если хочу прослыть покровителем искусств, надо прислушиваться к мнению художников.

На пиру бесконечно празднично одетые слуги подносили на широких подносах роскошно украшенные блюда,



гости на некоторые указывали небрежно пальцем, другие отправляли после беглого взгляда прочь, но обычно даже из лучших блюд велели переложить себе лишь самую лакомую часть.

И смеялись несколько натянуто, зато громко и долго, постепенно привыкая и к чрезмерной роскоши, и к изобилию, и к раскованности местных женщин, даже замужних дам.

К моему уху наклонился сэр Жерар, лицо таинственное:

— Сэр Ричард...

— Ну? — спросил я почти враждебно, еще помню, как подставили с этой дурацкой короной герцога, как вспомню, так уши будто обливают кипятком. — Чего?

— В соседней комнате...

— Ну говори же, — прошипел я. — Чего тянешь?

— Вам лучше взглянуть самому.

Заинтригованный против желания, я воздел себя из тронного кресла, помахал рукой, мол, пируйте, шас вернусь, вышел вслед за ним.

Посреди комнаты стоит смирно женщина, при нашем появлении повернулась, торопливо присела в реверансе.

— Розамунда Клиффорд, — произнес сэр Жерар донельзя почтительно, — дочь лорда Тибо, графа Блуа. Позвольте вас представить его светлости...

Я кивнул, рассматривая ее внимательно.

— Леди Розамунда...

— Ваша светлость, — прошелестела она и опустила глазки, чтобы не мешать мне заглядывать в ее низкий вырез платья.

Невысокого роста, почти дюймовочка, а это не совсем, не совсем то, что надо. Королева или даже принцесса должна быть обязательно высокой, стройной и с надменно гордым взглядом. Мелкими и бойкими могут быть только служанки, даже фрейлинам полагается быть ростом выше и с виду позначительнее. Хотя да, вот такие мелкие нам нра-

вятся больше, это понятно. Мы в их присутствии можем не привставать на цыпочки, не прибавать себе на обувь каблуки повыше, не раздвигать плечи. А если еще и дура, то вообще полное и ничем не замутненное мужское счастье.

— Розамунда, — повторил я задумчиво. — Мне кажется, где-то это имя уже слышал... И фамилию. Значит, наши лорды сочли, что вы больше всего подходите на роль... гм...

Сэр Жерар поклонился и вышел, не дожидаясь, пока я отправлю его за дверь пинком.

У этой леди Розамунды круглые нежные щечки, тугие и спелые, за которые хочется укусить, и умильные ямочки, на них нельзя смотреть без удовольствия. А когда улыбнулась мне тихо и застенчиво, ямочки стали глубже, делая личико из просто хорошенького просто изумительным.

— Леди Розамунда, — сказал я осторожно, предмет все-таки достаточно деликатный, — вы уже знаете, что задумали мои друзья...

Она подняла на меня взгляд, глаза стали не по-девичьи серьезными.

— Они хорошо задумали, ваша светлость, — ответила она тихо. — Дворец без женщин... казарма. Все правильно, ваша светлость.

— Вы хорошенькая, — признал я, — даже очень. Но, находясь так близко от меня, вы будете посвящены в некоторые подробности, что могут именоваться государственными тайнами...

Она продолжала смотреть на меня теми же серьезными глазами:

— Ваша светлость, мы это обсудили с вашими лордами.

— И к какому выводу пришли?

Она произнесла почти торжественно:

— Если я окажусь недостойна или в чем-то замешана, вы вправе казнить меня, не объясняя причину.

— Ого! — воскликнул я невольно. — Узнаю руку барона Альбрехта.



Она чуть улыбнулась, показывая, что угадал, но глаза оставались серьезными.

— К вам предъявляют очень серьезные требования, — пробормотал я. — Но, к своему смущению, должен с ними согласиться.

Она произнесла просто:

— Требования серьезные, но не чрезмерные. Все было обговорено. Располагайте мною, ваша светлость. Точнее, располагайте меня, как вам удобнее.

Я пробормотал:

— Как я понимаю, ваши родители в курсе?

Ее взгляд был прям и честен:

— Ваша светлость, я не девственница, если вас это беспокоит.

— Не очень, — ответил я, — но мы, северные рыцари, пришли из земель, где нравы более строгие. И там родители, уж простите за откровенность, не подкладывают своих дочерей под венценосных правителей.

Она поморщилась, в глазах мелькнул укор:

— Ваша светлость, вы...

— Вульгарен?

Она наклонила голову:

— Это вы сказали, не я. При дворе всегда идет борьба за влияние при короле. Вы не король, как хотите сейчас сказать, я же вижу, но все понимают, что власти у вас больше, чем у Его Величества. И вы могли бы его свергнуть, заточить в тюрьму или выслать в отдаленный замок, а самому сесть на королевский трон.

Я пробормотал:

— И что, все при дворе так думают?

— Некоторые и говорят.

— Гм... И что об этом думают местные лорды?

Она чуть-чуть раздвинула в улыбке губы:

— О сопротивлении даже помышляют. Вы слишком резко и грубо показали силу. И тем самым избегли мелких

бунтов и большой крови. Вас приняли и признали как властелина. Майордома, как вы зовете себя.

— Это не я зову.

— Простите, ваша светлость, но это неважно. Если захотите возложить на себя корону короля, лорды лишь поговорят между собой о нарушении права, но за оружие не возьмутся.

Я сказал с сомнением:

— Да, это соблазн... разом разрубить все узлы. Спасибо, леди Розамунда. Уже вижу, вы девица крайне неглупая. Теперь о постели... Хочу сразу внести ясность, чтобы потом не было недоразумений. Вы были со мной в этом плане откровенны. Поверьте, я ценю честность. И какое-то время мы сможем сотрудничать. Но то, что можно купить за мелкую монету, я за мелкую и покупаю. А золото расходую на... крупные вещи.

— Ваша светлость?

Я пояснил ровно:

— Служанке за те же услуги могу бросить серебряную монету, бедная девушка будет счастлива. А с вами всего лишь за постель придется расплачиваться титулами, дворцами, землями, привилегиями... Для вас, вашей семьи, родственников, друзей...

Она некоторое время смотрела мне в глаза, нежный румянец наконец-то окрасил ее щеки.

— Да, ваша светлость, — произнесла она тихим шелестящим голосом, — вы очень откровенны.

— Как и вы, — ответил я безжалостно. — Думаю, мы на приемах в самом деле можем сидеть рядом.

Румянец с ее щек перетек на нежную шею, а на скулах расцвел пурпуром. Она смолчала, только поклонилась, но я видел в ее глазах, что слово «сидеть» еще как не отказалась бы заменить на «лежать». И вовсе не потому, что в восторге от меня, просто здесь пока что эту мелочь крупно переоценивают, и она не отказалась бы получить за нее то, что принято получать от короля или ему равного по власти.



Я же готов платить только по себестоимости, а значит — ничего.

— Хорошо, — сказал я, — позвольте вашу руку, леди Розамунда. Я провожу вас к вашему креслу, оно рядом с моим, но это вам уже наверняка сказали.

Она кивнула, глаза снова очень серьезные.

— Сэр Ричард, — голос ее был строг и деловит, — я умею держаться в обществе. Думаю, что усажу и в этом кресле... пока это будет вас устраивать.

— Прекрасно, — произнес я с облегчением. — Хорошо, что вы все понимаете. И что могу вас заменить в любой момент. Никаких обид, это работа, верно?

— Абсолютно верно, — подтвердила она. — Но я постараюсь, чтобы у вас было как можно меньше поводов для недовольства.

Рука об руку мы вернулись в зал. Я провел леди Розамунду к ее креслу, она величаво уселась, не сгибая спины, я поклонился, как кавалер, а не майордом, и вернулся на свой трон.

Рыцари, уже успевшие осушить по два-три кубка, не сразу заметили наше возвращение, затем пошли довольные вопли, над столами поднялись кубки.

Я помахал рукой, держа милостивое выражение лица, скосил глаза на леди Розамунду. Она улыбалась веселее, как и положено молодой и красивой женщине, но в то же время с чувством меры, все-таки в кресле первой леди, а не на улице...

«Неплохо поработали, — мелькнула мысль. — Сколько же Альбрехт провел собеседований, пока не остановился на этой юной и очень неглупой леди?»

Глава 9

Поздно ночью, проводив очередной отряд рыцарей с большой группой пехоты и громоздким обозом, пусть в Брабанте ломают голову, как разместить, я вернулся в покои, отослал слуг и, как боевой топор, рухнул на ложе.

Отгораживают угол для спальни, здесь в огромных залах только потому, что не знают прелести небольших изолированных пространств...

Вспыхнули свечи, я удивился и начал оглядываться. Взметнулся и заревел огонь в камине, оттуда пошел недобрый багровый свет, пугающе огромные черные тени метнулись по стенам.

Через стену вошел человек в плотно облегающем темном костюме, сорвал с головы шляпу с длинным павлиньим пером и помахал над носками блестящих сапог.

— Да ладно вам, — произнес я. — Сэр Сатана, мы выше этих условностей. Вы же смотрите в будущее? А там ни условностей, ни комплексов, ни стыда... все хорошо, легко и просто.

Он хмыкнул с интересом:

— Слова одобряющие, а вот голос... Не нравится, когда легко и просто?

— Проще всего у червяков, — сказал я. — Правда, у амёб еще легче и без затей. Но иногда мне чудится, мир должен стремиться к усложнению?

Он сел на край стола, веселый и довольный, одна нога упирается в пол, другая болтается в воздухе. Багровый отблеск горящих поленьев пал на белые зубы, мне почудилось, что по ним течет кровь, я поморщился и помотал головой, доставало еще, чтобы и я так же примитивно, как простолюдины, воспринимал дьявола.

— Мир не стремится, — заверил он, — хотя некоторые особи... Вот вы, к примеру. Неужели настолько слабы?

— В чем же? — спросил я уязвленно. — У нас с вами, сэр Сатана, могут не совпадать критерии.

— Вы отказались от такой женщины, — сказал он обвиняюще. — Вы трусили!.. Вы просто увильнули! А настоящий подвижник не стал бы отказываться, но противопоставил бы ее очарованию свой непоколебимый дух паладина, свою стойкость и свою нравственность...

Я поморщился:



— Вот вы о чем... Не слишком ли высока честь... из капюльты по воробьям? Для воробьев, имею в виду. У меня есть более достойные ристалища, где испытывается на прочность мой дух паладина, стойкость и нравственность...

Он улыбнулся так кротко, словно и не Сатана, а что-то вроде Уриэля или даже Махитиона.

— Я просто не решаюсь, — сказал он с глубоким сочувствием, — выразить свое соболезнование.

— В чем? — спросил я раздраженно, хотя, конечно, понял. — О религии, учтите, вести полемику не буду.

— И не надо! — воскликнул он. — Я просто... принес соболезнования. Я же вижу, как вам нравится этот простой рыцарский мир, где все дышит честностью, искренностью, свободой... не отпирайтесь, я же вижу!

Я ответил с достоинством:

— И не думаю отпираться. Да, он мне нравится. Более того, я его люблю, глубоко уважаю идеалы и... постараюсь их распространять по мере возможности.

Он кивнул.

— Да-да, по мере возможности. Очень уместная оговорка. К тому же заметим как бы само собой разумеющееся, что сами вы не скованы рамками рыцарских законов.

Я возразил:

— Я всегда стараюсь придерживаться этих законов!

Он выставил перед собой ладони:

— Разве отрицаю? Нет. Но вы всегда точны в словах, заметили? И сейчас, как бы ни горячились, сказали, что стараетесь придерживаться, а не твердолобо-упорное «придерживаюсь». А вот рыцарь придерживается всегда. Даже когда это во вред ему, его семье, его друзьям и даже — самое святое! — сюзерену.

Я покачал головой, горло стиснуло, я проговорил медленно, с трудом, но от этого слова обретали вес и тяжесть каменных глыб:

— Рыцарство не умрет... Можно ходить в доспехах с головы до ног, носить золотые шпоры, ездить под собствен-

ным баннером с гордым гербом, однако рыцарем по духу так и не стать... Однако и в другие времена, в другие эпохи и под другими знаменами можно оставаться рыцарем, сэр Сатана.

— Уверены?

— Рыцарство, сэр Сатана, это не доспехи!

Он смотрел прищурившись:

— Похоже, вы меняете взгляды... Я имею в виду, взгляды на жизнь в вашем мире, который вы покинули с такой охотой.

Я кивнул:

— Да, сэр Сатана. Здесь взрослеют быстрее, чем в моем покинутом мире. И я понял здесь, что и в моем мире все еще есть рыцарство. Хотя распознать его бывает непросто.

— Здесь все проще, — согласился он. — Мне, как и вам, хотелось бы, чтобы все люди, которые нам встречаются, были чисты, искренни и правдивы. Хитрость, двуличие... они всем неприятны, сэр Ричард. Всем!

Я промолчал, как мы ни избегали разговоров о религии, но сейчас приблизились к ней. Прибывшие церковники мне неприятны, он это видит, сочувствует, хотя наверняка и злорадствует, но не показывает виду, но если я скажу правду, то от порицания кардинала и его прелатов следующим шагом будет порицание самого христианства.

Он понял, мягко улыбнулся:

— Ничего не говорите, сэр Ричард.

— Я и не говорю, — огрызнулся я.

— Религия подобна светлячку, — сказал он кротко, — для того чтобы светить, ей нужна темнота.

— Красиво, — сказал я, — но неверно. Все просвещение и вся наука вышли из монастырей.

— Но вышли!

— Но зародились там, — возразил я. — И окрепли. А вышли... когда крылышки отросли для самостоятельной жизни.

— Сэр Ричард, — сказал он мирно, — а почему люди так часто сражаются за религию и так неохотно живут по ее



предписаниям?.. Хотя нет, не надо, не отвечайте! Не хочу ставить вас в неловкое положение. Вообще-то это был риторический вопрос. Мы оба ответ знаем. Одно могу сказать, держитесь!.. Не все люди — сволочи.

— Спасибо, — ответил я настороженно. — Даже от Сатаны приятно услышать доброе слово.

Он улыбнулся:

— Одно установлено точно: религию защищают люди, кормящиеся ею, а не те, которые убеждены в ее истинности. Вы исключение, сэр Ричард!.. В общем, рад был повидаваться. И приятно, что не теряете присутствия духа!

Я в затруднении развел руками, короткого хлесткого ответа нет, а пускаться в длинную дискуссию рискованно.

Он слез со стола и, продолжая улыбаться, эффектно отступил в стену. Камин сразу же начал угасать, пламя свечей померкло. Я бездумно рухнул на ложе, в голове звучит его вроде бы искреннее пожелание устоять, удержаться. К чему бы это, похоже, намекает на давление со стороны гостей из Ватикана...

Однако если таково пожелание со стороны Сатаны, то я должен сделать наоборот? Поддаться ватиканцам? Смириться? Или же он рассчитывает, что обязательно сделаю наоборот, и потому сделал двойную петлю?

На следующий день мне передали настойчивую просьбу-повеление от кардинала незамедлительно повидаваться с ними. На их языке это значило бросить все и бежать к ним. У меня по отношению к Ватикану такое же двойственное положение, как и с маркграфством: там не то подчинен королю, не то не подчинен, а здесь как паладин вроде бы в юрисдикции Ватикана, с другой стороны, это больше воинское звание, чем церковное, святостью одаривает не Церковь...

Я переоделся, к людям из Ватикана лучше явиться в крайне скромной одежде, сэру Жерару велел разбирать бу-

маги и подготовить необходимые на подпись, а стражам сэра Эйца посоветовал не наступать мне на пятки.

На выходе из здания ко мне устремился сэр Растер, я приготовился уклоняться от приглашения пировать, но он выглядел крайне озабоченным и сказал с ходу:

— Сэр Ричард, у меня предчувствие...

— У вас? — ахнул я. — Да скорее Великий Хребет рухнет...

— Сплюньте, — посоветовал он. — Виконт Теодорих...

— Барон Теодорих, — поправил я, гордясь памятью.

— Барон Теодорих, — послушно повторил он, — дни и ночи проводит в молельне. Это не дело! Рыцарь должен носить святое в груди, а церковь.. ну раз зашел, ну два, но не ходить же туда всю жизнь?

Я тупо выслушивал, но мысли вертелись вокруг настойчивого приглашения на разговор, что-то новое, явно откопали обо мне какую-то гадость, седалищным мозгом чувствую неприятности, а сэр Растер, видя, что молчу, бесцеремонно ухватил меня за локоть:

— Вон часовня, где он лежит пластом!.. Загляните!

Я пошел с ним нехотя, но это по дороге к домику гостей, ладно, сэр Растер грузно, как грациозный бегемот, забежал вперед и тихохонько приоткрыл для меня дверь.

Часовня мала и запущенна, только и ценного, что крест в рост человека на стене напротив входа, фигура Христа вырезана с удивительным реализмом, художник поработал на славу, да еще талантливо, у меня мурашки побежали по коже.

Барон Теодорих, сняв парадные одежды и облачась в грубую власяницу, в таких ходили первые христиане, стоит коленями на мелкой гальке, я зябко передернул плечами, представив, как болезненно впивается она в кожу.

Он сложил руки на груди, некоторое время не шевелился со склоненной головой, потом я услышал горячечный шепот:

— Всемогущий Господь, святая приснодева Мария, святые ангелы... исповедуюсь перед вами. Я много грешил



мыслью, словом и делом. Хуже того — неисполнением долга, который ты возложил на нас, людей...

Сэр Растер прошептал мне:

— Это он грешил? Да это самая безгрешная душа на свете!

— Кто бы спорил, — пробормотал я.

— Он чист, — повторил сэр Растер с нажимом, — но в отчаянии, и потому говорит такое всякое непонятное человеку... Он не может понять, за что на него такое несчастье. Я тоже.

Я спросил так же шепотом:

— А его возлюбленная... в самом деле должна умереть? Или это просто совпадение? Есть же как долгожители, так и краткожители...

— Вряд ли совпадение, — проворчал он. — Был бы какой-то разброс. Хотя бы в десяток лет. А то все умирали именно в семнадцать. Я боюсь за Теодориха.

Мы отступили потихоньку, и хотя под сапогами сэра Растера трещала галька, но, поглощенный своим горем, Теодорих ничего не услышал.

— Вот что, — сказал я, — вы пока поддерживайте его дух, а меня ждут церковники из Ватикана. Скоро и я, наверное, встану на колени перед распятием и буду слезно вопрошать, за что мне посланы такие муки!

— Тьфу-тьфу, — сказал он.

— Это язычество, — напомнил я строго, — религия не признает суеверий!

В доме гостей меня встретили слуги, раньше их столько не было, кланяются крайне скупое и неохотно, смотрят с недоверием, словно уже знают меня не только как перебежчика к дьяволу, но даже знают, за сколько я продал душу.

Отец Габриэль и отец Раймон склонились над бумагами, один читает, другой пишет, кардинал стоит на коленях, как Теодорих, перед распятием, только в отличие от барона подложил бархатные подушечки, расшитые мелким бисером.

— Слава Господу, — сказал я с порога, — святые отцы.

Габриэль и Раймон лишь подняли головы, но кардинал с криканием поднялся, сделал шаг в рухнул в глубокое кресло. Лицо его было не просто смертельно бледное, а желтое, изжеванное, как мокрая бумага.

— Уф... — проговорил он с трудом, — сейчас, минутку...

— Ничего, — сказал я любезно, — обожду.

Он ничего не сказал, когда я вошел в комнату и, не дожидаясь приглашения, сел в свободное кресло, только нахмурился, а взгляд стал неприязненным до крайности.

— У нас к вам ряд вопросов, — проговорил он с расстановкой. — И хотя на многие уже получили ответ от многих ваших соратников, но кое-что хотелось бы уточнить в вашем присутствии.

Холодок пробежал по моей спине, я проговорил не совсем своим голосом:

— Уточняйте.

Отцы Габриэль и Раймон насторожились, Габриэль даже сладострастно улыбнулся, словно кот, закогтивший большую толстую мышь, Раймон бросил на меня беспомощный взгляд, а кардинал произнес жутко неторопливым голосом:

— Чем вы руководствовались, сэр Ричард, когда приняли решение вторгнуться в это королевство?

Отец Габриэль подобострастно вставил:

— Вы ведь знаете, сэр Ричард, Церковь против войн.

Несмотря на холодный страх во внутренностях, я отметил, что никто из них не употребляет привычное «сын мой», а обращается как к лорду, что должно бы льстить, но сейчас больше пугает. Эти люди ни слова, ни жеста не употребляют зря, все неслучайно, дурака такое обращение должно радовать, Габриэль вон так и впился острыми, как буравчики, глазками, а Раймон, напротив, смиренно опустил взгляд в полированную до зеркального блеска поверхность стола, словно и там увидит мою реакцию.



Стиснув челюсти, я помолчал, не давая эмоциям отражаться на лице, затем заговорил осторожно:

— Мне казалось, святые отцы, просто не может быть другого истолкования...

Кардинал покачал головой, в голосе прозвучала мягкая укоризна:

— Сэр Ричард, ну что вы отвечаете как-то странно? Ведь понятно же, что вы могли вторгнуться либо как доблестный герой, желая стяжать бессмертную славу, либо как рачительный хозяин, чтобы захватить богатейшее королевство и тем самым обогатить себя, а также своих соратников и даже, как ни странно, свой народ!.. Это очень разные причины.

Габриэль скабрёзно усмехнулся и добавил:

— Кроме того, в вашем юном возрасте многие сражения начинаются из-за любви к женщинам. И даже войны.

Я покачал головой:

— До того как я перешел через Перевал и побывал в Брабанте, я понятия не имел, что за люди живут в Сен-Мари. И, конечно же, у меня не могло быть тут женщин!

Кардинал, уже отдышавшись, развел руками:

— Вы могли пожелать себе новых! Интересных. Из странного загадочного королевства по ту сторону Хребта. Как мы уже выяснили, очень развращенного, распутного и пораженного многими пороками, что не может не вызывать любопытства у столь юного...

Я порывался его прервать, но это сработает против меня. Кардинал наконец умолк, все трое смотрят выжидающе, как на уже приговоренного, что продолжает как-то барахтаться.

— Святые отцы, — проговорил я тяжелым голосом, — я понимаю вас... Находясь на высоких постах, вы уже не столько священники, сколько политики и управленцы. И, как политики, вы наблюдаете людей во всей их мерзости мыслей и поступков. Однако лишь очень юные на ос-

нове таких наблюдений решают, что и весь мир таков. Надеюсь, вы миновали тот возраст?

Они переглянулись, кардинал кивнул с самым благожелательным видом, даже улыбнулся, как акула при виде молодого неопытного тунца.

— Продолжайте, сэр Ричард.

— Наступят времена, — сказал я и сам ощутил смертную тоску в своем голосе, — когда все великие и благородные деяния будут не просто забыты, а хуже — оплеваны и подвергнуты осмеянию. Великие крестовые походы всякие мелкие ублюдки объявят разбойничьими, в высокие взлеты духа перестанут верить и скажут, что причина походов в экономике... слова о чести и доблести постараются вытереть из памяти и обихода, а заботы о плоти настолько потеснят духовное, что времена языческих оргий будут вспоминаться как детские шалости... Но это будет не скоро. Сейчас же я гордо и с достоинством могу заявить и поклясться всем святым для меня, что мы вторглись в это прогнившее и забывшее веру Христа королевство, чтобы восстановить в нем чистоту нравов и духа!.. И Бог мне свидетель, мы это сделать сумели.

— Сумели?

— В основном, — ответил я. — Когда выжгли, словно каленым железом, очаги разврата.

— Полагаете, этого достаточно?

— Я так не сказал, — возразил я. — А для постоянного надзора за нравами и воспитанием в нужном духе я пригласил отца Дитриха и всех священников, которых он сумел с собой привезти!

Говорил я громко, яростно, с блеском в глазах, а голос мой дрожал без всякого притворства.

Кардинал поморщился, посмотрел на прелатов, произнес с тяжелым вздохом:

— Я вижу, вы взволнованы, что является косвенным свидетельством вашей вины. На этом сегодня заканчиваем. Продолжим рассмотрение завтра.



Я поднялся, злой и униженный, но отец Габриэль, который еще не напился вдоволь моей крови, сказал торопливо:

— Ваше высокопреосвященство, если вы не очень против, я бы задал сэру Ричарду еще пару вопросов... уже не касающихся таких больших и сложных тем! Если, конечно, и сам сэр Ричард не возражает...

Он ядовито улыбнулся мне, взгляд ошутимо подталкивал: ну откажись, откажись под любым предлогом, я сразу же перенесу разговор на потом, но я удержал себя от согласия и ответил предельно смиренно:

— Я слушаю вас, отец Габриэль. И готов ответить в меру своих скромных сил.

Кардинал смотрел с вялым интересом, разговор со мной, даже такой краткосрочный, уже утомил, отец Раймон едва заметно покачал головой, мол, зачем, тебе лучше уйти, здесь ставят ловушки на каждом слове.

Отец Габриэль проговорил с явным удовольствием:

— Вам поступила жалоба на священника из деревни Нижние Луга. Его обвиняют в стяжательстве, мздоимстве и даже в преступной связи с замужней женщиной! Но вы оставили эту жалобу без последствий. Вы что же, защищаете распутство церковных иерархов?

Кардинал проговорил с интересом:

— Вот как? И стяжательстве?

— И во мздоимстве, — повторил Габриэль с нажимом.

Они говорили через одинаковые промежутки времени и тем же тоном, даже одним и тем же голосом, от чего слова приобретали вес каменных блоков.

Я чувствовал себя на краю бездны.

— Не защищаю, — сказал я с трудом, — однако... когда я иду к оружейнику за оружием, я не требую, чтобы он встречал меня в лучших доспехах. Когда я хочу купить ткани на сюрко или жиппон, мне неважно, самого ли лучшего покроя сюрко на торговце или же он по причине зная вообще в рубашке...

Отец Габриэль поморщился.

— Отвечайте на вопрос, — посоветовал он неприязненным тоном.

— Этим и занимаюсь, — ответил я.

Кардинал произнес холодно:

— Мне кажется, вы увиливаете.

Отец Раймон бросил на меня безнадежный взгляд, в котором я прочел: я ж говорил, надо было уходить... Но теперь не ерепенься, соглашайся, кайся и поскорее уходи.

— Я отвечаю, — сказал я, повышая голос, — даже когда обращаемся к лекарю, мы не требуем от него, чтобы сам он был красив и здоров...

Отец Габриэль сказал язвительно:

— Но вам было бы приятнее, если бы он был красив и здоров?

Я кивнул:

— Да. Приятнее. Но мир еще не идеален. Господь всегда в творении!.. Когда-то все будут здоровы и красивы, сейчас же мы только строим Царство Небесное на земле. И священники пока еще не идеальны, но они все-таки делают свою работу: учат грамоте, Закону Божьему, объясняют, что хорошо, а что плохо, учат стоять до конца за веру, за честь, за идеалы.

Кардинал сказал резко:

— А может ли священник, замеченный в прелюбодеянии, быть примером для прихожан?

Отец Габриэль смотрел со злобной ухмылкой, даже отец Раймон укоризненно качал головой.

Я сказал тяжело:

— Как пример — нет. Но священнику не вменяется в обязанность быть примером. Люди должны внимать его словам, а не его поступкам. Человек грешен, даже священнослужитель, но слова его — слова апостолов, в муках самопознания совершенствования выгравировавших наше мышление в строгие заповеди, законы, правила, уставы. Я хочу



сказать, святые отцы... истина есть истина, и неважно, кем она высказана!

Они хмурились, Раймон что-то пробормотал робкое в мою защиту, отец Габриэль ответил предельно резко, еще чуть — и ударил бы, а кардинал продолжал сверлить меня недобрым взглядом.

— Недобросовестный служитель, — произнес он ледяным тоном, — позорит Церковь.

Прелаты закивали, я сказал торопливо:

— Согласен, согласен!.. Но не учение, согласитесь тоже! И если учитель пьет и распутничает с продажными женщинами, я все же лучше соглашусь на такого учителя, чем на отсутствие учителей, ибо мне нужно обучать людей грамоте, мне нужны люди, устремленные в будущее, а не просто живущие на свете!

Кардинал отмахнулся:

— Идите, сэр Ричард. Пока с вами все ясно. Будут вопросы — пригласим еще.

Когда я был уже на пороге, услышал полный угрозы и ехидства голос отца Габриэля:

— А они будут!

Глава 10

Дверь за мной захлопнулась, я вышел на подгибающихся ногах, но не от слабости — от злости, всего трясет, а в груди что-то дребезжит, как плохо закрепленная наплечная пластина. Главные доводы приходят опосля, я вот не сказал, что и сейчас через Тоннель сюда постоянно прибывают священники, всем им находится работа, что финансирую спешное строительство большого монастыря и восстановление трех опустевших и полуразрушенных при Кейдане, что первая книга, которую отпечатали на станке, — Библия...

Ввалился, злой и расстроенный, в свои покои, следом явилась целая гильдия портных, с ходу принялись снимать

с меня мерки, словно торопятся заказать гроб точно по росту.

Я рассерженно рыкнул, что я все тот же, незачем делать одно и то же, мне почтительно сообщили, что для жиппонов и жарденов пропорции разные, я прорычал, что пусть допуски делают сами.

Один сказал уязвленно:

— Ну что вам не так, ваша светлость? Большинство людей живет по моде, а не по какому-то там непонятому разуму.

Второй уточнил самодовольно:

— Все подчиняется моде, как сережки и пуговицы. Даже мораль.

— Меня устраивает, — отрезал я, — обычная одежда. Как у всех.

— Если мода сделалась общей, — сказал еще один умник, — значит, она отжила.

— Майордомы выше моды, — заявил я. — У нас даже в математике свой путь.

Новую одежду начали приносить на второй день, и все несли и несли. Но если женщина мечтает о гардеробной комнате, то я зверею, если у меня оказывается две пары сапог, не понимаю этой дури и непонятого излишества. Правда, другие выбирают нужное и напяливают на меня, словно я калека, но из-за такой вот услужливости день начинаю злым и раздраженным.

А если еще вспомню о тружениках из Ватикана...

Сегодня принесли одежды из самых дорогих материалов, расшитые золотом, с неизменными золотыми полукружьями от плеча и до плеча. Пока я рассматривал тупо, не соображая после бумаг с витиеватым почерком, что передо мной, на меня сзади попытались натянуть дублет, роскошный, ладный. Спереди кольца из золота и подобранные по цвету костюма драгоценные камни. Если не ошибаюсь, рубины, агаты и топазы, а вся ткань отделана тончайшим и затейливым узором из золотой нити.

Сэр Альбрехт появился бодрый и подтянутый, все на



нем сидит как влитое, настоящий элегантный красавец, и не скажешь, что одет, как попугай.

— Сэр Ричард, — сказал он еще с порога, — если вы заняты...

— Я всегда занят, — ответил я сварливо, — но вы заходите, дорогой барон. Садитесь вон там... или там.

— Спасибо, сэр Ричард.

— Есть или пить изволите?

Он коротко усмехнулся:

— Если только созданное лично вами. Мало кто может похвастаться, что пил волшебный напиток, созданный самим майордомом.

Я сказал предостерегающе:

— Только не болтайте, дорогой сэр, что я это делаю. Святая Церковь не одобрит.

Он хмыкнул:

— А то не знает? Наша всевидящая?

— Официально не видит, — ответил я наставительно. — Как и некоторые наши грешки, что в целом не мешают нам идти к Царству Божьему. Но если остановимся, чтобы сперва отряхнуться да очиститься, никогда не сойдем с места...

— Почему?

— Потому что! — огрызнулся я. — Потому что не ангелы!.. Потому что много в нас грязи. Потому что на смену одним грешкам проходят новые!.. А нам все-таки надо идти и строить!.. Потому и сказал Иисус, что одна раскаявшаяся блудница ему дороже сотни чистых девственниц. Потому что Царство Божье могут строить только грешники, понял? Праведникам и в аду хорошо и благостно...

Он выставил перед собой ладони, защищаясь от неожиданного взрыва со стороны обычно сдержанного майордома.

— Сэр Ричард, разве я не?.. Вижу, вам достается в этом кабинете... А не сесть ли нам на коней...

Я посмотрел зверем:

— Смеетесь? Мне кажется, для того и выдвинули тогда

в гроссграфы, чтобы все свалить на меня, а самим сесть на шею и свесить ножки. У меня уже спина не разгибается!

— Есть способ разогнуть, — сообщил он заговорщицки.

Я насторожился:

— Вы о чем?

— Наши рыцари затеяли турнир, — сообщил он. — Намерены провести большой, общекоролевский.

— По какому случаю? — спросил я.

Он отмахнулся:

— Нашим героям случай нужен?

— То есть просто так?

— Хотели в честь победы, — объяснил он, — но граф Ришар отговорил, чтобы не унижать сенмаринцев. Так что турнир будет приурочен ко дню какого-нибудь святого. Их полно, на каждый день есть, а то и два-три. Это чтобы задобрить Церковь.

— Церковь все равно будет против, — предостерег я. — Тем более у нас гости из Ватикана.

— А мы пообещаем биться только тупым оружием, — пообещал он. — Но совсем отказаться от турниров — это же вырождение рыцарства! И конец рыцарского духа.

Я поморщился:

— Ладно, но я при чем?..

— Разве не изволите поучаствовать? Размять спину?

Я помотал головой:

— Ни за что. Я теперь майордом.

— Все короли участвовали, — напомнил он. — Даже императоры брали в руки турнирное копье и достойно защищали свою рыцарскую честь.

Я покачал головой:

— Говорите так, словно и сами будете участвовать.

Он вскинул брови, лицо приняло обиженное выражение:

— А что со мной не так? Я всегда участвую.

— Простите, барон, — сказал я искренне. — Когда я вижу вас такого рассудительного, я считаю вас умным... Как внешность обманчива! Вы тоже, оказывается, будете скре-



шивать и ломать копья... Надеюсь, хоть потому, что так принято, а не потому, что нравится?

Он брови поднял еще выше, глаза полны недоумения:

— А почему такое не должно нравиться? Это же какой всплеск ликования! Сердце поет песню победы! А душа воспаряет!.. У вас душа есть?

— Ну да, — сказал я вяло. — Конечно, а как же... Я подумаю, барон. Возможно, я тоже, но не обещаю.

Он ушел, я некоторое время тупо раздумывал над этим турниром, еще не подзабытое в Орифламме развлечение, однако обросшее множеством ритуалов и ограничений. Армландские рыцари, напротив, ограничений не признают, даже в дружеских поединках стараются сшибиться на острых копьях, а в схватках на мечах или булавах ведут бой до тех пор, пока противник не сможет подняться с земли. Они презируют орифламские штучки насчет засчитывания полученных и пропущенных ударов.

Я должен бы предпочесть бескровные варианты, это прогресс, отец Дитрих и вся Церковь вообще против турниров. Но жизнь многие вещи заставляет делать... добровольно, вот и турниры пока нельзя не то что запрещать, но даже ограничивать...

Потом мысли плавно перетекли на неприятных гостей из Ватикана. Если я как-то еще отбиваюсь, то мои рыцари искушены в словесных баталиях не настолько. Их раскалывать легко, а там доберутся до моих алхимиков и ужаснутся бездне, в которую я рухнул, приютив воинов армии Врага рода человеческого.

Настроение совсем испортилось, а поверх бумаг, что приносят на подпись, то и дело видел злобные рожи паскудной троицы, а на лице отца Габриэля — обещание возвести меня на костер.

Турнир организовали на удивление быстро. Это на что-то хорошее надо заманивать, подгонять, а то и тащить на цепи, а когда затевается дурь — от добровольных помощников отбоя не будет, все сделают и денег не попросят.

Со всего королевства созывать не стали, это долго, а нашим не терпится показать свое превосходство над местными, совместно с ними быстро выработали правила, ритуалы, приветствия, запретили грубые выражения, среди зрителей будут дамы, что придает схваткам особую прелесть и пикантность... а с моей точки зрения, присутствие женщин лишь ожесточит бои, ну да ладно, мне нужно строить железную дорогу, а турниры пусть отмирают сами.

Утром разбудили пронзительные звуки, я выглянул в окно, по двору носится по кругу разодетый в цвета королевского двора молодой герольд, дудит в серебряную трубу, а потом звонким радостным голосом орет, что все желающие приглашаются на рыцарский турнир, что состоится сразу за городскими воротами слева от дороги.

Я приехал к полудню, с турнирного поля уже слышен конский топот, глухие удары, треск переламаваемых копий, лязг, а затем вроде бы чуть дрогнула земля, словно с коня упал сам сэра Растер в его толстенных доспехах.

У трибун меня встретил Куно, взволнованный, но одетый на этот раз сравнительно ярко, как же — праздник, поклонился, сказал торопливо:

— Вы не опоздали, ваша светлость! Идут первые схватки, выступают молодые и не набравшие опыта рыцари.

— Значит, — рассудил я, — смотреть пока не на что.

Он возразил:

— Но даже молодые в вашем присутствии будут драться яростнее, в надежде заслужить ваше благосклонное внимание. Так что надо бы поприсутствовать на видном месте...

Я посмотрел на трибуну, для меня самое красивое кресло с высокой спинкой, знак высшей власти, а рядом царственно сидит красавица Розамунда, в самом деле красивая, надо признать, на щеках румянец, глазки блестят, а пальцы нервно сжимают подлокотники.

— Ладно, — ответил я, — поприсутствую. Но сперва загляну к тем, кому дурь девать некуда.



Он робко улыбнулся, понимая, но не смея разделить с созеренном столь рискованное заявление.

Турнирное поле огорожено колышками с натянутыми веревками. На веревках трепещут красные полосы ткани, а с противоположных концов еще и загончики из крепкого частокола, там рыцари одевают доспехи и вооружаются.

Правда, самые знатные разбили поблизости шатры, оруженосцы одевают их там внутри.

Завидев меня, подъехал рыцарь могучего сложения, в знакомых оранжевых, как солнце, доспехах, где панцирь постоянно меняет оттенки от ядовито-желтого до пурпурного. Золотые накладки в виде лилий, стилизованных стрел и листьев клевера украшают плечи, грудь и даже живот, шлем — настоящее произведение искусства, хотя заметно, что утяжелен, для конного турнира важна не увертливость, а мощь удара.

Он поднял забрало, появились смеющиеся глаза сэра Клавдия. Он сказал с веселой почтительностью:

— Мой лорд! Когда в заключение турнира будет групповая схватка, вы возглавите наш отряд?

Я ответил пораженно:

— Сэр Клавдий! Как не стыдно? Мы такие подвиги совершили в Турнедо! Что нам эти семечки... Впереди битва за Гандерсгейм, моя душа уже там, мчится с высоко поднятым мечом...

Он ответил весело:

— Это будет завтра, но сегодня мы тоже живем? Или как?..

— Господи, — ответил я, — я, выходит, уже не так молод, чтобы драться каждый день.

Он весело и вкусно расхохотался, гордый и хвастливый, весь как статуя из металла.

— В ваших доспехах можно идти под венец, — сказал я, — настолько прекрасны! Оружейник вложил всю душу в этот металл. Не жаль подставлять под жестокие удары?

Он захохотал еще веселее, красивый, по-мальчишески

удалой, хотя голова на треть уже седая, по подтянутый, никакой грузности или замедленности в движениях:

— Сэр Ричард! У меня душа поет...

— Придушите, — посоветовал я. — Можно наступить на горло и песне, если не то каркает. А то прям как мальчишка...

Он весело посмотрел по сторонам:

— Здесь все мальчишки. Даже женщины! Вон как смотрят, а? И эта... рукоплещут! У меня кровь кипит...

— Кровь кипит, — сказал я, — сходите к какой-нибудь, охладите жар. Например, к леди Розамунде.

Он дернулся:

— Вы шутите? Это же ваша!

— Ну и что? — возразил я. — Она не жена, я ее не трогаю... Сходите, рекомендую! Не обижусь. Просто возьму на заметку, что если когда-то нужно будет вам что-то предьявить, то... сами понимаете, в интересах государства...

Он содрогнулся:

— Нет уж, увольте. Лучше я тоже, по вашему примеру, что-нибудь попроще. Кого-нибудь, в смысле.

Я поморщился:

— Ну что вы такой не рисковый? На турнир дури хватает, а как к чужой леди... это же риск, романтика! Когда опасно — это ж так здорово!

Он посмотрел с подозрением:

— Правда? А чего вы к служанкам?

— Так я ж отец народа, — объяснил я. — Должен быть безупречным. И к народу ближе, они это ценят. Одну по заднице шлепнешь, десять хвастаются, что с тобой спали. Вот так можно без драки и славу обрести, а самому — в библиотеку, в библиотеку...

Он удивился:

— В библиотеку? Зачем?

— А чтоб умным казаться, — объяснил я. — Правитель должен быть умным или хотя бы им казаться. И чтоб Библия на столе на видном месте.



Он подумал, почесал в затылке:

— Гм... А зачем такая слава? Ну, от служанок?

— Значит, — сказал я назидательно, — в государстве все хорошо. Я же олицетворение нации! Почему всегда, как дурак, улыбаюсь? Чтоб все видели, в Сен-Мари решены все проблемы, все хорошо, все поют. Править трудно, сэр Клавдий! Это не железом на турнире бряцать... Поэтому умные с охотой препоручают эту обязанность дуракам, а для нас трудностей не существует!

Он покосился на меня недоверчиво.

— Страсти какие... — проворчал он. — Ни за что не полез бы в майордомы!

— Думаете, — спросил я, — я добровольно? Но жизнь такая, катишься и катишься, а на тебя налипают дела, обязанности, долги, бабы, дети откуда-то берутся, кто-то морд бьет, а ты ж ничего не делал, просто жил!

Он вздохнул:

— Да, мне это знакомо... Только юные да мелкие ухаживают за знатными дамами, а мы, старые кони, понимаем, что проще со служанками. Легче расплачиваться. Хотя я не расплачиваюсь. С какой стати? Они ж все мои... Эх, сэр Ричард, теперь уже и я усомнился. Отказаться от поединка, что ли... Хотя раз уж влез в этот панцирь, то надо тряхнуть стариной.

— Трясите, сэр Клавдий, — сказал я, — только поосторожнее. А то всякое может случиться...

— Я старый конь, — ответил он бодро. — Не впервой!.. О, трубят! Все, пойду отведу душу. Я ведь того, живу.

Он повернул коня, и они с тяжелым грохотом понеслись к турнирному полю.

Я поднялся к трибуне, воссел, леди Розамунда весело щебечет и улыбается, олицетворяет. Я понаблюдав искоса и решил, что ведет себя в точности как нужно, чтобы поддерживался нужный настрой, то есть получила достойное воспитание и как себя вести, и как поддерживать беседу в обществе.

Когда двое на турнирном поле сшиблись с особенным грохотом, ко мне прибежал посланный сэром Жераром слуга из дворца, торопливо наклонился к моему уху и выразительно пошевелил губами. Сэр Жерар в точности выполнил все, что я велел, слуга примчался запыхавшийся, красный, встрепанный, а губами шлепал и жестикулировал очень выразительно.

Я поднялся, сказал быстро:

— Дорогие друзья, неотложные дела требуют моего присутствия. Крайне сожалею, что покидаю такое прекрасное зрелище...

Леди Розамунда мило, хоть и чуточку разочарованно, улыбнулась, а граф Ришар, барон Альбрехт и все, кто сидит рядом, с сочувствием повздыхали.

Я удалился, стараясь сохранять крайне озабоченное выражение лица, внизу отпихивают друг друга Зайчик и Бобик, борясь за мое внимание. Я приласкал обоих, вспрыгнул в седло.

— Во дворец!

Глава II

Вечером рыцари весело обсуждали турнир, трофеи победителей, убытки проигравших. Турнир прошел сравнительно бескровно, если не считать раны и ушибы сэра Ойленделя и сэра Гофмана, но лекари уверяют, что скоро снова сядут в седло и возьмут в руки копыя. Жаль, конечно, погиб сэр Клавдий, славный был рыцарь, но на прошлом турнире погибло трое, так что этот можно считать вполне благополучным...

Я охнул:

— Что? Сэр Клавдий погиб?.. Да быть такого не может! Где он сейчас? Я бегу...

Сэр Палант нехотя объяснил:

— Уже не помочь. У сэра Ойленделя копьё треснуло и расщепилось. Острый обломок попал сэру Клавдию в щель



под руку. Умер почти сразу, только и успел попросить Господа принять его грешную душу. Вообще-то красивая смерть, сэр Ричард! Это лучше, чем в постели от старости...

Я выдавил с бессильной злостью:

— Он мог бы красиво погибнуть в Гандерсгейме!.. А что плохого умереть в старости? Зато воспитал бы достойными рыцарями внуков!.. Эх, как я понимаю Церковь... Что его семье скажу?

Он почесал затылок, лицо омрачилось:

— Ну... дело вообще-то житейское. Бывает, даже от тупого погибают! Вон сэр Кракатар уж на что был верткий, но упал с коня и шею сломал...

Я махнул рукой, правильно бы и тупое запретить, но даже всеильная на вид Церковь с запретами осторожничает. Тут если переусердствовать — перестанут вообще слушать.

— Надо турниры проводить только по настоящим праздникам, — сказал я наконец. — А то обесцениваем саму суть турниров!.. Мы же благородные рыцари? Исключить тех святых, что вышли из простонародья! Нечего в их честь ломать копья. Словом, над этим еще поработаем, сэр Палант. Эх, не тот у нас кардинал, не тот...

Он с готовностью согласился:

— Да, премерзкий тип. Сэр Ричард, вы что-то говорили насчет воинского совета...

— Вечером всем собраться у меня, — сказал я. — Военачальникам. Почти все войска уже ушли в Брант. Сколько им понадобится на дорогу?

— Которые с обозом, — отпартовал он, — еще с неделю. А конные придут завтра-послезавтра. Это к тем, что уже должны быть там.

— Хорошо, — отрубил я. — Через неделю и мы выступим. Даже раньше.

Вечером, собираясь на военный совет, где должны решаться важнейшие вопросы государства, рыцари с возмущением говорили, что отец Дитрих снова обрушился на

обычай проводить турниры, дескать, видеоизмененное язычество, какие-то гладиаторские бои вспомнил, непонятно, что это такое, но как же без турниров, мужества на свете не останется...

Я сжимал кулаки и челюсти, а в желудке все и без меня завязывалось в тугой узел. О турнире у них все мысли, важнейшем деле жизни! Уж лучше бы о бабах спорили...

Правитель должен соблюдать баланс, и хотя Церковь права, но вот так резко признать ее правоту... потерять уважение этих вообще-то замечательных и доблестных людей и, хуже того, их поддержку. Единственный путь, да и то растянутый на сотни лет, постепенно делать турниры менее кровавыми, переводить их в разряд... скажем, спорта, где будут те же состязания в силе и ловкости, призы, победы, рукоплескания дам, почетные трофеи и раздвинутые перед чемпионами ноги...

Ладно, пора переходить к военному совету. Последнему здесь, в столице, перед вторжением в Гандерсгейм.

Когда-то я полагал по наивности, что рыцари — эти закованные в сталь тяжелые чудовища, — упав с коня, уже сами не поднимутся. Даже не знаю, откуда эта глупость запала в голову, но знаю, что многие в моем срединном королевстве думают так же. На самом деле доспехи вовсе не мешают сбитому с коня рыцарю тут же легко вскочить на ноги и вести бой пешим. Ловкости и скорости движений им вполне хватает...

Правда, варвары из-за отсутствия доспехов все же превосходят в скорости, однако только чуть-чуть. Первый удар обычно за варваром, однако если не сумеет сразу найти щель в рыцарских доспехах или оглушить дубиной, ответный удар рыцарского меча почти всегда смертелен.

Рассказы о том, что легкая конница кочевников издали вполне безнаказанно засыпает тяжелое и неповоротливое рыцарское войско стрелами, нанося тяжелый урон, а то и уничтожая полностью, — басни. Во-первых, примитивные луки кочевников бьют на короткие дистанции, во-вторых,



легкие стрелы отскакивают не только от щитов, даже не поцарапав, но и от панцирей.

Странно, если бы рыцари оказались глупее варваров и перли бы вот так, тупо принимая удары дикарей. Рыцари в любом войске лишь ударный отряд для проламывания обороны, за их спинами копейщики, ратники и лучники, чьи тяжелые стрелы бьют дальше и точнее.

Через Тоннель уже прибывают партии композитных луков, что бьют на такие расстояния, которые кочевникам и не снились. Стрелы вдвое тяжелее, пробивают кочевника вместе с его щитом. А если такая падает сверху, то припиливает его к седлу.

А что рыцарское войско не догонит легких кочевников, то и не надо. Достаточно продвигаться неспешно, подчинять города и налаживать там хорошую оборону. Второго шанса захватить Гандерсгейм у варваров не будет: сто семьдесят королевств исчезнут, будет одно мощное образование, сплоченное единой железной дисциплиной. Не рыцарской, конечно, это всегда вольница, но церковной, что умеет поддерживать единство перед лицом общего врага.

Я хлопнул в ладони, дверь приоткрылась, я велел громко:

— А подать сюда Куно!.. Нет, сперва пригласите благородных рыцарей в зал заседаний, а Куно потом, когда закончим с рыцарями.

Часом позже церемониймейстер распахнул двери в зал, прокричал приподнято, выгибая грудь колесом, как петух перед утренним кукареку:

— Его светлость сэр Ричард!

Я вошел быстрыми шагами, всех поприветствовал единым воинским салютом, так проще, чем отвечать поклоном каждому, бросил отрывисто:

— Всем сесть. Начнем сразу с главного без раскачивания... Нет-нет, сэр Растер, пир потом, хотя, понимаю и признаю, пир — это главное...

Они опускались в кресла, в которых раньше восседал

королевский совет, я обвел их всех тяжелым взглядом, так принято, сказал с нажимом:

— Мы вторглись в королевство весьма сытое и благополучное. Армландию, к примеру, раздирали междоусобные войны всех против всех, в Фоссано то и дело были попытки дворцовых переворотов, после чего резня по всему королевству, в Каринтии наследники бьются за право сесть на трон, заливая страну кровью... и только здесь текла мирная жизнь, что я, хоть и с неохотой, но отношу к заслугам короля Кейдана. Хотя бы частично.

Граф Ришар кашлянул, я умолк и сделал жест, разрешая возразить.

Он покачал головой:

— Нет, ваша светлость, я не спорю. Напротив, мы победили потому, что здесь абсолютно никто не ожидал вторжения из-за Хребта. Только потому. Ввяжись мы в долгую войну, у нас бы не хватило ресурсов. Здесь королевство богаче Армландии и, скажу со злорадством, даже Фоссано.

Я кивнул:

— Спасибо. Это тоже заслуга Кейдана. Нет, я не собираюсь ему кланяться как подданный, но отдаю должное как противнику, которого готов уважать. Правда, издали.

— И чтоб он об этом не догадался, — сказал барон Альбрехт предостерегающе. — А то нос задерет.

— И что-нибудь потребует, — добавил сэр Альвар.

— Не дается легко победа, — продолжил я, — над тем, кто готов подставить под удар свою грудь. Варвары готовы, об их стойкости не стоит судить по неудачному походу на Орифламме. Они его расценивали вроде увеселительной прогулки! Всегда ведь получалось, почему ждать облом? А когда легкий грабеж оказался внезапно прерван ударившим в спину новым противником, удивились, но не особенно и огорчились. Попробовали сломить и этих новых, не получилось, повернули коней и ускакали обратно в свои степи.

Граф Ришар спросил с пониманием на лице:



— Начинаем всеобщую реконкисту?

Я покачал головой:

— Не так все сразу. Как только вторгнемся в земли, где их жены и дети, где могилы предков, сопротивление нас ждет отчаянное. Воевать они умеют и любят.

— Что тогда?

— Соберите умелых каменщиков, — велел я. — Конечно, там в городах и своих хватает, но я не уверен в их добровольном сотрудничестве. А начинать с казней не хочется.

Он посмотрел удивленно:

— А может, дешевле все-таки казнить несколько местных, чем везти в обозе толпу ремесленников?

Я подумал, вздохнул:

— Сердце мое скорбит, дорогой Ришар, я же гуманист, однако вынужден признать, что экономика да, рулит. Если подсчитать, то один повешенный сразу прибавит энтузиазму двум, а то и трем десяткам работников. Там люди торговые, достаточно одного повесить, а другим указать на свободные петли... сразу поймут.

— Придется много строить?

— Мы разгромим их войска, — заявил я, — а потом везде в ключевых местах, которые обойти невозможно, поставим крепости. И край будет умиротворен. Проведем перепись населения, распределим налоги, а еще схватим провокаторов войны и повесим за военные преступления.

Сэр Растер довольно качнул головой, как вершиной требушета.

— Хорошо, — прогудел он он, — если не благородного звания, то вешать обязательно. Во избежание. Благородных, правда, лучше усекновением головы... А что такое военные преступления?

Я поморщился, стыдно слышать такие наивные вопросы от бывалого воина, пожал плечами:

— Мы победители или как?

— Победители, — подтвердил он с готовностью.

— Ну вот и решим, — сказал я. Он смотрел непонимаю-

ще, я терпеливо объяснил: — Только победители решают, в чем состояли военные преступления.

Лицо его прояснилось:

— А-а-а, понятно. Ничего, если всякий раз разные?

— С ростом культуры растут и преступления, — объяснил я. — Тут неразрывная связь ноздря в ноздю. Потому меняется не только количество, но и качество. Сортность, так сказать!

Сэр Альвар уточнил деловито:

— Значит, за что вчера по плечу похлопывали, сегодня будем вешать?..

— Сегодня будем только в морду бить, — пояснил я, — а вешать завтра. Глядишь, кого-то из получивших в морду сегодня завтра и не придется совать в петлю! Мы же гуманисты. Должны предотвращать преступления заранее. Это одно из важнейших завоеваний культуры.

Барон Альбрехт сказал понятно:

— Да-да, если развесить на деревьях побольше этих провокаторов войны, то остальных это вполне предотвратит.

— Только нужно вешать везде, — сказал сэр Растер деловито, — а то не все увидят и не предотвратятся!

— А теперь, — сказал я, — после вводной части, распределим, кто чем будет заниматься конкретно...

Вечером я выбрался в сад, в голове все еще звучат голоса лордов, обсуждающих детали вторжения и выбора тактики против конных варваров, даже голоса устраивающихся на ночь птичек не перебивают их довольного ржания.

Прямая аллея дальше начинает причудливо изгибаться, я поленился следовать фантазиям садовника и решился срезать петлю, но на полдороге услышал звонкие девичьи голоса, что звучат задорно, с неуловимым вызовом.

Сквозь листья кустарника рассмотрел двух прехорошеньких девушек, одна из них Розамунда, другую не знаю,



даже не видел, но обе хохочут и отнимают друг у друга цветок.

Я ощутил, что стоять больше нельзя, сейчас подойдут ближе и увидят меня. Могут решить, что подслушиваю, и хотя правителю можно все, однако это ущерб моему мужскому достоинству...

Розамунда охнула, увидев, как я вышел из-за роскошных кустов рододендронов, а дорожка ведет в их сторону. Я сам подумал насчет того, чтобы плюнуть на приличия и пойти через клумбу туда, куда мне надо, майордом я или не майордом, хочу и майордомлю, но мои конечности несли все это время по выложенной камнем дорожке, лицо приняло приветливое выражение, а голос стал покровительственно-ласковым, какой у нас всегда, когда разговариваем с молодыми девушками:

— Приветствую, красавицы...

С леди Розамундой рядом в самом деле ангельское создание: пышные золотые волосы, огромные синие глаза, пухлый рот бантиком, ладно сложенная фигурка, туго затянутая в корсет так, что из низкого выреза платья вот-вот выпрыгнет то, что пока показалось мне лишь в виде аппетитных полушарий с изумительно атласной кожей, нежнейшей, как у младенца.

Они дружно присели именно так, как мы любим, не склоняясь, а именно давая как бы заглянуть в вырезы платьев, хотя там все равно хрен что увидишь, только раздразишься.

— Ваша светлость...

— Ваша светлость!

И голосок ее подруги звучит нежно и трепетно, как у молодого кузнечика. Она посматривала на меня из низкого поклона искоса и с некоторым испугом, это нам всегда льстит.

Я велел жестом подняться, а Розамунда сказала щебечуще:

— Ваша светлость, это моя лучшая подруга, леди Анна, урожденная баронесса Кентеркская.

Я сказал с поклоном:

— Приветствую вас, леди Анна. Я не видел вас раньше среди фрейлин первой дамы.

— Я прибыла только сегодня, — пропишала она пугливо. — С леди Розамундой дружим давно. Я счастлива, что у нее такое положение и она может оказать мне покровительство...

— Я тоже могу оказать покровительство, — сообщил я. — Так что если что, обращайтесь! Ну там собаку отогнать, отвалившийся каблук камнем прибить, шнурок на спине перешнуровать...

Леди Розамунда коротко усмехнулась, а леди Анна расхохоталась:

— Это в самом деле много!

— Правда?

— Ну да! Это дело слуг, а лорды до такого не опустятся. И если сам маркграф... это неслыханная честь и... благоволение.

Она смеялась весело и задорно, сама как сияющее солнышко, в светлом платье, с золотыми распущенными волосами, снова присела низко-низко, как перед королем, но я даже не заглянул ей за низкий вырез платья, настолько очарован ее невинной чистотой и свежестью.

— Ваша светлость...

— Леди Анна, — произнес я и ощутил, как сладко звучит ее имя. — Можно поцеловать вам руку?

На ее лице на миг мелькнуло колебание, что меня удивило, но ответила быстро и живо:

— Если не укусите.

Теперь я видел в ее глазах скрытый смех. Я бережно взял ее тонкие нежные пальцы, длинные и трепетные, губы ощутили сладость ее девичьей кожи. Я подивился, насколько огрубели за это время, а ведь всего лишь солнце и ветер,



никто не бил кулаком, это существо настолько нежное, что уже и не человек, а чистый ангел...

— Не человек, а чистый ангел, — произнес я вслух. Она смотрела непонимающе, я пояснил: — это вы, леди Анна, этот ангел...

Она рассмеялась, на щеках проступили веселые аппетитные ямочки:

— Нет, сэр Ричард, я не ангел! Нет-нет... И еще раз нет.

Я переспросил:

— Что «нет»?

— Я не пойду с вами в ночной сад смотреть на розы, — ответила она. Я выглядел ошарашенным, она весело пояснила: — Это написано в ваших глазах, сэр Ричард. И в вашу спальню не пойду смотреть ваши ковры. С вашего позволения...

Она присела в поклоне, улыбнулась хитренько и ушла, подхватив Розамунду под руку. Розамунда оглянулась и послала мне через плечо очаровательную и вполне дружескую улыбку, в которой я прочел, что надо проявить чуть больше напора, и эта невинная красотка будет в моей спальне уже сегодня.

Я в некотором смятении смотрел вслед. Спина ровная, походка уверенная, хотя женские платья призваны подчеркивать женственность, то есть мешать походке и заставлять женщину выглядеть слабой и беспомощной.

— Хорошо, — пробормотал я, — что написано в глазах, но не на морде. Я уже не такой... явный. Скоро вы у меня хрен что прочтете...

Вообще-то хороший ход, проговорил внутренний голос. Сперва предложили красивую и умную молодую женщину в фаворитки. Но для страховки ей в подруги дали очаровательную и восхитительную дурочку... ну, пусть не дурочку, но великолепное светлое создание, у любого мужчины при одном взгляде на нее становится легче на сердце, испаряются все тягостные мысли, а губы раздвигаются в счастливой улыбке.

Кто устоит перед леди Розамундой, не устоит перед ее солнечной подругой, леди Анной, это ясно. Я тоже не устоял, целовал ее нежные пальчики и говорил глупости вполне искренне.

Это сейчас, выйдя из сферы ее очарования, снова начал мыслить трезво. Да, нашим армландцам далеко до умения местных плести интриги. К счастью, я армландец только по доспехам и баннеру.

Глава 12

Со стороны городских врат громко и торжественно прозвучали серебряные фанфары. Я смутно удивился, что за праздник, почему не доложили, а толпа народа уже бежит в ту сторону, лица радостные, слышатся ликующие вопли.

Я кивнул одному из слуг:

— Эй, что там такое?

— Прибыли важные гости!

— Почему я не знаю? — потребовал я.

Он испуганно поклонился:

— Н-н-навверное... не захотели сообщать... Не знаю, какие у господ порядки...

— А кто прибыл?

— Люди Его Величества, — сообщил он торопливо. — Они всегда ездят впереди короля, чтобы заранее подготовить тот дворец или загородный дом, куда он изволит направиться...

Во мне все сжалось, я с трудом перевел дыхание, прохрипел:

— Хорошо... Пусть им отведут комнаты в гостевом домике. Но оттуда — ни шагу!

За спиной прозвучал короткий смех. Граф Ришар со своим сопровождением улыбался и хлопал в ладоши.

— Задали вы им задачу, сэр Ричард!.. — сказал он с холодной иронией. — Все ломают головы и никак не могут



решить, по какую сторону забора упасть. С одной стороны, Кейдан — король, а вы всего лишь маркграф, но с другой — под вашей властью девять десятых страны...

— Гандерсгейм побольше, — буркнул я, — чем одна десятая. Там почти треть королевства. Если не половина.

Он отмахнулся:

— Гандерсгейм пока ничей, а вот у Кейдана лишь Ундерленды, а у вас все королевство. Вот местные лорды и мечутся, не понимая, кому поклониться и признать себя вассалами. А император еще больше всех запутал, поддерживая вас обоих...

Один из его сопровождающих указал на парадный вход дворца. По ступенькам поднимаются как уже примелькавшиеся придворные, так и новые вельможи, все в самых дорогих одеждах, все нацепили на себя массу драгоценностей, это неприметный спутник величия и могущества.

Ришар посмотрел на меня с сочувствием.

— Надо идти, — сказал он мирно. — И принимать подарки. Новые всегда что-то дарят. Эх, хорошо быть майордомом! И лордом-протектором...

Но в голосе его не было зависти, а все то же сочувствие, больше похожее на соболезнование.

Я восседал на троне, суровый и величественный, по крайней мере, таким выгляжу, а каков на самом деле, даже самому смотреть противно. Лорды подходили один за другим, церемониймейстер называл их имена и титулы, они преклоняли колени и, поднеся подарок, клялись в верности.

Барон Альбрехт украдкой показал мне оттопыренный большой палец. Все больше местных выбирает покорность мне, а не Кейдану, хороший признак.

Я сжался, когда из группы лордов вышел герцог Ворвикширский, сэр Джонатан Меерлинг, что богат и могущественен, а сам огромный, тяжелый, настоящий библейский бык. От него пахло не только мощью, но и угрозой.

Я ощутил холодок в груди, сердце сжалось, но старался не дрогнуть лицом и смотрел на него без улыбки, но по-державному внимательно и пронизательно.

Он сделал еще шаг, и хотя трон на некотором возвышении, он навис надо мной, как скала. Холод превратился в ледяное дуновение, я лихорадочно старался успеть понять, выхватит ли кинжал, чтобы вонзить мне в печень, ему так с руки, умру от болевого шока, или же под полой держит что-то помощнее...

Я заставил себя поднять тяжелую, как бревно, руку, протянул вперед для поцелуя. Герцог Джонатан мучительно долго смотрел на меня, холод стал настолько ледяным, вот-вот застучат кости, затем медленно опустился на одно колено и так же медленно взял меня за пальцы.

Я чуть не выдохнул с великим облегчением, когда чуть-чуть коснулся губами массивного перстня с огромным рубином.

— Ваша светлость, — произнес я.

Не поднимаясь с колен, он ответил могучим голосом, при звуках которого зазвенели стекла, а пламя свечей колыхнулось по всему залу и едва не погасло:

— Ваша светлость, сэр Ричард.

Я надеялся, что сейчас поднимется и уйдет, хрен с ним, с ритуальным подарком, стерплю, однако он, все так же преклонив одно колено, повел рукой в сторону, по его знаку двое рыцарей, одетых в его цвета, подошли, держа резную шкатулку.

Холод стал смертельным, я ощутил отчетливо, что как только заинтересуюсь подарком, начну его рассматривать, в этот момент и будет нанесен удар. То ли самим герцогом, то ли со стороны, хотя вряд ли он передаст кому-то такую честь и будущую славу.

— Я тронут, — произнес я, неотрывно глядя ему в глаза. — Весьма и зело тронут, ваша светлость.

— Я рад, — прорычал он мощно, — тоже весьма...

Я смотрел ему в глаза, некоторое время мы ломали друг



друга взглядами. Я сказал ему молча, что знаю и готов, теперь его ход, но пусть будет готовым к моему ответно-христианскому, когда воздают сторицей. И если готов, то давай, действуй. Я не для того прошел десятки северных королевств, пробился под Великим Хребтом, чтобы отступить в мелком южном королевстве перед каким-то вшивым лордиком, великим и ужасным только для своей челяди. Действуй, ответ получишь немедленно.

Он смотрел мне в глаза, и по мере того, как в моих все больше разгоралась ярость, тем заметнее гасла в нем. Я чувствовал, как бешено бьется сердце и пульсирует жилка на виске. Как там в глазах, не вижу, но что-то отражается тоже, то ли кровеносные сосуды лопаются и наливаются кровью, то ли сатанею быстро и весьма зримо.

Он опустил голову и проговорил совсем другим голосом:

— Сэр Ричард...

— Ваша светлость, — сказал я, и на том аудиенция была закончена.

Мои рыцари приняли из рук его людей раскрытую шкатулку. В лица снизу ударил блеск драгоценностей, в глазах восторг, нашего поединка никто, кроме нас с герцогом, не заметил, а когда шкатулку унесли, я обратил царственный взор на лорда Клементалья, владетельного хозяина Угаричера и Конноярда, барона Кубленга и графа Йенского, на чьих землях растет самый лучший строевой лес, в котором также водятся дивные белые олени и рогатые свиньи.

Он подошел, преклонил колено, я спросил первым:

— Лорд Клементаль, к вам уже прибыли торговцы из Тараскона?

Он ответил поспешно:

— Да, но...

— Откуда я знаю? — договорил я. — Так это я их прислал.

Он посмотрел оторопело, затем лицо расплылось в широчайшей улыбке. Он звучно чмокнул кольцо на моей руке.

— Ваша светлость!

— Лорд Клементаль, — сказал я.

Он встал, хотя не прочь был бы сразу же обсудить цены на разные породы леса, его сменил лорд Утрехский, очень старый и весь высохший, с длинными белыми волосами, но чисто выбритым подбородком, в парадных доспехах старого образца, красивых, но облегченных настолько, что панцирь можно проткнуть пальцем.

Когда церемония принятия оммага закончилась, я позвал барона Эйца и шепнул тихо:

— Герцога Джонатана арестовать на обратном пути. Неважно как. Устройте засаду, если понадобится. Но лучше без шума.

Он кивнул:

— Да, я уже послал гонца к сэру Норберту. У него больше людей, он все организует...

— Прекрасно!

— И еще, ваша светлость, — сказал он с неловкостью, — вас просят незамедлительно прибыть к кардиналу.

— Черт! — вырвалось у меня, тут же сказал поспешно: — Прости Господи, за упоминание Врага твоего, но эти трое будто на него и работают... Хорошо, сэр Эйц, я иду.

Он промямлил:

— Может быть, откажетесь? Все-таки майордом...

Я покачал головой:

— Увы, я еще и паладин. И не знаю, кто старше.

Я вбежал, слегка запыхавшись, уже с середины комнаты отвесил учтивый поклон, но рыцарский, полный достоинства, что Церковь часто приравнивает к гордыне.

— Прошу меня простить, государственные дела... Я готов прояснить любые непонятки, ваше высокопреосвященство!

Кардинал поднял голову от бумаг на столе, глаза его изучающе пробежали взглядом по мне с головы до ног и обратно.



— Любые?

— Любые способен объяснить только Господь, — ответил я смиренно, — так как он создал и понятное и непонятное. Одно для жизни, другое — для желания жить.

Прелаты переглянулись, кардинал покачал головой, во взгляде я прочел удивление.

— Странно, — проговорил он задумчиво, — у вас неплохие знания Библии... Откуда?

— Откуда и у всех, — настороженно ответил я. — А что, есть иные возможности узнать, кроме как почитать? И обсудить с друзьями?

Удивление в его глазах стало сильнее:

— С друзьями? Мне всегда казалось, что молодым людям вашего возраста свойственны несколько иные интересы...

— Свойственны, — согласился я. — Но в моем королевстве женщины очень доступны. Доступнее уже не бывает. Прилагать усилий не приходится, так что остается время и на Библию. А положение в обществе таково, что и молодые стараются найти что-то в Библии. Больше, правда, чтобы опровергнуть, но, как ни странно, знают ее сейчас больше, чем знали их родители...

Взгляд его стал острым:

— Это и беспокоит.

— Что, ваше преосвященство?

— Что Библию больше читают безбожники, чем истинно верующие.

Я спросил осторожно:

— А зачем она истинно верующим?

— Сэр Ричард, не забывайтесь...

— Одни читают Библию, — торопливо сказал я, — чтобы укрепиться в вере, другие — ищут ответы на мучающие их вопросы! Есть и такие, что выискивают неточности или противоречия. Даже атеисты читают Библию. А верующие... им достаточно самой веры.

Он нахмурился, прелаты возбужденно заговорили между собой, слов я не разобрал, но голоса звучат злорадно.

— Сэр Ричард, — произнес кардинал, — ваши слова граничат с ересью...

Отец Габриэль сказал быстро:

— Ваше высокопреосвященство, не смягчайте! Ваше милосердие безгранично, однако надо быть и справедливым. Слова сэра Ричарда в самом деле откровенная ересь!

Кардинал кивнул:

— Верно. Что скажете на обвинение, сэр Ричард?

Я стиснул челюсти, пару раз процедил воздух сквозь зубы, говорят, успокаивает, но в моем случае только разозлило сильнее.

— Я не знаю, — проговорил я таким злым голосом, что зубы начали лязгать, как у голодного волка, — как вы там понимаете вообще религию! И все ли так понимают в Ватикане, как вот вы...

Кардинал поинтересовался вкрадчиво:

— А как понимаете вы?

Я ответил резко, словно бросился в ледяную воду, где быстро утону, если не доплыву до противоположного берега:

— Я понимаю ее как систему правил, которые позволяют людям жить в обществе! Все мы — звери, но чтобы жить в обществе, нужно смирять свои звериные страсти. Кто не может удержаться — тот живет вне общества. Кто входил в общество, а потом начинал звереть, — того изгоняли. Выжили только те, кто жил в нем. Но нам трудно не звереть, натура такая! Для обуздания и созданы главные законы: не убий, не укради... Нам легче подчиняться законам, принятым другими, чем обуздывать себя самим. С самим собой человек всегда договорится! А вот с Богом, который все видит...

Отец Габриэль сказал резко:

— Вы еще ни разу не упомянули о Боге должным образом!

— О нем чаще всего талдычат лицемеры, — огрызнулся



я. — Они и молятся громко, напоказ, будто Творец глухой! А дома, не знаю, молятся ли?

Кардинал сделал вид, что не заметил стрелу, которую я метнул в его помощника, спросил нейтральным голосом:

— А вы, сэр Ричард, молитесь?

— Прежде всего — делами, — отрубил я. — Такие молитвы наиболее угодны Господу. Человек, который усердно работает, учится, растит детей, помогает людям, — намного угоднее Творцу, чем постоянно творящий молитвы. Пусть даже первый вообще не знает, как правильно перекрестить лоб, а второй молится пять раз в день! Вы как будто не знаете, о чем молитвы простого человека!

Он уловил сарказм, спросил подозрительно спокойно:

— О чем же?

Я сказал злобно:

— О корове соседа, чтобы сдохла, о кладе в огороде, о большом урожае на поле, где ни разу не пропалывать сорняки и не поливать... Да вообще все просят, чтобы Творец выполнял за них всю грязную и тяжелую работу! И как такие люди могут быть хорошими христианами?

Кардинал сказал с жестокой ноткой в голосе:

— Сэр Ричард, нельзя быть большим христианином, чем папа римский.

В его усталом голосе звучало предостережение, а от прелатов вообще веяло холодом, словно с горных вершин с вечными снегами.

Отец Раймон подвигался на своем месте, кашлянул, а когда все посмотрели на него, сказал почти виновато:

— Может быть, наконец вернемся к тому, из-за чего пригласили сэра Ричарда?

Он единственный, кто не говорил «вызвали», «велели», а именно «пригласили», всякий раз напоминая им, что я не в их инквизиторском застенке, что я все еще лорд, а не заключенный.

Кардинал буркнул:

— Спасибо, отец Раймон, за напоминание... Сэр Ричард, у нас есть сведения, что вы поддерживаете еретиков.

— Это ложь!

— Есть сведения, — продолжал он неумолимо, — что вы быстро ведете Церковь к расколу...

— Я не могу вести ее к расколу, так как я майордом, а не архиепископ или кардинал!

Он покачал головой:

— В нашей истории немало случаев, когда один-единственный священник мог расколоть Церковь. И раскалывал весьма успешно...

— Но не государь!

Он снова покачал головой.

— Бывали государи...

Я промолчал, вспомнив не только о Мартине Лютере, но и короле Генрихе, который ради прихоти жениться на одной из фрейлин королевы объявил Англию свободной от папской власти, ибо папа запрещал развод с прежней королевой Екатериной.

Кардинал посматривал на меня с торжествующей ухмылкой. Я сказал жестко:

— Я не собираюсь опровергать домыслы и предположения. Выкладывайте факты! И тогда я отвечу. А пока, святые отцы, если у вас нет более существенных вопросов, то я с вашего разрешения откланяюсь!

Глава 13

Меня снова колотило, когда я выходил из гостевого домика. Никогда еще не чувствовал такого бешенства, просто удивительно, как можно довести до белого каления умелой улыбочкой, словно невзначай брошенной фразой, косым взглядом...

Надо держаться, сказал я свирепо. Надо, иначе я их завтра же прирежу... а то и сегодня ночью.

В покоях я бросил шляпу на крюк, но промахнулся, Бо-



бик поймал ее на лету и, вместо того чтобы растерзать в клочья, принес мне и посмотрел в глаза внимательно и сочувствующе.

— Ну вот, — сказал я, — даже ты меня жалеешь...

В дверь ворвался Жерар, я грозно нахмурился, но он прокричал звонко:

— Сэр Ричард, сэр Ричард! Ох...

Я напрягся, не дай Бог еще что-то вроде такой же напасти, как эти из Ватикана, в зале мертвая тишина, часовые неподвижнее каменных статуй, в комнату вбежали сэр Ришар и барон Альбрехт, а мой секретарь перевел дыхание и договорил высоким вибрирующим голосом:

— К вам прибыла эскадра кораблей!.. Таких огромных, просто я не знаю... Никто таких не видел. Говорят, они с Юга. Называют вас маркизом и говорят, что обещали их встречать на берегу!

Я вскочил, едва не опрокинув стол. Сердце забухало в таком ритме, что едва не разломало грудь, как плененный Рустам темницу.

— Как? А те пираты, что сожгли Тараскон...

Граф Ришар и барон застыли, переводя взгляды с меня на Жерара и обратно, а он прокричал счастливо:

— Пираты, что сожгли порт Тараскона, на обратном пути наткнулись на этот флот! Этих пиратов побили, часть взяли в плен и привезли в оковах!

Его глаза вылезали из орбит, а рот расплывался до ушей. Я завизжал, как придушенный поросенок:

— Видели? Нет, вы видели?.. Кто против нас, если Бог за нас?.. Граф Ришар, примите дела, замещайте меня во всех вопросах, а я должен встретить адмирала Ордоньеса.

Жерар подтвердил, глядя на меня вытаращенными глазами:

— Да, так зовут их вожака.

Я сказал радостно:

— Чего вытаращил zenки? Я его сам отправлял с того берега!

Бобик ринулся вперед, как стрела, но тут же опасливо вернулся и уставился блестящими от возбуждения глазами: не чудится ли ему, что снова вместе, снова в пути, снова без множества надоедливых людей.

— Я тебя люблю, чудище! — крикнул я весело.

Он завизжал, подпрыгнул на всех четырех, ухитрился лизнуть меня и снова унесся вперед напролом, срезая зигзаги. Огромный черный арбогастр мчался следом, как сгусток гремящего мрака. Земля стонет под его весом, а от широких, как тарелки, копыт остаются глубокие следы. Я старался не зарываться в густую гриву, это мое королевство, и я отвечаю за него, что бы там ни говорили о короле Кейдане.

Справа и слева навстречу струился блистающий мир, сливаясь в яркие солнечные полосы, исчезал за моей спиной. Я не успевал рассматривать то, что близко, но надоедало все то же синее небо, а под копытами коня мерцающая поверхность, что становится то зеленой, то серой, то песчано-желтой.

Из-за невысокой горной гряды выдвинулся лес мачт, Бобик оглянулся и требовательно гавкнул.

Я крикнул возбужденно-радостно:

— Держись ко мне поближе! Я не хочу сделать подданных заиками.

Вдали на якорях три больших корабля со спущенными парусами, но у береговой отмели множество рыболовецких лодок, простых и незатейливых, которые не жаль и потерять, если нагрянут пираты.

Сожженную пристань не восстановили и, похоже, восстанавливать не собираются. Страх перед пиратами слишком велик, я чувствовал, как во мне разгорается гнев, но заставил себя вспомнить, что это же мои долгожданные корабли адмирала Ордоньеса, и направил Зайчика прямо в порт.

На пирсе несколько оборванных бродяг, уже пьяные, прокричал с седла:



— Где сейчас адмирал Ордоньес?

Один, наиболее трезвый, ответил заплетающимся языком:

— У бургграфа города... сэра Ричарда... Господи, да это и есть наш господин!.. Счастье-то какое...

Остальные повернулись и уставились сияющими, как у Бобика, глазами, только что хвостом не завиляли.

— Это хорошо, — крикнул я. — Но где у него? В ратуше?

— Нет, — ответил он с готовностью, даже протрезвел чуть, — в вашем собственном доме!

— Моем?

— Да, — ответил он счастливо. — У вас могли бы разместиться команды всех трех кораблей, но матросов разобрали по домам жители! Всем хочется услышать, как там за океаном...

— Ага, — сказал я. — Понятно, что непонятно. А теперь скажи, что у меня там за дом появился, а то раньше вроде бы не было.

Он расплылся в улыбке шире:

— Городской совет постановил, что у бургграфа должен быть свой дом. Это значит, чтобы у вас значимость была выше, а то вдруг начнут забывать... А городскому совету ваш авторитет важен, правят от вашего имени они...

— Молодец, — одобрил я, — соображаешь. Так что за дом?

— Бывший Бриклайта, — сообщил он. — Целый особняк! Чего ему пустовать? Больше его нет вообще во всем городе.

— Гм, — сказал я, — м-да... Мне понятно, там жить не захочется, воспоминания скверные, но для гостей...

— И для престижу!

— И для престижа, — согласился я. — Спасибо! Зайчик, вперед!.. Бобик, не отставай.

Особняк Бриклайтов, пусть горят в аду все, все так же, как гора, гордо высится над соседскими домами. Вокруг неплохой сад, да еще и отгорожен высоким забором из ме-

таллических пик, сад уже выглядит запущенным, хотя я вроде бы совсем недавно здесь воевал с хозяевами, но ворота все так же надменно и помпезно заявляют, что этот особняк принадлежит хозяевам города.

Ну да, теперь уже хозяину.

Я подъехал к воротам, Бобик забежал вперед и требовательно гавкнул. К моему удивлению, дверь рядом с воротами тут же распахнулась, будто нас ждали, высунулась лохматая рыжая голова с радостно-удивленными глазами.

— Не верю... Никак хозяин? Господин Ричард?.. Эй, открыть ворота!

— Да мы и через калитку втиснемся, — заверил я. — Ты меня помнишь, значит?.. Извини, я тебя подзабыл...

Он заверил:

— Да вы меня и не могли помнить, я Когунд, один из дальних подручных мастера Пауэра. Сейчас мастер велел помогать принимать ваших гостей...

Ворота широко распахнулись, Бобик вошел чинно и спокойно рядом с Зайчиком, знает, что почему-то нельзя пугать вот этих, как и вон тех. За воротами несколько мужчин, на дальнем плане пробежали две хохочущие женщины, за ними вышагивает гордо и подкручивает усы громадного роста человек в кирасе и кожаных штанах, на поясе целый арсенал из ножей, кожаных мешочков и крупных пустых колец.

— Ваша милость, — сказал один из тех, кто отворял ворота, он улыбался во весь рот, — мы просто глазам не поверили...

Я соскочил с Зайчика, он сразу услужливо перехватил поводья.

— Хоть одно место, — сказал я с облегчением, — где мне рады. И ничего не потребуют... надеюсь.

Зайчик покосился на меня укоризненно, но дал себя увести, будто понимает, что вместе с отборным зерном дадут полакомиться старыми подковами и железными обрезами.



— Ваша милость, — сказал все тот же Когунд, — вы так быстро!.. Мы ж только два дня тому за вами послали!..

— Дорога хорошая, — объяснил я. — Гости в доме?

— Да, ваша милость...

— Веди!.. — сказал я и добавил: — Плохо быть богатым, не помню, где у меня какие комнаты. А еще богатые тоже плачут, как я слышал.

Он хмыкнул:

— Я тоже слышал. Но лучше плакать в таком вот доме, чем...

В дверях дома двое обвешанных оружием мужчин, загорелых дочерна и в неместной одежде, громко спорят и размахивают руками. Челядин выскочил опасливо и, пригибаясь, умчался с корзинкой в руках в сторону хозяйственных построек.

В мою сторону оглянулись с неудовольствием, но увидели пса, один вскрикнул шокированно: «Господи Исусе, что за лошадь с такими зубами?» — второй быстро перевел взгляд на меня, сбежал с крыльца и поспешно преклонил колено:

— Ваша милость!.. Маркиз!..

Я на ходу милостиво коснулся его плеча кончиками пальцев:

— Узнал? Хвалю.

Второй икнул, глаза от неожиданности полезли на лоб:

— Сэр Ричард? Вас не ждали так скоро!

Я поднялся по крыльцу, дружески ткнул его в бок:

— Побеждает тот, кто быстрее. Где Ордоньес?

— Здесь, — ответил он торопливо. — На втором этаже. В большой зале! Там сейчас с ним отцы города...

— Ого, — сказал я громким довольным голосом, но в душе трепыхнулось беспокойство: — Что задумал Ордоньес?

— Да не он, — сказал пират. — Эти толстяки быстро собирали городской совет.

Он ринулся вперед, я остановил:

— Погоди! Иду к друзьям, так что обойдемся без церемоний.

Он остановился, обескураженный, я поднялся по ступенькам и толкнул дверь в зал. Пахнет мужским потом, что значит — заседают уже несколько часов. Среди тарасконцев я сразу узнал Ордоньеса: высокий и огромный, со шрамами, но такие и здесь не редкость, однако от Ордоньеса веет океанскими просторами, морским воздухом, вообще переход через океан под парусами что-то меняет в человеке: осанка, жесты, а особенно взгляд, словно эти люди увидели нечто, навсегда изменившее их жизнь.

Я пошел вперед, улыбаясь и разводя руки. Все замолчали, Ордоньес оглянулся, на лице появилось радостное изумление.

— Мой лорд! — произнес он с чувством и преклонил колено.

Я поднял его, обнял дружески, потом не утерпел и обнял с такой силой, что у него хрустнули кости.

— Ты великое дело сделал, — шепнул я и добавил громко: — Счастлив приветствовать героя, который пересек океан без карт, без маршрутов, а всего лишь выполняя приказ своего сюзерена!

Ордоньес поклонился и уточнил:

— Доверие к его светлости, маркизу Черро, у нас, верноподданных жителей маркизата, настолько велико, что по его приказу сразу же отправились бы хоть в ад!

— И вернулись бы оттуда с добычей, — добавил я.

Пираты захохотали, Ордоньес горделиво улыбался, тарасконцы смотрели на меня в почтительном ужасе. Я слышал, как один пробормотал другому в ухо: «Господи, он еще и маркиз...»

Ордоньес воскликнул с чувством:

— Ваша светлость, а как мы счастливы!.. Не скрою, пока в открытом океане терпели лишения, как только не называли вас... Многие требовали вернуться. Но когда увидели эти берега, наш дух взлетел до небес! Мы ощутили себя



уже и не знаю кем. И дело не в наградах и подарках, которыми нас завалили здесь жители...

Он остановился, не зная, как выразить то высокое, что переполняет их всех, я сказал тепло:

— Ордоньес, мы с вами еще молоды и полны отваги!.. Почивать на лаврах рано, главные призы и всяческие лавры еще впереди. Вы понимаете, в чем я больше всего нуждаюсь?

Он подумал, сказал основательно, все-таки адмирал эскадры должен думать, прежде чем раскрывать рот:

— Если вы уперлись в океан, то у вас два пути. Либо вернуться обратно и завоевывать королевства на Севере, либо пытаться перебраться по воде дальше.

Я вздохнул:

— Вы мудрый человек, Ордоньес. Я не зря назначил вас адмиралом. Смотрите прямо в корень!

Он пробормотал польщенно:

— Стараюсь...

— Так вот, мне нужна эскадра. Нет, мне нужен флот! Большой и сильный. Чтобы мы гонялись за пиратами, а не убегали от них в глубь материка. Чтобы пираты страшились одного нашего имени. Чтобы наши корабли могли пересекать океан без боязни быть ограбленными. Понимаете?

Он покрутил головой:

— Да, ваши люди сразу пришли с предложением срочно восстановить порт... под нашей охраной с моря. Я пообещал пока что помочь, пока вы не придете и не начнете распоряжаться лично.

— Я разверну строительство больших кораблей, — сказал я горячо. — Мне нужен флот...

— Для вторжения?

Что-то в его голосе насторожило, я ответил с деланным удивлением:

— Какого вторжения? На Юг? Ордоньес, ты уже понял, что у меня хоть и горячее сердце, но холодная голова. Уж молчу про времена почти совсем чистые руки. Вторг-

нуться на Юг — самоубийство. Нет, я хочу лишь раздавить гнезда пиратов на ближайших островах, чтобы не препятствовали хотя бы торговле с соседними королевствами!.. Сам понимаешь, на рыболовецких лодках не повоюешь.

Он подумал, кивнул:

— На рыболовецких вообще не доплыть. Великое дело задумано, ваша светлость!.. Я целиком и полностью в вашем распоряжении.

Я с облегчением перевел дух, стараясь, чтобы никто не заметил. Все-таки Ордоньес все еще пират, пиратом и останется. А мне подчиняется лишь потому, что могу предложить нечто более интересное, чем бесконечные и одинаковые грабежи торговых судов.

— Оберегай порт, — велел я. — Пираты еще вернутся. Прекрасно понимают, что, если мы закрепимся на берегу и выстроим большие корабли, им конец. Как бы вольно ни жили на своих разбойничьих островах, но с мощью целого королевства не тягаться... А теперь, дорогие друзья, давайте наш совет продолжим за дружеским пиром! Мастер Пауэр, что-то вы смотрите с таким ужасом! Это я, ваш старый друг, а также бургграф. Мастер Лоренс, я вижу, вы бесшумный старейшина цеха ювелиров, а это значит, дела у вас идут как нельзя лучше... Мастер Эльбеф! У вас прибавится заказов на оружие, если вас это не пугает!

Мастер Эльбеф, старейшина цеха оружейников, все такой же кряжистый и жилистый, оружейник, а не какой-нибудь, тыфу, ткач или ювелир, пробасил довольно:

— Сэр Ричард!.. Вы прибыли, а это значит — жизнь закипит.

Ордоньес захохотал:

— Это уж точно!

Глава 14

Столбы сдвинули и накрыли в соседней комнате, даже зале, хотя это и не дворец, но по размерам Бриклайт-старший отгрохал именно дворец, разместились все члены го-



родского совета и не вошедшие в него старейшины мелких цехов, а также Ордоньес со старшими офицерами.

Бобик некоторое время с интересом рассматривал всех, уже приучен не пугать народ, но его, как я заметил с удовольствием, не шибко и пугаются, хотя предпочитают держаться на расстоянии. А так весь город уже знает, что этот страшила наводит ужас только на поваров и стряпух с их запасиками вкусностей.

Вино лилось рекой, но я слушал Ордоньеса жадно и внимательно. Вообще-то опасался, что после моего ухода пираты либо передерутся, либо заново перекроют карту Черро, а то и, в худшем случае, снова вернутся в море, но Ордоньес, вот уж кто меньше всего похож на ангела, сообщил самые благостные вести: вчерашние пираты, а теперь графы, бароны и виконты, при всем буйстве характеров признали, что не только выиграли, сойдя на берег, но и в их интересах сохранить всю систему, которую оставил я.

Во главе по-прежнему стою я, маркиз Ричард, а в мое отсутствие управляют четыре граф-капитана с равными полномочиями и властью. Когда попадают впросак, то стараются представить, как бы решил вопрос я, обычно помогает.

— Весь маркизат стал сплошной стройкой, — сказал он с веселой усмешкой, — когда мы отплыли. За это время, надеюсь, что-то сделали еще.

— Или все порушили, — сказал я с беспокойством.

Он сказал благожелательно:

— Не думайте о таком!

— Неужели не передрались?

— Может быть, — сказал он с добродушной усмешкой, — потом, а пока все с азартом строят. Наперегонки!.. Людей не хватает. Переманивают друг у друга. Из соседнего королевства к нам потянулись на заработки мастеровые.

Я спросил обеспокоенно:

— Я слышал, маркизат отделяют от остальных земель не то болота жуткие, не то горные кряжи...

— Дороги плохие, — согласился он. — Армию не провести. Но поодиночке или небольшими группами пробраться можно. Вот и приходят крепкие, сильные, им сразу дают работу.

— Хорошая весть, — сказал я с облегчением. — Хорошо, когда не от нас бегут, а к нам.

— Раньше от нас, — согласился он. — Так что, сэр Ричард, ваша власть крепка. Капитаны следят друг за другом. Вы, как наш вожак, принесли нам самую небывалую добычу! И никто от такого вожака не откажется и не даст захватить власть другому.

— Как проходило плавание?

Он допил, вперил задумчивый взгляд в даль. Тарасконцы за столом притихли, лицо Ордоньеса чуть погрузтело.

— Мы вышли на шести кораблях, — сказал он хриплым голосом. — Два потеряли в первый же серьезный шторм, но один через неделю отыскался цел и почти невредим, хотя мачты и порванные паруса пришлось ставить заново. Второй где-то сгинул...

— Может быть, — предположил я, — его отнесло слишком далеко, вернется через пару недель или месяц. Что с другими?

Он допил вино, лицо оставалось напряженным, а в глазах промелькнул отсвет блеска клинков, разрядов молний.

— Потрепало слишком сильно... Нет, не в первую бурю, а потом... Были и штормы, и схватки на островах, куда высаживались, чтобы пополнить запасы воды и провизии. Вы не представляете, сэр Ричард, какими существами населены острова!

— Их много?

— Много, — ответил он со вздохом. — Это хорошо и плохо.

— Понимаю, — сказал я. — Ничего, доберемся и до них. Очистим самые важные для нас, устроим там порты, доки для ремонта, склады с провизией, такелажем, завезем запас мачт и парусов.



— Охрана нужна, — сказал он деловито. — Пираты так и шастают! Их там как комаров. На нас нападать никто не решался, у них корабли мелкие, а мы как гуси среди уток... Да каких там уток, как среди жаб. Но острова грабят и держат в страхе. Если бы не потери на островах, мы бы явились все в целости. А так... Сперва «Достойный» пришлось оставить, слишком потрепан, разваливался на глазах, а починить нечем, потом и «Дева Океана»... Оставшиеся команды перебрались к нам, так что на трех кораблях составы полные, даже резерв.

Я подумал, кивнул:

— Вы с честью выполнили приказ и совершили небывалое в истории маркизата. Нужно, чтобы все получили награды. Пусть команды продолжают отдых, а мы позаботимся о прятниках.

Он довольно улыбнулся:

— Вообще-то мы успели наградить себя сами... Некоторые острова оказались богаты просто сказочно.

Я покачал головой:

— Дорогой Ордоньес, награждают не сколько для самих награжденных, а чтобы другие видели! И понимали, что им тоже обломится, если совершат подвиг во славу. В мою славу!

Он засмеялся, сделал знак, чтобы принесли еще вина. Я сосредоточился, в его кубок прямо из воздуха полилась темно-красная струя. Ордоньес присмотрелся с интересом, но его рука без всякого страха цапнула кубок, выпил с явным удовольствием, крикнул и покрутил головой.

— Прекрасное... Нежное и душистое... Никогда такого не пробовал.

— Понял, — сказал я. — Тогда вот это...

Он дождался, когда кубок наполнился, поднял красивым ухарским жестом и сделал большой глоток. Я с удовольствием и некоторым злорадством смотрел, как он задохнулся, лицо побагровело, глаза полезли на лоб, приподнялся, снова сел и смотрел на меня с ужасом и восторгом.

Наконец продохнул огненный ком в горле, едва-едва проговорил хриплым голосом:

— Сэр Ричард... это... что?

— Обыкновенный ром, — сообщил я небрежно. — Ямайский. Обычное питье пиратов... в моем королевстве. Неужели не понравилось?

Он проговорил все тем же хриплым голосом:

— Это просто чудо... У меня все внутри горит, как в аду. Я даже не знал, что бывает такое крепкое и... восхитительное.

— Ничего, — сказал я весело. — Как-нибудь познакомлю вас, как готовить грог и глинтвейн. Пираты без грога — разве пираты?

Он покачал головой, лицо оставалось багровым, а в глазах не гасло изумление.

— Представляю, что у вас за пираты, если у них такой... как вы говорите?

— Ром, — подсказал я.

— Ром, — повторил он. — С ума сойти...

— В следующий раз выпьем грогу, — пообещал я.

На следующий день два корабля Ордоньеса начали барражировать в море, держа в виду порт и спешно возобновившуюся стройку. Третий корабль торопливо ремонтировали, чтобы мог подменять дежурящих, оба почти такие же по состоянию, но пираты этого не знают, их страшит сам вид громадных океанских гигантов, готовых к нападению.

Когда отремонтируют и «Синего Осьминога», все три корабля будут в полной боевой готовности и смогут отправиться в обратный путь, но у меня на них пока другие планы.

Весь Тараскон бурлит, как муравейник, куда бросили горсть нежных жирных гусениц. Моряки из эскадры нарахват, самые благопристойные и зажиточные жители разобрали их по домам, предлагая кров, пищу и вино, а сами с жадным восторгом выслушивают невероятнейшие истории о далеком Юге и необъятном океане.



Особый восторг вызвало у простого народа известие, что все матросы — благородного звания! Трудно себе представить, что весь корабль обслуживают одни дворяне, но тарасканцам пришлось поверить: кое-кто из матросов с гордостью держал пожалованные грамоты при себе.

Ликованию не было предела, когда узнали, что и на той стороне океана таким же королевством рулит их бургграф Ричард. И хотя маркизат не королевство, да и размеры не ахти, но каждый верит в то, чего желает, да и моряки так гордо рассказывали о своем Черро, словно это необъятная и грозная империя. И у каждого тарасконца наверняка зарождается хитрая мыслишка, что под властью их бургграфа, что давно уже не бургграф, и они станут если не поголовно дворянами, то все равно с таким правителем отхватят некий жирный кус.

Дав ценные указания, я поспешно отбыл обратно в Геннегау. Голова гудит и раскаляется под натиском новых планов, идей, возможностей, но не успел вбежать в кабинет, как прибежал местный священник и очень настойчиво попросил явиться к прелатам из Ватикана.

— Уже и вас заставили работать на себя? — спросил я без дружелюбия.

Он развел руками:

— Мы, братья по вере, должны помогать друг другу.

— Вот именно, — сказал я. — Потому что должны, хоть и не хочется.

Едва я вошел в их большой кабинет, кардинал потребовал властно:

— Сэр Ричард, рассказывайте, как можно подробнее, что это за эскадра. И почему она с Юга. И почему разыскивают именно вас! Здесь весь город только об этом и говорит...

Отец Габриэль сказал торжествующе:

— Я же говорил, в его деле много нечистого! А теперь ясно видна связь с заклятым врагом. Его сообщники неча-

янно сами выдали своего... руководителя. Ведь сэр Ричард явно не рядовой в их рядах.

Кардинал не сводил с меня пронизывающего взгляда.

— Я жду, сэр Ричард.

Я постарался как можно больше унять ярость, хотя кулаки так и не разжал, ответил сквозь зубы:

— Ваше преосвященство, Христос даже блудницу пожалел, хотя не понимаю на хрен... простите, зачем нам блудница, но другое дело — целая страна на Юге, которую можно вернуть в христианство! Первый шаг я уже сделал...

Брат Габриэль спросил быстро:

— Как вы попали на Юг? Не с помощью ли дьявола?

Холод пронзил меня насквозь, но я с усилием отмахнулся и проговорил замерзающими губами как можно небрежнее:

— Это ли важно? Ваше высокопреосвященство, если вы хотите уйти от главного в частности...

Его взгляд был острым, я затаил дыхание, враждебность обоих священников, да и самого кардинала замораживает даже воздух, затем он проговорил нехотя:

— Продолжайте.

— Первый шаг мы сделали, — сказал я, — а теперь...

Кардинал прервал:

— Какой шаг?

— Отвратил от разбойной жизни, — объяснил я, — и убедил заняться мирным созидательным трудом.

— Разбойников?

— Разбойников, — подтвердил я. — Пользуясь своей властью и привилегиями, полученными от местного короля, я гарантировал им неприкосновенность в случае, если со всеми награбленными богатствами они осядут на берегу, начнут благоустраивать край... Я им роздал титулы графов, баронов и виконтов, подписанные самим королем. На самом деле это нетрудно, ваше преосвященство, там все было к тому готовы...

— Как это?



— У короля не было власти над той отколовшейся частью, — объяснил я, — а я обещал сохранить ее в составе королевства... если никто туда не будет вмешиваться. Разбойники были готовы, ибо если продолжать грабить морские суда, когда и так уже накоплены огромные богатства... то когда жить?

— А что за эскадра? — спросил отец Габриэль. — Они тоже, как вы изволили оправдываться, занимаются мирным трудом?

Я стиснул челюсти и сказал раздельно:

— Я не оправдываюсь, отец Габриэль! Не оправдываюсь. Я объясняю некоторым слишком тупым, что я привел целый край к мирному труду, что одобрил бы Христос и благословил бы мою работу! Но мы живем в таком мире, что никакую землю нельзя оставлять без защиты. Часть пиратов, что не восхотела осесть и разводить овец или сажать виноградники, остались на кораблях, однако теперь они защитники, а не нападающие!..

Кардинал и отец Раймон смолчали, а отец Габриэль сказал саркастически:

— Пираты на кораблях защищают пиратов на берегу?

Я набрал в грудь воздуха, сосчитал до пяти и ответил раздельно:

— Святой отец, я не сомневаюсь, что в Ватикане живут одни святые. Вы тоже явно святой человек, если не разумеете, в каком мире мы все живем. Здесь вам не там, и наша задача превращать разбойников в мирных жителей! Это в Ватикане не знают, что такое разбойники, а здесь не знают, что такое Ватикан!

Они насторожились, в моих словах прозвучала явная угроза. Кардинал проговорил медленно и раздельно:

— Сэр Ричард, проясните свою мысль. Она слишком глубока для нас, мы не поняли ее значимости.

Я огрызнулся:

— Все мы разбойники в той или иной мере, святой

отец! Здесь нет святых. Вы рассчитывали их найти? Тогда вам не надо было выходить за ворота Ватикана!

Кардинал перекрестился и сказал с лицемерным вздохом:

— Все мы грешны и порочны изначально, так как в каждом из нас есть семя Змея. Но одни душат его в себе, другие выпускают на волю, чтобы вредил и другим. Вы можете дать гарантию, что они не обратят оружия против нас?

Я спросил:

— А вы можете дать гарантию, что построим Царство Божье на следующей неделе? А в следующем году?.. А через пять лет?

Он поморщился:

— Ладно. Кое-что мы узнали, но большую часть сведений вы зачем-то утаили. Вы свободны, сэр Ричард... пока.

Прелаты смотрели на меня так, словно уже накинули мне петлю на шею. Я вышел и с большим усилием удержался, чтобы не хряснуть дверью с такой силой, чтобы следа с петель.

Глава 15

На экстренном совете лордов я разложил на столе карту Сен-Мари, которую мои рыцари в пику местным теперь упорно называют Орифламме. Великий Хребет, проходя по континенту, не смог бы изолировать королевство от остального мира, если бы не два отрога, что отделились от основного ствола и почти перпендикулярно пошли в море. Сен-Мари оказалось зажато непомерно высокими горами с трех сторон, а с четвертой океан, где хозяйничают страшные пираты, не давая строить на берегу даже города.

— Мы живем на побережье, — сказал я резко. — Мы просто обязаны иметь большой и сильный флот!

Куно пробормотал:

— Сегодня утром я узнал, что к нашему побережью подошли эти корабли адмирала Ордоньеса... простите, ваша



светлость, ваши корабли!.. я едва не пал на колени от благоговения. Это просто чудо инженерной мысли, просто чудо. Это потрясающе...

Лорды кивали, граф Ришар крутил головой в удивлении, помалкивал герцог Фуланд Вьеннуанский, он прибыл навестить сына Арчибальда, но я впери́л острый взгляд в Куно.

— И что? — спросил я. — У тебя такой голос...

Он вздохнул и смиренно опустил голову:

— Ваша светлость, я даже не представляю, сколько могут стоять такие корабли. Каждый обойдется как замок средней величины... Но замки остаются.

— А корабли тонут, — прервал я. — Знаю-знаю. Однако корабли себя окупают. В целом и общем. Потому проследи, чтобы ни строители порта, ни инженеры кораблей не знали ни в чем отказа. И, конечно, чтобы башни по обе стороны бухты было построены как можно быстрее!

Он поклонился:

— О башнях не беспокойтесь. Это самое простое и понятное. Их выстроят со всей спешностью и без задержек. А вот корабли...

— Знаю, — сказал я, — из пиратов... то бишь команды Ордоньеса плохие строители, а инженеры еще хуже. Но им приходилось ремонтировать корабли, так что помощь все-таки будет. Главное, принимайтесь за дело немедленно!

— Уже делаем, — ответил он с поклоном.

— Что там на берегу по ту сторону Хребта? — спросил я.

Рыцари смотрели, отмалчивались, только герцог Фуланд, как местный и самый старший по возрасту и титулу, склонился над картой и водил по ней пальцем.

— По ту сторону Восточного отрога? — переспросил он замедленно. — Как вам сказать...

— Так и скажите, — посоветовал я с раздражением. — Ваша светлость!

— Там было королевство Торонское, — объяснил он. —

Но что там сейчас... Сэр Ричард, я понимаю, что вы хотите сказать, но у нас нет связи даже с такими близкими соседями.

— Почему? — потребовал я. — Этот хребет не тянется вечно. Я знаю, что Западный отрог уходит в море и опускается на дно. Легко обогнуть его на корабле...

Он вздохнул, во взгляде промелькнуло сожаление, что приходится разговаривать с таким придурком, как этот юнец, неизвестно как ставший майордомом.

— Легко, да не легко. Сэр Ричард, кораблей у нас нет, или для вас это новость? А на рыбацких баркасах далеко не уплывешь. Согласен, смельчаки всегда найдутся, они и находились. Как с нашей, так и с той стороны. Дело в том, что отроги Хребта источены, как сыр, пещерами и кавернами. Гарпии, к примеру, обожают там селиться. Как и существа, что пострашнее всяких гарпий. А в той части, что под водой, живет вообще что-то невообразимое. Уж молчу, что там волны, сердясь на такое неожиданное препятствие, устраивают такие водовороты, что разбивает любые лодки, как уничтожило бы и корабли...

Я вскинул обе руки:

— Ладно-ладно, сдаюсь. Я в самом деле не знаю местных условий. Просто надеюсь, что, когда построим большие корабли, сможем связаться с соседями. Если уж подводная часть Хребта так опасна, можно обходить его по широкой дуге! На больших кораблях это нетрудно.

Он обронил лаконично:

— Пираты.

Я нахмурился:

— Да-да, а в открытом море — пираты. Но если под защитой башен сумеем построить два-три больших корабля, пираты сами разбегутся, как испугнутые воробы! И хозяевами океана станем мы.

Он напомнил трезво:

— Боюсь, настоящие хозяева океана не согласятся с этим утверждением.

— Кто это?



Он улыбнулся одной половинкой рта:

— Любые прибрежные королевства Юга. Если там даже у местных пиратов такие корабли, как у адмирала Ордоньеса, представляю, каковы королевские фрегаты!

Я помрачнел, он прав, самому страшно о таком подумать, но сказал с вызовом:

— Многое, ваша светлость, зависит не только от оружейной мощи, но и от силы духа. У нас сейчас подъем. Энтузиазм! Ярость народных рыцарских масс зашкаливает. Сейчас мы в состоянии горы свернуть. И свернем. Если успеем воспользоваться, пока не наступила эпоха упадка и всяческой демократии.

Эскадра адмирала пришла в порт Тараскона, но всколыхнулось все Орифламме. Прошел слух о сказочных богатствах Юга, даже из богатого Геннегау начали уходить в Тараскон бригады плотников и каменщиков.

Я сбивался с ног, продолжая готовить обозы со снаряжением для армии в Брабанте, в Гандерсгейме отыщется не все, носился по городу, успевал делать десятки дел, удивляясь сам себе, все-таки раньше я как раз отличался умением увиливать от любой работы.

На пути к дворцу меня перехватили у городской стены Куно, Альвар Зольмс и барон Альбрехт, им я вменил позаботиться о достаточном количестве полевых кузниц, чтобы в обозе можно было легко и без задержек чинить доспехи. Я не хотел, чтобы хоть один человек погиб из-за того, что ему не успели выправить помятый панцирь.

Альвар и Альбрехт обвиняли друг друга в недоукомплектации первого обоза, Куно вздыхал и разводил руками, наконец обронил:

— Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется как следует.

— Хорошо сказано, — одобрил сэр Альвар. — Видите, барон?

— И точно сказано! — добавил Альбрехт. — Но только бьет как раз по вас, любезный мой. Не так ли, сэр Ричард?

Они обернулись за одобрением ко мне, я в затруднении развел руками.

— Красиво сказано, — сказал я осторожно. — А нам красивость важнее, чем верность, не так ли? Когда красиво, то уже и не думаешь, правда ли? И я бы сказал, что сэр Куно абсолютно прав, даже не задумываясь. Мы над тем, что не очень важно, головы не ломаем...

Сэр Альвар спросил обиженно:

— А что не так?

Я развел руками:

— Да эти допросы святых отцов... Этой раскаявшейся блудницей совсем достали. Но теперь и я думаю, что если неправильно застегнул первую пуговицу, а то и вторую-третью, то можно все перестегнуть заново, потеряв на это перестегивание часть жизни. А можно и махнуть рукой, дескать, да ладно, как застегнулся, так застегнулся, не перестегиваться же...

Альвар подумал и сказал глубокомысленно:

— А вообще-то каким дураком надо быть, чтобы, неправильно застегнув одну пуговицу, продолжать неправильно застегивать и другие?

Я слушал, а сам краем глаза следил, как на стену поднимают с веселыми воплями на «раз-два-три» пятеро дюжих мужиков обвязанную веревками каменную глыбу размером с человека, а внизу рабочие обвязывают еще одну. У всех рубашки промокли от пота, работа кипит, я мазнул по ним взглядом и хотел отвернуться, но зацепился за медленно подползающую кверху глыбу.

Одна из веревок треснула, глыба начала медленно вываливаться. Я открыл рот для предостерегающего вопля, из прачечной в двадцати шагах вышел отец Раймон, сгорбленный и смиренный. Я охнул, священник мигом увидел то же, что и я, за доли секунды переместился к тому месту.



Рабочие склонились над новой глыбой и, пыхтя от усердия, подсовывали под нее веревки.

Я думал, закричит им или отпихнет, однако глыба уже неслась вниз, отец Раймон выставил вверх ладонь, поймал падающую скалу и, сбросив в сторону, смиренно опустил голову и пошел дальше. Рабочие вскинули головы, испуганные грохотом совсем рядом. Сверху со стены свесились головы и что-то кричат, кто-то бежит по верху стены и машет руками.

Обалдеть, промелькнула суматошная мысль. Как он во мгновение ока пересек двор! А как подхватил этот камешек, что раздавил бы всех внизу в кровавое месиво... Что за священники пожаловали? Похоже, Ватикан присылает не таких уж беззащитных агнцев...

— У вас все получается, — сказал я рыцарям, что умолкли и ждали, когда я выйду из майордомьей задумчивости. — Ладно, действуйте! У меня еще куча дел...

Нет нерешаемых проблем, есть неприятные решения. Я уже несколько дней откладываю переезд из королевского дворца, хотя барон Альбрехт подыскал сразу три подходящих дома, в одном даже остались молодая жена сбежавшего с королем графа и две дочери, тоже вполне созревшие для утех, так что можно далеко не ходить на выпас.

Я соглашался, даже смотреть не стал, полагаясь на эстетическое чутье барона, я менее привередлив, мне вообще-то везде хорошо, была бы постель и подходящий корм, но все время мешают нескончаемые дела, идут так плотно, что даже палец не просунуть, любой переезд — это досадный обрыв хорошей работы.

Возле кабинета уже ждет Куно, в руках толстая папка с бумагами. Я кивнул, приглашая войти, в комнате жарко, сбросил камзол, оставшись в легкой рубашке.

— Итак, давай, что там у тебя...

Он бесшумно выхватывал бумаги и укладывал на стол прямо под мою печать, я проштамповал с десяток, начал

задышаться от вечерней жары, кивнул слугам, они моментально подхватили стол и вынесли на балкон.

Там воздух чуточку свежее, я прошлепал еще с полсотни бумаг, посмотрел через перила на прогуливающих по роскошному саду вельмож. В желудке ощутился тяжелый узел, я вздохнул и сказал тяжелым голосом:

— Не понимаю...

— Чего, ваша светлость?

— Какого черта они все приходят и приходят? Ни черта же не делают!.. Но ежедневно приходят, толпятся в залах, стараются попасться на глаза, фланируют по саду, сплетничают, интригуют, подсиживают друг друга, таких же бездельников, оттирают подальше от двери... Какой в них толк?

Куно посмотрел на меня в удивлении, даже помрачнел чуток. Я наблюдал, как он опустил голову, из груди его вырвался такой тяжелый вздох, будто он помог Сизифу затащить камень на вершину горы.

— Да не знаю, — пробормотал он, — что и сказать...

Я потребовал:

— Не знаешь, что сказать, или не знаешь, что сказать мне?

Он поднял голову, на лице нерешительное выражение:

— Боюсь, вам не понравится, ваша светлость.

Я в раздражении отмахнулся:

— Ты же знаешь, бить не буду. Пока. Сильно. Говори!

— Ваша светлость... я только сейчас с ужасом понял, как вы далеки от управления... От управления вообще, а королевством в особенности — будем называть все своими именами. Вы не король, это ему можно ничего не знать и не уметь, а только фаворитничать, но вы... вам выпало именно руководить, а руководить вы, уж простите...

Я придавил рвущуюся наружу злость и сказал смиренно:

— Ладно, я неумеха. Но мы заговорили про эту толпу разряженных клоунов! Зачем они?



Он поклонился:

— Ждут.

— Чего? Манны небесной?.. Еще мне пару капель злости, и дам такую манну, мало не покажется!

— Событий ждут, — ответил он кротко. — Любых. Вам понадобятся люди. Простите, но ваши не совсем, да. Не потому, что чужие, хотя и это есть, но здесь многое иначе, как я уже понял по вашим людям. С вами пришли военачальники и знатоки оружия... а также коней, но не дипломаты, хозяйственники и управители. Как вам ни хочется, но придется опираться на этих людей! Из числа тех, кто топчется в вашей прихожей...

Я сказал с отвращением:

— Я не увидел ни одного умного лица! И вообще... я не верю, что мужчина, который так тщательно следит за своими нарядами, может быть способен на что-то мужское. Нельзя быть дельным человеком и думать о красе ногтей!

Он сказал кротко:

— Настоящему мужчине все равно, что надевать. Как раз недостойн тот, кто начнет отстаивать свое право на иные наряды... У него на это все силы уйдут и вся жизнь.

Я отмахнулся:

— Вообще-то ты прав, хотя я тоже прав. Ладно, давай вторую порцию... Кто столько пишет? А я еще сдуру печатное дело внедряю!

Не успел я пропечатать следующую сотню бумаг, хотя рука уже начала ныть, как за дверью послышался топот, вошел церемониймейстер и провозгласил громовым голосом:

— Барон Фортескью к его светлости!

Двери распахнулись, но вошел барон Эйц. А за ним и Фортескью вдвинулся осторожно, еще не уверенный, как приму, можно ли вот так сразу.

Я вскочил, быстро обогнул стол и сделал несколько шагов навстречу. Он поспешно преклонил колено, я ухватил его за плечи, поднимая. Он встал и посмотрел мне в глаза.

Когда я увидел его первый раз, в Брабанте, это был сытенький и розовый такой поросенок, из каземата Кейдана я освободил худого, как гвоздь, с ввалившимися щеками, еще тогда у него появилось два рубца на щеке...

...но сейчас новый багровый шрам рассекает левую бровь, скулу, а еще один на подбородке.

Сердце мое стиснулось гневом и жалостью.

— Откуда, — спросил я резко, — эти свежие шрамы?

Он поклонился:

— При аресте.

— Били?

Он поморщился:

— Ваша светлость, я по глупости пробовал противиться. Кричал, что я посол от вас...

Горячая кровь ударила в мою голову, ломая все шлюзы. Зубы скрипнули так, что наверняка слышали и за дверью.

— Кейдан слишком привык к безнаказанности, — прошипел я. — Преклоните колено, сэр Фортескью!

Он вздрогнул, голос мой дрожит от ярости, поспешно встал на колено и склонил голову. Сэр Эйц, уловив мой взгляд, торопливо подал мне мой меч. Я вытащил из ножен, начальник дворцовой стражи поймал их на лету, а я не коснулся в стиле позднего рыцарства, а с силой ударил по плечу, как было принято в раннюю эпоху.

— Пусть этот удар будет последним, — сказал я жестко, — который оставите безнаказанным, сэр Фортескью!.. Барон! Вы держали себя достойно еще с первой нашей встречи, когда сопровождали короля во время его визита в Брабант. Тогда придворные вели себя разнузданно, а вы их пытались сдерживать, за что и поплатились. Сейчас вернулись после выполнения моего важного задания в Унтерлендах, я доволен результатами.

Он склонил голову и сказал отчетливо:

— Ваша светлость! Вы переоцениваете мои заслуги...

— Ваша скромность говорит в вашу пользу, — сказал я. — Барон Фортескью, жалую вас, как и обещал, титулом



графа! К вам отходят владения Донвигов и Фордоксов, оставшиеся без хозяев.

Он охнул, поднялся, еще не веря свалившемуся счастьем, но руки молитвенно прижал к груди:

— Ваша светлость...

— Кроме того, — прервал я его со злобной радостью, — я назначаю вас старшим по приему гостей из Ундерлендов. Уже приехали, кстати. Но я их пока не принимал и вообще... видеть не собираюсь.

— Ваша светлость?

— Получено известие, — пояснил я, — что король желает вернуться в Геннегау. Я намеревался уступить ему этот дворец, а себе подыскать на другом конце города, но вот сейчас, глядя на ваши свежие шрамы... нет, дворца он не получит!

— Ваша светлость!

Я помотал головой:

— И не просите, граф. Поручаю вам подобрать для его светлости свободное помещение в городе. Чтобы могли поместиться и прибывшие с ним придворные, слуги и челядь. Желательно подальше от моего — теперь моего! — дворца. Никаких других домов или земель! Ни для меня, ни для него. Держитесь с твердостью.

Он сказал, побледнев:

— Ваша светлость! Для меня это непомерная честь...

— Так надо, — оборвал я. — Мы христиане, не так ли?.. И должны воздавать сторицей. За добро добром, а за неудобства... Это урок сволочам, что раздадут оплеухи направо и налево, забывая, что могут получить сдачу.

После его ухода я не мог заставить себя сесть и почти бегал вдоль окон, бросая злые взгляды во двор. Тоже мне отец народа, как можно волноваться из-за одного человека, я должен мыслить масштабами, и, как говаривал другой отец народов, смотреть, как на статистику... но сердце бухает быстро и зло, бросая порции подогретой крови в голову с такой мощью, что трещат какие-то перегородки.

Может быть, меня заело потому, что король унизил тем самым меня самого? Ведь барон кричал, что он прибыл от меня, он посол, но это только больше злило Кейдана...

Ну хорошо же, сволочь, тебя даже император не спасет. Он далеко, а я близко.

Глава 16

Мне кажется, меня настолько страшит любая встреча с людьми Ватикана, что по гигантской дуге обхожу гостевой домик, самому стыдно, но ничего поделать не могу, однако сегодня только вышел из главной оружейной города, как сам же наткнулся на отца Раймона.

Я торопливо поклонился:

— Рад вас видеть в добром здравии, святой отец. И рад, что в вас больше доброты и заботы о людях, чем у... так, вообще.

Он посмотрел на меня с мягким укором:

— Сэр Ричард... все, что не нравится нам в других, каждый из нас может, поискав, найти в себе самом. Нужно быть терпимее друг к другу, нам приходится жить дурными среди дурных.

— Призываете к политкорректности? — спросил я. — Большой терпимости?

Он посмотрел несколько беспомощно, развел руками.

— Раскаиваться хорошо, но не делать зла еще лучше.

— Не спору, — согласился я.

— Вам кажется, — продолжал он, чуть ободренный моими словами, — что Церковь должна совершать какие-то великие и заметные дела. Ну, звать в походы, где истреблять неверных, периодически проводить чистку среди собственного населения... Но разве это не ожесточит людей еще больше? На самом деле у Церкви куда более грандиозная задача, но настолько же менее заметная...

— Какая? — спросил я.



— Сделать людей несколько менее злыми, — ответил он просто.

Мы помолчали, глядя друг на друга. Я ощутил холодок во всем теле, словно очутился голым под звездным небом с его величием и неизбежностью. Сделать людей несколько менее злыми... но ведь в самом деле получается, если смотреть глазами человека, живущего тысячи лет, сейчас просто так нельзя убить даже простолюдина, а совсем недавно калигулы да нероны казнили любого патриция просто по капризу, жизнь человеческая ничего не стоила, а в римском законе было записано, что родители вольны распоряжаться жизнями детей, убивать их и калечить по собственному произволу...

Все это я прочел в глазах отца Раймона, грустных потому, что знает много и понимает много, а во многих знаниях много печали. В первую очередь грустное понимание, что лихим наскоком с таким животным, как человек, ничего не сделать, и добрым быть не заставишь.

— Хорошо, отец Раймон, — сказал я. — Постараюсь быть менее... нетерпеливым.

Он коротко улыбнулся, торопливо перекрестил меня и удалился семенящей походкой, пока не увидели разговаривающим со мной, это может бросить тень на его объективность в разборе моего дела.

Отец Дитрих словно избегает меня, раньше я натыкался на него чаще, город не так уж и велик, а мы оба стараемся бывать в самых горячих точках.

Сегодня снова примчался из гостевого домика слуга и, смиренно склонив голову, словно и сам стал монахом, елеинным голосом сообщил, что святые отцы очень хотят увидеть мою светлость.

И еще больше услышать, добавил я про себя. Даже не отчеты, хотя кто такие, чтобы их требовать, а даже оправдания!

Мои шаги становились все шире, я вскипел, плохой признак, когда вот так заранее, обязательно сорвусь, тогда

вообще пиши пропало, я вздохнул глубже и, замедлив шаг, начал настойчиво говорить себе, что религия и Церковь — не одно и то же, тем более работающие в ней люди.

Люди жили, умирали, появлялись новые, жили и умирали, все текло так ровно и однообразно, что в разных концах земли придумали насчет кольца времени, а великий Екклесиаст написал: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит... Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем... Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

А из чего сделал страшный вывод: «Суета сует, — всё суета!» — с чем никак не может согласиться романтическая, бунтарская и полная надежд на будущее душа человеческая.

Во все века до христианства появлялись особенно неспокойные мыслители, что пытались разорвать круг времени, кричали в отчаянии: «Люди, не так живем!» — но все их учения гасли, как в болоте, потому что критиков целое море, но ни один не предлагал ничего взамен более верного и правильного.

И вот наконец пришел человек, сумевший разомкнуть этот круг неизбежности. Впервые время пошло не по кругу, а линейно, вперед и вперед, где в туманном и непредсказуемом будущем могут осуществиться все самые дерзкие надежды и чаяния. Этот человек создал христианство, а Церковь — инструмент христианства, что ведет человечество, не давая останавливаться, постоянно сдирает с него шелуху и тащит вперед обновленное.

Церковь постоянно меняется сама по себе, приспосабливаясь к меняющимся нуждам, оступается, как и все мы, но гораздо реже, потому что мы, дилетанты, задумываемся над тем, «как жить правильно», время от времени в пере-



рывах между работой, пьянкой и бабами, а они ломают головы над этим профессионально, так что наезжать на профи с позиции дилетанта... дилетантство.

С этой мыслью я вошел и отвесил смиренный поклон:

— Благослови вас Господь, святые отцы.

Они ответили в один голос:

— Во имя Господа. И вас тоже, сэр Ричард.

А отец Гэбриэль добавил с предельным смирением, из под которого яд не капает даже, а течет широкой струйкой:

— И пусть Господь судит вас строго, но милостиво, ибо все мы грешны, но некоторые нуждаются в очень большом милосердии...

Я ответил с тем же смирением:

— Не нам, грешным и не понимающим пути Господа, судить, кто нуждается в его милосердии больше, а кто меньше.

Кардинал обронил словно невзначай:

— Вы полагаете, мы так и не пойдем?

Я развел руками:

— Ваше высокопреосвященство! С каждым днем мы приближаемся к пониманию Господа и когда-нибудь приблизимся к нему достаточно, чтобы уразуметь его громадный замысел... Церковь у нас давно не та, что была у апостолов.

Отец Гэбриэль вскинулся, быстро развернулся к кардиналу:

— Какие еще доказательства, что он еретик?

Отец Раймон бросил на меня взгляд, полный укоризны, а кардинал сдержанно, но со злорадством на лице усмехнулся, словно я сам себе только что вырыл могилу.

— Но, — продолжал я, — меняясь, Церковь остается на твердой платформе заповедей Ноя, Моисея и Христа, в то же время трудами Отцов Церкви Тертуллиана, Августина, Антония, Иеронима, Дамаскина... добавляет новые!

Отец Гэбриэль перебил:

— Вы ставите последних в один ряд с Ноем, Моисеем и Христом?

Я помотал головой:

— Самые прекрасные основы останутся лишь красивыми словами, если не будет надстройки. Первая же заповедь «не убий» не сработает абсолютно, потому что убивать в нашей жизни приходится. Но трудами богословов объясняется, что убивать нужно только в самом крайнем случае, и перечисляются эти случаи. А просто «не убий», как и «не укради»...

Он хищно нацелился в меня отточенным гусиным пером. Глаза радостно заблестели:

— Вы дерзновенно подвергаете сомнению эту заповедь?

— Если вступит в противоречие с главной заповедью, — ответил я, — то да, подвергаю.

Он хлопнул ладонями по столу и посмотрел на других гордо и победно. Кардинал не сводил с меня обрекающего взора, отец Раймон завозился на лавке.

— Это как же? — спросил он испуганно и беспомощно. — Заповеди даны Господом крайне гармоничные и точные. Они совсем никак не отрицают одна другую...

— Иногда противоречат, — возразил я.

— Например?

— Например... ну, человек умирает от голода, а единственный способ сохранить жизнь — украсть кусок хлеба. И тогда это ему дозволено самим Господом, ибо жизнь человека бесценна, а тот, кто соблюдет заповедь в том виде, в каком ее понимает отец Гэбриэль, будет приравнен к самоубийце, который недостойн быть похороненным на кладбище и которого закапывают по ту сторону ограды!

Отец Гэбриэль окрысился, лицо пошло бурыми пятнами, а в злобных глазенках я видел только жгучую ненависть.

Кардинал хмурился, вяло жевал ссохшимися старческими губами, складки на шее колыхаются, как тяжелые



шторы, собранные по обе стороны сцены, где двигается та-
кой же ссохшийся кадык.

— Значит, — произнес он медленно, — вы оправдываете воровство? Вы против второй заповеди?

Я стиснул челюсти, кровь стучит в виски, требуя вско-
чить, наорать и разметать их в клочья. Ватикан далеко, а я
здесь полновластный хозяин всех и всего...

— Ваше преосвященство, — ответил я как можно более
ровным и крайне смиренным голосом, — я привел пример
нужности постоянной и неослабевающей работы Церкви
над совершенствованием нравственных законов. юриди-
ческие законы не возникают сами по себе, они базируются
на нравственных. И пусть первые будут как можно ближе к
идеалу и... к жизни тоже.

— Вы не ответили, — напомнил он сухо.

— Ответил, — возразил я. — Трудами Отцов Церкви
разъяснено, что человек вправе украсть кусок хлеба... но
лишь в случае, если не мог заработать. Если у него в доме
не осталось ни зерна, ни муки, а никто из родни, знакомых
или даже случайных прохожих на улице не откликнулся на
его просьбу о спасении. Только в этом случае имеет мо-
ральное право украсть... в любом другом — он преступник,
которого надлежит наказывать строго и сурово.

Он надолго задумался, опустив голову. Затем поднял
голову и бросил на меня острый взгляд:

— Что-то не припомню такого толкования в трудах От-
цов Церкви... впрочем, я мог что-то забыть или пропус-
тить. Но у меня к вам еще вопрос...

— Я весь внимание, ваше высокопреосвященство.

Он вперил в меня обрекающий взгляд:

— Апостольские заветы для вас не указ, как я чувствую?

Я смиренно склонил голову:

— Мне неловко вам такое напоминать, ваше высоко-
преосвященство, но... у Христа не было апостолов. Это мы
потом назвали тех малограмотных и необразованных рыба-
ков и прочих его слушателей — апостолами. Христос вооб-

ще не создавал Церковь. А если вспомнить, то все слова Христа остались только в пересказах его учеников. Это значит, что между словами Христа и постановлениями Церкви могут быть противоречия...

Отец Гэбриэль нахмурился, сказал резко:

— Таких противоречий нет!

— Да-да, — сказал я, — конечно, нет. А те противоречия, на которые указывают еретики, конечно же, ложны.

Кардинал спросил отрывисто:

— Но если бы вы обнаружили подобные противоречия, которых на самом деле нет, как бы вы отнеслись к ним?

Они все трое молчали и смотрели на меня, как три гончих, загнавших зайца в угол.

Я заговорил медленно и осторожно, чувствуя, что иду над пропастью по лезвию ножа:

— Естественно, я бы считал истиной то, что говорится в последних декретах Церкви... вне зависимости от того, что говорили апостолы и даже... Христос.

Ледяным холодом пахнуло в помещении, я ощутил, что переборщил. Отец Габриэль спросил холодным голосом:

— Это как вас понимать?

— Апостолы тоже были люди, — ответил я поспешно. — Вон Петр, ставший первым главой Церкви, за одну только ночь трижды отрекся от Христа, проявив позорнейшее малодушие!.. А Фома неверующий? А другие?.. Они могли ошибаться в деталях, могли даже не совсем верно записать какие-то слова Христа... Но Церковь строили уже мудрые и в высшей степени образованные люди. Тертуллиан — лучший юрист Римской империи, блестяще образован, да и все Отцы Церкви — это не туповатые, хоть и честные Петр и Андрей, или малограмотные... ну, почти все остальные... Потому я больше верю толкованиям современных богословов, которые учитывают и современные реалии...

Отец Раймон смотрел на меня с ужасом и украдкой подавал знаки, чтобы умолк, не спорил, смирился, иначе ме-



ня тут же сожрут вместе с костями, даже сапоги со шпорами проглотят и не заметят.

Отец Гэбриэль нахмурился, сказал резко:

— Какие реалии? Учение Христа вечно и неизменно!..

— Абсолютно согласен, — сказал я поспешно. — Но сейчас филимистян, карфагенян и халдеев больше нет, верно? А с рыцарями нужно говорить чуть иначе, чем с теми древними народами. Церковь, кстати, делает это весьма успешно. Возможно, вы этого еще не знаете, но Церковь со своей ролью вести народы вперед в будущее пока справляется.

Прелаты окрысились, даже отец Раймон обиделся, только кардинал, старый волк и очень уж искушенный в словесных сражениях боец, сделал вид, что просто не заметил шпильку ввиду ее безвредности для его дубленой шкуры.

— Кстати, — произнес он, — у меня еще один вопрос. На сегодня, думаю, последний...

— Смиренно слушаю вас, ваше высокопреосвященство.

Он бросил на меня угрюмый взгляд, не издеваюсь ли, говоря о смирении, вот так стоя с гордо вскинутой головой и выставленной вперед ногой, словно перед ударом.

— Почему вас покинул молодой рыцарь, — спросил он неожиданно, — ранее поклявшийся служить вам?

Меня обдало холодом, тянущая пустота возникла в груди.

— Сигизмунд?

Он кивнул:

— Да. Что вы о нем скажете?

— Это была сама чистая душа, — ответил я, — какую я только встречал. Нет, самая чистая душа, какая вообще может существовать на свете!

Он снова кивнул, в глазах разгорался огонек хищника, что уже догоняет жертву:

— Как ни странно, в этом мы с вами согласны. Но почему он вас покинул?

— Я не соответствовал его критериям святости.

— Слишком размыто, — заметил он холодно. — Покоң-
кретнее, пожалуйста.

Я вздохнул, сколько времени прошло, но заноза до сих пор ноет в сердце.

— Я позволил дьяволу забрать ведьму, — ответил я. — Хотя, возможно, мог бы побороться за ее душу.

Он вперил в меня жадный взгляд:

— Так-так, расскажите подробнее. Почему не поборол-
ись? Разве дьяволу можно уступать без боя?

— А вы считаете, — спросил я, — с ним нужно спорить
всегда?

— Конечно, — ответил он убежденно.

— А если скажет, что два и два равно четырем?

Он поморщился:

— Давайте вернемся к вашему случаю. Даже великие
грешники, если успевают покаяться, получают прощение.
Ведьма зывала к вам?

— Взывала, — подтвердил я.

— И что?

Я сказал зло:

— Я — не Христос!.. Я не подставлю левую щеку, не на-
дейтесь. Мир держится больше на справедливости, чем на
милосердии, если вы этого еще не знаете. А справедли-
вость одна для всех. Я, как паладин, обязан блюсти именно
справедливость, а не драться за тех, которые в данный мо-
мент считаются «нашими». Та женщина продала дьяволу
душу в обмен на земные блага. И пользовалась ими до са-
мой старости! И что же, в последний момент успеет пока-
яться и — спасена?.. Да какой же тогда я паладин, если
вступлюсь за такую? Дьявол забрал ее по справедливости!

Он напомнил жестко:

— Разве в Писании не сказано, что покаявшийся полу-
чает спасение? Вы не согласны с Писанием?

— Согласен, — отрезал я.

— Тогда почему же?

— Потому что живем здесь и сейчас, — сказал я злоб-



но. — На этой земле. На той самой, к которой всегда прибавляют слово «грешная». Насчет покаяния в последний момент — это из области идеального. Вот когда на земле будет это идеальное общество, тогда да, а пока все законы работают с поправкой на реальность. Это вы там в стерильном мире, а я здесь по колено в крови пополам с дерьмом!.. И здесь пока что лучше работают древние законы: зуб за зуб, кровь за кровь, хотя постепенно двигаемся, да, двигаемся к более гуманным заповедям Христа.

Он подобрался, как перед прыжком на добычу:

— Значит, по-вашему, заповеди Христа... не нужны?

— Не передергивайте, — сказал я мрачно. — Я сказал, это идеальные законы. Прекрасные и справедливые. Но чтобы работали, их нужно снабдить подзаконными актами. Пунктами и подпунктами. Когда, кому, за что и сколько. Законы Христа — это основа, фундамент, но на фундаменте не живут. Сперва нужно построить стены, возвести крышу, вставить двери и окна, завезти мебель...

Отец Гэбриэль торопливо вмешался:

— Скажите, а не гордыня говорит в вас, когда вы решили, что можете подправлять законы Христа?

— Не подправлять, — уточнил я, — а развивать. На его фундаменте строить стены. Или хотя бы положить кирпичик. Таких, как я, надеюсь, много! Вырастут стены, возведем прекрасное здание. А тот, кто надеется, что законом «Ударившему по правой щеке подставь левую» можно воспользоваться, жестоко обломится. Я уже знаю ряд подзаконных актов насчет нырка под руку, двойного разворота с ударом ногой в челюсть или в пах и прочих интересных моментов толкования этого красивого закона.

Отец Гэбриэль злобно ухмылялся и так торопливо строил на листе пергамента, что сломал перо, торопливо схватил другое и, не отряхнув каплю чернил, стал спешно записывать мои крамольные слова.

Кардинал с укоризной покачал головой.

— Вы гораздо более опасны, — проронил он, — чем по-

лагают в Ватикане. Хорошо, сэр Ричард, на сегодня все. Можете идти.

Сцепив зубы, чтобы не выругаться, я произнес сдержанно:

— Счастливо оставаться, святые отцы. Да будет ваша работа угодна Господу.

Глава 17

Меня раскачивало от бешенства так, что хватался за стены. В глазах кровавая пелена, давление как у парового котла перед взрывом, дыхание обжигает горло.

В саду воздух вокруг меня зашипел, как масло на раскаленной сковородке, кто-то шарахнулся в сторону, потом донеслось испуганное, что господин гневен, лучше не попадать под горячую руку. Я понимал, что сейчас натворю нечто, о чем буду всю жизнь жалеть, могу вообще что-то непоправимое, а то хуже всего — непотребное, старался дышать глубже, напоминал себе настойчиво, что мелких и дрянных людей немало даже в Церкви, но я не они, я вообще-то все равно орел и умница, как бы под меня ни копали, я должен взять себя в руки, не всегда же я такое дерьмо, что брать противно...

В сторонке послышалось осторожное покашливание. Отец Дитрих остановился и смотрел на меня тревожными глазами.

— Сын мой, — произнес он успокаивающе, — на тебе лица нет! Что стряслось?

Я прорычал:

— Мир рухнул, отец Дитрих!

Он покачал головой:

— И тебя раздавил?

— Нет, — рыкнул я. — Держу вот на плечах.

— Поставь на место, — посоветовал он. — Трудно?

— Еще как...



Он посмотрел на меня с непонятным выражением в глазах:

— Ты еще не поколеблен в вере, сын мой?

Я огрызнулся зло:

— Из-за чего? Из-за трех крыс, простите великодушно, из Ватикана? Ничуть, отец Дитрих. Чем дольше живу и чем больше вижу людей, тем сильнее верую.

— Это хорошо, — произнес он почему-то со вздохом. — Да, это хорошо... Но в Ватикане говорят, что верующий всегда чуть-чуть сомневается в своей вере, только неверующий твердо уверен в своих сомнениях.

Я в удивлении покачал головой:

— Отец Дитрих, что за крамола?

И хотя в моих словах звучала шутливость, он ответил очень серьезно:

— Верующий, который не знает сомнений, не обратит в свою веру сомневающегося. Это аксиома. А мы призваны обращать, спасать души от мирского тлена.

Я согнал с лица горькую усмешку, отец Дитрих вообще вроде бы никогда не шутит, ответил ему тоже серьезно:

— Я понимаю, отец Дитрих. Человек сомневающийся — человек ищущий. Это наш человек. А не знающий сомнений... это вообще-то страшный человек.

Он кивнул и сказал очень осторожно:

— Люди никогда бы не стали верить в Бога, если бы им не разрешили верить в него... неправильно.

Я застыл, переваривая, отец Дитрих тоже не шевелится, наблюдает за мной, это тоже крамола, но высокая крамола, которую могут позволить себе только высшие иерархи Церкви.

— Неправильно? — переспросил я.

Он кивнул:

— Ты понял, сын мой.

— Надеюсь, — прошептал я. — Мы все, если на то пошло, верим в него неправильно, ибо непостижим Его Путь и дерзновенны для нашего ума Цели... Но мы верим, каж-

дый по-своему. У ребенка одна вера, у солдата другая, у женщины третья. Если удастся обратить троллей и... прочих, у них будет своя вера, где Христос будет зеленым и с перепончатыми лапами... но это не будет кошунством, ибо если от чистоты сердца, то Господь узнает себя и в перепончатой жабе.

Он перекрестил меня, я поцеловал ему руку от чистого сердца, ну нет унижения поцеловать руку такому человеку или красивой женщине. Даже у самого гордого и надменного нет внутреннего протеста...

— Иди с Богом, — сказал он, — сын мой. И трудись на благо. Ибо трудиться на благо — это трудиться на Господа.

Мои телохранители рассыпались шире, чем обычно, иду, как в пустоте, всех отгоняют, чтобы в раздражении не зашиб кого, только у самого входа меня встретил начальник дворцовой стражи.

— Соболезную, — сказал он хмуро. — Они и меня чуть ли не пытали... Все под вас роют, гадости выискивают! А нельзя ли как-нибудь... ну, удалить?

Я насторожился:

— Например?

Он скупно ухмыльнулся:

— Нет-нет, я не предлагаю их сунуть в мешки и утопить в общественном сортире, хотя именно эта идея мелькнула у вас, признайтесь. Нет, я имел в виду совсем другое.

— Что?

— Послать их в Ундерленды, — пояснил он. — Там под крылом Кейдана куда больше нечисти.

Я покачал головой:

— Они не посылаемы.

— Так и будут пить нашу кровь?

— Пока не насытятся, — ответил я невесело. — А выпить, судя по всему, могут много.

— А когда уедут?

Я прорычал со злобной тоской:

— Не знаю. Но я сам какой хренью занимаюсь?... Там



Дженнифер, подумать только, со старым пердуном сняла защиту с прохода в другие миры! Я даже не знаю куда, но это они сделали!.. А что сумел бы я, раз уж умнее и вообще круче? Сегодня смотрел на бумаги, что нужно подписать, а сам думал, как бы я прошел в то волшебное зеркало! Вместо этого мышей ловлю да тараканов давлю по всему Геннегау. А еще постоянно оправдываюсь перед этими старыми пердунами из Ватикана.

Он сказал испуганно:

— Ваша светлость, на ваших плечах целое королевство! Вам даже резко шевелиться низзя — рухнет!

— Ну вот, сам видишь, — сказал я с тоской. — Был бы дурнее... или умнее, я бы остановился вовремя. Скакал бы на Зайчике и красиво бил по головам троллей, огров, драконов, спасал принцесс и собирал бы эти... как их...

— Пять частей кристалла Мощи, — подсказал он, — Сейчас их все собирают.

— Не семь?

Он покачал головой:

— Те уже собрали.

— А-а-а, вот видишь, уже собрали, — сказал я с завистью. — Хорошая, беспечная и бездумная жизнь... Полная счастья и незамутненной простой радости. А я?.. Дурак. Полную дурость перерос, до умности не дорос. Вот теперь полуумный, расту не по уму, а по титулам, званиям. Прирастаю не умениями, а территориями. Вот так и ловимся хрен знает на что.

Он отшатнулся в испуге:

— А вас... поймали?

— Не знаю, — ответил я честно. — Надеюсь, что нет. Но проверить все не могу.

Он перекрестился:

— Пока не проверяйте, умоляю вас!

— Случая нет, — ответил я с тоской. — А вот так встать и пойти... уже не могу. Наверное, попался. Или хотя бы одной ногой увяз.

Герцог Джонатан Меерлинг наконец-то со всем отрядом покинул Геннегау и двинулся по дороге в сторону своих далеких земель. Барон Альбрехт доложил, что за это время он усиленно встречался и вел переговоры со многими лордами в столице.

Сэр Норберт со своей стороны доложил, что два его отряда расположены в узком ущелье сравнительно недалеко от столицы, в любом случае арест пройдет без особых потерь.

Я вскочил на Зайчика, Бобик уже носится к воротам и обратно, в глазах мука, что мы такие медленные, наконец отряд легких всадников выметнулся из города.

Я предпочел окружную дорогу, чтобы не нагнать герцога, и прибыл к сэру Норберту, когда он всматривался в далекое пыльное облачко.

— С ним пятьдесят человек, — сообщил он ровным голосом. — На десять больше, чем было по приезде.

— Десять, — сказал я, — изменники.

— Да, — подтвердил он. — Сорок — вассалы, десять — изменники.

Я огляделся, мы на почти отвесной стене, противоположная шагах в полусотне. А между ними прекрасная протоптанная дорога. Лучше места для засады не придумать, если, конечно, у засадников хорошие арбалеты и мощные луки.

Вскоре я различил, как в нашу сторону герцог со своей свитой несутся по зеленой долине беспечно и весело, алый стяг с ведром трепещет на ветерке, копыта стучат звонко, ветер ласково треплет выбивающиеся из-под шлемов и шляп волосы.

Я присел, чтобы меня не увидели раньше времени на фоне синего неба, с сэром Норбертом молча терпели бегущих по спинам муравьев, что тут же начали пробираться во все щели и пробовать на свежесть неожиданно привалившее мясо.

— Герцог доволен, — проронил он.



— Еще бы, — согласился я. — Выиграл время. Теперь уже точно соберет всех вассалов под свои знамена.

Он покосился на меня, вздохнул:

— Не соберет.

— Думаете?

— А вы хоть раз смотрели в зеркало? — спросил он.

— А что там?

— Могли бы увидеть человека, что власть из рук не выпустит.

Я пробормотал:

— Разве во власти дело? Мне она ни к чему, я у баб и так успехом пользуюсь... Я дело интересное начал!

Всадники все появлялись и появлялись из-за холмов, среди них один отряд оказался в полных доспехах, кони в блестящей броне поверх цветных попон, в руках длинные боевые копыя. Я насчитал сорок рыцарей, им стоит только опустить копыя, и можно в атаку.

— А вот тех не было во дворце, — пробормотал я.

— Присоединились по дороге, — предположил сэра Норберт. — Думаю, пока доедет до своей крепости, обрасстет целым войском.

Впереди несутся на резвых лошадях три легких всадника со знаменосцем во главе, а справа и слева от герцога скачут на крупных конях осанистые всадники в парадных доспехах, слишком непрочных для сражения, но очень представительных. Сзади целый отряд в доспехах, но все расслаблены, воинский порядок не соблюдают...

— Пора, — сказал я с тревогой. — Что они медлят?

Сердце подрагивает, как желе, и сжимается в тревоге, опаздываем, герцог уходит... знаменосец придержал коня, передовой отряд начал замедлять ход.

Впереди, загораживая выход из ущелья, как будто прямо из придорожной пыли поднялись пешие ратники с длинными копиями в руках, единственно опасным для конных рыцарей оружием. За их спинами так же быстро выросли лучники и арбалетчики.

Встал и рыцарь в блестящих доспехах, высокий и красивый, взмахнул рукой. Шагах в пяти поднялся из травы рослый конь, встряхнулся, как пес, выбравшийся из воды, и подбежал к хозяину.

Макс погладил его по носу, что-то шепнул в ухо и быстро поднялся в седло.

Герцог уже остановил коня, рыцари мгновенно сомкнули вокруг него двойное кольцо, закрывая сюзерена бронированными телами и, кроме того, стальными щитами, которые не пробить ни стрелами, ни болтами... если лучники и арбалетчики стреляют издалека. Остальные всадники образовали второй и третий расширяющиеся круги, у всех руки на рукоятях мечей, а кое-кто и обнажил в готовности ринуться в сечу.

Макс бестрепетно пустил коня в их сторону. Оруженосец отступил, легкие всадники дали ему дорогу, даже рыцари расступились, видя, что незнакомец не делает попытки хвататься за оружие.

— В чем дело? — потребовал герцог.

Макс отчеканил с предельной учтивостью:

— Ваша светлость, с прискорбием вынужден сообщить, что вас велено взять под стражу по обвинению в захвате вашими людьми владений сэра Целенгорда.

Герцог выкатил глаза, лицо его страшно побагровело:

— Что? Это было двадцать лет назад!..

Макс ответил с поклоном:

— Простите, ваша светлость, но сэр Целенгорд подал жалобу майордому Ричарду на ваше самоуправство. И майордом вынужден принять ее к рассмотрению. А так как для него все равны... то вам велено незамедлительно вернуться в Геннегау!

Герцог смотрел на него бешеными глазами, лицо полыхало от праведного гнева.

— Никто не смеет меня арестовывать! — крикнул он страшным голосом. — Даже король!

Макс сказал вежливо и холодно:



— Если вы откажетесь вернуться и принять суд майордома, вас будут считать изменником.

Герцог заорал:

— Меня это не пугает!

Рыцари, как по команде, выхватили мечи, солнце страшно заиграло на лезвиях. Макс смотрел все так же бесстрашно, ратники за его спиной уперли копья тупыми концами в землю и направили острия в сторону отряда герцога. Арбалетчики, натянув тетивы, взяли на прицел блестящих рыцарей.

Донесся стук копыт, из-за дальних холмов на полном скаку выметнулся отряд конных рыцарей сэра Альвара. Он пригнулся к конской гриве и держал в руке обнаженный меч.

Я вздохнул с облегчением:

— Все-таки успел...

— Хорошее подспорье Макс, — пробормотал барон. — А герцогу очень не понравится...

Герцог оглядывался с беспокойством, приближающихся конников почти столько же, как и у него людей, и это мужичье загородило дорогу...

Макс повторил:

— Вам велено вернуться в Геннегау, ваша светлость. Если обвинения ложны, перед вами извинятся. Если же будет доказана ваша вина... вам придется дать сэру Целенгорду достойную компенсацию.

Альвар остановил своих конников на расстоянии разгона для таранного удара копьями, рыцари опустили шлемы и выставили копья.

— Пора показаться, — пробормотал сэр Норберт. — Вы не высовывайтесь, сэр Ричард, а то все хитрости раскроются.

Он поднялся во весь рост, по мановению его руки по обе стороны ущелья показались два ряда лучников и арбалетчиков.

— Герцог Меерлинг, — крикнул он, — мы можем вас

перебить всех до единого, не потеряв ни человека. Будьте благоразумны.

Герцог вскинул голову, я видел, как лицо разом побледнело. С такого близкого расстояния болты пробьют любые доспехи. Даже простые стрелы пробьют, а мужичья в руках элитные композитные луки, что посылают стрелы с огромной мощностью.

Он прокричал взбешенно:

— Хорошо! Я вернусь в этот проклятый город! И посмотрим, сумеете ли доказать мою вину!

Его люди угрюмо и с демонстративной неохотой бросали мечи в ножны. Герцог взмахнул рукой, отряд медленно начал разворачиваться в обратную сторону.

Я с облегчением вздохнул:

— Хорошо, что клюнул. Надеюсь, Альвар и Макс сумеют по дороге отсечь его от основной группы рыцарей.

— Не лучше ли взять в доме, — предположил барон деловито, — где он остановится перед судом?

— Это запасной вариант, — объяснил я. — Если разместит в доме рыцарей, брать штурмом будет труднее.

— А если в маленький домик?

Я ответил вопросом на вопрос:

— А герцога можно в маленький? То-то... Ладно, вопрос в основном решен. Дальше проще.

Часть III

Глава 1

Терцога схватили у ворот города, когда все растянулись в длинную цепочку и уже полностью расслабились. Впереди длинные и скучные судебные разбирательства и прения сторон, можно пить и заниматься женщинами...

Опешившим рыцарям сообщили, держа их под прицелом множества арбалетчиков, что герцог арестован по обвинению в измене. Если и они не признают власть майордома, пусть Господь будет милосерден — их души поступят к нему сейчас же.

Рыцари колебались, честь требует вступить в схватку, но с другой стороны — герцога дружно поддерживали только в его стремлении обрести самостоятельность края, однако не все готовы были сложить головы...

С ними поступили по-рыцарски: взяли слово чести, что не покинут Геннегау без разрешения, отвели им большой дом, где разместили со всеми удобствами.

Я радовался сдержанно, словно чувствовал, что за мной придут двое монахов и сообщат с угрюмой строгостью, что святые отцы из Ватикана просят навестить их немедленно.

— Немедленно, — проворчал я. — Ну да, именно немедленно. Их дело самое важное, как же.

Один из монахов проговорил строго:

— Нет более важного дела, чем исполнение заветов Господа!

Я покосился на него хмуро, но смолчал. Эти тоже с прибытием гостей из Ватикана смелеют с каждым днем, уже и разговаривают чуть ли не свысока.

— Хорошо, — ответил я с предельным смирением. — Веди, Вергилий.

Кардинал, отцы Габриэль и Раймон на этот раз не возились с бумагами, а тихо беседовали, сблизив головы. Когда я вошел, синхронно раздвинулись, а по их взглядам я понял, что перебивали косточки мне.

Кардинал молвил:

— Мы уже знаем об аресте благородного герцога. Не будем вдаваться в вопрос, насколько это было обосновано, хотя это и слишком близко к произволу... у нас к вам вопросы несколько иного плана. Мы выяснили, что у вас совершенно не чтут святых вроде Николая Столпника или Власия Нечесаного, в то же время неоправданно высоко превозносят Тертуллиана, а он официально даже не входит в число Отцов Церкви... хотя вы его упорно и причисляете к их числу. Надеюсь, просто по невежеству.

Они все трое переглянулись, отец Гэбриэль впился в меня взглядом, в его глазах я читал отчетливо: ну давай, возрази, возрази! Дай нам повод стереть тебя в пыль, выскочка!

Кардинал посматривал с ленивой усмешечкой, для него ясно, что сейчас смиренно признаю их правоту, себя назыву невеждой, а оно так и есть, да и я с тоской понимаю, нужно сопеть в тряпочку и покорно кивать, соглашаться, время от времени поминать имя Христа и почаще креститься, но бес противоречия то и дело заставляет срываться. Открываю рот, чтобы сказать «да», но либо говорю «да, но...», либо несу такое, что простолюдина бы сразу на костер.

Впрочем, знатному лорду не намного легче. Его достаточно отлучить от Церкви, чтобы всякий был волен его убить без всякого греха, а еще и получить прощение и отпущение, плюс выказать себя верным Церкви.



Я промолвил кротко:

— Церковь стоит на догматах Тертуллиана, а фундамент для нее он поставил, как никто другой.

Кардинал поморщился:

— В последние годы жизни его занесло слишком... да, слишком. Потому официально он не числится в Отцах Церкви, хотя, конечно, для установления Церкви в ее виде, какая она сейчас, сделал как никто. Но вы, как мне кажется, стараетесь увести нас в сторону. Случайно или по невежеству у вас принижается роль одних, а возвеличиваются совсем другие?

Я произнес очень осторожно:

— Христианство не только вера в Бога, как многим кажется. Это и вера в человека, в возможность раскрытия божественного в человеке. Старые религии отводили человеку роль игрушки в руках богов!.. Рок, судьба, фатум — это унижительно. Все было предопределено, все в руках богов, но даже они были не в силах отворотить свою гибель ни в Рагнарке, ни в эллинских мифах... А вот наш Господь освободил человека от всяких цепей. Теперь мы свободны не только от богов, но даже от самого Господа!..

Они переглянулись. Отец Габриэль мрачно улыбнулся, не сводя с меня недоброго взора, и кивнул отцу Раймону. Тот с неодобрением посмотрел на меня, и только кардинал сказал торопливо:

— Сэр Ричард, вы слишком... резки в высказываниях. Вас могут неправильно понять.

— И поймут, — добавил отец Раймон со вздохом.

Отец Габриэль подобрался, как кот перед прыжком на беспечную мышь, но произнес словно бы нехотя:

— Да-да, что вы имеете в виду под заявлением, что свободны от самого Господа? Мне кажется, на костер отправляли и за менее острые высказывания.

Я стиснул волю в кулак и ответил кротко:

— Господь считает нас не рабами, а учениками. Мы идем за ним добровольно, а не по принуждению! Каждый

волен покинуть его в любой момент. Потому каждый сам определяет свою судьбу. Чего были лишены эллины, римляне и другие древние народы.

Они хмурились, переглядывались. Отец Габриэль взглянул на меня с недоброй ухмылкой и что-то черкнул на восковой дощечке.

— Похоже, — произнес он почти радостно, — вы вообще не понимаете, что такое христианство.

— Святые отцы, — сказал я, — если уж совсем начистоту, то я больше всех чту Павла, создателя христианства. Христос, проповедуя в народе, был в самом деле гением, но слишком уж увлекающимся: не оставил ни единой записи своих идей и мыслей! Их потом пришлось вспоминать его ученикам после его смерти, туповатым и невежественным людям: рыбакам, грузчикам, извозчикам... Понятно, что записали так, как могли понять. Это Павел потом все почистил, истолковал, привел в удобоваримый вид, а самое главное, настоял, что для христианина не является обязательным обрезание и прочие вещи, непереносимые для иудея. Вы же сами знаете, какую стену доводов ему пришлось опрокинуть!.. И с того момента крохотная иудейская секта христиан стала религией для всех.

Отец Раймон вскрикнул в ужасе:

— Сэр Ричард, опомнитесь! Вы настолько принижаете роль Христа?

— Христос погиб красиво, — согласился я, — по-рыцарски! Явился, прошелся по ряду мест земли Иудейской, крохотной самой по себе, бросил в народ несколько новых идей и отдал за них жизнь, хотя мог бы спастись, но это было бы не по-рыцарски. Павел трудно и тяжело разносил его идеи по бескрайней Малой Азии, не говоря уже о Риме, что сам по себе больше всей Иудеи. И везде имел успех. И тоже был убит за веру, но сколько успел сделать! Вам это известно больше, чем мне.

Они угрюмо переглядывались, на лице отца Габриэля откровенная злоба, кардинал тоже дышит ненавистью,



лишь отец Раймон старается держаться нейтрально, хотя от него идут волны неприязни, и я понимаю, что больно задел и его религиозные чувства, принизив роль Христа.

— Христос вовсе не намеревался основывать новое учение, — напомнил я. — Он проповедовал среди иудеев, заявляя, что пришел напомнить старое учение, которое начали искажать. А когда схватил веревки и начал лупить ими торговцев в иудейском храме, возмущенный таким святотатством, как торговля в священном месте, он лишь хотел слегка подчистить веру от налипшей грязи!.. Это гениальный Павел сумел отделить от иудейского древа новый росток и пересадить на целинную почву. Потому я, как политик и хозяйственник, больше чту Павла, ибо вижу и восхищаюсь всем гигантским объемом проделанной им работы, чем этого труса Петра, который в ночь ареста своего учителя Христа ухитрился трижды от него отречься!

Отец Раймон напомнил строго:

— И все-таки Христос выделил именно Петра и как раз его поставил главой своей новой Церкви.

— Потому что Павла не было среди тех, кто сопровождал его, — напомнил я. — А из кого было выбирать? Может быть, Фому неверующего?

— Павел тогда был Савлом, — сказал кардинал с предостережением в голосе. — И преследовал христиан, изгонял, уничтожал...

— Это значит, — подчеркнул я, — он был человек идеи. Грамотный, ученый. И когда принял учение Христа, то сделал для него больше, чем все остальные апостолы, хотя топтались возле Христа, а Павел его никогда не видел! Две трети евангелий написал он!..

Отец Габриэль и Раймон заспорили, начали повышать голоса, кардинал похлопал ладонью по столу.

Они затихли, а он произнес веско:

— Петра поставил потому, что увидел его раскаяние и понял, что раз уж сам познал стыд отступничества, то будет

милосерднее, чем, скажем, пылкий Яков, который сразу хватался за меч.

Отец Габриэль сказал с кривой усмешкой:

— Можно представить себе, какой была бы Церковь под началом Павла! А под Тертуллианом так вообще...

Я вовремя подавил реплику, что сильная Церковь не допустила бы Войн Магов и сейчас на земле было бы Царство Небесное.

Кардинал, похоже, заметил, как моя рука то и дело опасно рвется к мечу, произнес усталым голосом:

— На сегодня завершим этот этап расследования. Должен заметить, что осталось добрать последние штришки... после чего можно будет вынести... решение.

Он не сказал «приговор», но это я увидел на лице злорадствующего отца Габриэля и даже в печальных глазах отца Раймона.

Я находился в своих покоях, еще не остывший, когда он подошел, как всегда, неслышно, хотя от него осязаемо пахло жаром, я даже вроде бы уловил запах серы, хотя, может быть, только потому, что инстинктивно этого ждал.

— Мои соболезнования, — сказал он участливо.

— В связи с чем? — спросил я.

Он невесело усмехнулся:

— Да знаете, знаете... В связи с тем, что умных намного меньше, чем глупых, и что даже среди умных абсолютное большинство алчных, подлых, завистливых, всегда готовых подставить ножку ближнему... И не корысти даже ради, это было бы понятно, а просто... по гнилости души, что ли?

Я буркнул:

— Никуда не деться, другого человечества нет.

— Согласен, — сказал он, — однако если понимаем, что среди воров нечестных людей и должно быть много, то среди учителей их как бы не должно быть вовсе. Или хотя бы во много раз меньше, чем в любом другом ремесле.

Я покосился в его сторону, он вышел на балкон, нахло-



нился через перила и смотрел на двор внизу равнодушно и чуточку безглаголиво.

— Это вы под Церковь копаете? — поинтересовался я. Он усмехнулся.

— Копаю? Церковь и так в такой глубокой яме, что уже не выберется. Полностью прогнила сверху донизу. Какие только шуточки народ не сочиняет про попов! Поверьте, я не имею к этому никакого отношения, из меня шутник слабый, хотя мне и приписывают всякое...

— Знаю-знаю, — ответил я. — Тем самым вашу роль пытаются принизить, а вас низвести до роли мелкого беса. Я этот прием знаю, на меня это не действует. Я отношусь к вам со всей серьезностью.

— Спасибо!

— Не за что. И это не комплимент.

— Тем более спасибо, — сказал он. — Я имел в виду, что... ну, как бы помягче, чтобы не задеть ваши религиозные чувства... Словом, вера — одно, Церковь — другое.

Я покачал головой:

— Ну почему же? Мне кажется, одно без другого существовать не может.

Он сказал со скукой:

— Сэр Ричард... Ну что вы в самом деле... вы же умный человек, даже умнейший!.. Хотите верить в Бога, ради всего святого — ваше право!.. Но при чем тут Церковь? Разве Творец не услышит вас всюду, где бы вы ни находились? Зачем вам, как неграмотному свинопасу, посредник, толкователь? Почему не обращаться напрямую? Неужели вы о себе столь низкого мнения? Уже увидели, люди Церкви — всего лишь люди. И не всегда... скажем мягко, умные! Почему Бог должен страдать от глупости своих священников?

Каждое его слово било, как молотом, мне почудилось, что вколачивает огромные толстые гвозди в гроб моей веры. Нет, не веры, просто бьет по моему понятию Церкви, а это совсем другое, ибо вера — святое, а Церковь — бюро-

кратическая иерархия людей хитрых, беспринципных и очень ловких.

Я заставил себя сосредоточиться, что-то здесь не так, мною пытаются руководить, подбрасывая моему негодованию сухие поленья в костер, и тут дело не в моем майордомстве, что сразу ошетиниваюсь, я из поколения, которое ничего не берет на веру, а сперва даст в зубы и посмотрит с интересом, встанет ли, а если поднимется, то можно и рассмотреть, что это за идеяка лезет.

Я потряс головой, как Бобик, вылезавший из реки, проговорил как можно тверже:

— Есть Бог или нет... даже не скажешь, приходится брать на веру. Но Церковь — это реальное присутствие Творца на земле. На земле и среди людей. Воля Церкви — это Его воля. Разве что не всегда и везде ясно выраженная... Я сам могу наговорить на Церковь едва ли меньше вашего, сэр Сатана! И все будет правдой. Но как бы ни была плоха, в каких бы грехах ее ни обвиняли — другой силы, тянущей человека за уши, за шиворот, за волосы... в будущее, нет!.. Все остальные силы и желания служат лишь утолению животного начала в человеке, что попало в род людской вместе с семенем Змея, когда согрешила Ева.

Он коротко усмехнулся, глаза на миг блеснули, как звезды.

— Это было сделано мастерски, — произнес он, глаза сияют небесным пламенем. Я ощутил слабый отзвук той радости, что возгорелась звездным огнем в душе Люцифера, когда удалось вот так внести изменение в Великий План Творца. — История с того момента потекла совсем иначе...

Я не стал напоминать, что он ловко повернул разговор, раз уж не удалось сбить меня с пути лобовой атакой на Церковь, кивнул и спросил:

— Но так ли, как хотелось вам?

Он посмотрел на меня с интересом:



— В чем-то да. Но уже то, что удалось помешать Ему, разве мало?

— Немало, — согласился я, — но мелко.

Он отшатнулся в удивлении, притворном или настоящем.

— Помешать самому Творцу — мелко?

Я кивнул:

— Даже в таком деле — мелко. Он творил! А мешать... хоть в мелком, хоть в великом — все-таки всего лишь мешать.

Он сказал с неудовольствием:

— Согласитесь, сэр Ричард, у меня был намного более ограниченный арсенал воздействия. Я вообще не мог ничего делать открыто! И вот с такими скудными ресурсами я сумел уже на самом начальном этапе круто изменить ход истории! Чистые, как было сказано, Адам и Ева должны были до-о-олго жить в придуманном для них мирке, а потом начать долгое восхождение к Нему... однако вместо этого дали начало роду странных существ с двойственностью натуры: божественной и звериной!

Я сказал саркастически:

— И как результат, один сын змея убил другого сына змея. Но Творец исправил то, что вы испортили: Адам и Ева родили третьего сына, Сифа, от которого и пошел род человеческий. И в нем уже не было ничего змеинового!

Сатана посмотрел на меня с интересом:

— Да? Похоже, в вашем королевстве плохо изучали историю. В Сифе, вы правы, в самом деле не было ничего змеинового, но в его потомках?

Я спросил тупенько:

— А что в его потомках?

— Не знаете? — спросил он с удивлением. — Да, мне ваше королевство и ваш мир нравятся все больше. В общем, повторю вкратце: Еву соблазнил Змей, она родила от него Каина и Авеля, младший погиб от руки старшего, того за это всего лишь изгнали. Будучи сильным, одаренным, он выстроил в новых для себя землях первый город на зем-

ле, родил множество сильных сыновей и дочерей... Творец запретил потомству Сифа даже общаться с потомством Каина, однако разве простодушные сифиты могли устоять перед пылкими и необузданными дочерьми Каинового семени?.. Так что, дорогой сэр Ричард, наследие первозмея у всех вас в крови, в душах, в умах. Кстати, он вовсе не был той гадюкой, которую вы видите часто в пыли. Он почти ничем не отличался от Адама, даже был очень похож... полагаю, когда Творец создавал Адама, он его и взял за образец, только в Адама вдохнул часть своей души. И вот теперь вы намного сложнее того существа, что создал Творец. Разве это плохо?

Я посмотрел на него исподлобья:

— Только не говорите, что вы так и рассчитывали.

Он довольно хохотнул.

— Не скажу. Более того, я сам был приятно удивлен. Но это говорит лишь о том, что у меня все получается даже лучше, чем планирую.

— Все ли?

Он взглянул мне в глаза, поморщился:

— Вы о низвержении? Да бросьте!.. Что ни делается, все к лучшему. Кем бы я был, если бы не восстал?.. А так я — Дух Сомнения. Все подвергай сомнению, как сказал один великий мудрец... Сомнение есть первый подступ к разуму. Только через сомнения приходим к истине.

Я заставил себя улыбнуться светски и очень сдержанно:

— Значит, вы понимаете, что я все сказанное вами подвергаю сомнению?

Он довольно хохотнул:

— Я же сказал «все»! Значит, и слова моего великого оппонента. Эх, надо уходить, дела, но как приятно с вами общаться, сэр Ричард!

Он исчез, нарочито оставив запах серы, своеобразная шутка, мол, чего ждете, то и получите, я посмотрел вслед, хотя смотреть некуда, сердце колотится, а в душе ощущение, что все-таки сильно пошатнул мою веру, как в Церковь, так и в необходимость религии вообще.



Глава 2

Тоскливо и ощущение такое, что иду в ночи над бездной. Что-то меня уж слишком загнали в угол. Я занялся было железной дорогой, ну, пусть пока только подходами к ней, но это будет громаднейший толчок к научно-технической революции, когда товары и людей повезет не лошажья сила, а kloкочущая в котле вода!

А тут еще прибыла эскадра из моего маркизата, это же какие возможности! Но надо завоевывать гребаный Гандерсгейм, как-то балансировать отношения с Кейданом, императором, местными лордами, не дать разбежаться моему воинству и в то же время не позволить осесть и растолстеть... а еще у всех, оказывается, или почти у всех, уже есть жены, сестры, родственники, тоже чего-то хотят, это мне хотелось бы иметь в распоряжении оловянных солдатиков, но у них, как у барона Теодориха, свои проблемы, у многих сложные и запутанные взаимоотношения с женщинами, родителями и соседями, соратниками, все влияет, дергает, разворачивает человека порой совсем в другую сторону, даже Церковь не успевает удержать в рамках...

Дверь распахнулась, Бобик вскочил и заворчал, шерсть поднялась дыбом. Вошла Бабетта, а за нею мелькнула растерянная физиономия телохранителя.

— Простите, ваша светлость, — взмолился он, — я не успел... даже не видел...

Я отмахнулся:

— Успокойся. И ты, Бобик, тоже. Леди просто любит шутить над мужчинами. Входите, леди Бабетта, раз уж... вошли.

Телохранитель со вздохом облегчения исчез, плотно закрыв дверь, Бобик снова лег, хотя и продолжал наблюдать за неожиданной гостьей очень внимательно.

Леди Бабетта проговорила с укором:

— Сэр Ричард, у вас такой недовольный голос... Я полагаю, завизжите от счастья!

Я пробормотал с вымученной улыбкой:

— Что вы, я как раз вас ждал.

Она изумилась:

— Правда?

— Точно, — подтвердил я. — Где Сатана сам не может, туда женщину посылает... Здравствуйте, леди Бабетта! А от вас, что удивительно, серой совсем не пахнет, хотя не сомневаюсь, откуда вы пришли.

— Еще и с собой принесла, — подхватила она весело. — где женщина, там и ад. Или рай, выбирайте по вкусу.

— А можно в плепорции? — спросил я. — А то от сладкого затошнит, а от острого сгорит желудок. И чтоб было это вот, что мелкое, черное и сморщенное...

— Изюминка? — переспросила она. — Ох, сэр Ричард, вы такой галантный и неожиданный!.. Мне сразу в постель или сперва по делу?

— По делу, — ответил я твердо. — А то потом какие могут быть дела?

— По делу так по делу, — согласилась она охотно, — Правда, после одного дела тут же прут другие, третьи, ну... да ладно. На этот раз я к вам с прямым поручением от Его Величества Императора Германа Третьего.

— Ого, — сказал я. — Хотя вообще-то ожидаемо. Раз принял корону маркграфа, тащи и повозку маркграфа... Что за поручение? Вы ведь знаете, леди Бабетта, я ведь в своих действиях весьма ограничен!

Она заулыбалась во весь рот:

— Не торгуйтесь, сэр Ричард, и не выставляйте рогаток. Поручение несложное, простое даже, а в сроках вы не стеснены. Главное, чтобы приняли... и начали действовать.

Крохотная заминка подсказала моему опытному уху, что главное — принять, это уже покажет императору, что я смиряюсь с его властью и даже готов выполнять некоторые поручения, а начинать действия вот так сразу вовсе не обязательно.

— Слушаю вас, леди Бабетта, — сказал я и повторил: —



Даже имя у вас какое-то сладкое, воздушное, нежное... И что-то в нем есть эдакое...

Она довольно засмеялась:

— Я вся такая, разве не заметили? Вам поручается отыскать и вернуть в дом сбежавшего от родителей ребенка.

Я изумился:

— Всего-то? Наверное, весьма знатный?.. Вообще-то это дело рук городской стражи... А можно поинтересоваться, не слишком ли много его пороли, если взял и умотал к более добрым дедушке с бабушкой...

Она покачала головой, глаза стали серьезными:

— Он удрал двести пятьдесят лет назад. Сумел пробраться на корабль, уходящий через океан. В последний раз его видели, как он бежал по сходим на берег.

Я раскрыл рот и уставился на нее в великом изумлении:

— И что... что император изволит хотеть от меня?

Она лучезарно улыбнулась, но глаза оставались серьезными:

— В лучшем случае вернуть. Но это, скорее всего, вам не удастся. Тогда хотя бы узнать, где он и что с ним. Родители очень беспокоятся.

Я пробормотал ошалело:

— Родители... еще могут беспокоиться?

Она кивнула, взгляд некоторое время оставался острым, потом смягчился, на щеках появился игривый румянец.

— Считайте, что под словом «родители» понимается вообще род. В некоторых семьях настолько чтут традиции и семейные ценности, что рассматривают себя в более непрерывном значении, чем мы понимаем обычно. Но это не так важно. Нужно просто найти ребенка.

Я спросил:

— Ребенка?.. Может быть, его внуков? Правнуков?

— Это вполне вероятно, — согласилась она. — Хотя есть предположение, что он все еще ребенок. Ну, как бы

вам это сказать, он из такой области на Юге... хотя, думаю, вам такие подробности неинтересны.

— Гм, — сказал я, — ага... Ну да, конечно, а как же иначе, это же естественно... Вообще, Бабетта, это нечестно! Обо мне знают в канцелярии императора много, а я о нем не знаю почти ничего. Восполните, насколько это не противоречит вашим секретным миссиям.

— Что вам хочется знать, милый Ричард?

— Все, — сказал я честно. — И как можно больше. Я о нем впервые услышал далеко на Севере. Там ходят слухи, что этот таинственный император почему-то благоволит к рыцарям Севера...

Она в удивлении вскинула красивые дуги бровей, глаза заблестели еще ярче, а рот приоткрылся в насмешливой улыбке:

— Император?.. Благоволит к северянам? Ну, это слишком сильно сказано...

— А как точнее?

— Скорее проявляет некоторый и весьма осторожный интерес.

— Почему? Юг, как я понимаю, всегда был враждебен Северу...

Она покачала головой:

— Мы все живем старыми взглядами. Когда-то так и было: Юг и Север — настолько разные, что почти и не признавали друг за другом право называться людьми. Но когда отгремели те ужасающие войны... гм... многое изменилось. Нет-нет, в корне не так уж много, но детали... Например, в империи Германа Третьего уже не убивают в обязательном порядке всех прибывших с Севера, как было раньше... Более того, император Герман сам приглашает к себе людей с Севера! Правда, он единственный, кто это делает. Да и немногих приглашает, очень осторожно, поодиночке, да и тогда они там на особом статусе... но такого раньше не было вообще!

Она говорила медленно, осторожно подбирая слова,



дозируя интонации, стараясь не только словами, но даже мимикой не сказать больше, понимает, что я не лось из дикого леса, читаю и по лицу, а оно всегда говорит больше, чем значат слова, к тому же благородным мышцам лица врать труднее, чем простолудинному языку...

Когда она умолкла, все еще очень серьезная и собранная, я сказал так же деловито и холодно:

— Понятно. Несмотря на преграду в виде необъятного океана... все же кое-что проникает в обе стороны. Бабетта, вы забыли упомянуть, ценности Юга тоже проникают на северный материк. Я встречал их гнусные ростки вплоть до срединных королевств.

Она помолчала, взгляд стал не по-женски испытующим.

— Боюсь, сэр Ричард, вы сами себе подложили огромную свинью.

— В чем?

— С открытием вами Тоннеля эмиссары Юга станут проникать в северные королевства чаще.

Я покачал головой.

— Наверное, вы еще не знаете, насколько хорош там заслон.

— Это священников имеете в виду?

Мне почудилась в ее голосе ирония, ответил с достоинством:

— Священники там из боевых орденов. У них право носить оружие. И, конечно, пользоваться.

— Милый Ричард, — произнесла она почти ласково, — но пути через Перевал открыты!.. Кто понимает, что через Тоннель не пройти, пойдет старым путем. Зато найдет на новых местах старые товары с Юга... некоторые со скрытыми свойствами.

Я вздрогнул, по спине пробежал предостерегающий холодок. Леди Бабетта смотрит с ласковой усмешкой, как мудрая женщина на глуповатого внука, а я и в самом деле ощутил себя не просто глуповатым, а редкостным просто-

филей. Там это не тут, расслабился с простодушными и честными северянами, потерял хватку.

— Что-то не так? — поинтересовалась она ласково.

Я помотал головой:

— Все так, милая леди. Я жажду побывать на Юге и посмотреть, в самом ли деле так уж страшен черт, как его здесь малюют. Высокие технологии в руках дикарей и шаманов... это еще не все... Ладно, давайте я вас угощу кофеком, хотя, конечно, на ночь... гм...

Она изумилась:

— Мы что, спать будем?

Утром леди Бабетта исчезла, оставив такой нежный аромат духов и женского тепла, что сердце заныло, мелькнула мысль, что в самом деле жениться бы, что ли... Столько достойных женщин, одна леди Беатрисса чего стоит, до сих пор сердце щемит, стараюсь не вспоминать...

После долгого и утомительного туалета я перебрался в кабинет, с тоской уставился на гору бумаг на столе. Размножаются в ночи, что ли, свинство какое...

За дверью слышались шаги, я ожидал стук в дверь, но здесь это не принято, дверь распахнулась, сразу же вошел церемониймейстер, сдержанно поклонился и доложил:

— Ваша светлость, сэр Жерар.

Я снова не успел сказать ни «да», ни «нет», вошел грузный и величественный, как император, сэр Жерар, но всего лишь мой личный секретарь, обошел стол и, зайдя с моей стороны, положил передо мной на красном бархате свиток с большой красной печатью на шнурке. Все строго и торжественно, поклонился снова, сказал сдержанно:

— Ваша светлость.

Я молчал, это стандартный ритуал, хотя и кажется сложноватым сперва, однако правитель должен отгораживаться системой из мелких ритуалов. Церемониймейстер вышел, а сэр Жерар, глядя на меня ничего не выражающе-



ми глазами, отступил в дверной проем и закрыл за собой дверь.

Я зло смотрел в закрытую дверь, затем заорал:

— Сэр Жерар!.. Ко мне!

Дверь распахнулась, он появился моментально, но без видимой спешки, собранный и готовый грудью закрыть сюзерена от опасности.

Я сказал с раздражением:

— Вот что, дорогой сэр! Давайте дальше без поклонов. Нет-нет, я не ввожу свои правила и не отменяю прошлые, однако для всяких там майордомов или даже лично для меня вводится ма-а-а-аленькая такая поправочка: заходите и докладывайте. С ходу. Мне не вас, достопочтимый сэр, или вашу спину жалко, а время. Посмотрите на часовых! Вельможи мне кланяются, а они — нет. Почему? Потому что лордам надо постоянно напоминать, кто в доме лев, а кто протос кошки, да еще драные. А вам надо?

Он сказал поспешно:

— Нет-нет, ваша светлость! Вы не просто лев, вообще царь зверей и всех животных!

— Значит, вы поняли?

— Все будет, — заверил он, — как вы велели. Хоть это и трудно.

— Я знавал дела и потруднее, — сообщил я. — Что там еще?

— К вам лорд Норберт, — сказал он.

— Зовите, — велел я.

Норберт появился собранный, жилистый, сухой настолько, что горел бы даже без дров, еще у порога вытянулся и отчеканил:

— Сэр, срочное сообщение от разведчиков.

— Давайте без вступлений, дражайший сэр.

— Неприятная весть, — произнес он, глядя мне в глаза, — плененный герцог Меерлинг как-то сумел сообщить, что он схвачен и заточен в Геннегау. Сейчас весь край охвачен волнением. И если есть надежда часть лордов успо-

коить какими-то уступками и переговорами, то лорд Сулливан, двоюродный брат герцога, объявил свою землю на военном положении, созвал рыцарей в замок, заперся и приготовился к долгой осаде.

Я посмотрел на его строгое лицо:

— Что это за птица?

Он сдвинул плечами:

— Ничего особенного. Бедный рыцарь, верный традициям и клятвам. У него едва ли не самая бедная земля в той части королевства, но он сумел сделать народ зажиточным...

— Каким образом? — поинтересовался я. — Пусть поделится секретом. Я тоже хочу сделать всех богатыми и зажиточными.

— У вас не получится, — сказал Норберт бесстрастно. — У Сулливана земли богаты медью, оловом, там великолепный лес с ценными породами, но совершенно нет плодородной земли. Даже огороды разбить негде. В обмен на лес и медь он получает зерно от соседей. Даже мясо и птицу в его села везут из деревень, принадлежащих другим лордам.

— Гм... Судя по вашему виду, сэра Норберта... осада ничего не даст?

Он развел руками:

— Увы, сэра Ричард. Замок в очень неудобном месте, штурмом не взять. Осада тоже дело трудное и затратное. Там столько ущелий, оврагов и перепадов высоты, что перекрыть все пути подвоза продовольствия просто нереально. Уж не говорю, что могут быть подземные ходы.

Я поморщился:

— Терпеть эту занозу в заднице? А другие начнут злорадоваться, распускать слухи о нашей слабости?

— Однако, сэра Ричард...

Я прервал решительно:

— Собрать войска!



— Основная часть, — напомнил он, — уже ушла к Брабанту...

— Хватит тех, — сказал я, — что остались. Один замок — это один замок. Здесь еще не знают, с кем столкнуться. Армландия не отступит перед взбунтовавшимся мелким сен-маринским лордиком... да и брабандцы себя покажут.

Он сдержанно поклонился:

— Да, ваша светлость.

Он удалился, а я с бессильной злостью подумал, что Генрих, умный и дальновидный король, щедро финансировал университеты, велел строить дома призрения и всячески распространял идеи гуманизма и справедливости, однако это знают только немногие историки, зато во все школьные учебники он ворвался блистательной победой при Азенкуре, где три тысячи его лучников за четыре часа уничтожили шестьдесят тысяч отборного рыцарского войска Франции. Цвет французского рыцарства, как отмечают все хроники, был полностью истреблен, Франция была обескровлена и разгромлена.

Но и это еще ничего, ведь умнейшего человека во всей истории Франции, что основал университеты и академию, реформировал армию, уничтожил феодализм, велел срыть рыцарские замки по всей территории страны, с легкой руки одного беллетриста помнят только как кардинала, что якобы волочился за королевой и пытался ее поймать!

Так что не надо сетовать на неблагодарность ко мне, в лучшем случае запомнят какой-нибудь мой лихой удар мечом или умелое спасение очередной принцессы из лап дракона, огра или тролля.

Или вот этот рейд по усмирению мелкого властелина одного замка и принадлежащих ему десятка деревень.

Граф Ришар удивился, что я намерен лично возглавить поход, который ничего не решает, на его лице шрамы вздулись и побагровели, признак сильнейшего неудовольствия, а глаза потемнели.

— Сэр Ричард, — сказал он решительно, — уж простите, но это абсурд. Этот замок — совершеннейшая мелочь, его легко возьмут и без вас. Даже я туда не поеду. Поручим кому-нибудь... скажем, Альвару Зольмсу. Или Максимилиану. Да того же Арчибальда можно послать, пусть приобретает опыт! Да и увидят, что не армландцы что-то захватывают, а сами сенмаринцы наводят порядок...

Я прошелся взад-вперед по комнате, граф прав, но когда я обвел глазами кабинет, злость ударила в голову.

— Дорогой граф, — процедил я сквозь зубы, — а вы знаете, какой хреню я занимаюсь? Только что перед вами мне приносили на утверждение форму для младших слуг! Я должен был выбрать лучшие, на мой взгляд, из представленных образцов и решить, что будут носить во дворце, а что за его пределами. Представляете? Чем я занимаюсь, чем я занимаюсь!

Он пробормотал, несколько ошарашенный:

— Ну, наверное, не только этим? Возможно, и чем-то крупным?

— Не крупнее этого шкафа! — огрызнулся я. — Если и мелькнет что-то крупное, то среди таких мелочей проплывает незамеченным, как бревно в куче мусора.

Он развел руками:

— Сэр Ричард, понимаю... Но я не майордом.

— Вам повезло, — сказал я с сердцем. — Или схитрили, а меня подставили! Вас же самого хотели в гроссграфы!

Он улыбнулся:

— А я хоть старый волк, но еще и старый лис. Я хочу удовольствия от жизни. А вам еще пахать и пахать, сэр Ричард, зарабатывать право на отдых!

Я сказал зло:

— Да какая же это пахота? Я даже не царапаю землю! А мог бы такие пласты поднять!

— Еще поднимем, — пообещал он. — Вы в самом деле решили вести отряд?

— Да.



— Лично?

— Решил, — отрезал я. — Может быть, хоть так прерву это свинство.

— Подбирайте нужных людей, — сказал он серьезно, — расставляйте на ключевые места. Позаботьтесь, чтобы и в ваше отсутствие все шло, как и при вас. В Армландии же сумели...

— Тут другое королевство, — сказал я и со стыдом ощутил, что в моем голосе ясно прослеживается жалоба, — мы тут сожгли и повесили больше, чем убили в боях! Нам еще далеко до народного доверия.

Он сказал хладнокровно:

— Делайте то, что нужно, а не то, чего от вас ждут. И вообще, сэр Ричард... Неловко от вас слышать такое! Мы же все помогаем, ну, как можем.

Глава 3

У королей есть власть, но нет моральных принципов. Церковь восполняет этот вакуум, ибо человек без принципов — зверь. Или, если сказать прямо, без Церкви. Церковь одинаково ведет человечество по пути добра и справедливости, не разделяя на королей и простолюдинов, как не разделял и Христос. Для Творца короли, императоры и самые жалкие нищие — одинаковые такие муравьишки, всех любит и обо всех заботится одинаково.

Вообще-то так должен бы и я, с поправкой на мои размеры и мой масштаб, но что-то не получается: одних хочется прибить на месте, других — утопил бы с превеликим удовольствием...

Сейчас иду через залы и кланяющиеся толпы под приветственные возгласы, рядом со мной граф Ришар, барон Альбрехт, Зольмс, Арчибалд, по другую руку сэр Растер, Палант, Ульрих, Рикардо, а сразу за мной, едва не наступая на каблуки, Жерар Макдугал, виконт Штаренберг, Зигфрид, Ульман и чуть менее знатные, но близкие и зареко-

мендовавшие в боях доверенные лица. Это очень важно, кто где идет, по этим признакам сразу видно, кто у властелина в фаворе, кто в немилости, даже случайное перераспределение толкуют как-то, хотя, конечно, случайностей здесь не бывает...

Правда, нет Макса, сэра Норберта и еще многих, которым я не только доверяю, но и к кому отношусь с нежностью, но одни заняты важными делами, другие просто в дальних частях королевства, а кто-то просто пренебрегает дворцовыми условностями, как Асмер или Бернард...

Я не снимал благожелательную улыбку, пока двигался через весь зал, а когда увидел за спинами разодетых вельмож кричаще скромного Куно, сказал ему строго:

— Иди со мной!

Перед ним расступились, он пошел рядом и слегка сзади, за спинами усиливался шепот. Теперь полдня будут обсуждать, хорошо или плохо для королевского советника, что я позвал, голос майордома прозвучал строго, даже жестоко...

— Садись, — велел я, — и докладывай.

Он спросил робко:

— А можно... стоя?

Я поморщился, махнул рукой:

— Как тебе удобнее.

Я сел за стол, а Куно начал торопливо перечислять, что сделано и что сделать нужно. Я слушал некоторое время, раздражение начало нарастать слишком быстро, я взялся ломать сургучи на конвертах и читать записки и прошения, адресованные мне лично.

Дверь распахнулась, Куно взглянул на меня с немым укором, но молча стерпел вторжение Паланта, младшего сына сэра Гевекса из поместья Лонгфельдов, что так отличился при взятии крепости Стальной Клык.

Молодой рыцарь учтиво и с достоинством поклонился, все такой же ясноглазый и светлицый, только вином от



него пахнуло так мощно, что я сразу представил его в обнимку с сэром Растером.

— Сэр Ричард, — сказал он весело, — я слышал, снова намечается поход? Надеюсь, я участвую?

— А вы хотели бы? — пробормотал я.

Он рухнул в свободное кресло и, закинув ногу на ногу, сказал с удовольствием:

— Еще бы!.. Я живу воспоминаниями о тех славных днях... И хотел бы повторить...

— Все повторится, — пообещал я. — И вообще, сэр Палант, чувствуйте себя здесь как дома. Везде... кроме этого кабинета.

Он поспешно подхватился, запоздало сообразив, что в кабинете фактического правителя королевства вести себя нужно иначе, чем в лесу у костра, отвесил стыдливый поклон.

— Простите, ваша светлость. Благодарю!

Куно с бесстрастным лицом смотрел, как молодой рыцарь пристыженно ретировался, я ощутил его невысказанное одобрение, правитель не должен позволять садиться на голову бесцеремонным друзьям, какое бы прошлое нас ни связывало...

...но и отодвигать их далеко нельзя, ответил я так же мысленно. Старая гвардия всегда была и будет опорой.

Я поднес к пламени свечи крохотную сковородку на длинной ручке и держал над огнем, пока сургуч в ней расплавлялся, затем вылил чуточку на лист бумаги, вытащил из ящика большую печать и медленно прижал к горячей лужице, ожидая, пока застынет и там появится четко различимый оттиск.

Куно, продолжая перечень побед и свершений, посматривал с неодобрением, а когда я со вздохом запечатал конверт, предпочитаю такую форму письменных сообщений, обронил очень осторожненько:

— Печать не королевская?

— Вроде бы нет, — ответил я безучастно. — По-моему,

лорд-канцлера. Во всяком случае, самая весомая, что отыскалась. Увесистая, в смысле.

— Пора заказать свою, — сказал он робко. — У каждого барона печать со своим гербом, а ваша светлость довольствуется чужой? Это не совсем уместно, с позволения заметить...

— Стоит ли? — спросил я.

— Ваша светлость!

— Не уверен, — ответил я. — Хотя это такая малость, что если без трудов можно, то почему нет? Закажи. Что у тебя еще? Из серьезного?

Он раскрыл рот, но дверь распахнулась, сэр Жерар пропустил в кабинет благородного сэра Альвара Зольмса.

— Сэр Ричард! — сказал он с порога четко и отвесил короткий поклон. — Я к вашим услугам! Меня прислал граф Ришар.

— Он мог бы и меня предупредить, — сказал я сварливо. — Ничего особенного, граф. Небольшой поход к замку взбунтовавшегося лорда. Подготовьте достаточно экипированный отряд. Проследите, чтобы, кроме рыцарской конницы, было достаточно легких всадников. Не забудьте про ратников, им предстоит делать на месте осадные лестницы... Или вязать тюки хвороста для заполнения рва.

— Слушаюсь, сэр, — отчеканил он радостно.

— Поведу я лично, — сказал я строго, улыбка его несколько померкла. — Так надо, Альвар!

— Слушаюсь, ваша светлость. Никто не смеет бросать вызов вашей власти. Я понимаю...

Я сказал с тоской:

— Понимаете?.. В самом деле? Но что понимаете?.. Что видите? Только борьбу за власть? И только? Еще бы... а чем заняться еще, да?.. Везде эта проклятая борьба за власть, власть, власть!.. Головы летят, кровь льется реками... И что? Прошагает кто-то наконец по трупам до трона... и что? Что дальше? Начинает либо воевать с соседями, либо



жрать, как свинья желуди, и таскать в постель жен покорных придворных!

Он пробормотал, несколько сбитый с толку внезапной вспышкой майордомьего гнева:

— Все так, ваша светлость. Все так...

— И что, — крикнул я, — так правильно?

Он покачал головой:

— Нет... наверное.

— Наверное? Вы не уверены?

Он развел руками, выпрямился:

— Простите, ваша светлость, но вы разве поступили иначе? Получив власть гроссграфа, не вторглись при первой же возможности в соседнее королевство?.. А не откройся Тоннель, на кого бы напали, на Турнедо или Фос-сано? Может быть, на Шателлен?

Я отрезал:

— Ни на кого бы не напал!

— А Сен-Мари? — поинтересовался он со скрытым, но заметным ехидством.

— Это выход к морю, — крикнул я. — И ничего мне больше не надо! Лишь бы меня оставили в покое!

Он кивнул, но сказал хладнокровно:

— Да-да, конечно. Но из опасения, что не оставят, вы предпочтете ударить заранее... Кейдан еще король, не стать ли вам...

Я грохнул кулаком по столу с такой яростью, что пальцы отозвались острой болью.

— Замолчи! Все не так! Мне бы только построить большой флот! А еще университеты, железную дорогу, восстановить кое-какие технологии... Я хочу сделать людей счастливыми!.. Черт, да что же это такое? Мои же соратники мне совсем не верят! Идите, сэр Альвар, идите к такой матери!.. И готовьте отряд к выступлению.

Куно проводил его взглядом, а когда дверь захлопнулась, спросил робко:

— Уезжаете надолго?

— Нет, — ответил я, — но все равно бди и замещай меня по всем гражданским делам. Граф Ришар по всем военным... правда, и по гражданским... я вряд ли выберу время разграничивать полномочия, да и зачем, если мы все одна команда, один отряд? И ты, Куно, не последний в нем боец!

Я заставил себя засмеяться, так надо, прием следует закончить на бодрой ноте. Куно посмотрел на меня и робко хихикнул пару раз. Я ощутил неловкость, не по-майордомьи веду себя, смех тоже должен быть статусным, я должен довольно взрывать «га-га-га», граф Ришар — «хо-хо-хо», бароны имеют право на «ха-ха-ха», а все, кто мельче, не имеют права издавать звуки выше, чем «хи-хи-хи». Подчишники всегда по служебной лестнице ниже, чем подхошники.

Потому Куно, хоть имеет право на «ха-ха», взял октавой выше, не смея попасть со мной в одну тональность. Надо и эти мелочи помнить хотя бы для того, чтобы не ставить в неловкое положение тех, кто соблюдает эту чепуху.

Глава 4

Небо на востоке сильно порозовело перед рассветом, предвещая жаркий день. Воздух после ночного дождя еще свеж, рыцари взбирались на коней бодро и весело, все в доспехах, сверху сюрко и даже плащи.

Я вообще-то не люблю держать что-то лишнее на плечах, однако ниспадающий широкий плащ прикрывает от солнечного зноя коню круп, то есть всю часть спины от седла и до хвоста, что немало для защиты бедного животного, а при необходимости издали подает знак, что едет такой-то, принадлежит к такому-то племени, клану, роду и кто нападет, тот будет иметь дело со всеми его родственниками, а то и будет отвечать перед верховным правителем страны, если скачущий у него на службе.

На моих плечах плащ из простой и грубой материи, без



всяких опознавательных знаков. Такие носят обычно в больших племенах, когда не покидают его пределы. Подобный человек менее приметен, хотя мне с моим ростом это удается с немалыми трудностями.

Когда садились на коней, подбежал гонец и сообщил, что прибыли по рекомендации городского совета Тараскона торговцы, хотят вложить средства в строительство морского порта, но им хотелось бы сперва переговорить с сэром Ричардом, который является одновременно и бургграфом их славного города.

— Давай их сюда, — велел я, — только быстро.

— Примете прямо здесь? — спросил он с удивлением.

— А что, — спросил я в свою очередь, — меня делает майордомом трон с высокой спинкой?

Пристыженный, он умчался и тут же привел группу горожан, среди которых я увидел и несколько знакомых лиц. Рыцари, уже в седлах, посматривали на них с отвращением, на меня косились удивленно, как могу тратить время на эту чернь.

— Здравствуйте, дорогие друзья, — сказал я приветливо. — Добро пожаловать в Геннегау. Уверен, вам здесь понравится. Вы можете полностью доверять графу Ришару, он заменит меня в мое отсутствие... или когда я чем-то занят.

Сэр Растер прорычал на ухо сэру Зигфриду, но я услышал:

— Ага, теперь умчится и будет наведываться наскоками.

— Я вернусь скоро, — продолжил я, повышая голос, — если будут нерешенные проблемы, решу. И заодно постучу о столы мордами тех, кто мог решить... и не решил! Со своей стороны заверяю, что строительство морского порта — задача архиважная. Я сам буду вкладывать деньги в его развитие. А это, как вы понимаете, для безопасности вашего бизнеса — самое главное.

Они улыбались и кланялись, улыбались и кланялись. Я махнул рукой сэру Максусу:

— Запевай!... И — в путь!

Пеший отряд выступил два дня тому, догоним его сегодня к вечеру или завтра утром. Зайчик идет подо мной гордо, косится по сторонам с благожелательностью благородного животного к простым, нетитулованным, зато Бобик носится кругами вокруг отряда, донельзя счастливый и радостный.

Из местных если кто и пугается его, то лишь из-за размеров, а то, что это и есть Адский Пес или Чудовище Ночи, под именем которого его знали в других местах, никто и представить не может, глядя на его веселую харю и озорные глаза, так и уговаривающие поиграть, побегать, повеселиться, погрызть что-нибудь вдвоем.

Палант привел с собой из Армландии десять тяжелых всадников из тех сорока, которыми располагал, а кнехтов, лучников и арбалетчиков пришлось оставить, слишком далеко в эту загадочную страну, зато Зольмс выехал в поход во главе элитного рыцарского полка, и Паланту пришлось принять его командование, хотя, думаю, рассчитывал быть главным, раз уж майордом почему-то не претендует на руководство.

Вдоль дороги собрался народ, орал ликующе и рукоплескал, нас забрасывали цветами. Девушки срывали с голов венки и бросали под копыта наших коней. Я покосился на гордых рыцарей, а в самом деле, почему не радоваться такому зрелищу, мы же как яркие клоуны в этом мире серой одежды, так называемой «немаркой», и каждое наше появление вносит веселое разнообразие в их повседневную жизнь.

Правда, если бы нас везли на казнь, ликования и рукоплесканий было бы еще больше...

Когда удалились от Геннегау примерно на сотню миль, сзади на дороге появилась и начала очень быстро двигаться в нашу сторону пыльная точка, оставляя за собой расходящийся след. Я не успел продумать, что же это, как заблестали искорки на доспехах всадника и на конской сбруе, и



вскоре, обгоняя грохот копыт, перед нами оказался сверкающий доспехами сэр Ульрих на своем чудесном коне, про которого ходит слух, что моему не уступит по скорости.

— Сэр Ричард! — крикнул он весело. — Сэр Альвар!.. Сэр Палант!

Альвар произнес пораженно:

— На каком черте вы ездите, сэр Ульрих?

Ульрих горделиво усмехнулся:

— Пожалуй, я мог бы еще пару дней веселиться в Геннегау, а потом за пару часов догнать вас... но какое веселье без моих друзей?

Он обнялся с Палантом, старым другом, с Альваром обменялись дружескими хлопками по плечам.

Я сказал довольно:

— Сэр Ульрих, с вами мне будет не так совестно выезжать вперед на разведку. Вы будете меня, типа, охранять.

Он воскликнул с готовностью:

— Сочту за честь!.. Хотя, понимаю, охранять придется вам меня, но для спокойствия в войске...

— Вы прекрасно все понимаете, — сказал я.

Ульрих в армландских землях предпочитал, как и Палант, легкие панцири из черной кожи: гладкие, блестящие, подчеркивающие широкие пластины груди и форму разнесенных в стороны плеч, но сейчас с головы до ног блещет сен-маринскими доспехами из прекрасной стали.

Правда, Палант еще раньше его сменил свой кожаный панцирь с аккуратно вшитыми шипами из железа на стальные доспехи. Здесь, в Сен-Мари, умеют делать втрое тоньше и легче армландских, хотя не уступают по прочности... да и вообще, у моих рыцарей патриотизмом и не пахнет: все в доспехах от местных оружейников.

— Может быть, — сказал Ульрих задиристо, — проскачем малость вперед? Пусть конники сэра Норберта отдохнут?

Я усомнился:

— Вот так сразу?

— А что?

— Ваш конь все еще не устал?

Он ухмыльнулся:

— Так вы почти не отъехали от Геннегау. Это для нас даже не прогулка.

— Ну смотрите, — сказал я.

Он вскрикнул, из леса на опушку выметнулся огромный пес с горящими красными глазами, сам размером с пони, а в пасти исполинская рыбина, что все еще бьется и пытается вырваться.

Пес неся к нам гигантскими прыжками, Ульрих побледнел и суетливо дергал рукоять меча.

— Не советую, — сказал я благожелательно. — Р-р-р-разорвет...

Бобик подбежал и, не видя Растера, которому всегда отдавал добычу, посмотрел на меня с упреком.

Я указал на Ульриха:

— Вот он вместо твоего друга...

Ульрих едва не упал с коня, когда Адский Пес начал совать ему рыбину. Альвар, уже знакомый с Бобиком, посоветовал:

— Возьмите, сэра Ульрих. А то обидится.

Ульрих, бледный как смерть, принял рыбину дрожащими руками, та начала бешено вырываться и несколько раз хлестнула его широким хвостом по лицу.

Бобик отступил, сел на задницу и с интересом смотрел, как человек, заменяющий сэра Растера, дерется с рыбой. К нашему общему разочарованию, сэра Ульрих ухитрился удержать скользкую рыбину, Бобик довольно оскалил зубы и огромными прыжками унесся в лес.

Ульрих передал задушенную рыбу оруженосцу, глаза и у того огромные, как блюда, спросил шепотом:

— Чего это... он?

— Не знаю, — ответил я честно. — С ним иногда такое



бывает. То таскает, как положено: оленей, кабанов, гусей ловит, а то, как сейчас, начинает рыб таскать...

Он зябко повел плечами:

— Так это ваш? То-то никто не боится. Я таких громадных еще не видел.

Я спросил:

— Так мы едем или вы раздумали?

Он судорожно перевел дыхание и ответил достаточно твердо:

— С вашего позволения...

От блеска слюдяных камней вдоль дороги и нещадного солнца я просто опьянел, и лишь когда проскакивали вдоль рош, ненадолго оказываясь в тени, глаза чуть отдыхали от слепящего света, но кружевная тень соскальзывала с конской гривы, и снова этот невероятный блеск...

Наконец влетели в зеленый распадок между высоких и сплошь зеленых холмов, воздух показался прохладным в сравнении, мы промчались по высокой траве, распугивая огромных сказочных бабочек невероятной красоты и расцветок, подняли стадо свиней, не успев их рассмотреть, от горячей духоты воздуха горло пересохло, и вдруг я ощутил, как вокруг мир стремительно меняется...

Мы вылетели на берег реки, я жадно вдохнул влажный воздух, здесь, у кромки воды, деревья другие, толстые и самоуверенные, и трава настолько сочная, что едва не лопается от довольства, и лягушки вон сидят на толстых мясистых листьях водяных растений важные и неторопливые, с ленивым презрением поглядывая на раскаленный под южным солнцем мир.

Река достаточно широкая, противоположный берег почти отвесный, а этот пологий, но вода далеко внизу, течение сравнительно быстрое, кое-где даже завихряются водовороты.

— Вот здесь Бобику раздолье, — сказал я задумчиво. — Интересно, что поймает на этот раз?

Сэр Ульрих зябко передернул плечами:

— Лучше переберемся на ту сторону. Вот и мост как раз к стати...

Я повернул голову, мост выглядит прочным, хотя строили в расчете на пеших, хотя, думаю, можно и коня провести, если держать в поводу. Странно, что не заметил этого моста сразу. Я не заметил, а вот сэр Ульрих заметил.

Он послал коня к нему, я крикнул:

— Сэр Ульрих, это для пеших!..

— Думаете, — крикнул он в ответ, — не пройдем?

— Войско точно не пройдет, — сказал я. — Да и нам не пройти...

Он соскочил с коня, поводья забросил на седло и сказал деловито:

— Я схожу на ту сторону, проверю настил.

Я уставился на мостик, сердце тревожно тукает, по телу пробежала неслышная дрожь, и стало тревожно, словно небо внезапно застлала огромная грозовая туча.. Сэр Ульрих уже собирался ступить на первые доски, когда я сказал предостерегающе:

— Сэр Ульрих, погодите...

Он обернулся:

— Что?.. Сэр Ричард, у вас такое лицо...

— Что делать, — пробормотал я, — все никак не сменю на более привлекательное.

Он в недоумении смотрел, как я, покинув седло, подошел к самому краю моста и присел, щупая доски. Пальцы ощутили твердую поверхность, сглаженную прикосновением множества подошв.

— Да что случилось?

— Этого моста нет на картах, — сказал я.

Он пожал плечами:

— Вы все так хорошо помните?

— Помню, — подтвердил я. — Точно — нет.

— Ну и что? — спросил он. — Карты составляют не каждый день, а мост могли сделать месяц тому.



Я снова в тревожной раздумчивости провел пальцами по доскам моста. Вытерто так, словно по нему ходили десятки лет. Одной рукой я уперся в землю, чтобы не упасть, если закружится голова, перешел на тепловое зрение... и не увидел моста! Да и как увидеть, если у него нет собственного тепла, я точно так не вижу жаб и ящериц, если те только что не лежали под солнцем, посмотрел в запаховом — глухо, хотя вообще-то на любом мосту запахов чуть больше, чем на берегу, ибо на мосту концентрируются на меньшем пространстве.

— Сэр Ричард, да что с вами?

Он в нетерпении вошел на мост, сделал несколько осторожных шагов, оглянулся и только шагнул уже решительно, как я вздохнул и сказал громко:

— Лаудетор Езус Кристос...

Мост вспыхнул зеленым пламенем и тут же исчез. Сэр Ульрих полетел вниз, ударился о косую стенку берега и покатился до самой воды, где плюхнулся на мелководе, шумно и красиво вздымая по бокам огромные серебряные крылья, словно вот взлетит.

Убедившись, что рыцарь цел, я крикнул сверху:

— Сэр Ульрих, вода теплая?

Он кое-как поднялся, вода хлынула из всех щелей. Он стоял по колено в реке, как статуя писающего мальчика на фонтане, только пустившего лужу в доспехах, охнул и с отвращением начал отдиравать вцепившегося в подколенную щель рака.

— Ого, — сказал я, — какие огромные тут водятся! Будем на вас ловить, сэр Ульрих.

Он поднял на меня бледное лицо с вытаращенными глазами.

— Холодная, — ответил он запоздало, — как у нас в Армландии зимой... Господи, только не это!

Бобик появился перед ним, весь блестящий, еще даже не отряхнулся, но счастливо совал ему в лицо длинную узкую рыбину с ярко-красными перьями и хищной зубатой пастью.

— Берите-берите, — посоветовал я в благожелательной манере сэра Альвара. — Не хотите же обидеть друга? Смотрите, он в вас просто влюблен...

Ульрих застонал, Бобик настойчиво и заботливо вкладывал ему в руки добычу. Сэр Ульрих наконец сомкнул на ней пальцы. Пес довольно лизнул его в нос и мощными прыжками умчался.

— Ну вот, — сказал я, — вдобавок с таким уловом... Я всем скажу, если вы не очень против, что это вы ее поймали... Увидели прямо с берега, вода здесь чистая, даже дно видно, азартно прыгнули вниз головой и ухватили недогнувшими руками. Хорошо?.. Вы ее за жабры, за жабры...

Он там внизу с перекошенным лицом боролся с отчаянно бьющейся рыбиной, чем-то похожий на Лаокоона, побагровел, пытел и постанывал, но все-таки победил, я на берегу терпеливо ждал, когда выберется из воды и поднимется к нам, мне и нашим коням, что наблюдали за ним тоже с живейшим интересом.

Бросив полузадушенную рыбу на траву, он снял шлем и вылил ухитрившуюся попасть и туда воду. Вместе с нею выплеснулась и горсть блестящих от слизи головастиков. Зеленые кружева водоросли запутались в сочленениях доспехов и торчат, как будто прорастает молодая травка.

— Ничего, — утешил я, — зато теперь не жарко. А я вот думаю, спускаться или не спускаться.

Он простонал тоскливо:

— Что это было?

— Колдовство, — объяснил я.

Он свирепо сдирал водоросли и тину, во взгляде была горькая укоризна.

— А вы не могли бы прочесть молитву, когда мы перешли бы уже на ту сторону?.. Господь бы простил крохотное отступление от правил, мы ж столько для него делаем!

— Об этом не подумал, — признался я.

Он вычистил шлем изнутри пучком травы, тяжело вздохнул:

— И хорошо, что не подумали. Это было бы нечестно.



— Да и мост мог бы исчезнуть, — заметил я, — не сразу, а когда мы оказались бы над серединой реки. А там течение быстрое.

Он покачал головой:

— Сэр Ричард, у вас удивительное чувство... опасности.

— Спасибо, — ответил я польщенно. — Как видите, пригодились.

— Удивительное чувство, — повторил он задумчиво. — Просто дивное...

— А что вас настораживает? — спросил я напрямик.

Он развел руками:

— Даже и сказать трудно. Ну, например, от Господа этот дар или от дьявола? Как известно, Господь уповает на самого человека и ничем не помогает, за что часто обижаемся на Господа и горько жалуемся в молитвах, а вот дьявол... гм... чтобы соблазнить, склонить на свою сторону, подкупить колеблющегося...

— Я не колеблющийся, — сказал я сухо. — Во всяком случае, в данный момент. И мне все равно, от кого дар... Не дергайтесь, это не такое уж и кошунство!.. Главное, на что употребить. К тому же это совсем не дар.

— А что?

— Трофей, — отрубил я сурово и гордо.

Он почтительно поклонился и умолк, все сомнения слетели с его честного лица, как засохшая глина с отлитой формы.

— Подберите рыбу, — посоветовал я. — И постарайтесь держаться победителем. Вон пыль столбом, это конники Норберта, у них быстроногие кони графа Ришара. Это вы поймали рыбу, я им так и скажу!

Глава 5

Подошел передовой отряд легкой конницы, мы пошли с ним вдоль берега, тот снизился почти вровень с водой, а речка настолько мелкая, широкая и чистая, что мы напра-

вили в нее коней и мчались, разбрызгивая прозрачную жемчужную воду.

Палант хохотал и орал что-то ликующее, у Зигфрида рот до ушей, даже хмурый Ульрих наконец оттаял, заулыбался и только жмурился от попадающих в лицо холодных брызг.

Выбрав момент, ко мне приблизился Палант, сказал застенчиво:

— Все никак не решаюсь сообщить вам, сэр Ричард...

Он замялся, я сказал нетерпеливо:

— Говори же!

Он оглянулся по сторонам и сказал почти шепотом:

— Я влюблен в леди Эльвентиду! И хочу сделать ей предложение.

Я сказал вежливо:

— Поздравляю! Но... как же леди Краския?

Он отмахнулся:

— Это была ошибка молодости.

Я пробормотал:

— Разве это было не шесть дней назад?

Он удивился:

— С того времени столько всего случилось, стряслось, совершилось!

— Завидую, — сказал я тоскливо. — А я вот сижу во дворце, как сыч, черт-те чем занимаюсь, и ничего не случается. Надеюсь, хоть на этот раз что-то стрясется.

— Сплюньте, — посоветовал он серьезно. — Мы все будем стараться, чтобы с вами ничего не случилось.

К нам приблизился сэр Арчибальд, веселый и довольный, крикнул благожелательно:

— Это правда?..

Сэр Палант спросил настороженно:

— Что?

— Что вы влюблены в леди Эльвентиду, — сказал он. — Вы так кричали, что теперь все войско знает. Готовьтесь



получать поздравления. Она благородной крови? Откуда родом?

— Из Ньюкастла, — сообщил Палант.

— А-а, — протянул сэр Арчибальд, — никогда там не бывал. Наверное, мелкий городишко?

— Сэр Арчибальд, — сказал Палант с укором, — это же ваш город! Вы оттуда родом.

— Ах, этот Ньюкастл, — протянул Арчибальд. — Мне кажется, я видел вашу леди. У нее такой милый взгляд... Так на меня смотрел мой наставник в детстве перед тем, как шарахнуть булавой по шлему...

Он захохотал и умчался, пока Палант не сообразил, что его просто дразнят.

Примчались разведчики сэра Норберта, наш путь придется чуть скорректировать, впереди нехорошее место, лучше объехать. Рыцари тут же набундючились, начали гордо посверкивать очами и расправлять плечи, кто-то вытаскивал из ножен до половины меч и со стуком бросал обратно.

Я спросил с тревогой:

— Что там? По карте дорога свободная.

— Область хамелеонов слегка сместилась, — сказал разведчик торопливо. — Сэр Норберт сейчас уточняет ее границы.

— Что за область?

— Хамелеоны, — повторил он. — Там даже деревья, трава и песок... все кем-то прикидываются. Ехать опасно! Если вы будете видеть перед собой ровную степь, то и поскочите...

Ульрих сказал мрачно:

— А там скала.

— Что скала, — ответил разведчик, — а если яма? Или расщелина?

— Уточнить границы, — распорядился я, — и прислать сюда священников. Если и у них не получится, то это природный феномен... Будем думать на досуге. А пока, конеч-

но, пообедем. Благородные лорды, это не трусость, а мудрая осторожность. Мудрая!

Перед закатом я остановился, ожидая подхода основного войска, и залюбовался, увидев, как мчатся по раскаленной степи в облаке золотой пыли. Показалось, что скачут в озере расплавленного солнца, что передвигается вместе с ними.

Я напряг слух и расслышал грозную музыку в бешеном грохоте копыт, от которой у каждого мужчины начинает чаще стучать сердце, а кровь вскипает.

Подъехал сэр Норберт, обвел рукой окрестности:

— Привал?

— Заночуем, — согласился я. — Место удобное. Завтра с утра двинемся дальше.

Закат на равнине всегда великолепен, если небо чистое или вот так, с белоснежными горами облаков, что сперва заалели, потом стали пурпурными, а в конце налились багровостью так, что должны бы обвиснуть, как вата, пропитанная кровью, однако цвели пышно и нежно, библейски величественные, громадные, намекающие на неизведанные выси и глубины.

Солнце пламенело так, что глазам больно рассматривать его разбухший диск, затем слишком быстро померкло, угасло еще до того, как коснулось темного края земли, а туда опустился уже едва различимый глазом остывающий диск.

Почти прозрачное пламя костров с наступлением сумерек становилось все материальнее, осязаемее, и тьма шаркалась испуганно от каждого движения языков огня.

У нашего костра жарили мясо и насыщались сэр Растер, сэр Альвар, Зигфрид, последний со все возрастающим беспокойством поглядывал на сэра Растера.

— Ну и жрет, — сообщил он встревоженно. — Может быть, зря мы его с собой взяли?

Сэр Растер пробурчал с набитым ртом:

— Есть люди, у которых обедов больше, чем аппетита, а



есть и такие, у которых аппетита больше, нежели обедов. Так что ж мне, разорваться? У меня вообще-то аппетит всегда приходит вовремя, а вот с едой у нас обычно запаздывают.

— Хорошо бы, — буркнул Альвар, — если бы у него аппетит приходил вместо еды.

Подошел сэр Норберт, присел на правах не столько гостя, как хозяина, ибо вне пределов городов он чувствует себя самым главным.

— Хорошее место, — сказал он. — И красиво.

Сэр Растер посмотрел на него с подозрением:

— Сэр Ричард, а не побрызгать ли на сэра Норберта святой водой?

— Зачем?

— А хочется посмотреть, — объяснил он, — каким голосом он закричит, когда превратится в огромного волка... или в летучую мышь... или в сову...

— Почему в сову? — удивился сэр Альвар. — Наш дорогой друг больше потянет на медведя.

— Так все-таки побрызгаем?

Сэр Арчибальд потряс головой:

— Ни за что. Разве нам не жаль потерять такого друга? А то, что он восхищается ночью, луной и прочими нечистотами... просто промолчим перед инквизицией.

Сэр Норберт, человек суровый и старомодный, к шуткам не больно склонный, молча сопел и даже улыбался, делая вид, что зубоскальство молодежи его не задает.

Утром позавтракали как можно быстрее, все горят желанием побыстрее добраться до замка самоуверенного лорда Сулливана. Я выехал во главе головного отряда и размышлял, что любая война популярна лишь в течение первых тридцати дней. Потому и с этим походом нужно решить все как можно быстрее, пока энтузиазм не угас. Но решить... гм, умело. Если поступать слишком жестоко, постигнет неудача, если слишком мягко, сам окажешься в

оковах. Пусть не в реальных, но когда тобой руководят обстоятельства или соратники — тоже вариант не лучший.

Я вздрогнул, рядом раздались взрывы хохота, рыцари весело ржут над незамысловатыми шуточками, я прислушался, темой был отставший в арьергарде сэр Растер и его богатый опыт общения с военнопленными, который он перенес и в залы дворцов Геннегау.

— Да, — сказал сэр Арчибальд, — наш дорогой сэр Растер довольно бесцеремонен.

Палант поддержал:

— Все верно. В прошлый раз он вломился ко мне в покои в самый неподходящий момент...

— Какой?

Палант скромно и в то же время скабрёзно улыбнулся:

— В очень интимный. Ты же знаешь, я пользуюсь вниманием местных девушек...

Альвар сочувствующе сказал:

— Хорошо, что в тот интимный момент ты был один.

Остальные захохотали, Палант не сразу понял, почему такой довольный рев, конфузливо улыбался, отчего хохот стал громче. Его хлопали по плечам, клялись в дружбе и предлагали за это выпить. Громче всех ржал Альвар, совсем как жеребец во время гона, Палант наконец всмотрелся в него с проснувшимся подозрением на честном лице.

— Сэр Альвар, — проговорил он, — а что вы имели в виду насчет моего одиночества... в неподходящий момент?

Сэр Альвар заржал еще громче, но Палант стиснул челюсти и начал смотреть с вызовом.

Альвар махнул рукой и сказал весело:

— Не обращайтесь внимания!.. га-га-га!.. Я просто пошутил.

— За такие шутки, — объявил сэр Палант, — войну объявляют! Да что там войну, могут вообще в морду дать.

Сэр Ульрих подъехал ко мне ближе, в чистых глазах проступила непонятная печаль.

— Здесь все другое, — сказал он, — и солнца слишком



много, и деревья другие, и птицы, и люди одеты иначе... Я уже начинаю скучать о суровом крае моей Армландии. Там проще, беднее, но роднее. А как вам, сэр Ричард?

Я посмотрел в его ясные глаза и вроде бы уловил невысказанный вопрос.

— Хотите спросить, не боюсь ли погибнуть так далеко от дома?..

Он торопливо кивнул:

— Простите за такую откровенность...

Я успокаивающе кивнул:

— Все правильно, всяк иногда задумывается о таком. Но разве это место дальше от небес, чем мой дом?.. Господь увидит меня всюду.

Он перекрестился торопливо, лицо прояснилось.

— Простите, сэр Ричард, как-то об этом не подумал.

Я добавил:

— Потому дикари и язычники — недалекие люди, что завещают переправить их труп в родные земли и захоронить в определенном месте. Для Господа — нет мест лучше или хуже, он все сотворил с любовью. И, добавлю, для него вообще нет мертвых, сэр Ульрих!

Он отъехал, на лице глубокая задумчивость, старается понять последнюю фразу, временами лицо вспыхивает внутренним светом, приближается к пониманию, но справа и слева уже едут сэр Альвар и сэр Арчибалд с его скабрезными орифламскими шуточками, толкают и теребят, приглашая присоединиться к обсуждению прелестей леди Ксантии, и глаза Ульриха меркнут, хотя губы раздвигаются в готовности улыбаться и смаковать некие интересные моменты из богатой истории леди Ксантии.

В селе по дороге наткнулись на бродячего проповедника, горячо и страстно говорит о приближении Страшного суда, о новом всемирном потопе, что вот-вот обрушится на людей. Я вслушивался внимательно, нет ли ереси, но этот держится в рамках, а это значит — ничего интересного.

Ульрих, чистая душа, тут же все принял на веру, встре-

вожился, я видел, как мысленно перебирает свои грехи, прикидывая, готов ли уже предстать перед Господом или надо успеть добавочно в чем-то очиститься.

— Сэр Ричард, — спросил он дрогнувшим голосом, — а что вы думаете насчет нового потопа?

Я отмахнулся:

— Этого не будет. Зачем Господу повторять неудачный опыт?

— Значит, — спросил он упавшим голосом, — Господь придумает что-то другое?

— И не один раз, — заверил я.

— Вы умеете говорить приятное, сэр Ричард!

— Единственная причина, — сказал я, — почему Господь еще не послал второй потоп, — наши дети. Вообще дети.

Арчибалд прислушивался к нашему разговору, заметил рассудительно:

— На них, конечно, надежды больше... гм... но с такими отцами, каким будет сэр Ульрих...

— На себя посмотрите, благородный сэр, — выговорил с невыразимым презрением сэр Ульрих, — уж вас точно утащат в ад! И будут там вилами тыкать в бока!

— Ну хотя бы копьем? — спросил сэр Арчибалд.

— Копья не предусмотрены, — отрезал сэр Ульрих. — Вилами, вилами!.. Мужичками.

Сэр Растер наконец нагнал нас, огромный и массивный на огромном коне, прогудел гулко, словно из-под великанского колокола:

— У нас потопа не будет. В других королевствах пусть, безбожников не жалко, а мы тут почистили, почистили... Вон сэр Ричард вообще строит Царство Небесное, а тут еще из Ватикана понаехали...

Настроение мое сразу испортилось, эти ватиканцы уже не только у меня в печенках сидят, я пробормотал раздраженно:

— Государство существует не для того, чтобы превра-



щать земную жизнь в рай! А чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад.

Ульрих добавил:

— А в рай ее могут и должны превращать не государи и майордомы, это не их задача, а подвижники.

Растер сказал хмуро:

— Кто бы спорил... Мир держится на подвижниках! Пока они есть, людям есть зачем жить. Когда подвижников становится очень мало, Господь задумывается: стоит ли такому народу жить? А если подвижники исчезают везде, народ превращается в животных. А Господь творил все для человека, а не тварей неразумных...

Арчибальд спросил задиристо:

— И что?

— А то, — ответил Растер хладнокровно. — Новый потоп будет! Только уже огненный, как и было предсказано. Недаром же Сиф, которому это было известно, один свод законов высек на камне, чтоб уцелел при первом потопе, а второй повторил на глине, та в огне лишь станет тверже.

Ульрих проворчал обеспокоенно:

— Ну, надеюсь, хоть один подвижник да уцелеет... Нам священник говорил, Господь наслал потоп, когда умер последний, а на смену никто не пришел. Такому народу в самом деле жить незачем.

— Вообще-то, — сказал Арчибальд, в его глазах мелькнула смешинка, — нельзя полагаться на случай. А вдруг подвижник не появится? Давайте сами его вырастим, а то и вовсе сделаем. Например, сэр Ульрих. Он самый серьезный. И бороду собирается отрастить. Это уже полдела, как вы понимаете...

Рыцари оживились, посыпались шуточки, тем более веселые, что сперва поговорили вроде бы про очень серьезные и высокие материи, а человек не может долго парить в небесах, тянет на грешную землю, где и зерна, и спелые самочки, и другие петухи, с которыми можно и нужно податься.

Глава 6

Сэр Норберт был прав, говоря о трудных дорогах к владениям мятежного герцога. Земные катаклизмы так изломали земную кору в этих местах, что нам приходилось тащить коней в гору, проводить по узким тропкам над пропастями, спускаться едва ли не в ад, где кипит и плещет раскаленная магма, и тут же снова карабкаться наверх.

Но и здесь люди живут, и, надо сказать, живут неплохо. Вулканические выбросы настолько удобрили землю плодородным пеплом, что урожаи тут снимают дважды в год, недорода не знают, коровы и овцы приносят двойной приплод, даже у кобыл обычно рождается по два жеребенка.

Сэр Ульрих осматривал добротные дома, вздыхая, явно вспоминая бедные избушки в своих владениях, а то и вовсе землянки, крутил головой и довольно резонно ссылался на то, что тут и зимы не бывает, а люди вообще живут сами по себе, даже налогов с них не берут... наверное.

Войско пошло мимо и дальше, а мы с группой рыцарей заехали в село. Сэр Растер сразу же сунулся в местный кабак, я с любопытством осмотрелся в середине села, народ выглядит диким, одеты чуть ли не в звериные шкуры, в то же время все выглядят здоровыми, сытыми и вполне довольными жизнью.

— Уже догадываюсь, — проронил сэр Арчибальд, — о чем думаете, сэр.

— О чем?

— Как бы проложить сюда дороги, — сказал он, — да запустить сборщиков налогов!

— Неужели все так видно? — удивился я.

Он засмеялся:

— Нет, но о чем должен думать в таких случаях лорд в первую очередь?

— Ну-у, — протянул я, — не все так просто. Налоги следует брать, если что-то даешь взамен. К примеру, хотя бы защиту. Но они защищены самой природой. Значит, я



должен дать либо учителей, либо лекарей, на оплату которых и пойдет часть налогов... А так просто облагать — грабеж. Они должны видеть, куда идут их деньги.

Он задумался, поскреб затылок:

— Я как-то не продумывал так далеко, сэр Ричард. Пожалуй, не пойду в майордомы.

— От вас не первого такое слышу, — сообщил я.

Со стороны таверны раздался яростный вопль, треск дерева, грохот, звон, снова гневные и перепуганные крики.

Сэр Ульрих спросил испуганно:

— Что там случилось?

Арчибальд прислушался, отмахнулся:

— У сэра Растера лопнуло терпение.

— Терпение, — добавил Альвар знающе, — всегда лопается с очень громким звуком.

— Если сэра Растера обидели, — предложил Ульрих кровожадно, — можем устроить им кровавую баню! Формально эти люди принадлежат отложившемуся герцогу Джонатану, значит, их можно рассматривать как добычу.

Они все посмотрели на меня с ожиданием. Я вздохнул и развел руками.

— Они не враги, — объяснил я державно, — а мы не захватчики, а эти самые... освободители! И не хихикайте, сэр Арчибальд, мы пришли освобождать не их дочерей от девственности, а сараи от кур и гусей, а... ну... да, освобождать их души! Как от чего? От чего надо, от того и освободим! Однако есть категория, которые все-таки враги, где бы они ни находились, тут или здесь!.. Это колдуны, маги, черно-книжники, предсказатели и гороскопщики... а также все, кто служит черные мессы. Посещающие такие непотребства... тоже полувраги, но тут надо смотреть по обстоятельствам. Это я специально для сэра Альвара, который, как младший соратник сэра Растера, мучается от неисполнения некоторых законных прав завоевателей. Кстати, как там у вас с гарпией, кто-нить расскажет?

Двери таверны распахнулись, вышел довольный сэр

Растер, шляпа набекрень, перья исчезли, на ходу посасывал сбитые в кровь костяшки пальцев.

— Что там? — спросил сэр Арчибальд заинтересованно.

— Да так, — ответил сэр Растер небрежно. — Пустяки. Я спросил, почему у них даже крохотной церкви нет. Любое село начинается с нее, потом только строят дома...

— И что?

— А ничего, — ответил он хладнокровно. — Слово за слово... В общем, поговорили. Дискуссия, уж простите за умное и непонятное вам слово.

Сэр Арчибальд оглянулся на меня:

— И что? К какому выводу пришли?

— Я объяснил, — ответил Растер, — церковь необходима. Они утверждали, что у них ее нет.

— Церкви?

— Необходимости!

Он тоже посматривал на меня, я сказал твердо:

— Кто противится Церкви — тому конфискация имущества и земель.

Растер спросил опасливо:

— Конфискация... это что?

— Это когда не спрашивают, — объяснил я, — хочешь ли принести государству пользу в особо крупных размерах.

Крестьяне выходили с ведрами и охотно поили наших коней, разглядывали огромных животных с великим любопытством. Дети совали им сочные листья в морды, кто-то кормил сахаром, ненавязчиво хвастаясь достатком.

Сэр Растер взобрался на своего всегда полусонного коня, разобрал повод, Арчибальд обронил:

— В общем, вы доступно объяснили местным мировоззрение крестоносцев.

— Да, — ответил Растер гордо.

— А как же, — спросил Арчибальд лукаво, — насчет заповеди: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой?



Растер замялся в затруднении, посмотрел на меня с вопросом в глазах:

— Сэр Ричард... а как правильно?

Я тяжело вздохнул:

— Да, когда-то так и будет, как говорит благородный и местами чистый сердцем сэр Арчибальд. А пока поступай с другими так, чтобы они не успели поступить с тобой так же.

Растер приосанился и посмотрел на сэра Арчибальда орлом поднебесным, так царь птиц смотрит на толстых глупых гусей, что даже не почувствуют, когда поднимутся в воздух, почему и как их сверху что-то ударит.

Мимо нас промчался легкий конник сэра Норберта.

— Сэр Ричард! — крикнул он. — Крепость лорда Сулливана уже совсем рядом! Не отставайте.

— Вперед, — сказал я. — Негоже, если сэр Норберт вступит в бой первым.

Опоздавшие быстро взбирались на коней, топот копыт быстро набирает мощь, мы помчались неуправляемой стальной лавиной, готовые ударить и сломить любого врага, что посмеет встать на дороге. У каждого рыцаря счастливый задор на лице и блеск в глазах, каждый мечтает ворваться в самую гущу противника и повергать красиво и мощно, чтобы им любовались, ибо совершить подвиг — это самое сокровенное, о чем мечтает любой рыцарь.

Мои деды и прадеды, судя по рассказам, сражались за победу, за полную победу, а также за победу любой ценой. Потом уже в мое время пришло что-то нелепое, что никак не укладывается в мозгу, даже если расположить вдоль спинного: остаться в живых, уцелеть, а также — уцелеть... любой ценой!

Сколько ни ломал голову, понять не мог: уцелеть в бою — это значит бросить оружие и сразу же драпать с поля битвы?.. Любой ценой — это ценой предательства, измены? Если враг захватит тебя в плен и прикажет резать тупым ножом жену и детей, плюнуть на иконы, отречься от

Родины, пойти вместе с врагом жечь и убивать моих родных — это не только можно, но и нужно? Так велено, ведь любой ценой, это любой? Я слышал даже «уцелеть во что бы то ни стало» — тот еще шедевр...

Далеко на самом краю земли неожиданно и ярко блеснуло, словно там еще одно крохотное солнце. Судя по карте, это сияет металлической крышей крепость лорда Сулливана. На самом деле вовсе не крепость, как сказано деловито в примечании, а большая сторожевая башня, очень широкая и просторная, но в ней могут укрываться с полсотни воинов, а еще с боков давно выросли неизбежные домики-казармы, кузницы, оружейная...

Всадники пустили коней шагом, сэр Норберт уже ждал нас, велел коннице остановиться и ждать подхода пешего войска.

— А нам, сэр Ричард, — сказал он твердо, — лучше покинуть седла.

Я искоса взглянул в его суровое лицо. Для него я сейчас и не майордом вовсе, настолько он в своей стихии, все видит, все схватывает, просто прекрасно, побольше бы таких.

— Хорошо, сэр Норберт, — сказал я послушно.

Он даже не обратил внимания на мой смиренный тон, а как же, мол, иначе, на войне командует тот, кто лучше разбирается в обстановке, соскочил первым.

Сзади подбежал молодой воин и принял наших коней.

— Пойдемте, — сказал Норберт, — сэр Ричард. Здесь удобные овраги... Неглубокие, но трава выше головы.

— А когда вылезем?

— Там трава ниже, — ответил он. — Пойдем, как два льва.

— На четвереньках?

— Ну да...

Воин с конями остался далеко позади, мы углубились в овражек, трава в самом деле выше даже моей головы, хотя нас в низинке все равно не видно, а когда начали подниматься, сэр Норберт сказал негромко:



— А теперь очень осторожно...

— Увидят?

— Могут. Так что голову не поднимать...

И снова повелительный голос, мог бы «не поднимайте, пожалуйста», а он коротко и властно «не поднимать», что значит берет на себя командование и всю ответственность, что мне как медом, побольше бы таких...

Осторожно выбравшись из оврага, мы осторожно осматривались, сэр Норберт тронул меня за локоть:

— Вот там на большом холме сторожевой пост...

Я рассмотрел на вершине высокий столб, вкопанный в землю, со всех сторон навалены поленья, щедро пересыпанные сухим хворостом. В сторонке у костра сгорбился человек, если не подводит зрение, в кожаных доспехах, шлем из металла, на поясе короткий меч. У подножия холма две оседланные лошади, тонконогие, сухие, такие могут мчаться целые сутки, не зная устали.

— Его не миновать, — прошептал Норберт.

— А надо бы, — ответил я шепотом. — Давайте подберемся ближе.

Он поморщился, не рыцарское это дело, двигаться на четвереньках в высокой траве, а то и ползком, но если сюзерен не считает для себя зазорным, то и ему не стыдно ползти, словно простолюдину, пытающемуся уворовать у соседа гуся.

— Людей двое, — прошептал он.

— Второго не вижу, — ответил я.

— Видать, отлучился за хворостом...

— Взял бы из сигнального костра, — сказал я. — До чего же честные люди... и не с нами, обидно.

Он ухмыльнулся, сочтя шуткой, мы продвигались все медленнее, замирая при каждом движении часового. Он поджаривал, нанизав на прутик, на раскаленных пурпурных углях корочку хлеба, задумчиво хрустел им на крепких молодых зубах.

Я потянулся за луком, когда он поднялся и, разминая

затекшие ноги, пару раз присел. Едва он повернулся к нам спиной, я молниеносно наложил стрелу на тетиву, торопливо прицелился. Струна больно щелкнула по пальцам, хотя я надел рукавицу. Норберт довольно охнул, когда далекая фигурка подпрыгнула, между лопаток мелькнуло белое оперение стрелы.

Когда он медленно повернулся, перед тем как рухнуть, мы увидели высунувшийся из груди окровавленный наколечник.

— Мощный удар, — сказал Норберт благоговейно. — Насквозь...

— Доспех кожаный, — возразил я. — Стальные бы так...

— Для часовых, — уточнил он, — важна скорость, а не защита...

Я убрал лук, мы начали спускаться уже без особой боязни, других часовых нет. Норберт шепотом начал просить научить стрелять так же, разведчикам это нужно позарез, но взглянул наверх и вскрикнул отчаянно:

— Что этот гад делает... Остановите!

Часовой, которого мы считали убитым, подтянулся на руках, оставляя кровавый след, сунул руку прямо в костер. К нам донеслось страшное шипение горящего человеческого мяса, а он ухватил в пригоршню горсть пурпурных углей.

Я поспешно схватил лук, Норберт с мечом наголо бросился на холм и уже был в двух шагах от умирающего, когда тот швырнул угли в заготовленную поленницу дров. Огонь вспыхнул резкий и яркий, сразу взвился оранжевым столбом.

Аромат горячего масла поплыл по воздуху, пламя охватило всю кучу, заревело, заставив нас отступить.

Норберт снял шлем и склонил голову, отдавая честь последнему поступку воина. Я подошел тяжелыми шагами, со скрытностью войска покончено.

Норберт сказал отчаянно:

— Он же был почти мертв!..



— Герои не умирают сразу, — ответил я невесело.

— Это был настоящий мужчина, — согласился он. — Сэр Ричард, что теперь?

Я с печалью смотрел на убитого, не просто боевая единица, каких много, в самом деле человек.

— Огонь увидят, — сказал я. — Уже увидели. Так что таиться больше не получится.

— Пойдем с развернутыми знаменами?

— Да, сэр Норберт. Скажем, что уступили настоянию наших отважных рыцарей.

Глава 7

Войско с развернутыми знаменами двигалось широкой волной по долине, чтобы не глотать дорожную пыль. Дважды видели пылающие костры на вершинах холмов, о нашем продвижении предупреждают все дальше и дальше. Крепость лорда Сулливана, как рассмотрел я уже вблизи, хоть и не замок в прямом смысле, но начинает в него превращаться: огорожена рвом, перед воротами переброшен широкий подъемный мост.

По мере того как мы приближались, из долины убегал народ, наступающие всегда бесчинствуют, а когда мы оказались в опасной близости к крепости, мост дрогнул и поднялся, оставив между нами и широкой башней глубокий ров с блестящими на дне остриями копий.

— Это не крепость лорда Сулливана, — сказал Норберт мрачно. — Его дальше.

— А это чья?

— Одного из вассалов, — объяснил он. — Хорошо действует, мерзавец. Поспешил укрепить, собрал неплохой отряд защитников...

Я отдал приказ разбить лагерь и выставить часовых, мы с группой военачальников выехали вперед и внимательно осматривали эту маленькую, но неприятную крепость.

— Там слишком много народа, — заметил сэр Альвар. — Любые запасы провизии скоро закончатся.

— Да, — согласился сэр Растер глубокомысленно, — им ничего не останется, как начать переговоры о сдаче... Как вы думаете, сэр Ричард?

Я ответил с раздражением:

— Нам идти дальше, а не заниматься никчемной осадой!

— Предлагаете штурм?

— Я ничего не предлагаю, — огрызнулся я. — Подумать сперва не пробовали? Вы не представляете, но, оказывается, думать можно не только после, но и заранее! Я сам это недавно открыл. Искренне рекомендую.

Сэр Альвар ответил миролюбиво:

— Хорошо, давайте сперва подумаем, хотя и непривычно как-то... Думать, когда нужно действовать? Будто мы и не рыцари, а не знаю кто. И вообще...

Наверху башни несколько человек кривлялись и выкрикивали ругательства в мой адрес. Я помалкивал, что-то здесь не так, они ж понимают, что их песенка спета, рано или поздно захвачу эту груду камней, а затем всем припомню, кто что обо мне говорил...

Наши лучники пробовали обстреливать из луков, я с гордостью видел, что композитные луки бьют на треть дальше обычных и достигают верха башни. Тяжелые стрелы со стальными наконечниками высекают злые искры о камень стен, однако оскорбители умело прячутся за барьером, а в ответ стреляют сами. Правда, безуспешно, после долгих перестрелок двое наших получили легкие царапины, а достали ли кого-то из местных, неизвестно.

Рыцари обсуждали, кто поведет на штурм, самому майордому зазорно заниматься такой мелочью, сэр Растер тоже вельми солиден и грузен, Арчибальд слишком родовит, а в той башне нет ни герцога, ни даже графа...

Альвар сказал весело:

— Поставим виконта Штаренберга из Фезензака? Он



горит безумной отвагой, прям как сенмариец, громко восхищается вами, сэр Ричард, и готов служить вам душой и телом.

— Слишком громко, — ответил Арчибалд, поморщившись. — И часто. Как будто торопится, чтобы поскорее его слова попали майордому в уши.

Я проворчал:

— Может быть, это и хорошо? Если он всего лишь ви-конт, то ему не место в главном зале, и на глаза мне попасть трудно. Я не против. Но вообще-то решайте сами.

Я мудро удалился, чем больше у них самостоятельности, тем больше и ответственности. Если все возьму на себя, то в случае неудачи я полный дурак, что не умеет руководить, зато в случае победы я в любом случае, кто бы ни командовал штурмом или осадой, — победитель!

Азию завоевал Александр Македонский, хотя у него были гениальные полководцы, Рим потрянул Ганнибал, хотя еще его отец Гадзрубал все подготовил и обеспечил наступление, но слава все равно достается тому, кто у руля.

На вершине среди зубцов блеснуло зеленым. Я ощутил страшный удар в левую сторону груди, небо и земля поменялись местами. Я грохнулся о землю, перекатился несколько раз, загребая полные пригоршни, дыхание сперло, дышать тяжело, панцирь смят, как лист бумаги, вмятина с радужными краями, словно железо мгновенно раскалилось и тут же остыло.

На башне снова блеснуло. Инстинктивно я прямо с колен метнулся в сторону, упал и откатился в сторону. На том месте взметнулся гейзер горячей земли, пахло жарким воздухом и гарью.

Донесся яростный крик:

— Колдуны!.. У них мишень — наш Ричард!

— Спасайте сэра Ричарда!

— Быстрее к нему...

Я слышал сзади быстро нарастающий стук копыт, но сам следил за вершиной башни. Там среди зубцов появ-

вилась фигурка в темном. Как только вскинула руки, я метнулся вбок, и тут же вспыхнуло зеленым, а в землю ударило незримой молнией.

Подняться я даже не успел, налетели всадники, ухватили, я ощутил, как волокут по песку, я прочертил, даже прорыл мордой, как плугом, несколько ярдов, а когда выпустили из рук, башню загородили деревья.

Ярость ударила в голову, давно меня так не оскорбляли, я заорал люто:

— Зайчик! Ко мне!

Прогремел топот, рыцари поспешно расступились, в круг влетел мой черный и страшный жеребец, глаза налились кровью, из ноздрей начинает виться дымок.

Я вскочил в седло, меня трясло, как никогда в жизни, да что же это со мной, я даже не заорал, а в ярости завизжал, как придушенный поросенок:

— Убьем их всех!

Я ощутил, что этот визг, наполовину нечеловеческий, меня самого наполовину превратил в зверя, а рыцарей подстегнул, как кнутом. Все вскакивали в седла, я выхватил меч и, указывая на башню, прохрипел:

— Там... враги!

За мной начал нарастать тяжелый грозный топот, мы пронеслись через расположение наших войск, пешие воины вскакивали и тоже хватались за оружие.

Башня приближалась, я поглядывал на вершину, готовый хотя бы попробовать закрыться щитом, но там лишь появились лучники между каменными зубцами.

Мост поднят, в лагере вокруг башни началась суматоха, никто не ждет такого неожиданного и глупейшего нападения, а Зайчик длинным прыжком перемахнул ров с его ошетинившимися остриями на дне. Я направил его к подъемному мосту и одним яростным ударом меча перерубил толстый канат.

Три стрелы ударили в грудь, я вскрикнул от жгучей боли, арбалетные болты пробили ногу, плечо и спину, но



мост уже обрушился с грохотом. С той стороны с дикими криками ринулись воодушевленные рыцари и кнехты.

В лагере раздавались крики ужаса, большинство от неожиданности бросились врассыпную, немногие пытались сопротивляться, их рубили без всякой жалости, кровь брызгала на доспехи и щедро плескала на землю.

Я соскочил с коня и с мечом в руке начал прорубаться ко входу в башню. Здесь пришлось драться с ошестинившимися копьями воинами в стальных доспехах, я только начал рубить острия пик, как страшный удар в бок сбил с ног.

Огромный конный рыцарь, что сшиб меня на землю, развернул коня и замахнулся чем-то огромным. Я перекатился через голову, вскочил, но только и успел увидеть стремительно надвигающийся молот. Дернул головой, но получилось хуже: удар пришелся не в лоб, а чуть сбоку, захватив и расплющив ухо. Дикая боль обожгла, в голове раздался страшный рев и гул, руки ослабели...

В сторонке один из наших пеших ратников сражался против двух закованных в сталь копейщиков, увидел меня поверженным, заорал, бросился в мою сторону и с такой яростью начал размахивать мечом, что от него попятились и начали окружать, чтобы ударить в спину. А он орал, выкатив бешено глаза, рубил и по воздуху, а когда трое бросились вместе, так отважно встретил напор, что остановились и даже попятились, а он, пользуясь моментом, одному разрубил голову, хотя и сам получил две раны в руку и плечо.

Я кое-как поднялся, в голове все еще гул и рев, кровь течет по левой стороне и затекает под рубашку. Дрожащие пальцы снова ощутили рифленую рукоять меча, я поднял его уже без усилия и сам пошел взвинчивать темп и рубить быстро и зло.

Солдата ранили еще и еще, но он продолжал драться, закрывая мою спину. К нам наконец пробились сэр Арчибальд и Растер, а также Ульрих с Палантом, закрыли щитами, я с негодованием заорал, что со мной все в порядке, и повел их на захват башни.

Копейшиков наконец смяли и яростно вбивали в землю. Кто-то из рыцарей метнулся по ступенькам вверх, я придержал себя и заставил вернуться к спасшему меня солдату.

Он лежит под стеной, куда отволакивают умирающих, я подбежал торопливо, не прощу себе, если опоздаю, и, присев на корточки, положил ладонь на залитую кровью грудь.

Через несколько мгновений веки затрепетали. Он поднял их, глаза светлые, и хотя сосуды полопались от перенапряжения, но кровь уже ушла из глазных яблок, пропитывая под ним землю.

— Ты чего глаза закрыл? — спросил я сердито.

— Мне некому их закрыть после смерти, — прохрипел он. — Потому... мой лорд... сделал все сам.

— Как ты о других заботишься, — едко сказал я. — Спасибо! Ты оказал мне бесценную услугу, шкура мне еще нужна. Как водится в этом мире, я отплачу черной неблагодарностью и окажу тебе услугу хуже некуда. Ты назначаешься командиром Темных Беркутов.

Он вздрогнул, попробовал приподняться, оперся на локоть.

— Темные Беркуты? Это же отборная сотня!

— Люди неблагодарны, — напомнил я, — в другой раз подумаешь, спасти ли лордов!

Мы с сэром Арчибалдом прошли дальше, только он обернулся и подмигнул новоиспеченному сотнику и постучал пальцем по кошельку на поясе, намекая на высокое жалованье.

Сэр Ульрих спустился с башни и сообщил озадаченно, что никого там не нашел. Сэр Норберт обеспокоился, хотя не показал виду, велел привезти одного из уцелевших лучников, бил его плетью и спрашивал, куда делись колдуны.

Лучник, обливаясь кровью, вопил:

— Я ничего не знаю!... Я ничего не знаю!

В конце концов сэр Норберт, сам утомившись, зарубил его, а мне сказал со вздохом:



- И как только живут, ничего не зная?
— Дикари, — посочувствовал сэр Альвар.

Я молча пошел по ступенькам вверх, настороженный, часто останавливаясь, задействовал тепловое и запаховое зрение. Рыцари попробовали сунуться за мной, я посоветовал заняться вражеским лагерем, вдруг да что отыщется ценное, они с удовольствием повиновались и вернулись.

Ступеньки полустертые, башня древняя, камни побелели, как морда старой собаки, я поднимался как можно тише, ноздри уловили новый запах, и почти сразу я увидел за поворотом, почти на той стороне башни, расплывающийся силуэт в шероховато-кислом цвете.

Лук не поможет, через десять-двадцать ступенек окажусь лицом к лицу, а пока нас разделяет каменное основание. Я приготовил нож, даже для броска не будет размаха, начал продвигаться на цыпочках, задерживая дыхание.

Человек, которого не увидеть в обычном диапазоне, с луком в руках сидит на ступеньке и перебирает разложенные рядом стрелы. Почти все с белыми перьями, но две с ярко-красными и одна со зловеще-черным нехорошим металлическим оттенком.

Я сделал еще шаг, занес нож рукоятью вперед для удара в висок, как вдруг сверху раздался режущий уши вопль:

- Карган!.. Смотри слева!..

Засадник резко обернулся, удар пришелся ему в переносицу. Я тут же поспешно полоснул лезвием по горлу, взглянул вверх и прыгнул в сторону, покатился, успев увидеть, как там из ниоткуда поднялся багровый силуэт с вытянутыми вперед руками, как при стрельбе из арбалета, большого арбалета.

Раздалось шипение, в лицо ударила волна тугого горячего воздуха. Зеленая вспышка осветила стены до мельчайших подробностей, тут же погасла, погрузив мир на короткий миг во тьму. Камни злобно шипели, потекли красные

струи, а в месте удара осталась выжженная дыра с оплавленными краями.

Я привстал на колени и тут же метнулся за следующее укрытие, а огненная стрела ударила в то место, где я стоял. Волна жара опалила лицо и сожгла брови, на полу расплылась лужа расплавленного камня.

Страх трепал меня, как ветер флажок, ноги понесли бегом вверх по лестнице, но остановился вовремя, эта сволочь просто встретит меня выстрелом в упор, с колотящимся сердцем и прижался к стене.

Некоторое время ничего не происходило, затем из-за поворота показался массивный человек в толстых кожаных доспехах, в руках тяжелый арбалет, стрела размером с дротик, наконечник светится ядовито-зеленым огнем.

Я затаил дыхание, вжавшись в стену и твердя про себя, что я всего лишь барельеф. Человек с арбалетом спускался уверенно, глаза не рыскают по сторонам, здесь все чисто, внимание направлено на поворот. Только оттуда покажусь, стрела шарахнет меня в середину груди и разметет на части... Да куда бы ни попала — верная смерть, такими сбивают и живучих драконов.

Он поравнялся со мной, я вообще не дышал, и лишь когда он сделал следующий шаг, я отклеился от стены и с силой ударил в затылок. Скрюченный палец дернул за скобу, стрела сорвалась с дуги и унеслась вниз, там вспыхнуло, зашипело, а тугая волна горячего воздуха ударила в нас даже оттуда.

Он шатался, поворачивался ко мне, я увидел искаженное болью лицо и непонимающие глаза.

— Что, — прошипел я, — не ждал такого исчезника? Или я настолько хорош?

Его рука поползла к рукояти кинжала на поясе. Я зло оскалил зубы и всадил лезвие своего ножа ему в горло по самую рукоять. Из перекошенного рта вырвался короткий хрип, тело начало опускаться на пол. Я успел выхватить из



рук арбалет, а тулу с тремя оставшимися стрелами снял уже с распростертого.

Внизу нарастал шум, по ступенькам простучали приближающиеся шаги.

Я услышал суровый голос сэра Норберта:

— Окружить башню!.. Сэр Палант и сэр Ульрих, берите людей и — наверх!

Я вышел наружу, в одной руке окровавленный меч, в другой — арбалет, сказал устало:

— Тревога отменяется.

Ульрих подбежал так, что едва не сшиб меня, лицо перекосило волнением.

— Сэр Ричард? Что это было?

— Их надежда, — ответил я. — Из-за чего они так были уверены, что мы не возьмем башню.

— А что там?

— Сходите проверьте, — предложил я. — Только эти ребята себе на уме. Они не стали защищать башню... что все их соратники так ждали. А вот ударить ночью... собирались.

Ульрих побелел, а у Паланта вырвалось злое:

— Это не по-рыцарски!

— А там не рыцари, — сообщил я. — Колдуны...

Он процедил сквозь зубы:

— Я теперь колдунов сам буду выискивать и жечь, жечь, жечь...

Он нервно оглянулся, внизу крики, довольный гогот, треск разрушаемой мебели. Слышно было могучий рев сэра Растера:

— А где сэр Ульрих? Он еще не прошел настоящего боевого крещения!

Ульрих вздрогнул:

— Ах да... Простите, сэр Ричард, побегу исполнять воинский долг!

— Но замок уже захватили, — напомнил я.

— А насиловать? — удивился он. — По праву победите-

ля?.. Не хочется, но... надо, увы. Иначе местные не ощутят своего настоящего положения.

Сэр Палант сказал быстро:

— Я с вами, доблестный сэр Ульрих.

Я напомнил сварливо:

— Вы же успели в числе первых!

— Помогу сэру Ульриху, — скромно сказал Палант. — Победы нужно закреплять, вы сами сказали.

Я буркнул:

— Я имел в виду законы, налоги... Эх, ладно, идите.

Сэр Палант предложил:

— Пойдемте с нами, сэр Ричард? Я не знаю долга, который выполнять было бы столь... необременительно.

Я вздохнул:

— Увы, я по рангу должен насиловать жену хозяина замка. Или дочерей. Но этот гад заблаговременно услали их в дальние владения. Так и останусь в недоизнасилованности.

Сэр Палант вздохнул сочувствующе, а добрый Ульрих пообещал уже от дверей:

— Мы их для вас разыщем!

И они унеслись, прыгая через две ступеньки, спеша выполнить воинский долг закрепления крепости за новой властью.

Глава 8

Я прошелся по захваченной крепости, самые ушлые уже заняты грабежом, опоздавшие все еще донасилавают женщин, везде витает победный дух довольства.

Сэр Арчибалд приблизился тихонько, я на всякий случай посмотрел по сторонам, молодой военачальник явно желает, чтобы разговор был наедине.

— Сэр Ричард, — проговорил он тихо, — если доверяете мне...

— Ну конечно! — воскликнул я. — Разве я давал повод усомниться?



Он потряс головой:

— Именно потому и прошу позволения повести свой отряд вперед, пока войско отдыхает. У меня все конные, нам проще. Но главное, у меня только орифламцы.

— Спасибо, — прервал я. — Я все понял, сэр Арчибалд, и благодарю за понимание ситуации. Если бы вы были женщиной, я бы расцеловал вас.

Он опасливо отодвинулся:

— Слабо богу, я самец. И хочу, чтобы вы, сэр Ричард, все-таки знали...

— Что?

— Я делаю это ради единства Орифламме, а не ради вас.

Я кивнул:

— Спасибо, сэр Арчибалд. Я тоже все делаю не ради себя, а ради Отечества. Не того, которое есть, а того, которое будет. Успеха вам!

Мои рыцари удивились, что Арчибалд Вьеннуанский велел всем орифламцам снова сесть на коней, но ничего не спрашивали. Кто-то сразу понял, другим объяснили, уходящим даже прокричали «ура». Я тоже помахал рукой и улыбался беспечно и радостно, хотя на душе заскребли кошки.

Юный рыцарь, который считал за честь и счастье присоединиться к нашему войску, когда мы дрались с варварами, теперь частенько подчеркивает, что Орифламме — это Орифламме, а пришельцы с Севера всего лишь гости, что помогли освободиться от нашествия варваров. И даже союзники — Гандерсгейм еще предстоит завоевать, чтобы навсегда исключить оттуда угрозу. Однако дальше в присутствии войск армландцев необходимости не будет...

Наши раненые, как и вообще мужчины, переносили боль мужественно, не позволяли себе даже дрогнуть лицом или скривиться. Виконту Штаренбергу зашивали рану большой иглой, а он громко рассказывал, как в прошлом году вырастил сокола, ни одну утку не пропускает, представляете? Как горох на землю сыплются, когда он в небе! И гусей бьет...

Сэр Рикардо даже что-то напевал, когда ему отдирали от раны присохшие и почти окаменевшие повязки. Да и вообще все мужчины, будь это кнехты, лучники или даже возчики, терпели без стонов, мужественно улыбались, мужчина познается по умению выдерживать боль и тяготы.

Я невольно вспомнил, как в моем срединном вроде бы и суперподготовленные к боям орут и визжат, как свиньи, при малейшей ране, как дергаются и кривляются, когда им на царапину капнут йодом, как кричат дикими голосами, если прищемят пальчик. Ненавижу это плебейское выражение низменных чувств! Только скоты и последнее быдло, не умеющее себя контролировать, кричат от малейшей боли, а также при падении куда угодно, хоть на мягкую травку.

Раненые сдержанно улыбались, когда я здоровался, хлопывал их по плечу и шел дальше. Тяжелораненых сумел сделать легкоранеными, хотя двух-трех, не сумев сконцентрироваться, излечил полностью, что зря, даст повод к разным слухам, а они и так уже, как туман, начинают собираться вокруг моей фигуры.

Ближе к вечеру раздался частый конский топот. В лагерь ворвались конники сэра Норберта, в середине мчитсся рыжий жеребец с привязанным поперек седла человеком в рыцарских доспехах.

Сам сэр Норберт сияет гордой улыбкой, ловким движением перерубил веревки. Мужчина рухнул на землю, тяжело поворочался и поднялся на ноги. Рослый, хорошо сложенный, с угрюмым лицом человека сильного, хитрого, выживаемого, я бы даже сказал, беспринципного, если бы не боялся делать слишком далекоидущие выводы на основе первого взгляда. Руки его связаны за спиной так туго, что вывернуло плечи.

— Кто это? — спросил я у сэра Норберта.

Он ответил ликующе:

— Судя по гербу, это сам сэр Перкиноль. Ему было доверено охранять эту передовую крепость.



Я спросил неверяще:

— И он... бежал? Бежал, оставив своих соратников сражаться и умирать?

Сэр Норберт кивнул:

— Да, такой у них командир.

Рыцари собирались широким кругом, переговаривались угрюмыми голосами, лица медленно мрачнели. Позорным бегством сэр Перкиноль бросает тень на все рыцарство. Люди вообще-то подлые по натуре, охотно будут рассказывать о его бегстве и скажут, что все рыцари такие.

— Итак, — сказал я, — вы и есть сэр Перкиноль?

Он ответил осторожным голосом:

— Да, ваша светлость.

— Это вам была поручена оборона?

Он кивнул:

— Да, мне, ваша светлость.

— Почему оставили поле битвы?

— Сражение проиграно, — ответил он. — Вы беспримерно геройским поступком мгновенно определили его исход. Нас вдесятеро меньше, держаться могли только за широким и глубоким рвом. И за стенами, конечно. Но как только вы преодолели ров...

Я поморщился, кивнул:

— Но разве с вашей стороны это не было трусостью? Без вас сопротивление было сломлено почти сразу.

Он пожал плечами:

— Чуть раньше, чуть позже... какая разница? Я не хотел оказаться в числе убитых. У меня был амулет временной незримости... Я успел выскользнуть за пределы сражения раньше, чем его действие оборвалось. Но, увы, ваши разведчики рыщут всюду.

Все смотрели на меня в ожидании, я потер грудь, там все зажило, однако свербит и чешется, Перкиноль тоже смотрит внимательно, но без боязни.

Мелькнула мысль, что победившие идиоты всегда почему-то героя... привязывают. То ли над пропастью, то ли

над кипящей лавой, то ли над поднимающимися копьями или ямой с крокодилами, выдумать можно много чего, но главное тут — оставить привязанному нехилые шансы как-то выкарабкаться.

Я поколебался, спросил у сэра Норберта:

— Его хорошо связали?

— Надежно, — ответил он с недоумением. — А что не так?

— Все так, — успокоил я. — Эй, как тебя... иди сюда. Возьми вон тот меч, сруби этому гаду голову.

Ратник поднял брошенный кем-то из погибших меч, а сэр Норберт переспросил, не веря своим ушам:

— Здесь?

— Здесь и сейчас, — отрезал я. — А что вас волнует, любезнейший сэр Норберт?

— Да не по правилам как-то, — пробормотал он. — Надо же привезти в замок, бросить в темницу, там приковать к стене... может быть, придется пытаться, чтобы вывести, услышать...

— Что?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Может быть, крики послушать. Не знаю. Но так делалось всегда.

— Пришла заря нового мира, — сказал я. — Мы все еще рыцари, но уже не дураки! Эй, усач, ты слышал, что я сказал?

Ратник перехватил меч обеими руками:

— Да, ваша милость!

Я не спускал с них взгляда. Он поплевал на ладони, бодро замахнулся. Рыцари все еще смотрели с недоумением, не могу же я всерьез так просто и обыденно, все-таки сэр Перкиноль не простолюдин, а высокородный рыцарь...

Ратник все понял правильно: зазубренное лезвие меча с такой силой обрушилось на шею благородного сэра, что все услышали треск позвонков и сочный хряск разрубаемого мяса.



Голова слетела с плеч, словно ее сшибло бревном. Следом ударила бурлящая струя темно-красной, почти черной крови. Труп рухнул, заливая землю кровью.

Я сказал громко:

— Будем считать, что он погиб в бою. Так пусть и передадут его семье, да не будут его дети опозорены поступком такого родителя.

Все молчали, все еще шокированные, я сложил руки, воздел к небу лицо, прося прощение за очередное убийство, которого совершать не хотел, но надо, надо, мы же люди, затем опустил взгляд на распростертое тело, Перкиноль раскинул руки свободно, словно хочет обнять весь мир... хотя скорее заграбастать. Заграбастывателем вообще быть совсем неплохо для человека недалекого, но амбициозного.

Я вздохнул и сказал с горечью, надеюсь, с горечью:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Ночь мы провели в разгромленной крепости противника, место больно удобное, даже дрова для костров не нужно искать, запас на пару недель, канаты починили и мост подняли снова. Трупы сбросили в ров, разбили шатры, а самые отважные во главе с сэром Арчибальдом гордо заявили, что заночуют в самой башне.

Правда, всему войску нечего и думать, чтобы поместиться, основной лагерь разбили на опушке леса, там сразу началось веселье, ибо прежде, чем избавиться от трупов, забрали не только оружие и доспехи, но и хорошенько обшарили тайные карманы и пояса с кожаными отделениями для золотых монет и драгоценных камешков.

Утром ушли на восток, оставив за спиной полыхающую башню, хотя чему гореть, когда один камень. У меня осталось нехорошее чувство, что не все закончили, какой-то подлый враг все-таки уцелел и может напакостить еще.

До крепости сэра Сулливана осталось не больше пятидесяти миль, и когда впереди появился город, названный на карте Кракатаном, я хотел было вести войско дальше,

но рыцари заупрямились, сказали, что кони устали, а ослы вообще падают с ног.

Я вынужденно согласился:

— Ну что ж, мне не привыкать, наша жизнь и поступки в самом деле зависят от ослов.

Город невелик, чист, опрятен, большой и богатый рынок, все местные уже знают, что мы идем воевать с сэром Сулливаном, даже знают, сколько нас и кто ведет головной отряд. Арчибальд горделиво выпрямлялся в седле, но лицо становилось все обеспокоеннее.

Мне указали на гильдию наемников, вообще-то никакой гильдии, только приемный пункт, вербовщик и трое рекрутов, что уже получили деньги, доспехи и оружие.

Я оглядел всех троих, молодые и дерзкие, смотрят прямо, на лицах циничное презрение ко всему на свете. Через этот этап проходят почти все подростки на свете, в моем срединном королевстве, уставшем от пышных и красивых слов, была одно время мода на «небритого героя», что, дескать, грубые и циничные снаружи, но нежные и чувствительные глубоко внутри.

По большей части такие со временем вырастают из детского нигилизма и отрицания разделения мира на Добро и Зло, остепеняются и начинают приносить пользу обществу, но не все, не все...

— Вот что, ребята, — сказал я кротко, — вы отныне наемники, как я понимаю. Верно?

— Да, ваша милость, — ответили они вразнобой.

— Вам предстоит убивать за деньги, — продолжил я. — Вам неважно, кого убьете: виновного или невинного...

Двое угрюмо промолчали, один ответил достаточно уверенно:

— Нам не будут заказывать невинных.

— Почему? — удивился я. — Пообещали? Забудьте. Вы подписали контракт. И вы должны убивать того, на кого укажут.



Я обвел их взглядом, все трое опускали головы, но опять же первый быстрее всех пришел в себя.

— Если убьем невинного, — отчеканил он уверенно, — то виноват тот, кто заказал этого человека.

Его товарищи подняли головы и с облегчением заулыбались.

— А вы невинновны? — спросил я.

— Конечно, — ответил первый, а двое закивали. — Мы только выполняем работу.

Один из дотоле молчавших сказал несмело:

— Да, это только работа. Ничего личного.

— Работа бывает разная, — ответил я со вздохом. — Ладно, я тоже выполняю свою работу.... Ничего личного, ребята. Эй, взять эту троицу и повесить прямо на городской стене! С запретом снимать трое суток. Поставить рядом глашатая, чтобы объяснял всем за что.

К самой крепости мы подошли к вечеру. Я велел не окружать, чтобы враг, если устрашится, мог оставить стены и уйти свободно. Лагерь разбили со всеми предосторожностями, лорд Сулливан показал себя умелым организатором обороны, если он таков и в нападении, с ним повозиться придется.

Правда, окружить, как верно заметил тогда сэр Норберт, и не получится. Слишком уж неподходящий рельеф, а это значит, что и осада не принесет успеха. Но и штурм маловероятен: отвесные стены поднимаются до облаков, да и сама крепость на горном пике...

Солнце спустилось к краю земли, мой белый шатер стал алого цвета, тени удлиннились, прежде чем слиться воедино, заполнили собой все низины и впадины. В теплом воздухе бесшумно появились, как призраки, летучие мыши, носятся не по-птичьи прямо, а как бабочки — резкими зигзагами, не угадать, куда метнется...

Я лежал в шатре, закинув ладони за голову, и напрягал мозги, пытаясь придумать нечто, что позволит решить про-

блему быстро и решительно. В черепашку ничего путного не идет, так и заснул, пытаясь решить задачу, а последней мыслью было, что вот засну, а во сне и придет гениальное решение, когда р-р-раз, и все...

Глава 9

Утром поднялся злой, брезгливо отбросил скомканное одеяло. Не знаю, как гениям приходят во сне готовые формулы нерешаемых задач или таблицы строения Вселенной, я вот тоже гений, но почему-то снятся только бабы. А если не бабы, то вообще какая-то хрень непонятная.

Солнце уже поднялось над краем земли, но еще раннее утро, трава блестит от росы, шмели спят, вцепившись в верхушки цветов и наклоняя их чуть ли не до земли.

Сонные часовые заново раздувают костры, только у моего уже все готово, жареное мясо ждет в готовности, вот так нажрусь, и снова бабы приснятся, несколько гонцов наготове с оседланными конями, готовы мчаться хоть на другой конец королевства, разнося мои указы.

Сэр Норберт прибыл свеженький, словно вдоволь ото-спался прямо в седле, да и остальные военачальники смотрятся бодрыми.

— Ничего не придумал, — признался я откровенно. — Поедем ближе, вызовем на переговоры.

— Что предложите? — спросил Альвар деловито.

— Не знаю, — ответил я честно. — Ангел так и не прилетал с советом.

— А кто прилетал? — уточнил Альвар.

Я нахмурился:

— Кто прилетал, тот и прилетел. В нашей жизни много всякого... лишнего. Пусть даже и приятного, но если мы мужчины и рыцари, должны отбирать нужное. Неважно, приятное или не очень. Увы, нужное не прилетало, сволочь тупая.

Я жадно глотал кофе, угостил военачальников. Отне-



слись к этому жесту как к ритуалу доверия, дескать, высшая степень общности, пили молча с очень серьезными и торжественными лицами.

После короткого завтрака поднялись на конях по узкой тропке под самые стены крепости. Там все прибавляется народу, кто-то выстрелил из лука, но стрела упала на землю, не долетев даже до конских копыт.

Я рассматривал так и эдак, стены настолько высоки, что даже штурмовые лестницы обломятся под собственной тяжестью. Подкопы тоже вести бессмысленно, крепость стоит на скальном основании.

Альвар поинтересовался:

— Вот тот, который в полных доспехах и под баннером... это и есть лорд Сулливан?

Я присмотрелся, рыцарь в самом деле отличается от остальных как громадным ростом, так и тщательной подгонкой доспехов. Высокий, хорошо сложенный, рядом с ним появилась женщина и тоже смотрела в нашу сторону с интересом. Я сразу прикинул, что, как с нею делать, жену побежденного насиловать по праву войны мне, так что эта красавица еще не догадывается, что ей предстоит...

— Сэр Сулливан! — закричал я громко. — Как майордом и маркграф, я хотел бы вступить с вами в переговоры.

Он прокричал:

— Не слишком ли для переговоров у вас за плечами большая свита?

Я оглянулся на своих военачальников:

— Большая? Даже у барона на выезде бывает больше.

— Я имею в виду, — крикнул он, — ту, что вы притащили из столицы, и сейчас она копит силы, заполонив всю долину!

— А-а-а, — сказал я и отмахнулся. — Ну, это они просто погулять вышли. Скучно в столице. Спускайтесь, а то у меня горло скоро лопнет. Да и вам кричать неприлично. Вы же рыцарь, а не мясник на базаре...

Он крикнул:

— Не знаю, о чем можно переговариваться, мы на уступки идти не собираемся. Тем более складывать оружие.

— Но вы жаждете добиться освобождения своего сюзерена герцога Меерлинга?

Он колебался только одно мгновение, потом крикнул:

— Иду!

Мои лорды чуть подали коней назад, да не подумает Сулливан, что его попробуют захватить, через несколько минут в воротах приоткрылась небольшая дверца, вышел, пригнувшись, высокий рыцарь в полных и очень хорошо подогнанных доспехах.

Не спеша, демонстрируя независимость, мол, не мой подданный, и в то же время выказывая вежливость, рыцарь встречается с другим рыцарем, он спускался по узкой тропке, бесстрашно выходя из зоны дальности стрел со стен и даже башни.

Я спрыгнул с коня, вести переговоры надо в равных условиях, сделал несколько шагов навстречу.

Сулливан высок, мне не уступит, это почти гигант, доспехи блестят, как зеркало, забрало поднято, я рассмотрел загорелое лицо мужчины средних лет, морщинки у глаз, вертикальная складка над бровями, что говорит о силе характера, прицельный и острый взгляд.

— Сэр Сулливан, — проговорил я крайне уважительно, — вы считаетесь великим воином. Кроме того, мы все впечатлены, как быстро и умело вы организовали оборону, располагая столь малыми силами.

Он ответил с вежливым поклоном:

— А я впечатлен, с какой скоростью вы проломил эту оборону.

— Кое в чем нам просто повезло, — сообщил я, — а так ваш военный гений бесспорно заслуживает самой высокой похвалы. Мои лорды всю дорогу рассыпались в похвалах вашему таланту военачальника. Еще вы показали себя верным вассалом герцога, мы это оценили тоже в самой пол-



ной мере. Я предлагаю вам решить все в рыцарском поединке. Это по-мужски.

Он взглянул исподлобья:

— Поединке с кем?

— Со мной, — сказал я. — Мы ведь главные здесь?

Он переспросил с сомнением:

— Поединке с вами? Маркграфом?

Я кивнул:

— Да. Я, маркграф Ганнерстейма, вызываю на честный бой, и пусть Господь отдаст победу правому. Если возьму верх, вы покоряетесь моей воле. Если одержите победу вы... я отвожу все войска, а вы остаетесь удельным лордом с подчинением королю Кейдану, а не мне.

Мои рыцари зашумели недовольно, Сулливан бросил в их сторону быстрый взгляд.

— Ваши люди недовольны, — произнес он бесстрастно. — Слишком много ставите на кон. К тому же вы слишком высокого звания для поединка с простым рыцарем.

— Вы не простой, — возразил я. — Мы, армландцы, ценим мужество выше титулов.

— Но мы не в Армландии, — ответил он кратко.

Я подумал, кивнул:

— Хорошо. С простым рыцарем я драться не могу, вы правы, но уже начиная с барона... На колени, сэр Сулливан!

Он еще не понял, что я хочу, но мой голос прозвучал настолько повелительно, что гордый рыцарь тут же преклонил колено и смотрел на меня с угрюмой смесью злости и ожидания.

Я обнажил меч, все замерли, тишина такая, что влетевшая муха оглушила бы всех дребезжанием крыльев, Сулливан не двигался, а я ударил его мечом плашмя по правому плечу, потом по левому.

— Отныне вы, сэр Сулливан, барон Орлиного Гнезда и прилегающих к нему земель! Встаньте и носите этот титул с честью...

Он поднялся, на лице смятение, я отступил на три шага и, не опуская обнаженный меч, бросил короткий взгляд на сэра Растера. Тот прочистил горло и провозгласил торжественно:

— Теперь поединок между маркграфом сэром Ричардом и бароном Сулливаном вполне может состояться по всем правилам рыцарского кодекса! Выбирайте оружие, благородные лорды.

Я кивнул новоиспеченному барону:

— Вызвал вас я, так что выбрать вам.

Сулливан, теперь уже барон, смотрел на меня испытующе.

— Позвольте, сэр Ричард, на учтивую речь ответить так же учтиво и со всем почтением к вашей несомненной доблести. Возможно, вы, как и любой рыцарь, отдаете предпочтение каким-то видам оружия? Я охотно пойду навстречу.

Я помотал головой:

— Не скажу, что хорош во всех одинаково, но все же готов вам противостоять хоть с простой палкой.

— Палки, — ответил он, — оружие пьяных мужиков. Что насчет моргенштерна, сэр Ричард?

Он ни разу не назвал меня светлостью, это могли бы истолковать как подчинение или признание моей власти, следит за словами или же это получается у него само по себе, но человек он хладнокровный, рассчитывающий каждое слово и движение, с такими надо держать уши на макушке.

— Прекрасно, — ответил я безмятежно. — Великолепное оружие!

Он поклонился:

— Хорошо. Я сейчас пошлю за ним.

Сэр Растер оглянулся на далекий лагерь, посмотрел на меня.

— Если сэр Ричард не против, то я просил бы вас, любезный барон, захватить два моргена. А то нам далековато...



Сулливан кивнул:

— Конечно-конечно, благородный сэр, не знаю вашего имени...

— Сэр Растер, — сказал сэр Растер и добавил милостиво: — вы держитесь очень хорошо, барон. Говорю вам как знаток рыцарских обычаев.

Сулливан ответил с поклоном:

— Благодарю вас, сэр Растер! Мне дорога похвала столь опытного в нашем воинском этикете рыцаря.

Он обернулся, помахал рукой. Из калитки выскочили двое юрких слуг, оба без доспехов, примчались легкие, как козы, Сулливан отдал ряд приказаний, они унеслись такие же легкие, хотя бежать пришлось наверх, а через какое-то время принесли торжественно на бархатных подушечках две совершенно одинаковые палки в локоть длиной и с цепью локтя в полтора, где на том конце бронзовые шары килограмма по полтора с ввинченными в них стальными шипами — адекватный ответ на появление тяжелых доспехов конного всадника. Такой одним ударом запросто смахнет рыцаря с седла, как муху. А то и вместе с конем.

Сулливан сказал учтиво:

— Выбирайте, сэр Ричард.

Я взял моргенштерн в руки, это, как говорится, ударно-дробящее оружие, пальцы сомкнулись на деревянной рукояти с шероховатой поверхностью для лучшего сцепления, тяжелый шар на цепи с силой потащил к земле.

— Вот этот, — сказал и добавил любезно: — Если вы не наметили его взять себе.

— Нет-нет, — заверил он, — они совершенно одинаковы. Из одной оружейной и от одного мастера.

— Тогда все великолепно, — сказал я.

Пальцы мои сжимают рукоять непривычного для меня оружия впервые. Я знаю, что моргенштерн, в отличие от тяжелого меча, с легкостью пробивает кованый доспех, а шлем может смять, как сырое яйцо, вместе с его содержимым, однако почти не видел их в действии, для владения

моргенштерном нужна и сила, и ловкость, а также чутье, позволяющее предугадывать движение противника.

Во всяком случае, видел только мельком, вообще считал это скорее курьезом, чем оружием, и, главное, сам взял его в руки впервые.

Сэр Растер спросил громогласно:

— Барон, желаете ли пригласить наблюдателей из ваших рыцарей?

Сулливан улыбнулся:

— Я полностью доверяю вам, сэр Растер, а также благородным рыцарям сэра Ричарда, что будут наблюдать за поединком.

Сэр Растер наклонил голову:

— Тогда обговорим условия. Биться до смерти, до первой крови или пока противник не окажется на земле?

Сулливан вопросительно посмотрел на меня, я сказал утихо:

— Пусть выберет барон Сулливан. Это его право, так как вызвал его я.

Сулливан ответил медленно:

— Я бы предложил... гм... самый бескровный вариант... Сбитый наземь считается побежденным. Но, так как все вы знаете, в схватке на моргенштернах элемент случайности выше, чем, к примеру, в поединке на мечах... я предлагаю увеличить до трех раз...

Сэр Растер посмотрел на меня:

— Что скажете, сэр Ричард?

— Согласен, — ответил я. — Тот, кого трижды повергнут на землю, будет считаться побежденным.

Сэр Растер перевел взор на Сулливана:

— Сэр?

— Принимаю, — ответил он.

— Тогда приступайте, — проревел сэр Растер мощно, — и пусть святой Георгий, покровитель рыцарей, пошлет нам красивый поединок!

Барон Сулливан опустил забрало и, держа моргенштерн



в правой руке, встал в боевую стойку. Ему подали щит, он кивнул благодарно и, прикрыв им левую сторону груди, сделал осторожный шаг в мою сторону.

Я лихорадочно соображал, как же этой штукой бить, наблюдал за Сулливаном, он начал слегка раскачивать рукоять, шар пока что движется из стороны в сторону, как тяжелый колокол, но недолго и раскрутить его или просто один раз крунуть для мощного удара...

Затем Сулливан сделал быстрый шаг ко мне, я успел увидеть, как шипастая звезда взметнулась вверх, торопливо закрылся щитом. Страшный удар потряс всего от макушки до пят, а рука онемела до плеча.

Земля и небо на короткий миг поменялись местами, я услышал горестный вздох, кто-то вскрикнул сочувствующе, в следующее мгновение я ощутил, что отталкиваюсь ладонями от земли и поднимаюсь на дрожащих ногах.

Могучий голос проревел где-то в небесах:

— Один удар засчитан сэру Сулливану!

Я подобрал щит, рукоять моргенштерна в моей ладони, в щите вмятина, словно в него угодил булыжник из катапульты, а на той стороне круга стоит Сулливан с опущенными руками, но щит и моргенштерн держит крепко.

Сэр Растер посмотрел на каждого из нас:

— Готовы?

— Готов, — ответил Сулливан четко.

— Готов, — ответил я угрюмо.

— Вторая схватка! — проревел Растер.

На этот раз я сам начал раскачивать звезду Жижки первым, Сулливан сдвинулся вправо, затем влево, при схватке на моргенштернах очень важен первый удар, в поединке с меченосцем он может при промахе оказаться последним, и сейчас внимательно следил за каждым моим движением, просчитывал каждый шаг, старался понять, как я шагну дальше...

Я замахнулся, Сулливан подставил под удар шипастого шара щит, но держал под углом, чтобы тот соскользнул,

я оскалился злорадно, звезда не соскользнет, а вырвет из руки...

Грохот, звон, щит вылетел из руки Сулливана, я не видел, как лицо его исказилось от боли, забрало опущено, но услышал вскрик, и тут же страшный удар бросил меня на землю. Острая боль резанула в груди, как бритвой, я заскрипел зубами, заставил себя подняться как можно скорее, вдруг да не зачтут падение, да и не должны видеть мои рыцари ползающего на четвереньках их лорда...

Из далекой выси, где облака, донесся грохочущий голос:

— Второй удар засчитан сэру Сулливану.

Я тряхнул головой, зрение очистилось, панцирь на моей груди смят, будто ударили тараном. Трудно дышать, в голове стучат молотки, но даже сквозь их грохот слышу ликующие крики на стенах крепости.

Мои рыцари, напротив, хранят угрюмое молчание.

— Поздравляю, — проговорил я хрипло, в горле как будто факел, — хороший удар, сэр Сулливан... Но схватка еще не кончена. Сэр Растер, я готов!

Сулливан поднял щит, привычно закрывая левую сторону, моргенштерн тоже на уровне груди, в прорезь шлема вижу его блестящие глаза.

— Третья схватка! — прокричал сэр Растер.

Опытный, гад, мелькнула паническая мысль, недаром молодые никогда не берут в руки такое оружие. Страшным становится только в умелых руках, в то время как мечом научиться орудовать намного проще...

Я раскрутил шар заранее, старался двигаться быстрее, Сулливан осторожничал и все искал прореху в моей защите. Я уловил момент. Ударил, он закрылся щитом, я уклонился от его шипастой звезды и нанес свой настоящий удар в ответ.

Шар ударил его в плечо, Сулливан выронил щит и, не удержавшись, опрокинулся на спину.

Сэр Растер ликующе прокричал:



— Удар засчитан сэру Ричарду!

Сулливан вскочил быстро, словно на нем не тяжелые стальные доспехи, а костюм акробата, я слышал его шумное дыхание, но голос его прозвучал почти весело:

— Поздравляю, сэр Ричард! Это был прекрасный удар.

— Он не последний, — заверил я. — Я рассчитываю заслужить еще похвалу столь опытного бойца!

Сэр Растер рыкнул, как горный медведь:

— Четвертая схватка!

Мы сошлись в середине круга, страшные шары моргенштернов описывают круги над головами, один умелый удар сомнет шлем, как копыта коня превращают в жижу голубиные яйца в гнезде, мы следили друг за другом и не спешили наносить удар, промах может стоить жизни. Сулливан не выдержал первым, ударил, я уклонился, он принял мою звезду на щит, но под таким острым углом, что все-таки соскользнула. Я едва успел отпрыгнуть от просвистевших возле лица жутких шипов, отступил, и снова пошли передвигаться осторожными шагами.

На этот раз я ударил первым, Сулливан маневрирует легко, предугадывает, гад, слишком уж я предсказуем, как все новички, надо что-то нестандартное...

Глава 10

Я нанес уже три удара, но Сулливан красиво уклонялся, на стенах крепости орут, я чувствовал, что моим движениям недостает грациозности, изящества, рыцари ценят эстетику поединка едва ли не больше, чем победу...

Стальные шипы устремились мне в лицо, я отпрыгнул, присел и ударил в корпус. Сулливан не успел опустить щит, лицо перекосилось от боли раньше, чем он рухнул на землю.

Ликующий вопль сэра Растера достиг, наверное, Геннегау:

— Два удара за сэром Ричардом!

Сулливан медленно поднялся, он опирался о щит, я слышал его хриплое и затрудненное дыхание, а моргенштерн бессильно лежал у его ног.

Мои рыцари замолчали из сочувствия, на стенах крепости тоже умолкли. Сулливан с трудом нагнулся, его пальцы только с третьей попытки зацепили рукоять.

Сэр Растер спросил с беспокойством:

— Барон, вы в состоянии продолжать поединок?

Сулливан ответил глухим сломленным голосом:

— Да...

Растер поерзал в седле, вскинул руку:

— Всем тихо!.. Два удара за сэром Сулливаном, два — за сэром Ричардом. Эта схватка решающая. Да благословит вас Господь, но вы оба прекрасные поединщики!.. Начали!

Сулливан сделал шаг с трудом, я же быстро пересек разделяющее нас пространство, шипастый шар моего моргенштерна начал описывать круги над моей головой, как пчела над пахучим цветком, в прорезь шлема я впервые увидел испуг в глазах противника, он начал поднимать щит, закрывая голову от смертельного удара, но это он зря, я не собираюсь его убивать, достаточно снова сбить с ног, и пусть не останется калекой...

Я ударил в корпус, Сулливан каким-то чудом успел опустить щит, но страшный удар выбил его из рук. Я видел, как сузились в прорези шлема глаза от боли, ага, получи, у меня тоже рука еле отошла, а у тебя и отойти не успеет...

Второй удар я нанес в плечо, но опыт спас Сулливана, чуть сдвинулся в последний момент, и шип только чиркнул по наплечнику, оставив глубокую царапину, и вызвал сноп искр.

Третий удар я торопливо нанес в грудь, но не рассчитал дистанцию, Сулливан отшатнулся и едва-едва не упал, но снова шипы со скрипом прочертили две полосы на металле, а Сулливан все пытался поднять моргенштерн дрожащими руками.

Рыцари орали и подбадривали меня, я заставил себя



двигаться быстрее, теперь опережая Сулливана во всем, наконец-то вошел в прекрасную позицию и ударил быстро и сильно...

Жестокий удар потряс меня с головы до ног. Сознание на миг померкло, я ощутил, что колени подломились, тело опускается на землю, но я ничего не могу сделать, как парализованный, а когда все чувства вернулись, я понял, что лежу на земле, а Сулливан поднял забрало, на меня взглянули веселые смеющиеся глаза.

— Поздравляю, сэр Ричард, — сказал он бодрым и ничуть не усталым голосом. — Давно я не встречал достойного противника!

Он подал мне руку, как старший собрат младшему, я ухватился и воздел себя на ноги. В голове все еще звон, а в теле слабость.

— Вы сжульничали, — сказал я обвиняюще. — Прикинулись, что совсем ослабели!

— Это просто опыт, — ответил он, ухмыляясь. — Вы с каждой минутой становились сильнее, сэр Ричард! Я понял, что если не закончу схватку побыстрее, ее закончите вы.

Мои рыцари угрюмо сопели, я заставил себя улыбнуться и сказал громко:

— Поединок выиграл сэр Сулливан! А вместе с ним и независимость своих поместий. Мы снимаем осаду и возвращаемся в Геннегау. Счастливо хозяйствовать, сэр Сулливан!

Он учтиво поклонился:

— И вам счастливой дороги, сэр Ричард! Еще раз благодарю за прекраснейший поединок в моей жизни!

Еще бы, мелькнула у меня злая мысль, не прекраснейший. За одну схватку выиграть столько...

Но я держал на лице улыбку, мне помогли взобраться на Зайчика, я повернул его, и все мы поехали вниз в долину к основному войску. Сэр Альвар подъехал сбоку и проговорил озадаченно:

— Не понимаю, зачем вы ему проиграли...

Сэр Растер уже едет с другой стороны, на меня посматривает с сочувствием, но на Альвара сразу зарычал:

— Его светлость знает, что делает!..

Я пробормотал ошалело:

— Что у него за удар? Как молотом... До сих пор вся голова гудит.

Сэр Альвар спросил озабоченно:

— Может быть, не стоило подставлять ее так опрометчиво под удар? Хотя я не знаю, что вы задумали такое сложное и далекоидущее, для чего нужно было проиграть вот так явно и позорно...

— Узнаете, — пообещал я хриплым голосом. — Пока рано... Господи, на что приходится идти политику!

Они переглянулись, в честных глазах моих рыцарей я прочел, что их в политику не затащить никакими веревками или цепями.

Все-таки мои рыцари довольно изобретательные в рассуждениях. После долгих споров пришли к мнению, что я нашел единственно возможное решение в данной ситуации. Замок нельзя было взять ни штурмом, ни осадой, оставалось только хитростью или вот так, в честном поединке.

Я смог бы, конечно, победить, кто же не знает их лорда, однако в интересах дела их сюзерен решил поддаться противнику, чтобы...

Тут, правда, варианты сильно расходились, но все-таки я не верил своим ушам: настолько верят в меня, что я просто чувствую себя подлой свиньей, обманывая их на каждом шагу и прикидываясь не тем, кем являюсь на самом деле.

По приезде в Геннегау я сразу направился во дворец, где отдал Зайчика в руки конюхов. Барон Альбрехт вышел навстречу, но не спросил, как дела, уверен, что у нас все должно быть лучше некуда, все поют, сказал мрачным голосом:

— С Теодорихом неважно...



Я переспросил:

— Это как?

Он кивнул на часовню шагах в десяти:

— Хотите взглянуть?

— Ну, если недолго...

Дверь часовни открылась без скрипа, я сделал шаг и застыл. На каменной плите гроб, что в нем — не видно, но Теодорих на коленях возле, голова опустилась на грудь, мы оба слышали сдержанные рыдания. Я видел, как трясутся его плечи, мучительно кривится лицо, мужчинам плакать трудно, как вздрагивают губы.

Я сделал шаг обратно, но успел услышать, как он проговорил сквозь слезы:

— Клянусь, пройдет совсем немного времени, и я буду лежать с тобой рядом. И уже ничто не разлучит нас. Мы отправимся в вечность вместе...

Дверь закрыла от меня внутренность часовни, но у меня перед глазами осталась его коленопреклоненная фигура, как живой памятник мужского горя.

— Переживает, — проговорил барон хмуро. — Сильно. Слишком. Слуги поговаривают, что боятся за него. Как бы руки на себя не наложил.

— Он этого не сделает, — сказал я. — Грех! Господь не разрешает.

— Теодорих чтит Господа, — ответил Альбрехт, — но иногда боль становится такой невыносимой...

Я огрызнулся:

— А вам откуда знать? Всегда с улыбочкой. Щас я вам ее сотру!..

Он слушал так же хмуро про нелепое поражение, что я потерпел исключительно по своей дурости и самоуверенности.

— И что теперь будете делать?

Я прорычал:

— Как что? Все должно идти как задумано! В смысле цель должна быть достигнута, а уж каким путем к ней идти...

— Ну-ну?

— Для начала, — сказал я, — установить заградительные пошлины. Мы должны защищать отечественного производителя. Теперь земли сэра Сулливана...

— Барона Сулливана, — ехидно вставил он.

— Барона Сулливана, — согласился я. — Да, земли барона Сулливана принадлежат практически другому государству, так что мы даже налогов с него получать не можем.

Он думал недолго, его мысль может быть изощренной, но когда нужно, она похожа на длинное рыцарское копье, что не знает изгибов.

— Значит, задушим голодом?

Я покачал головой:

— Ну что вы, барон, слова такие употребляете! Задушим, замочим, зачистим, уберем... Мы же культурные люди! Просто применим экономические санкции. Если сулливановцы будут упрямиться слишком долго, мы потом придем в их опустевшие земли, уберем скелеты умерших от голода и великодушно примем территорию под нашу юрисдикцию.

Он посмотрел на меня пристально:

— А вы крепкий орешек, сэр Ричард. Так или иначе, но добиваетесь своих целей.

Примчался монах и без обычного смиренного поклона пригласил меня немедленно идти с ним к великому кардиналу и его прелатам. Я поднялся из кресла, быстро закипая, гнев бьет в голову, как волны прилива в скалистый берег.

— Что-то ты, братец, — процедил я, — смирение слишком быстро теряешь. Аль гордыня дьявольская опутала?

Он посмотрел на меня бесстрашно, будто мечтает взойти на костер за веру:

— Я служу Господу, сэр Ричард.

И этот, мелькнула мысль, перестал называть меня ва-



шей светлостью. Дела совсем плохи, если судить по таким малозначащим вроде бы признакам.

Я переступил порог и сразу же отвесил общий поклон. «Смирый гнев свой, — напомнил внутренний голос. — Смирый, не давай ему вырваться наружу. Эти сволочи нарочито провоцируют, разве не видишь?»

— Доброго здоровья, святые отцы, — сказал я. — И хорошей работы на благо Церкви.

— Во имя Господа, — ответили они неохотно, я, как подсудимый, не должен получать инициативу ни на минуту, — все нами делается, сэр Ричард, во имя Господа, а не Церкви.

— Уверен, — сказал я, — эти понятия идентичны. Вы меня приглашали, святые отцы, или это я сам нечаянно зашел, потому что очень уж восхотелось вас увидеть?

Кардинал посмотрел на меня с угрюмой враждебностью.

— Не острите, сэр Ричард, — посоветовал он ледяным голосом. — Мы прекрасно видим, как вы к нам относитесь. И это вам тоже не добавляет симпатии. Нами получены сведения, что вы повесили церковных проповедников, перед тем как бросились усмирять мятежного лорда...

— И которого не усмирили, — добавил отец Габриэль с ядовитой улыбкой.

Гнев бьется в череп горячими волнами, я чувствовал, что краснею, эти гады решат, что от стыда, а это как раз злость...

— Брехня, — сказал я резко. — Я повесил лжепроповедников!

— Они были священниками!

— Не были, — отрезал я. — Но если бы и оказались — все равно бы повесил.

Прелаты затихли, отец Раймон чуть-чуть качнул головой, в глазах страх, что вот сейчас затяну себе на шее петлю.

Кардинал бросил резко:

— Объясните!

— Они вещали, — ответил я, стараясь держать слова под контролем, — насчет Избранности и Предначертанности. Самый большой позор и пятно на людях, но этого тупое большинство просто не понимает по своей ограниченности. Если кто-то кем или чем-то еще до рождения избран стать королем или императором, то остальным предназначена роль быдла, тупого скота. И только! Без малейшего шанса вырваться из рабского состояния. Предначертано — и все!

Отец Габриэль поморщился:

— Возможно, народ в это верит не напрасно? Есть люди благородного происхождения, есть неблагородные даже очень...

— Мне стыдно такое слышать от вас, — отрубил я. — Как вы можете? Разве мы не все равны перед Господом?.. Народ надо просвещать. Не только детей, но и зрелых. Даже стариков. Только вера Христа сказала: вы все — избранные!.. Вам всем предначертано!.. Вы все равны, и венца достигнет только тот, кто будет стараться!.. А не так, мол, предначертано — и все! Придет время, и все равно тебе в руки упадет большой пряник... Никто не унижен этой подлейшей предначертанностью: ты — будешь королем, а вы все останетесь быдлом!

Отец Раймон вскинулся, в глазах поддержка, сказал топливо:

— Это общеизвестно, сэр Ричард. Но почему вас это так задевает? Настолько, что велели вешать таких людей?

Я вскрикнул:

— Общеизвестно? Где, в Ватикане?.. А вы поговорите с простым народом! У них всегда жива вера в то, что в какой-нибудь семье пастухов родится ребенок, который Избранный!.. И станет не то справедливым королем, не то еще чем-то...

Кардинал сказал нетерпеливо:

— Это все унижающее человека язычество. Хотя среди неумных людей как раз считается, что в язычестве люди



были гордыми, а во Христе — униженные и покорные. Но вы не уводите допрос в сторону. Нас интересуют больше ваши мотивы. Квалифицируем это пока мягко, как злостное превышение данной Господом власти.

Я вскрикнул:

— Превышение?

Он оборвал злым голосом:

— В Евангелии от Луки сказано: «От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут». Так что, сэр Ричард, не ропщите...

Я огрызнулся:

— Я не ропщу. Я просто не понимаю, что случилось!

— Ничего не делается зря, — сказал он тяжеловесно. — А лишь по воле Господа.

Я стиснул челюсти, отговорка мощная, начисто убивающая всякую полемику. В Церкви как в армии: стой на-вытяжку и слушай. Ты рядовой, будь ты хоть королем, а с тобой говорит полковник от имени генералиссимуса.

— Цитаты к месту, — сказал я уже тише и стараясь, чтобы звучало миролюбивее и без задиристости, — это замечательно. Но беда Евангелия и вообще Библии в том, что там все держится на мудрости. Из-за этого и Церковь выглядит в глазах простого человека как что-то занудное, неинтересное и совсем уж необязательное.

— Что?

— А мудры у нас, — сказал я, — вроде бы не все. Или все?

Отец Раймон сказал поспешно:

— Даже к старости редко кто успевает помудреть.

— Спасибо, отец Раймон, — сказал я. — Потому так мало таких, что понимают даже простейшие заповеди! Всяк старается все в жизни понять своим умом, это важно и правильно, иначе бы все одичали!.. даже не вышли бы из дикости. Но истинам Библии надо верить бездумно, вот что плохо. В то же время... иначе нельзя. Истины слишком вы-

сокие и выстраданные, чтобы объяснить их простому человеку, а особенно — юному.

— Почему юному?

— А кто, как не юные, начинает допытываться? Человек зрелый махнет рукой, ему семью кормить надо, а юный начинает выпрашивать. Ответ может понять только тот, кто сам прошел через огонь и воду семейных и душевных испытаний, а как объяснить ребенку, почему большой козел запрыгивает на бедную смирную козочку и начинает ее сильно толкать, держа обеими лапами, чтоб не вырвалась? Потому вывод прост: высокие истины простому народу понять трудно. Нужен упрощенный вариант. А тех, кто берется придумывать свои варианты, я буду вешать или сжигать, это уж глядя на то, сколько у нас дров и какая погода на дворе.

Лицо кардинала, дотоле красное от гнева, даже багровое, как заходящее солнце, медленно теряло цвет, пока не стало бледным, как пергамент. Глаза ввалились, я впервые не просто увидел, а ощутил, что он стар и всей душой ненавидит то новое, что приходит ему на смену. И вообще ненавидит молодых.

— Сэр Ричард, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Сэр Ричард... Я вас предупреждал, чтобы вы не забывались!.. Вы не послушали. И не послушались. Вы даже не понимаете, чем вам это грозит!

Отец Габриэль ехидно добавил:

— Уже не грозит... В смысле это уже не угроза. Я собрал все улики и сегодня же отправлю в Ватикан как наше решение.

Я перехватил сочувствующий взгляд отца Раймона, он предостерегающе покачал головой в ответ на мой взгляд. Не спорь, говорили его глаза. Только не спорь. Эти люди не терпят противоречий. Для них это вызов. Смирись. Покайся. Признай вину.

Кардинал прошипел:

— Для меня доставляет удовольствие сказать вам, сэр



Ричард, что если вам раньше лишь грозило отлучение от Церкви, то сейчас это, считайте... свершилось!

Страх пронзил меня с головы до ног, я пробормотал:

— Такое может решить только папа...

— К несчастью для вас, — произнес он четко, — это доверено решить мне. В столь долгий путь я мог отправиться лишь на таких условиях, это же понятно. Или нет? И папа с этим согласился. Так что мое слово — решающее, сэр Ричард! Вы что-то хотели добавить?

Он сделал приглашающую паузу, я покосился на сочувствующее лицо отца Раймона, в его глазах прочел, что сейчас у меня последний шанс пасть на колени и покаяться, неважно даже в чем, кардинал должен видеть мое раскаяние, мои слезы, мою мольбу, мое унижение.

В Евангелии, вспомнил я, много насчет унижения, мол, это хорошо, это прекрасно, униженные войдут в Царство Небесное, а унижателям гореть в аду, но все равно ну не могу, не могу заставить свои ноги согнуться в коленях, а шею — склониться покорно, чтобы смиренно молить о снисхождении.

Я едва вымолвил пересохшим ртом:

— Нет, ваше преосвященство.

— Не хотите добавить?

Я ощутил даже в таком невинном вопросе подвох и ответил осторожно:

— Нечего добавить к вашим словам.

— Значит, вы с ними согласны?

Я покачал головой:

— Нет.

Чувство полного триумфа сделало его степенным и даже величавым. Он похлопал ладонью по столу, будто требовал внимания, хотя мы все трое и так превратились в слух.

— Сэр Ричард, — проговорил он почти благожелательно, — отлучение от Церкви... это не только отлучение от Господа, как все понимают! Это отлучение от общения с

верующими. Понимаю, для вас это не самый тяжелый удар... Подумаешь, подданные! Но вы будете отлучены не только от общения с простыми людьми, но и с государями. При отлучении любой верный Творцу должен и обязан способствовать падению такого человека.

От его ледяных слов пахнуло таким холодом, что у меня начало замерзать сердце. Я тоже сцепил зубы и переживал этот черный страх, но заболела голова, словно по ней начали бить молотами.

Отец Раймон поглядывал на меня и укордкой показывал знаками, что я должен смирить гордыню, она от дьявола, а отец Габриэль пояснил с подъемом:

— Если папа римский или его полномочный легат отлучает от Церкви, государь этот не только отторгается от Бога, но лишается и общения с верными Господу! Его власть становится незаконной. Свергнуть его — долг и обязанность каждого государя. Всякий человек, знатный или не знатный, может убить такого отступника и получить полное прощение грехов.

Кардинал добавил:

— И материальное обеспечение семьи, если сам при этом погибнет.

Я прошептал:

— Разве жестокость в духе Церкви?

— Что делать, — сказал кардинал ледяным голосом, — Церковь иногда вынуждена вмешиваться в светскую жизнь напрямую. Это как раз такой случай. Вы что-то хотите сказать?

— Нет, ваше преосвященство, — ответил я. — Со всем смирением выслушал вас.

Он сказал желчно:

— Что-то смирения я не вижу!

— Господь видит мое смирение, — сказал я кротко, — а перед его слугами я склонять голову не собираюсь. Для Господа все мы — муравьи. Даже папа римский ничуть не



выше последнего нищего... До свидания, ваше преосвященство. Надеюсь, вам понравилось в Сен-Мари.

Я чуть склонил голову, так прощаюсь с теми, кто по рангу ниже меня, это чтоб не истолковали слишком низкий поклон как свою победу, да пошли вы все трое...

Глава II

Да пошли вы все. Стучало в голове яростное. Сволочи, надо про общую цель думать, а не выискивать трещины! Иногда малейшее недопонимание приводит к очень печальным следствиям. Нежелание папы дать развод королю Генриху, которого тот добивался много лет, привело к тому, что взбешенный монарх изъял свое королевство из христианского пространства и провозгласил на территории королевства свою собственную Церковь, названную англиканской, что с того времени позволяет разводы и повторные браки. А началось все с пустяков! Закончилось же потерей для Ватикана целого королевства.

Если такие же идиоты рулят и здесь сейчас, то им мало не покажется, если рассвирепею всерьез... а я уже рассвирепел дальше некуда...

Стараясь дышать чаще, я обошел вокруг дворца, вызывая недоумение у стражи, затем решительными шагами направился прочь из дворца.

В монастыре Святого Цистерия напряженно-радостная атмосфера, все работают, не различая дни и ночи. Монахи самозабвенно печатают Библию и труды Отцов Церкви, а вчерашние алхимики трудятся, впервые ощутив себя в безопасности.

Они хоть и жаждут всего и сразу, но достаточно разумные люди, чтобы не отказываться и от синицы в руке. Когда я в прошлый раз подробно объяснил принцип работы пара, демонстрируя закипающий чайник и рассказывая, что вот этот пар разрывает на части самые толстые чайники, если плотно заткнуть носик, у многих глазки загоре-

лись. Поняли, что предлагаю хоть всего лишь синицу, зато золотую синицу...

Мысль, натренированная на поисках эликсира жизни и философского камня, достаточно быстро приняла основную идею и начала приспособлять под реалии. Здесь я помалкивал, они знают лучше, я лишь генератор идей. Работа закипела, на листах пергамента рисовали конструкцию паровоза, я подсказывал, если видел слишком грубые ошибки. А тем временем под руководством отца Варфоломея и отца Уриэля бригады рабочих за городом начали строить насыпь для железной дороги, прокладывать шпалы. Я разъяснил, как сделать деревянные лопаты-штопки, которыми штопают грунт, то есть заталкивают его под уложенные шпалы, дабы те лежали плотно, не проседали. Для этого с морского берега уже начали пригонять подводы, заполненные доверху мелкими морскими ракушками. Они не размокают, лежат плотно, выдержат даже заполненные стальными слитками вагоны... или закованными в доспехи благородными рыцарями, отправляющимися в новый крестовый поход.

Другие бригады одновременно роют по бокам канавы для отвода воды, так называемые кюветы. Негоже, если ливень размочит с таким трудом построенную дорогу...

Все жаждут узнать, что же это будет, для чего такая странная дорога. Еще неделю тому я положил на уложенные шпалы два древка копья и объяснил, что по таким полюсьям лошадям проще таскать тяжело груженные телеги. Это поняли все и сразу, это же счастье какое, если колеса будут и будут катиться, не застревая в каждой колдобине, как сейчас. Лошади тратят все силы на вытаскивание из ямок, пусть даже мелких, а вот если будет катить ровно и гладко...

Я помалкивал, что дам сперва привыкнуть к лошадиной тяге, пусть все убедятся воочию, как это здорово и какой огромный груз с легкостью тащит простая лошадка, а



потом и выведу того монстра, что запрятан у меня в Тоннеле под Великим Хребтом.

Но, конечно, главную ставку делаю на паровозы местного изготовления. Сам паровой котел сделать — раз плюнуть, а вот для изготовления прочих деталей придется привлечь лучших оружейников и кузнецов...

Отец Дитрих вышел навстречу, весь сияющий, как рождественский дед, можно плюнуть в рожу тому, кто скажет, что это и есть Великий Инквизитор.

— Отец Дитрих!

— Дорогой Ричард, — произнес он, — я уже слышал про ваш поход...

Я отмахнулся:

— Все наладится, отец Дитрих. Я уже все продумал. Там все просто...

— А где сложно?

— Знаете, отец Дитрих, — сказал я доверительно, — как и всякий умствующий, люблю почесать языком о Боге, о вере, о религии, о загадках бытия, все ли есть в Библии... Мы за такими разговорами чувствуем себя умнее и значительнее, иной раз даже уважать себя начинаем, но сейчас этими разговорами уже объелся, обожрался, у меня уже... из меня лезет!

Он сказал сочувствующе:

— Да, ты прежде всего воин.

— Я?

— Не воин, — поправил он сам себя, — но человек действий, а не рассуждений. А тебе пришлось отвечать на их поле и по их правилам. Но, сын мой, утешь себя тем, что они скоро закончат.

Я сказал уныло:

— Закончат? Мне кажется, только входят во вкус, как волки, что ощутили вкус моей крови...

Он покачал головой:

— Живи, как живешь. Каждый делает свое дело.

Я спросил дрогнувшим голосом:

— Отец Дитрих... Мне обещано отлучение от Церкви. Неужели вы не заступитесь?

Он посмотрел с сомнением:

— Неужели зашло так далеко? Гм... Слушай, сын мой, а как ты думаешь, не лучше ли на те гладкие рельсы, что ты нарисовал, нанести зубчики? Чтобы колеса цеплялись! А то ж тяжелая телега с места не сдвинется!..

Вернулся я поздно, в большом зале слуги тянут канат, приседая почти до пола, а огромная люстра поднимается медленно и величаво, раскачивается чуть-чуть, иначе от движения воздуха свечи погаснут, тут свои тонкости в поднятии к самым сводам.

Сэр Эйц впустил Ришара, Растера и Арчибальда, с ними скромно до горделивости держится невысокий человек в одежде ремесленника со знаками отличия гильдии оружейников. В руках у него нечто накрытое черной тканью, размерами смахивающее на голову буйвола.

— Ваша светлость, — произнес он с достоинством. — Ваш шлем...

— Я заказывал? — спросил я.

— Ваши лорды, — пояснил он, — для вас...

Ришар, довольно улыбаясь, эффектным жестом, как фокусник на ярмарке, сорвал черный платок. В руках оружейника заблестал золотом богато украшенный шлем. Верхнюю часть опоясывает красивый венчик с зубчиками, как у стены рыцарского замка, а это значит — у меня в руках именной шлем маркграфа. Чтобы и при закрытом забрале все узнавали во мне меня самого. Тем более что у основания зубчиков искусно вделаны рубины. То ли знают, что они мне нравятся больше алмазов, то ли рубины символизируют кровь и пожары, а это, видимо, в их представлении больше вяжется с титулом маркграфа, или, хуже того, с моим именем.

— Дивная работа, — сказал граф Ришар с восторгом. — Когда я увидел, как получилось, не утерпел и сам заказал,



уж простите, у местных оружейников полный набор! Чтоб от макушки и до пят в одном стиле, как здесь умеют.

Сэр Растер проворчал ревниво:

— Больно легкие... Не по-мужски это. На войну как на прогулку?

— В Сен-Мари сталь получше, — вступился Ришар. — Мы же все пробовали их панцири. И стрелами, и болтами, рубили и кололи. Что делать, наши хоть и толще, а раскалываются легче. Особенно если топором или молотом. У нас железо хрупкое, у них более вязкое. Этот шлем не прорубить, не расколоть!

— У сенмаринцев нет молотов, — сказал Растер с презрением. — Даже боевых топоров нет. А у настоящего мужчины всегда должен быть справа на седле топор или молот!

— У меня слева, — сказал Ришар.

Растер разинул рот:

— Почему?

— Догадайтесь с трех раз, — любезно предложил Ришар.

— Левша, — сказал Растер решительно.

— Близко, — ответил Ришар. — Веегда восхищался вашим умом, сэр Растер. Вы поняли все моментально! Да, я и левша. В смысле у меня обе руки правые.

Оба посматривали на меня с ожиданием, как и скромно потупившийся оружейник, о котором совсем забыли. Я повертел шлем в руках, переставил на стол.

— Дивная работа, благодарю всех! И вас, мастер, в особенностях. Такой красивой вещи еще не видел. Буду надевать в самых торжественных случаях. Дорогие друзья, я жду Макса, хочу проинспектировать его замок и земли. Чувствую, тащить его надо туда силой. На это время, дорогой друг Ришар, все опять ложится на ваши плечи.

Растер бухнул поспешно:

— Я поеду с вами, сэр Ричард! Надо посмотреть, как там у Макса.

Ришар процедил сквозь зубы:

— Трус...

Растер поспешно отодвинулся, чтобы даже случайно не попасть в администраторы, Ришар повернулся к молчаливому Арчибальду:

— Дорогой Арчи, на тебя вся надежда! Не хотел бы мне помочь?

Арчибальд воскликнул с энтузиазмом:

— Конечно! Очень хотел бы!.. С радостью... Только знаете, дорогой друг, как-то неохота.

Ришар тяжело вздохнул, в это время отворилась дверь, церемониймейстер провозгласил мощно:

— Виконт Максимилиан фон Брандесгерт!

Макс вошел быстро, вовремя уловил мой жест, чтоб без церемоний, не стал преклонять колено, только коротко поклонился и тут же сказал преданно:

— К вашим услугам, сэр!

— Макс, — сказал я, — в твоих землях два прекрасных рудника. Ты, конечно же, уже спешно начал разработку?..

Он ответил с неловкостью, даже покраснел:

— Не-е-ет, сэр...

— А зря, — отечески сказал я. — Пусть тебя не привлекает примитивная выгода и куча денег... что нам деньги?.. но вот Отечеству необходим металл. И много металла. Я хочу, чтобы ты поскорее начал промышленную добычу руды... Да, там уже разрабатывают, но это все кустарщина, а мне нужны масштабы!.. Заказы будут, обещаю, с оплатой тоже устроим.

Он смотрел растерянно, повторил:

— В моих землях...

— В твоих, — повторил я несколько нетерпеливо. — Забыл?.. тебе принадлежит замок Эльбеф и его земли. Ты хоть там побывал?

— Еще нет, — ответил он виновато, — но собираюсь, собираюсь!

— Эх, — сказал я с досадой. — Другой бы уже там вовсю правил... Я имею в виду насчет первой брачной ночи. Лад-



но, завтра едем, проверим, посмотрим. Там должны увидеть своего нового хозяина, а я должен получить бесперебойную выплавку высококачественного железа. Ну, пусть просто железа, главное — много.

На другой день, когда уже седлали коней, явился отец Дитрих и дважды переспросил, не в долине ли Бек-Алания земли Макса, нахмурился, отправил куда-то молчаливого монашка, а когда тот прибыл, бережно держа на вытянутых руках нечто завернутое в белое полотенце, отец Дитрих вздохнул тяжело:

— Знаю, ты не проедешь мимо, как делают все местные...

— Мимо чего? — спросил я.

— Там есть нехорошее место, — объяснил он. — Совсем рядом с дорогой. Если ехать мимо и смотреть только вперед, ничего не случится. Люди так и приловчились...

— Ага, — сказал я с нервозностью, — а я, конечно, человек недисциплинированный, не удержусь... Силы воли во мне совсем нет. Не воспитал, мода на силу воли кончилась как раз в год моего рождения... Так кто там?

— Никто не знает, — ответил он сухо. — Что-то утаскивает людей так быстро, что никто и глазом не успевает моргнуть. Нечто такое, что не выносит человеческого взгляда.

— Не выносит, — пробормотал я, — так отворачивалось бы или убегало. Или хотя бы рылом в землю... А то утаскивать!

Он развернул прямо в руках монашка полотенце, моему взору предстал медный кастет. Четыре отверстия для пальцев, точно рассчитанная толстая пластина для сдавливания в ладони, полустертые руны на гладкой поверхности...

Я посмотрел с недоумением, перевел взгляд на отца Дитриха:

— И что я с ним буду делать? Это не рыцарское оружие!.. Это... это для разбойников!

Он невесело усмехнулся:

— Сын мой, демоны — не рыцари. Будешь с ними вести себя по-рыцарски — умрешь быстро и страшно.

Я принял кастет, все еще с отвращением вдел в отверстия пальцы. Сидит удобно, будто отлили по моей мерке, на выступающих частях, которыми и наносится удар, вырезаны кресты, а также непонятные значки, я бы сказал, что руны, как говорю на все непонятное, но это скорее каббала.

— И что... — спросил я, — помогает там, где меч бессилен?

— Не только меч...

— А что еще?

Он развел руками:

— Некоторые из демонов настолько тупы, что не понимают обращенных к ним святых слов.

Я погладил кастет кончиками пальцев другой руки. Остается впечатление, что прикасаюсь к чему-то близкому и даже родному, словно на дне моей души зашевелилось и начало просыпаться нечто темное, бандитское, пещерное.

— Люди тоже, — ответил я.

— Только обещай, сын мой, использовать в самом крайнем случае.

— Против демонов?

— Против людей, — уточнил он.

— Конечно, святой отец, — ответил я честно. — Сперва всегда Слово!.. Без него нельзя. А потом слово за слово...

Он коротко перекрестил меня, вздохнул, в глазах сомнение и тревога. Почему-то он всегда вздыхает, когда видит меня, и перестает улыбаться, хотя, как сам же не раз признавал, я сделал для Церкви больше, чем иные великомученики.

— Отец Дитрих, — сказал я, — к вам просьба. Если вы смогли бы отпустить со мной отца Богидерия, я был бы просто счастлив...

— Отца Богидерия? — удивился он. — Зачем он вам...



ах да, он же знаток по стали, все собирает способы выделки и методы закалки, а еще добавки, что делают то хрупкой, то вязкой... Увлечение, надо сказать, странное для монаха, но все равно это знание о мире, а такое дело всегда богоугодно.

Я ответил с поклоном:

— Все верно, отец Дитрих. Со мной должен быть человек, который лучше меня поймет, что можно выплавить из той руды, с какими трудностями и много ее там или мало. Хотя бы приблизительно.

— Хорошо, — ответил он, хотя в его ровном голосе и прозвучала нотка сомнения, — я верю, что все ваши деяния направлены на служение нашему Господу, хотя порой ваши действия и кажутся странными.

— Это именно тот случай, — заверил я.

Глава 12

Выехали на рассвете, сэр Палант, который не просто сова, а выдающаяся сова, жутко не выспавшись, ехал через еще сонный город хмурый и ныл, что спросонья прищемил палец так, что вон как распух, дергает, словно там черти играют...

Арчибальд посматривал с сочувствием, спросил у посмеивающихся рыцарей:

— Может быть, его просто добить?

Палант саркастически:

— Вот это сочувствие! Достойное орифламца.

Я прислушался, вдруг да начинаются распри, а потом начнутся стычки между теми и другими, но со вздохом облегчения понял, что Арчибальд и другие рыцари просто нашли еще одну нишу для подколов, спешно заменяя персонажей старых анекдотов армландцами, брабандцами и орифламцами и наперебой рассказывая друг другу.

На городских воротах небольшая свалка, стражи зало-

мили руки за спину молодому парню и пытались утащить с нашей дороги, а он рухнул на колени и закричал отчаянно:

— Не надо!.. Я исправлюсь!.. Я никогда больше не буду воровать!.. Никогда-никогда, клянусь!

Макс посмотрел на меня с вопросом в глазах:

— Что скажете, милорд?

Я отмахнулся:

— Вчера только здесь же вешали двух воров. И неделю назад еще одного. Почему он не передумал тогда?.. Повесить!

Стражи набросили парню веревку на шею и потащили к стене. Он бился в их руках, обливался слезами, вопил, кричал о бедной матери-старушке, о младшем братике. Вопли звучали настолько убедительно, что Макс снова заколебался, но вора уже встали по ступенькам на стену, поставили на самом краю и, привязав другой конец веревки за каменный зубец, приготовились спихнуть несчастного вниз.

Я спросил громко:

— В самом деле раскаиваешься?

— Да, — закричал он, — да!.. Я совершил преступление, я согрешил, в чем и раскаиваюсь всей душой и всем сердцем!

Я кивнул:

— Хорошо. Твое раскаяние принято. Да зачтется тебе это в аду, в рай все равно таких не пускают...

Страж уловил мой кивок, толкнул вора в спину. Тот рухнул, веревка дернула за шею, мы услышали хруст шейных позвонков. Он закачался в воздухе, на лице все еще недоумение, за что, он же покался...

Арчибалд подъехал ближе, покачал головой:

— Сэр Ричард, вы безжалостны.

— Я жалостлив, — возразил я, — ко всем тем, кто проходит под этими воротами. Они должны видеть, что воры не могут получать преимущества над ними. Все на свете толь-



ко трудом, сэр Арчибальд, только трудом!.. Никак иначе. У меня вор не отделается штрафом или выговором.

В сторонке от дороги за старым кладбищем выросло новое, где по строгому приказу отца Дитриха хоронили тех, кто недостойн лежать рядом с правоверными христианами: еретиков, колдунов, чернокнижников, устроителей и участников черных месс.

Отец Богидерий торопливо перекрестился и пробормотал молитву с просьбой быть милостивым к этим заблудшим людям, а сэр Растер громко подивился:

— Сколько свежих крестов... Неужели все наша работа?

— Это не кресты, — сказал я оптимистично. — Это плюсы нашей деятельности.

Макс все вырывался вперед, под ним хоть и боевой конь, но Макс умело подобрал себе более скоростного, чем способного проламывать оборону противника, за что я мысленно поставил молодому военачальнику плюсики. Он помнит, что на нем пехота, которая должна принимать и выдерживать удар тяжелой конницы, потому и конь такой, чтобы успеть как можно быстрее промчатся из конца в конец ошетилившейся копьями линии и все проверить лично, ободрить, быстро поправить...

Ветер в лицо, бодрящий стук копыт, у меня от него всегда играет сердце. А вот так мчаться, когда внизу сухая твердая дорога, слева берег реки, справа холмы с роскошными деревьями, да и по дороге то и дело ныряем под сень их ветвей, сладостное чувство, хотя доспехи еще не успели разогреться ни от наших тел, ни от прямых солнечных лучей.

Рыцари, как и кони, все в ярких цветных одеждах, никакой сдержанности, никаких полутонов или оттенков, что за глупости, сейчас мужской мир, потому только красное, желтое, зеленое, синее, голубое, просто и незатейливо, зато как празднично, даже конская сбруя сияет у кого серебром и золотом, у кого просто начищенными до блеска ме-

таллическими бляшками, разбросанными по ремням везде и всюду.

Кони мчатся гордые, с жеребьячества приученные ходить под седлом с тяжелой ношей доспехов, а сейчас никакой брони, а всадники — это уже не только привычное, но и родное...

Сэр Арчибальд на ходу часто поворачивал голову влево, а когда на одном из удаленных холмов показалась старинная церковь, торжественно снял шлем и перекрестился.

— Раньше я не замечал за вами особого благочестия, — заметил я с одобрением. — Это мое благотворное присутствие или целого отряда армландцев?

Он некоторое время молчал, склонив голову, а когда церковь скрылась за холмами, еще раз перекрестился.

— Простите, ваша светлость, что не ответил сразу. Все верно, мы в Сен-Мари не больно любим креститься и класть поклоны.

— Почему сейчас?

— Особый случай, ваша светлость.

Я спросил заинтересованно:

— Какой, если не секрет? Да и церквушка странная... на отшибе, туда даже дороги нет. Для кого она?

— Для всех, — ответил он и, повернув голову, посмотрел мне прямо в глаза, лицо стало строгим и торжественным. — Ваша светлость, это церковь... в которой, если прислушаться, всегда звучит звон мечей, конское ржание и воинственный крик принца Гирлиса, подбадривающего свой отряд. Они все погибли, окруженные целым вражеским войском, но не уронили ни своей чести, ни чести своего клана.

— Давно это было?

— Триста лет тому, — ответил он, — люди уже и забыли об их подвиге, но сама церковь хранит память. Церковь вообще много чего хранит... А в лунные ночи можно отчетливо слышать слова Гирлиса и его военачальников, обращен-



ные к своим воинам. И доколе будет стоять эта церковь, голос благородного принца будет слышен.

— А если церковь будет сломана?

— Но землю никто не сломит, — ответил Арчибальд и посмотрел на меня с подозрением. — Голос принца будет звучать все так же громко.

Я кивнул, взгляд молодого маркиза слишком суров и бескомпромиссен.

— Да-да, это верно. Хотя мертвое — это хорошо убитое живое, но прошлое не мертво. Оно даже не прошлое.

Он посмотрел на меня озадаченно:

— Сэр...

— Что?

— Даже не прошлое, это как?

— Никто еще не мертв, — ответил я, — если о нем помнят. Мертвецы постоянно вмешиваются в нашу жизнь. И постоянно напоминают нам о долге. Даже не знаю, всегда ли это хорошо.

Он сказал твердо:

— Всегда!

— Почему?

Он выглядел озадаченным.

— Как почему? Доблесть предков побуждает и нас к доблести! Примеры величия воодушевляют, не так ли? Я вот помню, что мой великий прапрапрадед первым, несмотря на три тяжелые раны, ворвался в крепость Агард и водрузил там победное знамя. А другой мой предок в седьмом поколении спас короля, закрыв его грудью, и умер на руках плачущего над его телом сюзерена!.. Я не могу быть свиньей, если буду помнить, что у меня такие доблестные корни!

— Или вам будут напоминать, — согласился я. — Это хорошо, когда много доблестных предков. Но и... гм... плохо. Вы скованы в каждом слове и каждом поступке, а когда жить самому? Я имею в виду не пить и по бабам, а двигать-

ся дальше. Не по кругу, а... выше и выше, как зовет нас христианская вера.

Он умолк в затруднении. Я дотянулся до его плеча и хлопнул так, что зазвенело железо.

— Не ломайте голову, доблестный сэр Арчибальд. Церковь и об этом подумала. Она не стоит не месте, а развивается сама и тащит за собой всех нас.

Холмы просели, и дорога обрадованно пошла вниз. В зеленой долине раскинулось уютное село в окружении садов и огородов, дома по обе стороны, любопытные дети сразу повисли на заборах, прохожие поспешно отпрыгивали и торопливо кланялись.

Сэр Растер остановился у колодца и потребовал воды себе и своему коню. Остальные придержали коней, а под любопытными взглядами деревенских девушек горделиво выпрямлялись, кое-кто даже приподнимал коня на дыбы, показывая его стать и свое умение.

Я больше заинтересовался группкой крестьян, что собрались у самого добротного и просторного дома, перед ним вытоптано широкое место, часто устраиваются деревенские сходки, да и пляски тоже там, сейчас в кругу внимательно и с широко распахнутыми в восторге глазами вещает длинноволосый худой мужчина. С посохом в руке, высокий настолько, что сутулый, он говорил звучным резким голосом, громко и властно.

На меня оглядывались пугливо, я спросил одного тихо:

— Это кто?

— Григор Мандрывист, — ответил крестьянин шепотом. — Великий человек...

— Чем?

— Ему такие тайны открыты... Да вы послушайте, ваша милость!

Я начал вслушиваться в страстную речь, у меня люди этого плана всегда вызывают уважение, это же надо быть каким человеком идеи, чтобы оставить дом и семью, пуститься в тяжелые странствия, терпеть голод, холод и край-



нюю нужду, но только бы донести свое видение мира как можно до большего числа людей!

Рыцари уже напоили коней, кто-то даже успел потискать девушек. Оттуда доносятся игривые смешки, довольный мужской хохот, звякает конская сбруя, кто-то заново седлает коня и меняет потничек, а я все слушал, мрачнел, со дна души поднималась нехорошая злость.

Проповедник горячо и страстно возвещает о Пророчестве, о Приходе, о Приближении Заветного Часа, о предначертанности нашего бытия, и что у Господа каждый наш шаг записан на тысячи лет вперед, и что ни единый волосок не упадет с головы человека или зверя без воли Господа...

Меня перекосило, словно черта при виде святого креста. Господи, ну откуда берутся все эти многочисленные идиоты, ну почему эти адепты пророчеств — обязательно древних и ужасных — идут косяками, как лемминги на нерест?

Второй вопрос, почему народ слушает с таким восторгом, что слюни текут? Не потому ли, что вера в пророчества освобождает человека от необходимости самому принимать решения, как-то шевелить конечностями, что-то делать, чего-то добиваться?

Как удобно: есть пророчество, ничего сделать против не получится, только сумасшедшие и полные злодеи рискуют выступать супротив пророчества, ибо чему быть, тому не миновать, не стоит и пытаться, глупо учиться, работать и вообще шевелиться, ибо будет то, что начертано, не нам менять Волю Пророчества...

Подъехали Растер и Макс, тихонько звеня удилами, Растер спросил негромко:

— Что-то интересное?

— Горьким лечат, — ответил я, — а сладким калечат... Этого — повесить!..

Отец Богидерий охнул и перекрестился, а Макс кивнул, ничуть не удивившись, даже не моргнув.

— Будет сделано, мой лорд. Как объяснить народу?

— Хула на Господа Нашего, — сказал я властно. — Творец, как подтвердит отец Богидерий, отменил все дикарские законы и пророчества, дав человеку полную свободу мыслей и действий. Ничто не властно над нами, никакие пророчества, никакие проклятия!.. Только от нас зависит, каким будет мир. Так и объясняй.

Макс кивнул:

— Да, сэр Ричард, полностью с вами согласен. Только от вас зависит...

Я прервал:

— От нас, людей!

— Да-да, — согласился он торопливо, — это я пошутил так неловко. Это основа учения Христа. Но, думаю, даже основы придется вбивать долго.

Я сказал с тоской:

— Не представляешь, насколько долго!

Он повел дланью, несколько его людей врезались на конях в толпу. Проповедника схватили, завернули руки за спину и потащили к ближайшему дереву.

Лица крестьян помрачнели, на меня посматривали с угрюмой враждебностью. Насколько удобнее жить с пророчествами, когда от тебя ничего не зависит, все записано в Книге Судеб. Всегда можно сослаться, что дурак не потому, что ленился учиться, а так записано, от него не зависит... И у соседа все хорошо не потому, что работающий, у него такой гороскоп счастливый...

— Ничего, — сказал сэр Растер бодро. — Мы пришли! Значит, все наладим.

— И быстро, — добавил сэр Альвар.

Я вздохнул:

— Люблю вас, оптимисты.

По дороге Арчибальд вдруг спросил:

— А слушали вы его с таким интересом... Все-таки заинтересовало? Что он там видел в будущем?

Я буркнул:



- Я не потому слушал внимательно.
- А почему?
- Чтобы ненароком не повесить Лютера. Или Лойолу.
- Это кто?
- Еретики, — ответил я.
- Еретики?

— Да, — ответил я. — Есть ересь, что тащит человека в болото, а есть — что вытаскивает. Иные еретики сделали для Церкви больше, чем папа римский вместе со всем конклавом кардиналов. Но, сэр Арчибальд, это я так, разоткровенничался, пока отец Богидерий нас не слышит. Считайте, просто болтаем о всякой ерунде. Вам какие бабы нравятся, толстые или худые?

Глава 13

В полдень сделали короткий привал, накормили коней и дали отдохнуть, сэр Макс уверял, что до вечера не успеем, Ульрих и Палант спорили с ним, мы же обоз с собой не тащим, пеших тоже нет, а кони у всех привыкшие к долгим переходам.

Я, пользуясь случаем, выпрашивал отца Богидерия, что он слышал о металлургии, и поразился, что монах может знать так много. И даже то, что практически все открытия совершались на заре научного мировоззрения монахами, не уменьшило удивления. Одно дело опыты с горохом, что привели скромного монаха к созданию такой науки, как генетика, другое дело — колющее и режущее оружие, их же не позволено брать монахам в руки, они могут защищаться только дубинками, как и нельзя, к примеру, садиться на коня, потому и едет отец Богидерий на резвом муле.

Он рассказывал о способах легирования мечей и вариантах закалки, бледные щеки покраснелись, глазки заблестели, даже дыхание пошло чаще, вот уж странное увлечение для монаха. Правда, знает и все известные способы

добывания руды, что совсем не так романтично, но для меня намного важнее, подробно рассказал про очистку и выплавку железа, там тоже множество путей, от самых дешевых до очень дорогих.

Солнце побагровело и начало устало сползать по багровеющему небосводу, в это время далеко впереди вспыхнули и заискрились крыши высоких башенок.

Усталые кони зачуяли отдых и прибавили скорости. Я на Зайчике невольно вырвался вперед и внимательно рассматривал владения Макса: замок возведен в оригинальной манере: огромный четырехугольник среди зеленой долины, все четыре стены невысокие, всего в три этажа, выглядят одинаково, только одна с двумя высокими башнями, а между ними ворота.

Не замок, поправил я себя, дворец. Это орифламцы или сенмаринцы могут считать замком, но мы, северяне, пришли из страны настоящих крепостей, суровых и неприступных, а этот можно захватить двумя десятками решительных людей.

Все в одном стиле: серый камень стен, серые башни, серые ворота. Дворец, который старается выглядеть суровым и мужественным.

За спиной простучали копыта, Макс резко остановил возле меня коня, тот хрипит и роняет ключья желтой пены.

— Ну и конь у вас, сэр Ричард!

Я кивнул:

— Да-да, конь... Макс, скачи вперед. И сделай для нас вид, что давно там живешь и вот встречаешь неожиданных, но приятных тебе гостей...

Подъехавший Растер прогудел благодушно:

— Трудное задание! Макс великолепен на поле боя, там он лев... а за столом еще щенок...

Макс пришпорил коня, я залюбовался, когда он, как олицетворение чистоты и невинности нашей веры, понесся впереди отряда, в сверкающих доспехах, со знаменем в руках, на котором большой красный крест на белом полот-



нище, такой же крест на спине и на груди белого сюрко, а также на длинной конской попоне, скрывающей бока, живот и ноги животного до колен.

Макс никогда не забывает, что он — крестоносец, и то, что у нас на порыве, у него в душе и в сердце.

Со стен крепости его увидели издали, засуетились, донося гнусавый звук труб, над главной башней взвился мой баннер.

Я поворчал:

— Обнаглели... Должны поднимать знамя Макса.

— У них его нет, — предположил Растер.

— А мое?

— Ну, если управитель расторопный, то вашим запасаю на всякий случай. Вот на такой! И никто возражать не посмеет...

— Почему?

— Ну, ваш баннер, он как бы уже и не ваш, а общеармландский... мы же одна стая, так?

Мы видели, как распахнули ворота перед Максом и снова начали закрывать, но Макс замахал руками, створки замерли на мгновение, затем широко разошлись в стороны.

Нас с Растером догнала головная группа, и тесным отрядом мы понеслись к воротам.

Только проехав под широким каменным сводом или с большой высоты можно увидеть планировку: внутренний двор настолько велик, что сам замок выглядит толстой крепостной стеной, окружающей пустоту.

Двор просто необъятен. Настоящая площадь, вымощенная хорошо обтесанным и подогнанным булыжником, так что наши кони неслись красиво и бодро, звонко цокая копытами и рассыпая искры.

Булыжник тянется со все стороны, ни единой травинки или клумбы, а в конце переходит в такие же суровые серые стены. Впрочем, стены и есть сам замок, зато окна всех комнат смотрят наружу и вовнутрь, достаточно широкие,

чтобы пролез человек, хотя сейчас закрыты железными прутьями.

Все помещения упрятаны в этой крепостной стене, а сам двор — идеален, ни единого деревца или кустика, никаких излишеств в виде клумб с розами — суровая аскетичная красота простоты.

Макс уже пеший, стоит, широко расставив ноги, и улыбается во весь рот.

— Счастлив приветствовать вас, мой лорд, — сказал он почтительно и преклонил колено. — В моем... замке.

— Начиная выговаривать это без запинки, — посоветовал я. — Замок твой, земли твои и люди здесь твои. Ты им отец и судья. Вставай и начинай распоряжаться. Помни, мы только гости. Ублажай нас, весели, пои и развлекай. А мы будем бурчать, что вино кислое, мясо подгорело, а служанки старые и костлявые... Сейчас кто здесь распоряжается?

Он поднялся, виновато развел руками:

— Ваш управитель Куно прислал людей, чтобы управляли от моего имени. Вроде бы называют меня хозяином...

— Посмотрим, — сказал я зловеще, — как управляют. А то что-то давно никого не вешал...

Он насупился и проговорил твердо:

— Если это мой замок, никого в нем вешать не будут!

Я сказал виновато:

— Прости, Макс, это только шутка. Я же остряк, но иногда и у такого гения бывают осечки.

Он поклонился:

— Это я прошу прощения, мой лорд. Я всегда принимаю ваши слова как приказ. И если я отец и судья...

Я поднял руки:

— Макс, твой дом — твоя крепость, и порядки здесь твои.

Из центрального входа, который можно узнать только по ковру перед дверью, высыпали ярко одетые слуги, из окон высунулись наспех одетые нарядно женщины и раз-



махивают платками, кто-то бросил под копыта нашим коням цветы.

Из главного хода выкатился грузный человек с брюшком, пышно и пестро одетый, опустился передо мной на колени и сказал преданно:

— Ваша светлость! Для нас большая честь...

Я прервал:

— Я всего лишь гость хозяина замка сэра Максимилиана фон Брандесгерта. Все к нему! А я всего лишь буду пить, есть и слушать пение птиц. Здесь птицы есть?

— Завезем, — ответил управитель твердо. — Каких?

— Хороший ответ, — одобрил я. — Сэр Макс, вступайте в свои права и обязанности, а я просто пощелкаю... да, пощелкаю. И узнаю у местных о рудниках из первых рук.

Солнце опустилось еще в момент, когда мы въехали в замок, багровое небо долго пылало во вселенском пожаре, давая возможность конюхам разобрать коней и увести в конюшни, а потом пугающе быстро упала и подгрребла под собой все тьма.

В замке зажгли свечи в залах и масляные светильники в коридорах и мелких службах, заметались темные тени, слуги выкатывали из подвала бочонки с вином, повара сбивались с ног, торопливо готовя кушанья для пира приехавших рыцарей.

Проходя мимо парадного входа, я сострил насчет измельчавших атлантов, что раньше держали небо, а теперь балконы. Сэр Арчибалд пришел в восторг, а я подумал вяло, что с моим запасом шуточек и анекдотов, без которого человек вообще не человек в моем срединном, здесь всегда буду пользоваться успехом, хоть среди дам-с, хоть среди собутыльников.

Рыцари успели снять доспехи и помыться, слуги начали приглашать в зал, где торопливо сдвигали и накрывали столы скатертями, заносили холодные закуски. Со стороны кухни уже несет жаром и ароматными запахами.

Чтобы гости не торопили с горячим, сразу же на столы подали побольше вина, почти сразу начался веселый галдеж, хохот. Отец Богидерий стеснительно сидел рядом со мной, рыцари морщились, но уже знают, что священник — лучший знаток по мечам и вообще холодному оружию, поэтому терпели присутствие возле их сюзерена духовного лица.

— Как видите, — буркнул я, — все о подвигах и славе. А о разработке глубоких штолен — это все мне. Как и о подеме валового продукта.

Отец Богидерий сказал стеснительно:

— Вы сумеете справиться.

Я проворчал:

— Справиться?.. Я пока думаю больше о том, как справиться вот с этим куском мяса.

Он наблюдал за мною из-под странно безбровых глаз, где нет даже намека на ресницы. Лицо крупное, костистое, как и сам он, несмотря на худобу, жилист и крепок, и только крайняя интеллигентность в каждом слове и жесте выказывает, что не воин, а мыслитель.

— Вы сумеете, — повторил он мягко, — у вас напор молодости и мудрость стариков. Даже не знаю, как удастся сочетать...

— Очень просто, — ответил я с бодрой ухмылкой. — Напор и дурость от меня, мудрость — от моих наставников. Я часто говорю, что молод, но старые книги читал... Однако, знаете ли, в это трудно поверить, но я их в самом деле читал!

Он застенчиво улыбался, почти ничего не ел, блюда слишком скромные, и хотя сейчас не пост, но добродетельные не чревоугодничают и в те дни, когда «можно».

Сэр Растер громовым голосом провозглашал тосты, их встречали дружным ревом одобрения, отец Богидерий посматривал на него с опаской.

— Этот доблестный рыцарь, — спросил он опасливым шепотом, — никогда не снимает доспехи?



— Многим суждено родиться в рубашке, — объяснил я, — но лишь сэру Растеру повезло родиться в доспехах.

Он пробормотал в сомнениях:

— Господу виднее, что он делает.

Пир продолжался всю ночь, я покинул гуляк довольно быстро, у выделенной мне лучшей комнаты уже охрана, на меня не повели и глазом, не рыцари, чтобы преклонять колени по каждому поводу.

Поспал я с огромным удовольствием, долго и до позднего утра, чего не случалось давно, пробудился под истошные крики петухов, тоже мне рыцарский замок, еще кур бы завели...

Да вообще-то куры как раз и есть, когда въезжали в замок, они прыснули из-под копыт. Незамутненная идиллия...

Отец Богидерий с утра отправился осматривать часовню, я велел представить перед мои ясны очи управителя замка, он прибежал, запыхавшись, извинился, что не явился в момент, был далеко, а так вообще-то торопился.

— Что здесь, — прервал я, — за рудники? Что добывают? Сколько?

Он развел руками:

— Увы, ваша светлость, нет в этих землях ни золотых жил, ни даже серебряных...

— Этого и не надо, — прервал я в нетерпении. — Все куплю — сказало злато, все возьму — сказал булат, не слышал? Будет у нас вдоволь железа, все золото мира будет нашим!

Он закивал, думая, что говорю о завоеваниях, хотя по лицу ликования не заметно, не воинственный, значит, что и понятно, управитель, а не конкистадор.

— Железной руды много, — объяснил он торопливо с виноватостью в голосе, — только добываем понемногу.

— Почему?

— Простите, ваша светлость, но куда ее девать? Добы-

ваем столько, сколько запрашивают оружейники, кузнецы... У нас и так слитки готового железа в сарае не помещаются.

— Запросы будут, — сказал я. — Веди, посмотреть изволю. Да, надо отца Богидерия позвать...

Отец Богидерий в часовне стоял на коленях и молился, когда мы зашли и остановились на пороге. Часовня стандартная, ничего лишнего, все достаточно аскетично, в духе всего замка. Только на своде достаточно красочно нарисованы светлые ангелы, что побивают темных и сбрасывают в красное такое озеро, то ли с кровью, то ли лавовое.

Сэр Растер шел навстречу, заглянул и буркнул:

— Опять молится. Сколько в него влазит?

Я сказал негромко:

— Основная мысль человека есть мысль о Боге. Основная мысль Бога есть мысль о человеке, а не об ангелах, которые вроде бы ему ближе. На самом деле Богу нет ничего ближе, чем человек. И когда одни ангелы восстали против Господа, он даже ухом не повел в их сторону.

— Но ведь, — сказал Растер неуверенно, — Господь же низвергнул...

Я пояснил:

— Читайте, дорогой друг, Священное Писание, а не придумывайте небылицы!.. Господь и пальцем не пошевелил. С восставшими справились ангелы со главе с архангелом Михаилом. А Господь думал о человеке, а на такую хрень, как взбунтовавшиеся ангелы, и внимания не обратил! Вот что значит забота о человеке.

Сэр Растер пробормотал озадаченно:

— Да-а... теперь ходи и бойся.

— Чего?

— Ну, вдруг не оправдаем! Я ж не знаю, чего он от меня ждет. А вы знаете?

— Если бы, — ответил я с тоской. — Всем хочется знать. Потому и пользуется спросом всякое жулье, что предсказывает будущее, гороскопит, гадает, астроложит или по ладони читает. Знаю только, что мы должны много работать



и что-то строить, чтобы в конце концов прийти к Богу. Но я знаю, что настроить мы можем такое...

Он вздохнул:

— Пойду лучше выпью еще. А то в таком месте протрезвел, а в гостях быть трезвым нехорошо.

Отец Богидерий закончил молитву и, поднявшись с колен, повернулся к нам. Лицо было до крайности виноватое.

— Простите, сэр Ричард, — сказал он робким голосом. — Я чувствовал, как вы вошли, но не мог прервать молитву...

— Все в порядке, — успокоил я. — Пойдемте, отец Богидерий, взглянем на рудник, это совсем рядом. Вы там просветите вашего туповатого лорда, чего можно ждать от добываемого там железа.

Он смущенно улыбнулся:

— Вы не туповаты, мой лорд... однако, гм, интересно ли вам, привыкшему к звону оружия и крикам мертвецов, из чего и как делаются мечи?

— Интересно, интересно, — заверил я. — Мне вообще-то нужна не такая уж и замечательная сталь, чтоб на высококлассные мечи... меня и сыродутное железо устроит, зато надо побольше, побольше, пока таблетки от жадности не придумали.

— Сыродутное? На подковы?

— На рельсы, — сказал я и добавил внушительно: — Во славу Церкви.

— Во имя Господа, — откликнулся он автоматически и перекрестился. — А что такое рельсы?

— Все расскажу, — пообещал я. — Потом. Вообще-то малость рельсов у меня есть, но надо намного больше, больше...

Глава 14

По дороге отец Богидерий ошалел от моих рассказов настолько, что то и дело хватался за гриву мула, чтобы не свалиться. Всю дорогу к руднику я набрасывал широкими

мазками картину железной дороги, по которой крестonosное войско можно перебрасывать из конца в конец королевства не за месяц-другой, а за считанные часы.

Особые вагоны для коней, у некоторых можно оборудовать даже сиденья для благородной публики, кнехты, ратники и арбалетчики поедут в теплушках, как и лучники, для лордов выделим вагон, где на лавках можно будет даже поспать...

Он ахал, крестился, смотрел недоверчиво, но я то и дело авторитетно вставлял «во имя Господа», в особо спорных моментах осенял себя размашистым крестом.

Рудник показался мне провалившейся могилой. Я спускаться не стал, не с моим ростом передвигаться на четвереньках, все равно застряну, с края ямы смотрел, как полуголые рабочие вытаскивают на себе корзины с кусками руды. Отец Богидерий самоотверженно спустился, говорил с рабочими, щупал руду, нюхал и даже лизал, а когда выкаббался ко мне наверх, лицо было озабоченное.

— Залежи очень велики, — сообщил он, — но слишком высоко идут. Вот-вот пойдут обвалы. Люди начнут гибнуть...

Я спросил быстро:

— А если открытым способом?

Он спросил осторожно:

— Это как?

— Снять верхний слой земли, — сказал я. — У меня на родине так обычно добывают уголь.

— Уголь?

— Каменный, — объяснил я. — Вы пока пользуетесь только древесным, но я вас научу прогрессу... Сколько там земли сверху?

Он смотрел на меня с удивлением:

— Как же мне самому такое не приходило в голову...

— Могу сказать, — пояснил я, — почему. Никому не требовалось столько железа, чтобы ради этого снимать и



вывозить массу земли. А мне вот надо! Ладно, главное, что руды много. Вы не ошиблись?

Он покачал головой:

— Нет, в этом я разбираюсь. Но... что такое каменный уголь?

— Для выплавки железа он как раз и понадобится, — заверил я. — Для больших партий железа! Пойдемте, я расскажу про легирование стали, про присадки...

Он слушал как завороченный, хотя я сам почти ни уха ни рыла в плавке, но всяк знает, что из руды получается чугун, а из чугуна — железо разных сортов, от низкосортного до элитного, из которых самое простое — нержавеющее. Я рассказывал, как плавят в домашних плавильных печах и домнах, как с помощью присадок получают железо крепостью как алмаз, но гибкое, без намека на хрупкость, вспоминал еще всякие обрывки, все мы нахватамы по верхушкам, даже в самых тупых головах что-то да застревает со школьной скамьи или даже анекдотов, так что отец Богидерий слушал завороченно, словно дивную сказку.

А я засмотрелся на руины, мимо которых проехали в прошлый раз, отец Богидерий перехватил мой взгляд и сказал поспешно:

— Лучше отвернитесь, сэр Ричард!

— А что там? — спросил я.

— Проклятое место, — объяснил он. — Когда-то был дворец, но в нем сын убил отца, мать убила сына, а ее убили дочери... Потом вмешались дальние родственники, в конце концов там было пролито столько крови, что можно было бы залить ею на три мили все вокруг. С тех пор там никто не живет, а дворец постепенно разрушился сам по себе...

— Старые добрые времена, — пробормотал я. — Но в замке нас сейчас же усадят за стол и заставят пить...

Он нервно дернулся:

— Господи, только не это!

Я кивнул:

— Тогда лучше задержимся, посмотрим на эти руины. Не беспокойтесь, мы не станем убивать друг друга. Мы же не язычники...

Он вздохнул, христиане еще как убивают друг друга, но покорно повернул мула вслед за моим конем в сторону руин.

Руины не просто выглядят древними, на самом деле древние. Пол подо мной провалился, едва миновали холл, судя по расположению камней, и вступили в первый зал. К счастью, я в таких местах начеку, по-звериному извернулся и ухватился за край.

Отец Богидерий не успел даже руки подать, я подтянулся и перевалился на полог. Священник, шумно дрожа и постукивая зубами, заглядывал в открывшуюся бездну. Там на большой глубине в каменном колодце с прямыми стенами извивается клубок змей, кобры или гюрзы, я в них не разбираюсь, но от одного вида по коже пробежали мурашки.

Я пробормотал:

— Этим руинам тысячи лет?

Отец Богидерий прошептал:

— Так сказано в летописи.

— А, ну тогда да...

Он тяжело вздохнул:

— Но все-таки не понимаю...

— Чего?

— Как они там все это время жили?..

Я предположил:

— Искатели сокровищ туда падают раз в неделю. Как раз хватает.

Он покачал головой, глаза стали встревоженными и недоумевающими.

— Змеи людей не едят, — объяснил он с крестьянской обстоятельностью. — Только кусают... если наступишь, а так уползают, если есть куда удрать.

— А друг друга?

— Не едят, — сообщил он грустно, посмотрел на меня с



вопросом в чистых глазах. — Сэр Ричард, как они там все это время выжили?

Я отмахнулся:

— Просто не думайте, святой отец. Живите и получайте удовольствие. А то столько нелепиц и несостыковок увидите, что... ну, не советую себе жизнь портить, как старший по званию или чину. По титулу в смысле. Как говорит Церковь, логики в нашей жизни нет, но надо верить и самим строить более правильный мир. Господь начал только, а дальше поручил нам строить, поняли? И велел выстроить лучше, чем это вот... если мы сами сделаем такой колодец, то уж придумаем, чем кормить тыщу лет гремучих змей!

Он кивал, соглашаясь, наконец спросил искательно:

— Но, может быть, не надо делать эти колодцы в Царстве Небесном?

Я подумал и согласился:

— Да, это ерунда какая-то. Мелковато. Нет размаха.

Возвращались неспешно, в руинах ничего интересного не отыскиали, зато убили время до самого вечера. Небо окрасилось в торжественные цвета пурпурного бархата, облака остановились и начали багроветь, а затем зловеще потемнели сверху, словно покрылись застывающей корочкой.

Башни замка заблестели нестерпимо алым цветом, словно раскаленные на солнце, тем более ярком, что земля внизу в тени, а сумеречная тень быстро поднимается, глотая ряды камней. Наконец погасли и крыши, но мы уже подъехали к воротам.

— Ну что, — сказал я с легкой насмешкой, — сразу на пир?

Его передернуло, он сказал умоляюще:

— Я в прошлый раз отбыл... можно, на этот раз займусь чем-нибудь другим?

— По бабам? — спросил я и, видя его потрясенное лицо, пояснил: — Так говорят, когда хотят тайком уйти в библиотеку.

Он пробормотал:

— Странные эти мирские обычаи... Я бы лучше просчитал, сколько понадобится снять грунта, чтобы добраться до железа сверху. Сколько нужно землекопов, во что обойдется...

— Хорошо, — сказал я с завистью, — вам есть чем заняться. А я вот буду только лордом на высоком кресле... Но все же не мешало бы перекусить с дороги.

Он, поспешно скатившись с мула, низко поклонился и, сунув повод слуге, исчез, пока я не передумал.

Местные слуги поспешно распахнули передо мной двери главного зала, в ноздри ударила стена пряных запахов вина и жареного мяса, воздух плотный и горячий, как только что снятая с вертела тушка молодого оленя.

Я постоял, пошатываясь, но кресло майордома обязывает, сделал счастливое лицо всем довольного государя и шагнул в зал навстречу пьянству и обжорству.

Рыцари приветствовали появление сюзерена довольным ревом, топотом и стуком ножей по столу. Я милостиво улыбался и шел к своему креслу, скидывая руки в приветствии.

Пир продолжался, беспечный и бестолковый, я тоже поднимал кубок, отвечая на здравицы, слуги уже не подносят с церемонностью блюда, предлагая на выбор, а просто перегружают на тарелки рыцарей, пьяные все сожрут, все равно сейчас не чувствуют вкуса, а завтра не вспомнят, что ели...

На мой придиричивый взгляд, блюда заносят так же церемонно и торжественно, только на этот раз слуги, явно успевшие приложиться к хозяйскому вину раньше хозяев, подают несколько неуверенно, хотя в общем гаме, сутолоке и бессвязных разговорах это проходит незамеченным.

Передо мной с поклоном опустил серебряное блюдо с жареными куропатками слуга с мрачным лицом, шрам над бровью, второй на скуле, еще один на подбородке, неуклю-



же поклонился и отступил, давая дорогу второму, помоложе и порасторопнее, этот поставил большой пышный пирог.

Я неспешно ел, даже вкушал, за столами шум и гам становятся все громче, уже забыли о прибывшем сюзерене. Я поднялся с рассеянной улыбкой, хлопнул по плечу Макса.

— Не устал?

— Если честно... — проговорил он беспомощно.

Я засмеялся:

— Если еще не валишься с ног, пойдем поговорим о рудниках.

Гости после нашего ухода загорланили громче, кто-то затянул песню. Я вывел Макса сперва в коридор, огляделся, но и здесь могут быть уши, потащил за собой на крыльцо.

На дворе крошечная тьма после ярко освещенного тысячью свечей зала, да еще и луна спряталась за облачко, но я огляделся вокруг в тепловом зрении, нигде ничего крупнее мелкого беспородного пса у дальних ворот.

— Продолжай улыбаться, — шепнул я. — Твои люди тоже пируют?

Он смотрел непонимающе, но взглянул на мое лицо, посерьезнел, подтянулся и сам посмотрел в темноту с напряженностью.

— Не должны бы...

— Где они? — спросил я.

— В караулке, — ответил он с недоумением. — И на стенах. Я не упускаю случая их натаскивать... Потом меньше потерь.

— Молодец, — сказал я с чувством. — Даже не представляешь, какой молодец. Пойдем вниз, надо проследить, чтобы не вздумали пировать... как им наверняка уже предлагают.

Он снова огляделся по сторонам, подражая мне.

— Да что случилось?

— Слуги, — ответил я. — Ты что-нибудь заметил?

Он пробормотал озадаченно:

— Нет... А что?

— Никто не заметил, — пробормотал я. — Да и как заметить? Ни лорды, ни другие рыцари такие мелочи не замечают. Слуги — это единственные реальные невидимки, хоть здесь, хоть... где. В моем срединном старательно не замечаем, когда перед нами ставят блюдо, лишь иногда небрежным кивком сообщаем, что да, спасибо, или да, хватит, а здесь не замечаем просто потому, что слуги — не совсем люди, а так, что-то совсем мелкое и не заслуживающее внимания.

Он слушал внимательно, я видел по его лицу, как старается что-то вспомнить, но даже он спасовал, все-таки Максимилиан фон Брандесгерт, а они — чернь...

— Ладно, — пояснил я, — вчера были другие. Более ловкие. А руки этих больше привыкли к рукоятям мечей, чем к тарелкам. Тревогу не поднимай, но расставь своих людей так, чтобы были готовы.

Он посерел лицом:

— Неужели... что-то будет?

— Похоже, — ответил я. — Молодцы, нашли самое уязвимое место! У слуг везде доступ. Могут незаметно убрать все наше оружие и спрятать под замок, чтобы мы, как гости в доме Одиссея, оказались беззащитными. Могут подползти так, что будем ползать, как свиньи, даже не поймем, что нас уже режут... Пойдем, проверим караульных.

Разом протрезвевший, он шел весь напряженный, готовый к бою, но на поясе только короткий нож для разделки мяса, а вместо стальной скорлупы панциря изящный жиппон, который можно проткнуть лучиной.

Возле караулки мы обнаружили двух очень веселых и раскованных женщин, принесли большой кувшин вина и готовились разделить его со стражниками.

Я сказал быстро:

— Прекрасно!.. Спасибо за вино. Мы его выпьем, а вы, девушки, отправляйтесь в большой зал, там мужчинам не хватает женского тепла.



Женщины поулыбались и удалились, кокетливо играя бедрами. Макс ухватил кувшин, занес в караулку. Слышно было, как хлюпает, сливаемое в отхожее место.

Караульные вытянулись и смотрели испуганными глазами. Макс вернулся и поставил кувшин у ног стражников.

— Объясни им ситуацию, — сказал я, — пусть притворятся смертельно пьяными. Даже заснувшими. Сам проверь ворота, там поработают в первую очередь, и вообще ключевые места. И, конечно, тоже бди. Если что, я в большом зале.

Он спросил шепотом:

— Когда ждать? К утру?

— Сам сказал, — согласился я. — Когда все перепьются и заснут за столами. Уверен, сейчас всем подливают очень щедро. Голову даю на отрез, ни один кубок не остается пустым... Учти, никто не должен понять, что мы раскусили их план!

Он стоял передо мною бледный, натянутый, как тетива на луке, лицо очень серьезное и решительное.

— Я все понял, — прошептал он. — Мы сумеем их встретить.

Раздался скрип ворот, мы все, стражники тоже, резко обернулись, стражи выставили перед собой копья.

В распахнутые ворота двое усталых лошадей втащили грубо сколоченную деревенскую повозку с полотняным шатром на укрепленных по краям кольях. Возница клюет носом, навстречу выбежали конюхи, кони даже не дернули головами, когда их ухватили под уздцы.

Макс прошептал:

— Что за ночные гости?

— Бродячие актеры, — предположил я. — Будут развлекать гостей танцами и жонглированием, а потом выхватят мечи...

— Перебить их сейчас?

— Нет, — сказал я. — Нужно встретить ласково, но сперва отвести в комнату для слуг, пусть подкрепятся после до-

роги, выпьют... Словом, надо задержать, пока не убедимся, что главные лица тоже прибыли.

— Все сделаю, сэра Ричард!

Стражи, уже бледные, смотрят серьезными глазами. Я кивнул им, Макс отсалютовал, а я вернулся в зал, где с пьяной улыбкой всем довольного человека рухнул в кресло.

Пир горой, песни в разных углах, никто не слушает другого, бессвязные речи, глупый хохот, шуточки, стук ножей по тарелкам и по столу, единственное оружие, что осталось у рыцарей при себе, только сэра Растера верен себе, блещет стальными доспехами, как могучий жук среди мягкотелых гусениц.

Я поприветствовал тихо сидящего за столом в сторонке от шумной компании отца Богидерия и собрался захватить кубок и пойти к сэру Растеру, но спохватился и напомнил себе, что я сюзерен, каждый мой шаг как-то да оценивается, и остальные сочтут это повышением роли сэра Растера в нашей иерархии...

Он уловил мой кивок, выдернул себя из объятий тесного кресла довольно бодро. Я смотрел придиричиво, как это прожорливое чудовище ухитрится жрать в три горла и пить целыми бочонками, но если животу раздуться не дает стальной панцирь, то как ухитрится не хмелеть, уму непостижимо.

Лишь вблизи я рассмотрел, что глазки пьяненькие, морда тоже слишком довольная.

— Сэр Растер, — сказал я и, заметив, что один из слуг незаметно остановился рядом, заговорил громко: — Сэр Макс, как хозяин земель, сейчас вот, несмотря на ночь, готовит для меня план рудников, а вам, дорогой друг, уготовано помочь ему, как опытному наставнику.

Растер громыхнул в недоумении:

— Да, сэра Макс — мой лучший ученик, я его учу всему, но... рудничному делу?

— Управлению, — произнес я значительно. Слуга поти-



хоньку отошел, все так же стараясь оставаться незамеченным, но даже если бы и топал, все равно слуг не замечаем, и я сказал быстро: — Соглашайтесь и топайте за мной.

Глава 15

Непонимающий, он пошел следом, лицо оставалось недовольным, и все слышавшие нас уже знали, что я озабочен рудниками и даже ночью заставляю рыцарей заниматься ими.

В коридоре я огляделся и прошептал:

— Сэр Растер, на вас вся надежда!.. Вы единственный, кто почуял, что здесь что-то неладно, и не снял боевые доспехи. Сегодня ночью вам предстоит в одиночку защищать всех боевых друзей... в отличие от вас, они уже не держатся на ногах, а вы — орел!

Он сказал польщенно:

— Молодежь, что с нее взять, желторотые... Но, сэр Ричард, кто собирается напасть?

— Не знаю, — прошептал я. — Говорите тише.

— Да я шепотом...

— У вас такой шепот, — сказал я совсем тихо, — в соседней деревне собаки лают с перепугу. Есть сведения, что нападут. Макс уже готовит своих людей, а вам придется в одиночку сражаться здесь за други своя. Ну, еще я помогу, хотя вам моя скромная помощь и не понадобится.

Он быстро трезвел, хотя рожа оставалась красной, глаза посуровели.

— Сэр Ричард... Если это даже мой последний бой, я не посрамлю свой род...

— Тихо-тихо... Идите вон в ту комнату, они могут оттуда, а я здесь.

Сэр Растер удалился, а я вскоре в тепловом отчетливо увидел красный силуэт, что движется абсолютно бесшумно, скользит вдоль стены, ни скрипа сапог, ни шороха, ни даже хриплого дыхания.

Я навел на него арбалет и сказал негромко, но отчетливо:

— Стой, кто бы ты ни был!..

Он вздрогнул и застыл, пламенное лицо обращено в мою сторону, я почти различил на нем изумление.

— Повернись к стене, — велел я. — Руки за голову. Не двигайся...

Он начал было поворачиваться, но быстро прижал руки к груди и резко оттолкнул от себя, словно отбросил. Я инстинктивно нажал на спусковой крючок, а сам метнулся в сторону.

В спину резко толкнуло жаром, я упал и, перекатившись через голову, оказался за колонной. Прогредел стук подкованных сапог, в комнату ворвался сэр Растер.

Он увидел на стене огромное выжженное пятно с оплавленными краями, горестно вскрикнул:

— Господи, сэр Ричард!.. Вы принесли себя в жертву, чтобы прошли мы, простые рыцари!.. Как благородно для сюзерена!

Я поднялся и вышел, хромая, из-за колонны.

— Спасибо, сэр Растер, за добрые слова.

Он воскликнул:

— Вы живы! Какое счастье... Значит, долго жить будете.

— Раз уж вы здесь, — распорядился я, — стерегите эту комнату. Если сюда пустили первым колдуна, значит, тут пойдет главный отряд.

Он еще хлопал глазами, я выскочил в соседнюю комнату, там тоже окна чересчур широкие и на такой высоте, что только ленивый не заберется.

Два человека влезли тихо и бесшумно, я затаился за колонной, оба в одеждах простонародья, но это ни о чем не говорит, часть заговорщиков вообще одета слугами...

Я вышел из-за колонны, когда они на цыпочках пошли к дверям в разных концах комнаты.

— Стоять! — велел я. — Не двигаться! Все ваши уже схвачены...



Они стояли неподвижно не больше секунды. Один схватил меч, другой направил в меня сверкающий в ладони синим амулет. Я торопливо пригнулся, а яркий луч ударил над моей головой, за спиной послышался вскрик.

— Дурак, — ответил я и выстрелил из крохотного арбалета.

Яркая вспышка сожгла его, оставив на стене закопченное пятно в виде негатива человеческой фигуры. Оглянувшись на второго, я понял, что сам висел на волоске: синий луч, истощив амулет, сжег одежду и плоть, на полу лежит скелет с клочьями горящего мяса.

Я подобрал с полу невзрачный синий камешек, пригодится, в это время донесся тяжелый стук подкованных сапог. Я встал за колонну.

Сэр Растер вбежал в комнату, увидел скелет и горестно вскрикнул:

— О, сэр Ричард!.. Я не думал, что вы закончите так... так вот... Все-таки вы герой! И лучший из правителей... правили мудро и по-рыцарски, хоть и непонятно, но тем интереснее... на примере вашей доблестной жизни воспитаем оруженосцев...

Я сказал за его спиной:

— Спасибо, сэр Растер. Если бы не так длинно, велел бы высечь на своей могильной плите. Но так как не поместится, придется жить дальше.

Он обернулся, рожа расплывается до ушей, куда и девалось высеченное из камня суровое лицо.

— Сэр Ричард... Я всегда вам рад, но сейчас особенно.

Я вскинул руку, он послушно умолк. Слышно было, как внизу что-то шевелится, позвякивает, словно конская сбруя, мои ноздри уловили запах мужского пота и чеснока, которым простолюдины стараются перебить аромат немытого тела.

— Макс охраняет окна в той комнате, — сказал я, — его люди должны дожидаться, пока все нападающие войдут в

замок, чтобы перекрыть пути отступления... а мы, значит, одну из групп встретим здесь...

— Похоже, — проворчал он, — они уже наводнили замок.

— Не думаю, — сказал я, — что их очень много. Иначе они бы уже напали.

— Но каких колдунов послали вперед, — сказал он сердито. — Это не по-рыцарски!

— А если замок пытается захватить совсем не рыцарь?

Он открыл и захлопнул рот, слышно было, как скрипнула дверь, в комнату вбежали, стараясь все-таки двигаться тихо, двое мужчин с мечами в руках. И хотя оба без доспехов, но каждое движение выдавало в них умелых воинов.

Сэр Растер рывкнул и бросился на них, они приготовились встретить его с оружием в руках, но тут выскочил я, арбалет в моих руках дернулся, я не поверил глазам, когда один с легкостью отразил стальной болт лезвием меча.

Я ринулся на него со злым воплем, чертов колдун, меч в его руке рассыпает шипящие искры, и каждый удар отдается в моих руках болезненной дрожью. Когда я парирую, искры падают мне на руки и жгут просто адски. Колдун злобно улыбался, но ранки мигом заживают, я выдерживал его натиск, в его глазах наконец появились недоумение и тревога.

Я сам перешел в атаку, он поскользнулся и упал на одно колено, словно в почтительном поклоне. Я с торжеством вонзил в него меч чуть ли не по рукоять, едва не пригвоздив к полу.

Сэр Растер сразил своего, бросился мне на помощь, но колдун уже не двигался, странно посерел, застыл, резкие черты сгладились, я хлопал глазами, не понимая, что происходит, а когда сообразил, было уже поздно, он превратился в глыбу камня, смутно напоминающую склонившуюся фигуру.

И меч мой торчит из этого камня, схваченный намерт-



во. Я безо всякой надежды попытался вытащить, сэр Растер смотрел с сочувствием и страхом.

Я сказал тоскливо:

— И что, ждать прихода короля Артура?

— Что за король? — полюбопытствовал он.

— Да так... Ух ты, мне не чудится?

Серый камень начал белеть, то ли седеет от ускоренной старости, то ли покрывается особым мхом. Сухо шелкнуло, от меча вниз пробежала трещина, еще шелчок, и еще, глыбу исполосовали трещины. Я не успел ухватиться за рукоять меча, как массивный валун рассыпался на мелкие части.

Меч выпал, я едва успел подхватить на лету, а среди серых кусков гранита ярко и неожиданно заблестели драгоценные камни, целая россыпь, немалое состояние даже для короля.

— Везет вам, сэр Ричард, — сказал Растер.

Я прислушался, внизу нарастает крик, рев, прогремел топот ног.

— Можете собрать, — бросил я. — Я пока вниз...

Ступеньки замелькали под ногами, как полосы света и тени. Я пронесся вниз, но не ворвался в пиршественный зал, а забежал на хоры и торопливо сорвал с плеча лук Арианта.

В зал вбежали люди в одежде странников, среди них я узнал и тех бродячих артистов. У всех в руках обнаженные мечи, я услышал чей-то звонкий крик:

— Брать живыми! Они для выкупа!..

Я наложил первую стрелу, прицелился, а когда она сорвалась с тетивы, просто бездумно хватал следующую, следующую, следующую.

Рыцари, как ни были пьяны и ошарашены, попытались дать отпор, моментально опрокинув столы и выставив перед собой ножками вперед кресла. Я даже не думал, что ими можно орудовать так ловко, все-таки выучка людей войны сказывается.

На них насели с яростными криками, один рыцарь упал, кровь залила ему голову, и тут словно взорвался смиренный отец Богидерий. До этого он смотрел на ворвавшихся полными ужаса глазами, дрожал и часто крестился, его и не трогали, и вдруг дико завопил, не отрывая взгляда от рыцаря, под которым натекает лужа крови, вскочил и понесся через зал, как торнадо, расшвыривал не только людей и кресла, но и не перевернутые еще столы, а за ним, к моему ужасу, оставались неподвижные тела нападавших. Сперва он бил кулаками и ребрами ладоней, затем в руках появлялись и пропадали рогатые подсвечники, ножки стульев, подносы, а в конце уже бешено и с дикой яростью рубил двумя мечами, вырванными из рук еще не успевших даже сообразить, что они убиты.

Лук Арианта разогрелся в моих руках от частой стрельбы, стрелы догоняли одна другую, и все со злобной радостью находили цель.

Наконец двери зала распахнулись с трех сторон. Вбежали блещущие доспехами тяжеловооруженные люди Макса. Сам он, молодой и прекрасный, с развевающимися нежными, как у девушки, волосами, вбежал, запыхавшись, в руке обнаженный меч, торопливо нашел взглядом сперва сэра Растера, потом наверху меня.

— Вы целы! — вскрикнул он с великим облегчением.

Быстро тающая группка заговорщиков сгрудилась в середине зала и, встав спина к спине, готовилась дорого продать жизнь. Их осталось трое — огромного роста мужчин в кожаных доспехах с нашитыми стальными пластинами, один в костюме лесного разбойника и один изящного сложения рыцарь в прекрасных стальных доспехах, укрывающих его от макушки и до фаланг пальцев включительно.

— Всем стоять! — закричал я.

Спустившись в зал, я убрал лук, зато взял в руку меч. Мои смотрели на меня с надеждой, заговорщики с угрюмостью и обреченностью. Я быстро прошел к распростертому



рыцарю, ошупал его обнаженную голову. Еще жив, хотя потерял много крови. И будет жить, но великолепный шрам останется, чтобы мог бахвалиться перед внуками.

Все наблюдали за исцелением, а когда раненый пошевелился, кто-то из рыцарей потрясенно-ликующе заорал, другие начали креститься.

Я повернулся к группе в центре зала:

— Бросайте оружие! Я лорд Ричард, майордом...

Один из гигантов прорычал:

— Не трудись, мы знаем, кто ты.

— Конечно, знаете, — согласился я, — это я из вежливости. Которую ожидал бы и от вас.

Он ответил грубо:

— Зачем? Все равно умрем.

— Тем более нужно быть вежливым, — возразил я. — Последние слова всегда запоминаются. И лучше, если это будет учтивая речь, чем привычное для вас хамство.

В зал все заходили и заходили блистающие доспехами люди, это наиболее трезвые из рыцарей отыскивали комнату, куда спрятали их оружие и снаряжение. Облечившись в доспехи, они с обнаженными мечами в руках и с самым хмурым видом, не предвещающим ничего хорошего, окружали взятую в кольцо группу.

Я остановил их жестом, а сэр Растер на правах героя еще и прикрикнул. Рыцари нехотя отступили.

— Бросайте оружие, — повторил я. — Обещаю беспристрастный суд. Вы шли за кем-то из вожаков, он и должен отвечать за всех. А вы, возможно, виновны только в излишней лояльности сюзерену. За это может причитаться разве что каменоломня или работа в штольнях... но никак не смерть.

Они даже не переглянулись, смотрели угрюмо и с вызовом.

— Мы лучше умрем, — процедил тот же гигант с ненавистью, — чем будем добывать тебе руду.

— С каторги и сбежать можно, — возразил я, — а вот с того света... Впрочем, не стану спорить. Каждый сам хозяин своей судьбы. Убейте их!.. Нет-нет, рыцарям оставаться на месте. Эти разбойники не заслужили чести пасть от мечей. Арбалетчики!

Макс вскинул руку и повернул ладонью вперед. Повинуясь команде, вперед вышли коренастые люди с толстыми руками и в кожаных доспехах, тетивы уже натянуты, разом поднесли арбалеты к плечам. Макс уже готовился сказать «пли», как вдруг единственный рыцарь в группе заговорщиков воскликнул звонким голосом:

— Стойте!.. Это я одна виновата. Не убивайте их.

Мы остолбенели, рыцарь снял шлем, и на плечи освоенно хлынули волны золотых волос. Женщина смотрела с вызовом, не женщина, поправил я себя, молодая еще девушка, слишком красивая для разбойницы, такая могла бы жить беспечно, став любовницей знатного лорда.

— Так-так, — сказал я, — интересно... Прикажите своим людям бросить оружие.

Она сказала сломленным голосом:

— Конкорд, Мирей, Бриен, и ты, Беренгар, благодарю вас за преданность и верную службу в самые тяжелые времена. Сложите оружие, будем надеяться на великодушие этого человека.

— Майордома, — уточнил я, — а не этого человека.

— Мы не признаем вас сюзереном, — отрезала она с вызовом и тут же сбавила тон: — Я не признаю, но мои люди уже сложили оружие.

Они еще не сложили, только замедленно опускали руки, пальцы разжимались с великой неохотой. Мечи со звоном падали на каменные плиты пола, подпрыгивали и жалобно звенели, жалуясь на судьбу побежденных.

Я понаблюдал, пока все оружие не оказалось там, сказал другим голосом:

— Так, с одним вопросом покончили. Вы четверо, мо-



жете идти. Быть верным своему сюзерену — не преступление... За верность полагается вообще-то награждать, но я, человек бережливый, дарю вам хоть и не самое ценное, но все же нужное... ваши шкуры.

Сэр Растер прогудел:

— И куда их? В каменоломни?

Я отмахнулся:

— Пусть уходят свободно. Все равно какой-то работой займутся, чтобы кормиться, а из свободных выжать можно больше, чем из подневольных.

Недоверчиво поглядывая, они шепотом что-то спрашивали у своей леди, она нетерпеливо отпихивала их, страшась, что передумаю. Они нехотя и постоянно оглядываясь пошли из зала.

Я в упор посмотрел на золотоволосую женщину в доспехах:

— Итак, что это за шуточки? Почему вы пытались убить меня?

Она смотрела мне в лицо с дерзким вызовом.

— Вам трудно поверить, — почти прошипела она, как злая змея, — что вы нас совершенно, ну абсолютно не интересуете!.. И есть вы на свете или нет... нам все равно!

— Гм, — сказал я, — тогда объясните все это. Зачем вы здесь?

Она выкрикнула:

— Я леди Сильвиния Безансонская, урожденная Блуа, из рода Сен-Тристан, единственная законная наследница этих земель, этого замка и всего того, что подло и вероломно отнял у моего деда коварный Конигундий!

Рыцари переговаривались уже с интересом, вражду к женщине чувствовать трудно, даже если от рук ее людей пострадали боевые друзья, что без царапин прошли через жестокие бои Армландии и Сен-Мари, где сражались с яростными варварами.

Я огляделся, все смотрят с ожиданием.

— Знаете, — сказал я, — мы все устали от этого бесконечного пира. Головы трещат и соображают слабо. Давайте поместим вас в каземат до утра, а на рассвете рассмотрим ваше дело. Могу заверить, что если вы не ведьма, костер вам не грозит. А отсечение головы рыцарским мечом вас пугать не должно...

Она вскинула голову еще выше, выпрямилась и отчеканила гордо:

— Семьсот лет люди рода Сен-Тристан погибали в боях от рыцарских мечей и копий! Устрашит ли меня такая же смерть? Пусть даже меч окажется в руках палача!

Рыцари довольно зашумели, на леди Сильвинию смотрят с симпатией, отвага нравится даже у противника, а женщины быстро перестают у этих дураков восприниматься как противники.

Я кисло скривился:

— Громкий голос, смелые речи... Как много вокруг меня отважных и как мало умных. Разве что сэр Растер...

Сэр Растер гордо расправил плечи и посмотрел на всех орлом из поднебесья.

Рыцари переговаривались с интересом, но я все чаще бросал взгляд на Макса. Его жаркий энтузиазм как-то быстро погас, молодой герой переминается с ноги на ногу, глаза из бодро горящих становятся растерянными, жалобными.

Глава 16

В зал потихоньку и очень робко входили слуги, явно стремятся показать, что они тут ни при чем (настоящие слуги, сидели связанные в подвале), они начали озабоченно сновать между столами, уже без почтительных поклонов, собирали перевернутые стулья, посуду, сгребали в кучи залитые вином, соусами и кровью скатерти. Подсвечники, с резными стволами и вычурно изогнутыми рожками, выглядят странно застывшими растениями, больше похо-



жими на осьминогов, чем на утилитарные подставки для свечей. Особенно те, которые побывали в руках отца Богидерия и носят на себе свежие зарубки мечей.

Макс сказал, решившись:

— Сэр Ричард!.. Покорнейше прошу рассмотреть жалобу этой леди. Она ваша подданная, хотя этого и не признает. Значит, у нее есть право на ваш суд и вашу защиту.

Я поморщился:

— Какой суд?.. Какой-то лорд сто лет назад или больше отобрал у ее предка этот замок с его землями... Обычное дело! Что тут нового? Везде так делается.

Он сказал твердо:

— Но, мой лорд, если все еще наследники предъявляют свои права, то дело не закрыто!

— Мы не знаем, — отрезал я, — кто там сто лет назад был прав, кто виноват! Возможно, прадед этой леди плюнул в суп доблестному рыцарю, который рассердился и отнял этот замок! Вправе он это был сделать?

Я спрашивал его, но смотрел на рыцарей. Все дружно зашумели, голоса негодующие, за такое не только замок и земли отнять, но и самого вбить по ноздри в землю, а под нос положить побольше навозу...

— Ну вот, — сказал я отечески, — видишь, Макс, общественное мнение говорит, ты не прав. Дело закрыто. Нельзя плевать в суп другому человеку, нехорошо! Тем более права на наследство не восстанавливают такими... самозахватами. Для этого есть суд.

Он возразил:

— А если суд неправый? Это мы принесли в эту страну справедливость и достоинство, а раньше здесь был... было нехорошо!

— Даже неправый суд, — сообщил я, — лучше, чем резня, которую пыталась устроить эта... наследница. Ты хоть понимаешь, что, преуспей она, мы все были бы убиты? И все твои друзья лежали бы сейчас здесь в крови?

Он взглянул исподлобья на леди Сильвинию. Она вздрагивала, смертельно бледная, старалась держаться гордо и независимо, но против желания смотрела на него с отчаянной надеждой.

Макс вздохнул и развел руками:

— Мы просто подвернулись под руку. Она пыталась захватить замок, который остался без охраны и хозяина. У нее получилось бы, не прибуди мы сюда так не вовремя... Потому обвинение в попытке всех нас убить...

— Снимаю, — прервал я. — Ты прав, попытка была, но намерения не было. Мы прошли бы по статье косвенных потерь, а захваченных в плен отдали бы за выкуп. Однако у замка уже есть хозяин! Намного более достойный, чем тот, который убежал вслед за своим королем. И с этим ничего не поделаешь. Да и не надо.

Рыцари одобрительно зашумели, Макса похлопывали по плечам, что-то говорили веселое и дружеское, но он переводил взгляд с леди Сильвинии на меня и обратно, а она, вся трепещущая, смотрела расширенными глазами и не успевала следить за нашими доводами и быстро меняющимся настроением рыцарей.

— Это не мой замок, — произнес Макс колеблющимся голосом.

— Твой, — отрезал я раздраженно. — Макс, я не собираюсь восстанавливать историческую справедливость, как ее понимают здесь! Я отнял замок и земли у какого-то барона, воевавшего против нас и сбежавшего с королем. А ему, как мне вот тут подсказали, они достались по наследству от бездетного дяди, владевшего им пятьдесят лет. Тот получил от своего деда... О каком праве леди Сильвинии может идти речь?

Макс посмотрел на леди Сильвинию, лицо его стало еще строже. Я ощутил недоброе, когда он выпрямился. В лице и во взгляде проступила рыцарская надменность и гордыня, которой позавидовал бы сам дьявол.



— Мой лорд, — проговорил он чопорно, — могу ли я отказаться от этих земель?

— В пользу леди Сильвинии? — спросил я. — Нет, не можешь.

Он снова поклонился, голос прозвучал неуступчиво:

— Мой лорд, а могу я отказаться от этих земель... вообще?

Я спросил раздраженно:

— На каком основании?

— Ну... если можно, без основания.

Я покачал головой:

— Нет, не можешь. Каждый должен работать и приносить Отечеству пользу. В смысле мне. В особо крупных размерах.

Он смотрел мне в лицо прямо и бесстрашно.

— Мой лорд, — сказал он снова, — основание есть. Я не готов управлять землями и крестьянами. Я едва-едва научился управлять теми немногими солдатами...

Он умолк, чуть сконфузившись, сообразил, что могут понять неправильно, все-таки под его управлением почти все пешие части, бросил взгляд на замершую леди Сильвинию, она страшится дышать при таком быстром изменении ситуации, руки прижала к груди, рот от удивления раскрыла, дура, но вообще-то красивая дура. И отважная, как многие дураки.

Отец Богидерий зыркнул на Макса, на меня, опустил взгляд. Я смотрел, как он переступает с ноги на ногу, сказал нетерпеливо:

— Ну, говорите, отец Богидерий!.. У меня еще будет с вами отдельный разговор, вы знаете о чем, но сейчас говорите то, что из вас прет.

Он робко поклонился, развел руками и снова поклонился:

— Ваша светлость, мое мнение может быть совершенно неуместным и даже лишним... но осмелюсь заметить, что благородный сэр Максимилиан фон Брандесгерт вообще-

то прав. Нет-нет, я не про замок, а насчет его воинского умения. Солдаты его обожают и горюют, когда оставляет их хотя бы на неделю. А еще, если вы в самом деле сделаете шаг навстречу сэру Максимилиану фон Брандесгерту, это будет на пользу вам! Я имею в виду, еще больше укрепит боеспособность пеших войск.

— На пользу мне, — возразил я, — а что насчет пользы Максу?

Он развел руками, но смолчал. Я перевел взгляд на Макса, тот бесстрашно выдержал мой гневный взгляд.

— Сэр Ричард, — произнес он твердо, — совсем недавно я был простым баннерным рыцарем. Вы милостиво возвели меня в виконты и дали эти земли. Что теряю? Не было у меня земель раньше, но разве я был несчастным?

Я прорычал зло:

— Ну, виконтом ты останешься в любом случае, но отказываешься от таких земельных владений? Почему? Не хочешь трудиться на благо Отечества?

— Я тружусь, — возразил он, — укрепляя его обороноспособность.

Отец Богидерий вставил тихо, но слышали все:

— К тому же, если решите вернуть земли леди Сильвии, это укрепит к вам доверие древних родов!..

Рыцари умолкли, переговариваются совсем шепотом, чтобы не пропустить ни слова. Макс, рослый и красивый, стройный как сказочный принц, смотрел с достойной герцога надменностью, дескать, потеря замка и обширных земель его печалит не больше, чем вырванное ветром перо из шляпы.

Я прорычал зло:

— Доверие древних родов Сен-Мари... меня волнует мало. Меня заботит благополучие моих людей!.. Ладно, уже вижу, Макс уперся, как осел у колодца. Плохо для государя, когда человек больше слушается Бога, но хорошо для государства... Макс, ладно, лишится этих владений, раз он



так настаивает и отказывается... но если верну этой... многие захотят пересмотра существующих границ! Потому лучше не давать даже повода.

Отец Богидерий поклонился, красиво разводя руками, отступил и закрыл рот. Я перевел тяжелый взгляд на леди Сильвинию. Она трепетала, но встретила мой взгляд бесстрашно и с вызовом.

Я поморщился, махнул рукой.

— Ладно-ладно. Благодаря неслыханному и неоправданному благородству сэра Макса вы, леди Сильвиния, получаете во владение этот замок и прилегающие к нему земли. Мой вице-канцлер составит от моего имени и передаст вам надлежащие бумаги. Вы должны будете выплатить денежную компенсацию всем раненым и погибшим, как с моей стороны, так и с вашей, а также принести мне вассальную присягу. И вообще, даже в этом случае я буду за вами наблюдать, и не дай Бог вам хоть в чем-то споткнуться! Хоть на какой-то мелочи!.. Благородную казнь не обещаю, вас просто удавят в вашем же самом грязном подвале вонючей веревкой.

Я перевел дыхание, все больше распаляясь от злости, но Макс все равно смотрит на меня влюбленными глазами, сэр Растер похрюкивает одобрительно, остальные хранят торжественное молчание, чувствуют, что сейчас один из моментов, что входят в историю, а то и в баллады.

Макс опустил на одно колено.

— Спасибо, мой лорд! Спасибо!

— За что? — огрызнулся я. — Что отнял у тебя все?

— Мою честь никто не отнимет, — ответил он серьезно. — А разве что-то еще есть у рыцаря?

Все одобрительно зашумели, леди Сильвиния смотрела на него во все глаза, на бледных щеках проступил румянец. Хорошо бы стыда, если бы только женщины умели стыдиться.

— Я был против, — сказал я раздраженно, — но меня,

увы, сломили. И вообще вывернули мне руки! Свиньи такие, а не соратники. Все, идите все... Дайте мне в одиночестве выплакать горе... А вы, отец Богидерий, оставайтесь!

Рыцари торопливо покидали зал. С ними на всякий случай ушли и слуги, видно же, что сюзерен гневен, а такому под руку лучше не попадаться.

Отец Богидерий, чувствуя приближение неприятностей, приблизился с заискивающей улыбкой, кланяясь на каждом шагу, и сразу начал уверять, что железной руды много, богатая, выплавлять будет легко, а людей наберем среди местных...

Я нетерпеливо отмахнулся.

— Потом. Отец Богидерий, все вас знают как человека, который мухи не обидит!.. И который не знает, с какого конца братья за меч. Вы можете как-то объяснить то, что случилось?

Он склонил голову. Я видел, как лицо его быстро меняется, словно никак не может выбрать линию поведения, наконец он тяжело и горестно вздохнул.

— Мой лорд... — проговорил он тихо упавшим голосом, — правда слишком невероятна, чтобы ей поверить.

— Говорите, — велел я. — Насмотревшись даже чудес, буду ли удивляться чему-то чуть менее обычному?

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Что ж... На самом деле моя мать родила двух сыновей. Но так уж получилось, что на свет появился я один.

Я переспросил:

— Но родила двух?

Он потряс головой:

— Простите, зачала. И двое, как ей сказали повитухи, дрались в ее чреве. Но родился только один.

— А второй? Вышел мертвым?

— Нет, мой лорд. Он тоже во мне. Нас двое. Раньше мы дрались за право владеть этим телом, потом уговаривались



владеть по очереди, но и это не приводило ни к чему хорошему...

— Понимаю, — пробормотал я ошарашенно. — Но продолжайте, продолжайте.

— Постепенно я убедил его, что лучше жить мирной жизнью, учиться, познавать мир, а не воевать и драться, как желал он. Так мы и живем, пока не случается... что случилось... Вот тогда, спасая нас обоих, власть над телом берет мой воинственный брат.

Я смотрел на него во все глаза. Отец Богидерий держится с достоинством книжника, у воинов другое в глазах и осанке, но, несомненно, тех стражников разметал вовсе не книжник.

— Знаете, святой отец, — сказал я все еще с сомнением, — ваша история слишком невероятна... нет-нет, успокойтесь!.. но я склонен ей поверить, потому что других объяснений вообще нет. Либо еще более дикие. Так что добро пожаловать, святой отец Богидерий... или как вас лучше называть?

Измученное лицо посветлело, в глазах блеснула радость.

— Спасибо, мой лорд!.. Мое имя — Богидерий, пусть оно им и останется. Мой брат согласился наконец, что мирная жизнь имеет больше достоинств.

— Это верно, — сказал я. — Жаль только, что не все это понимают. И потому даже самые мирные люди вынуждены брать в руки оружие. И проливать кровь.

Он сказал с поклоном:

— Если с молитвой, то можно.

— С молитвой можно даже вешать, — согласился я. — Или сжигать на костре. Главное, без гнева, а... по необходимости. Хорошо, идите. Теперь понимаю, почему вы еще и такой знаток по всем видам холодного оружия!

— Холодного, сэр?

Я отмахнулся:

— Идите, святой отец.

Глава 17

Зал постепенно приводили в порядок, трупы убрали, кровь замыли, одни подсвечники прикрепили к стенам, другие расставили на столах.

Макс со своими людьми со всей поспешностью, пока я не остановил, покинул замок и ринулся в Геннегау.

Рассветало мучительно медленно, окрестности тонут в сизом неопрятном тумане, его так много, что торчат только вершинки деревьев, словно из половодья. Солнце будто и собирается подниматься, небо уже давно посветлело, а мутная заря зарделась очень не скоро, да и то робко и неуверенно.

Сэр Растор и Арчибальд с его отборной дружиной остались со мной, выеду завтра утром, надо дожидаться конца вычислений отца Богидерия, что хмурится и озабоченно качает головой, снова хочет вернуться к рудникам и перемерить примерное расположение руды снова.

Я сам, как и прочие наши рыцари, ревниво посматривал, как леди Сильвиния вступает во владение замком. И хотя воинская сила на нашей стороне, но, как и во времена Макса, считается только гостями. Она вправе здесь все хоть сейчас снести под корень, но, правда, практически ничего не изменила, даже слуг не уволила, хотя сразу же поставила своих людей на воротах и на сторожевых башнях.

Правда, там наши лучше вооружены и вообще покрепче лесного воинства, так что замок в ее руках только формально.

Я еще раз съездил к руднику, отец Богидерий выдает информацию по капле, пока что сообщил, сколько потребуются землекопov и людей с корзинами, чтобы убрать толстый пласт земли. К вечеру сможет сказать, сколько добудем руды в первый месяц, сколько во второй и во что обойдется выплавка железных слитков.

Наступил вечер, а можно бы выехать и на ночь глядя,



мне на Зайчике что ночь, что день, но решил не бросать своих рыцарей, велел приготовить для меня комнату под спальню.

Уже снял сапоги, в походах делаю это сам, как дверь тихонько приоткрылась. Я нахмурился, в коридоре оставлены надежные стражи, что за шуточки...

Вошла леди Сильвиния, бледная, лицо испуганное и вместе с тем решительное. Не говоря ни слова, приблизилась на два шага, дернула за веревочку у горла, и платье... нет, это плащ, свалился на пол.

Она осталась голая, кожа от волнения стала пупыристой, как у ошипанного гусенка, на щеках яркий румянец, что быстро охватил все лицо и перетек на шею.

Я сказал хмуро:

— А вот это лишнее.

Она в удивлении вскинула брови:

— Что, мой лорд?

Я буркнул:

— Это хорошо звучит — «мой лорд»! Хотя не уверен, что вы в самом деле признаете мою легитимность, а не просто вежливый оборот речи. Я говорю, что не надо... вот так расплачиваться.

Она стояла передо мной, прекрасная и трепещущая, румянец уже даже не румянец, а нечто багровое, полыхающее, как жерло раскаленной печи.

— Мой лорд, — услышал я тихий шепот. — Больше у меня ничего нет.

Я скривился:

— Да-да, невинность — это так ценно, так ценно... если под невинностью понимать девственность... Даже девственность — неверное слово, мне сейчас предлагается всего лишь произвести дефлорацию, а я за это не только не получу денег или какой-то платы, как должен бы за работу, а мне предоставлено сомнительное удовольствие считать себя безумно счастливым. Еще всю оставшуюся жизнь я дол-

жен пребывать в полном восторге, гордиться, задира́ть нос и лопаться от страстного желания побахвалиться перед собутульниками и сокувшинниками. Потому, леди, давайте забудем о предложении такой неудачной для обоих сделки. Вы получили от меня эти владения и... останетесь за них должны и обязаны. Никаких расчетов типа: я вам замок, а вы мне — девственность! Отдайте ее тому, кто оценит выше. А я, вот такая грубая скотина, так и не понял, какое сокровище вы мне предлагали.

Жарким огнем горят уже не только щеки, весь верх, включая ключицы, полыхает так, что жар отсвечивает на стены. Она торопливо подхватила плащ, укуталась и даже набросила капюшон на голову. На меня из тени испуганно поблескивали два глаза, как у мыши из норки.

— Ваша светлость...

— Леди Сильвиния, — произнес я церемонно.

Она поспешно вышла, почти выбежала. Я вышел следом и дал часовым нагоняй. Если сказано, что никого ко мне, то никого! Голые бабы тоже входят в «никого».

Вернувшись, рухнул на постель и некоторое время пытался заснуть, но перед глазами стояла она, такая трепетная и готовая на все услуги, что взвыл, поднялся, ну что за жизнь, когда даже такая умница и вообще гений, как я, вынужден отзываться на выплеск гормонов!

Спустившись вниз, ухватил молоденькую служанку, она обмерла от ужаса, но быстро сориентировалась, я, сбросив давление, вернулся наверх и заснул крепким сном.

Утром внизу запрягали коней, переговаривались, я смотрел через окно, как выводят Зайчика и седлают, за спиной распахнулась дверь, я в раздражении оглянулся.

Леди Сильвиния, уже в строгом и очень элегантном платье, сказала торопливо:

— Не ругайте ваших стражей, вы их сами запутали!

Я осведомился хмуро:

— Как это?



— Вы велели никого не пускать, — объяснила она, — но сами же сказали, что я — полная хозяйка замка. Вот я и воспользовалась. Вы уезжаете, сэр Ричард... А я не успела вас поблагодарить. Вы поступили весьма благородно.

Я буркнул:

— Не приписывайте мне то, чего не было.

— А что было?

— Нежелание, — ответил я.

Она спросила тихо:

— Вы настолько... не желали меня?

Я торопливо помотал головой, заговорил быстрее, оправдываясь, пока не подумала чего своего, женского:

— Я говорю о нежелании брать на свои плечи новый груз. И ответственность, которую можно избежать. Я такой вот избегун по натуре.

Она покачала головой, не отводя взгляда от моего лица.

— Не наговаривайте на себя лишнего, — произнесла она тихо. — Вы... благородный человек!

— Я?

— Да, сэр Ричард.

Я спросил раздраженно:

— Вообще-то да, но вам откуда это знать? Благородство испытывается на более высоких ступеньках, чем постель. А вам, леди Сильвиния, никаких поблажек, раз уж я сумел избежать вашей постели. Будете платить налоги на общих основаниях, обустраивать замок, земли, развивать ремесленничество... Если не справитесь — отниму уже по закону. Не для Макса, а вообще. Как у не справившейся с обязанностями. А вы думали, вернете себе замок и сразу начнете балы закатывать? Отец Богидерий оценил запасы железной руды в особо крупные, а это подпадает под статью о стратегических запасах Отечества!

Она вздрогнула:

— Что это?

— Отечество? Или стратегические запасы?... Руды здесь

настолько много, что вы не вправе управлять рудниками плохо. Отец Богидерий пришлет вам подробный план, что и как делать... Придется немедленно расширять добычу и производство, мне потребуется... уже требуется, много железа! И вообще... вы что, нарочито делаете вид, что не замечаете той жертвы, которую принес мой великолепный военачальник, чистейшая душа на свете, Максимилиан фон Брандесгерт? Это же он отказался в вашу пользу от этого замка и земель!.. Вот настоящий рыцарь!

Она жутко покраснела, багровый румянец залил не только щеки, но даже шею.

— Мне очень стыдно, — прошептала она. — Мне, наверное, тоже надо было отказаться в его пользу, но я так долго шла к захвату этого замка, так долго мечтала, видела во сне и в грезах, что именно я восстановлю попорченную справедливость, верну замок и земли истинным владельцам... я просто даже не подумала, что этот Максимилиан... какое прекрасное имя... так бесподобно благороден и великодушен... о нем будут слагать песни, а я... я своим поступком запятнана...

Я поморщился:

— Ничуть не запятнаны. Вы поступили правильно, как любой рассудительный человек. Все, что плывет в руки, надо хапать. Сперва хапать, а потом смотреть, что хапанули, не испачкало ли... Так что все в порядке. Вы в порядке. Это мой Макс не в порядке.

Она прошептала:

— Вы его любите?

Я ответил удивленно:

— Конечно! Макс вообще-то единственный, у кого нет врагов. Его все любят! Он настоящий рыцарь, благородный и чистейшей души человек.

— Да, — прошептала она, — а я... дрянь.

— Ну почему же дрянь, — сказал я великодушно, — вы просто женщина.



В комнату заглянул сэр Растер:

— Звали, мой лорд?

— Сэр Растер, — сказал я любезно, — не сочтите за труд распорядиться. Ну, вы знаете, выезжаем немедленно. Те, у кого кони помедленнее, уже в дороге. Я получил все нужные сведения по руднику, так что спешим в Геннегау.

Он проревел довольно:

— Будет исполнено, мой лорд!

Он исчез, я сухо поклонился леди Сильвинии и пошел к выходу. За спиной услышал вздох и легкий возглас, словно что-то хотела спросить или сказать, но подавила порыв, что наверняка мог оказаться благородным, первые порывы у нас все такие, а я толкнул дверь и вышел.

Мы въехали в Геннегау после полудня. Я бросил слугам повод, прыгнул, вокруг меня образовалось желтое облако дорожной пыли, навстречу уже вышли и терпеливо ждут, когда замечу, граф Ришар, на лице явное облегчение, еще бы, барон Альбрехт, Куно... Быстро подошел отец Дитрих и смотрит как-то странно.

— Что случилось? — спросил я весело. — Лица какие-то похоронные...

Граф Ришар ответил суховато:

— Вы тоже перестанете улыбаться, сэр Ричард.

— Да что случилось?

Он молчал, вместо него проговорил барон Альбрехт:

— Теодорих... Тот, самый первый, кто пришел к вам и встал под ваше знамя. Вы всегда к нему относились с особой нежностью.

Тревога острой иглой впилась в сердце.

— Ну да, он первый поверил в меня... Что с ним?

— Не попадет в рай, — ответил Альбрехт. — Не выдержал одиночества, сэр Ричард.

Боль сжала сердце. Теодорих, неистовый влюбленный, и я, бесчувственная скотина, занятый своими проблемами,

не разглядел, отмахнулся, хотя предупреждали, что он слишком уж потрясен смертью его любимой.

Они молчали, а я, чувствуя, как от меня ждут веского слова лорда, что становятся законами, перевел дыхание и сказал с усилием, выдавливая из себя жестокие, но правильные слова:

— Пифагор запрещал покидать сторожевой пост без приказа полководца! А верховный полководец поставил каждого на пост, где мы должны верно и честно нести воинскую службу. Безропотно, ибо не все в жизни для нас! Надо и для Отечества... потом объясню, что это такое.

Они слушали внимательно, кивали, соглашаясь, только любознательный Арчибальд спросил живо:

— А кто такой Пифагор?

— Один из Отцов Церкви, — пояснил я. — В самой древности, когда еще не знали о Церкви и даже о том, что придет Христос, некоторые уже тесали камни для будущего великого храма.

Отец Дитрих бросил на меня острый взгляд, поморщился от такой вольной трактовки, я слишком часто подхожу к опасной границе, которую переступать нельзя, но смолчал, хотя, думаю, наедине выскажет порицание.

Сэр Растер громыхнул:

— Покинуть жизнь — покинуть воинский пост самовольно?... Да-а, теперь и я понял. А то в церкви такое наговорят, голова кругом, а сэр Ричард объяснил по-нашему, по-воинскому...

Отец Дитрих отвел взгляд, я посмотрел победно, он ответил взглядом, что Господь Бог не должен страдать от глупости или невежества некоторых священников.

Сэр Ришар подытожил:

— Только тот, кто поставил на воинский пост, волен и снять нас с него. Отец Дитрих, я правильно понял?

Отец Дитрих кисло улыбнулся, сравнение Господа с полководцем весьма кощунственно для иерарха Церкви,



однако для военных людей такое сравнение самое понятное, он вздохнул и, привычно перекрестившись, ответил строгим голосом:

— Да, сын мой, все верно. Никто, кроме Господа, не имеет права забирать жизнь... Ни сам, ни другой человек, ни зверь. Мы все несем нелегкую службу от рождения и до последнего вздоха, никто не имеет права дезертировать...

Глава 18

Не спалось, жарко, воздух спертый, я некоторое время лежал, закинув руки за голову. Сперва с тоской вспоминал Теодориха, потом перед глазами начали всплывать отвратительные хари кардинала и его двух попов. Сердце тут же в ответ начинает стучать чаще и озлобленнее, я мысленно бросаю им в подлые морды самые убийственные доводы... у меня, как у всех, они приходят опосля, повергаю, уничтожаю, танцую на их костях...

...а на все попытки успокоиться и заснуть сердце отвечало с негодованием, что как можно спать, когда гнусно оскорбили, нужно пойти и вбить обидчиков в землю по уши, майордом ты или не майордом?

Наконец вскочил в раздражении, ухо уловило далекие робкие звуки клавесина, нежные и такие чистые, словно бы идут с небес. Стражи в коридоре браво стукнули тупыми концами копий в пол, не спим, ваша светлость, я кивнул и медленно пошел на звуки музыки.

Чистые и светлые звуки выманили меня во двор и привели в часовню. Там к стене пристроен небольшой орган, это его звуки я по тупости спутал с клавесинными, а перед ним на высоком стуле сидит отец Гортензий, задумчиво и медленно перебирает тонкими пальцами клавиши. Каждая нота звучит по отдельности, не сливаясь с другими. Впечатление, что священник только учится, робко тыкая в

клавиши, однако в тягучей мелодии есть странное очарование, нечто непростое под маской простоты.

Простые чистые звуки воспаряют под стрелчатые своды, там затихают медленно и неохотно, создавая некий фон, будто там живут дивные существа.

Он обернулся и, соскользнув с высокого сиденья, торопливо поклонился.

Я небрежно помахал рукой:

— Нет-нет, это я вам должен кланяться, дорогой отец Гортензий.

— Простите, ваша светлость, я предерзостно потревожил вас...

— Ничуть, — ответил я. — Засыпаю поздно... если вообще засыпаю. А вы играйте, святой отец, играйте. Искусство... это... это... ну, искусство обуздывает сердца, как вот политика, чем я занимаюсь, обуздывает силу и жажду крови. Не так страшен черт, как состояние современной музыки, согласны? Так что эта... играйте. Смягчайте эти самые... ну, сердца.

Я вышел из часовни, мелькнула мысль, что и в самом деле музыку бы тоже стоило развивать, хотя я к ней и равнодушен, но отец народа должен заботиться о его развитии, хочет он того или не хочет. Этого Гортензия можно было бы назначить главным музыкомейстером, или как они тут зовутся, пусть развивает и... того, бдит. Пусть все бдят.

Я вернулся во дворец, вышел на балкон и подставил небу разгоряченное лицо. Город затих, дворец окружен огромным садом, только догадываюсь, что лавки закрыты, зато гостеприимно распахнуты двери постоянных дворов с их харчевнями, народ продолжает веселье, но здесь тихо, темно и лунно, верхушки деревьев серебрятся в призрачном свете, внизу крошечная тьма, зато воздух медленно свежее...

Рядом бесшумно появилась фигура, человек точно так



же облокотился о каменные перила и задумчиво смотрел в темный сад, печально тонущий во тьме. Худое лицо с острым, как лезвие боевого топора, профилем показалось печальным.

— Тяжела ноша государя? — спросил он с сочувствием.

— Вам не понять, — ответил я. — У вас прекрасная роль, сэр Сатана. Хотя больше годится для подростков. Все подвергай сомнению! И осмеянию, конечно.

Он повернул ко мне голову. Лицо очень серьезное, но в глазах в самом деле сочувствие.

— Человечество расстается со своим прошлым смеясь.

— Сказано красиво, — согласился я, — а у нас ради красного словца продадут и Отечество, не то что родного отца. Но если в прошлом узнали, что дважды два равняется четырем, как могу отказаться от такой истины?

— Вы же знаете алгебру, — произнес он с мягким укором. — Зачем вам два и два?

— Вся алгебра стоит на дважды два, — возразил я. — Вы стараетесь снова повести людей по пути науки и техники и всерьез уверены, что старые истины только тормозят прогресс? И что все предыдущие катастрофы были... м-м... случайны?.. И при более осторожном обращении ничего такого больше не произойдет?

Он проговорил с некоторым напряжением:

— Да, я в этом уверен.

Я стиснул челюсти, сам же совсем недавно так думал, а себя считал отважным богоборцем и смеялся над теми дураками, что во что-то тупенько верят, а я вот отважный и независимый, не верю ни во что и никому не кланяюсь.

— Сволочи останутся ими, — сказал я, — хоть с бронзовым топором, хоть с... оружием помощнее. Согласны?.. Но сволочь с топором не так опасна.

Он поморщился:

— Вы все еще верите, что религия в состоянии обуздать наследие Змея в человеке?

— Уверен.

— Даже после того, как поговорили с высшими иерархами Церкви? И убедились, какие это мелкие и злобные ничтожества?

Я запнулся с ответом, перед глазами всплыло яркое до отвращения лицо кардинала и злобные морды его прелатов. Даже отец Раймон не союзник, зря старался наклонить меня им под ноги. Даже во спасение.

— Мелкие и злобные, — согласился я. — Еще и подловатые... Передергивают, подтасовывают, всех бы троих утопил в отхожем месте. Редкостные сволочи! Говорят, таких поискать, но для меня нашли... И хотя я вышел из детского возраста, когда на основании единичного факта делают вселенские обобщения, но и мне хочется сказать, что вся религия — говно! И вся Церковь — говно!

Он спросил с интересом:

— И что вам мешает сказать?

Я вздохнул:

— Потому что не ребенок. Уже знаю, что если кто-то полное говно, то необязательно, что и все остальные люди на свете — в коричневом. К нам прислали троих законченных мерзавцев. Я их ненавижу. Но значит ли, что должен ненавидеть и Церковь?

Он пожал плечами:

— Для того чтобы узнать вкус дерьма, необязательно выжрать целое ведро.

— Красиво сказано, — согласился я. — И вроде бы убедительно. У нас народ такой, дай красивую хлесткую фразу, и укроются за нею, как за щитом. Ничего больше и слушать не захотят. Я не спорю, вы мастер полемики. Непревзойденный!.. Лучший из лучших.

Он улыбнулся, кивнул:

— Спасибо. Должен признаться, вы правы.

Я сжал челюсти и сказал твердо:



— Единственный путь... это идти дальше. Не слушая ваших вроде бы мудрых и разумных доводов.

— Почему?

— Потому что человек, — сказал я, — это не только ваш далекоидущий расчет... Человек — это еще и вера... а это всякий раз опрокидывало ваши точнейшие расчеты. Сэр Макс отказался от замка Эльбеф и богатейших земель, где одни только рудники сделали бы его самым богатым в королевстве!.. А ведь, по всем расчетам, он так поступить был не должен, не так ли?

Он поморщился.

— И что, вы его оправдываете? Он поступил как дурак.

— Да, — согласился я. — как дурак. Но мы с вами знаем, он не дурак. Значит, те ценности, которые перевесили, стоят выше? Или ценнее, простите за тавтологию?

Он продолжал смотреть вдаль, но мне показалось, что опасается поднять взгляд на небо с его беспощадными звездами.

Ночь прошла без сна, хотя я честно пытался забыться, даже овец считал, не помогло. Наверное, надо было считать мешки с золотом или тяжеловооруженных рыцарей, я же майордом, а не пастух, но такая мысль пришла поздно, когда я уже под утро в раздражении встал и опоясался мечом.

Испуганные слуги вбежали в покои, кланяясь и мелко дрожа. Я снял меч и швырнул на ложе:

— Доспехи!

Оруженосцы еще спят, а эти одевают и застегивают немелко, но я все равно успокоился, ощутив на плечах тяжесть благородного металла с моим гербом на груди, украшенного молниями и прочими знаками быстрых побед.

— Лук!.. — потребовал я. — Меч!..

Крохотный арбалет взял сам, его воспринимают как игрушечный, вот и пусть, меня это устраивает, прошелся по

комнате, с удовольствием слыша, как позванивают золотые рыцарские шпоры.

— Хор-р-рошо... Эй ты, лохматый! Позови лордов в нижний зал.

— Слушаюсь, ваша светлость...

Убежал не один, а все, я с лязгом и грохотом, словно сэр Растер, прошагал из покоев вниз, туда поспешно входят мои лорды, большая часть из них и ночует во дворце, хотя есть свои роскошные дома.

Граф Ришар, в свободной рубашке, распахнутой на груди и открывающей красивую волосатую грудь, панталонах свободного кроя и мягких сапожках, в каких никогда не видел, отшатнулся в дверях.

— Сэр Ричард! — вскрикнул он. — Что стряслось?

— Я проснулся, — ответил я зло.

— Что?.. А почему в доспехах?

— Потому что, — отрубил я. — Потому что, дорогой граф!

Лорды смотрели с опаской, таким меня еще не видели, меня буквально трясет, я сам чувствую, что гнев перешел в ярость, а морда из буряковой стала смертельно бледной.

— Но что случилось?

Я в бешенстве выхватил меч. Все отшатнулись, я вскинул над головой и с силой рубанул по столу. Сверкающее лезвие с наслаждением вгрызлось в толстое твердое дерево. Столешница разделилась на две половинки, обе рухнули на пол. Посыпалась посуда, зазвенели и покатались по коврам чаши и кубки.

— Надоело! — заорал я. — Я — воин, а не... Ладно, не воин, но не хочу, не могу и не буду, понятно? Кто-то мечтает тлеть и гнить в этих хоромашах — пусть, не жалко! Но чтоб я в болоте? Да я же совсем недавно все это презирал!.. Я хочу действий, я жажду их, я здесь подохну просто!.. Сэр Растер, велите седлать коней!

Растер спросил с готовностью:



— Куда едем?

— Да какая разница! — заорал я. — За ворота!.. Прочь из города!.. На Гандерсгейм стальным клином! Сколько я в столице? А уже оброс мхом, покрылся плесенью и завяз в паутине!

Барон Альбрехт вскрикнул:

— Сэр Ричард!.. А люди из Ватикана? Сегодня обещали закончить...

— Ничего не закончат, — огрызнулся я. — Тянут и тянут жилы!.. Я уже не могу этого выносить...

Граф Ришар сказал с сочувствием, но строго:

— Сэр Ричард, но покидать город все равно нельзя.

Я заорал:

— А мне плевать!.. На все! На майордомство, на Орифламме, на маркграфство!.. Что я приобрел и что потерял?.. Я своих друзей почти не вижу!.. Где сэр Варанг? Где яростный Арлинг, Кристофер де Марк? Где благороднейший граф Арне Дюбле? Почему нет Ангелхейма?.. Где мои Асмер и Бернард, куда делись Зигфрид, Ульман, Тюрингем, Хрурт, Рассело? Разве они не здесь? Или кто-то, как чистая душа Теодориха, уже не с нами, а я даже не знаю? Или должен ссылаться на обстоятельства?.. Да что это за майордом, если им командуют те самые обстоятельства, что вертят и простолудинами?

Никто не посмел ответить, я выбежал из дворца, от меня жар, как от падающей звезды, воздух чист, над краем земли мне навстречу поднялось умытое солнышко.

Сонные конюхи торопливо вывели довольного Зайчика. Арбогастр сверкает, упряжь украсили висюльками из старого серебра, Бобик прыгает вокруг и стрелой несется к воротам, оглядывается и в страшном разочаровании возвращается.

Граф Ришар, Альбрехт, Растер, Макс и другие молча начали взбираться в седла. Из гостевого домика выбежал долговязый монах и отчаянно замахал руками:

— Сэр Ричард, сэр Ричард!.. Святые отцы просят настоятельно прийти к ним.

Я крикнул:

— Занят!.. Как-нибудь в другой раз. Через месяц... или через год-другой... А лучше лет так через сто — сто пятьдесят...

Зайчик повернулся в сторону ворот, я чувствовал, как мышцы напряглись для быстрого стремительного бега. Монах тоже понял, прокричал торопливо:

— Другого раза не будет! Святые отцы сообщили, что расследование закончено. Сегодня отправятся в обратный путь!

Я натянул повод, повернул коня в его сторону:

— Что-что?

— Святые отцы отбывают! — повторил он.

— Хорошо, — прорычал я с сомнением. — Ради такой радостной вести готов выслушать, что за кляuzu повезут в Ватикан. Или как отправили. Если скажут, конечно.

Зайчика я оставил перед порогом гостевого домика, резко отворил дверь. Кардинал, откинувшись на спинку кресла, смотрит на меня с самым добрейшим отеческим видом. Отцы Габриэль и Раймон сидят на другой стороне просторной комнаты, перед ними на столе кипа бумаг, но смотрят на меня и просто цветут улыбками, словно уже видят на пылающем костре.

Кардинал сделал широкий жест, предлагая мне самому выбрать, где сесть.

— Отец Гэбриэль, — сказал он приветливо, — огласите результаты нашего расследования по делу сэра Ричарда.

Гэбриэль взял свиток, несерьезно крохотный, вышел на середину комнаты. Я сел в ближайшее кресло и молча ждал, слишком взбешенный, чтобы замечать какие-то изменения в их лицах или жестах.

Кардинал повторил мягко:

— Огласите решение Высшего Церковного суда.



— Слушаюсь, — ответил прелат. — Расследование по делу сэра Ричарда было проведено со всей тщательностью. Были опрошены все лорды, что пришли с сэром Ричардом с той стороны Тоннеля, а также лорды королевства Сен-Мари, оставшиеся в Геннегау и сотрудничающие с сэром Ричардом.

Я буркнул:

— Даже слуг опрашивали! Неслыханно.

Кардинал обратил взор в сторону отца Раймона:

— У вас есть что добавить, святейший прелат?

Отец Раймон поднялся, лицо серьезное, но когда бросил взгляд на меня, чуть-чуть виновато улыбнулся:

— Было сделано все, чтобы вызвать неудовольствие сэра Ричарда, спровоцировать на резкие и необдуманные высказывания... а то и действия. Лично я взял на себя роль адвоката дьявола и всячески склонял смириться, не спорить, чаще кланяться и не вдумываться в священные слова Писания. Применяли все приемы из арсенала святого Августина, разработавшего кодекс...

Кардинал прервал:

— Ну нужно подробностей. Результаты.

Отец Гэбриэль ответил вместо собрата:

— Отец Раймон провел работу блестяще. Но сэр Ричард не смирился, продолжал дерзить и спорить, придерживаясь не мертвых букв, а сути нашей веры. Он выдержал испытание, хотя не раз бывал близок к срыву, но всякий раз удерживался без посторонней помощи.

Я слушал тупо, внутри все кипит, душа уже скачет на коне, ветер ревет в ушах, и не сразу начал понимать, что изменилось очень многое.

Отец Гэбриэль поднялся, суетливой походкой просеменил к двери. По ту сторону поклонился монах, прелат бросил ему что-то коротко, монах еще раз поклонился и скрылся.

Кардинал рассматривал меня со странной заинтересованностью.

— Насчет противоречия первой и второй заповеди вы, сын мой, копнули весьма глубоко... На самом деле такого в трудах Отцов Церкви нет.

Я все еще не остыл и, вместо того чтобы виновато склонить голову, пробурчал:

— Мне это казалось очевидным. Хотя противоречия вообще-то нет... Вообще-то я думал, вы в первую очередь копаете, кто я и как сюда попал...

Кардинал отмахнулся:

— Мы судим по делам. Был такой ревностный истребитель христиан Савл, вы о нем говорили очень горячо, он гнал и уничтожал их безжалостно, но когда проникся идеями, сменил имя Савла на Павла. Именно он, как вы верно заметили, для торжества веры сделал как никто много. Поэтому нас не интересует, кем человек был. Нам важно, кем стал.

Я сказал откровенно:

— Ваше преосвященство, я в самом деле не раз был готов скрутить всех вас в бараний рог и бросить в пропасть.

Кардинал мягко улыбнулся:

— Вы были бы удивлены, сэр Ричард, но мы, несмотря на кажущуюся хрупкость, не так уж и беззащитны.

Дверь распахнулась, монах с той стороны пропустил к нам отца Дитриха и закрыл за ним дверь. Отец Дитрих огляделся и, вместо того чтобы сесть ближе к прелатам или кардиналу, сел рядом со мной. Кардинал, вместо того чтобы нахмуриться, кивнул одобрительно.

Отец Дитрих, покосившись на него, произнес тихо:

— Сэр Ричард, я даже вам не могу сообщить о сокровеннейшей тайне... Но с позволения его высокопреосвященства намекну, вам будет достаточно. У всех у нас образ Христа — сама чистота и святость. Однако же в Ватикане самым тщательным образом скрывают, где он был все эти



годы и чем занимался до того момента, как в возрасте тридцати трех лет внезапно объявился в Иудее и начал проповедовать о том, что жить надо иначе.

Кардинал прервал сурово:

— Вы сказали достаточно, отец Дитрих!

От его холодного, как айсберг, голоса меня осыпало морозом. Отец Дитрих послушно замолчал, и я видел по его лицу, что ничего больше не добавит.

— Возможно ли, — проговорил я осевшим голосом, — его слова о раскаявшейся блуднице... более чем выстрада-ны?

Отец Дитрих молчал, а кардинал проговорил сухо и глядя вверх моей головы:

— Это вы сказали, не я.

Я пробормотал:

— Спасибо, ваше высокопреосвященство. Вы поддерживали меня больше, чем думаете.

Отец Раймон посмотрел на Габриэля, тот кивнул, оба перевели взгляды на кардинала. Что в них было, во взглядах, я прочесть не мог, но кардинал вздохнул, повернулся ко мне.

В его глазах я видел сомнение, в самом ли деле такой здоровяк все понял, слишком юн и слишком крепок телом, жестом велел мне приблизиться.

Я поднялся, оставив отца Дитриха, и, перейдя пространство комнаты, подошел к кардиналу. Вместо того чтобы сунуть мне руку для поцелуя, он указал на сиденье рядом.

— Сын мой, — проговорил он шепотом, когда я послушно сел. — О том, где был Христос и... как и что делал, нельзя говорить простому народу. И вообще лучше никому... Наверное, для доступности лучше на примере... Вот Александр Великий под бдительным наставничеством Аристотеля изучал науки, знал семь языков, занимался переустройством своей Македонии, Греции, а затем и всего

известного в то время мира. Он распространил высокую эллинскую культуру, просвещение, благородные нравы, справедливые законы, основанные на нравственных принципах. Но также известно, что напивался с друзьями на пирах, а также был охоч до гетер...

Я кивнул и спросил тоже шепотом.

— Позвольте?

Он сказал настороженно:

— Да-да, как вы поняли.

— Простой человек, — ответил я, как можно больше приглушая голос, — узнав все это про Александра, скажет довольно: он пил и по бабам — значит, и мне можно, га-га!.. И больше ничего не усвоит.

Глаза кардинала были полны вселенской грусти.

— Все верно, сын мой. Человек везде ищет грязь, чтобы самому не мыться. Потому ее приходится скрывать. Это ложь... но святая ложь. Во спасение. Не наше, их спасаем.

Отец Раймон завозился на месте, и хотя не слышал нашего разговора, но сказал жалобно и точно в тему:

— Люди считают, что учить нужно только детей. Но мы-то знаем, что и взрослых нужно учить, наставлять, советовать и подсказывать им, как жить верно и честно! Чем и занимается Церковь, хотя это никому и не нравится.

Я смолчал, кардинал даже при своем помощнике не желает упоминать о скрытой от мира жизни Христа до его появления с проповедями. Это о Павле можно, что раньше был истребителем христиан, но сам Христос в глазах верующих, и даже высшего духовенства, должен быть абсолютно чистым и незапятнанным. Во избежание.

— Ваше преосвященство, — сказал я почтительно, — я не любил в детстве мыть уши и шею. Взрослые тоже многое не хотят делать из того, что надо. Так что... я понимаю.

Из коридора все громче доносился лязг, грохот, тяжелое топанье. Кардинал поморщился, отец Габриэль с вопросом в глазах вскочил, быстрый и суетливый.



— Позвольте, ваше высокопреосвященство?

Тот кивнул.

— Да-да, можете.

Прелат распахнул дверь, по ту сторону блещут доспехи моих военачальников. Кардинал сказал громко:

— Можете зайти, дорогие лорды.

Ришар вдвинулся первым, лицо злое и напряженное, с Церковью никогда не ссорился, но сейчас готов, остальные мои полководцы смотрят почти с ненавистью.

Кардинал сказал неожиданно властно:

— Сядьте вон там. И слушайте молча. Итак, отец Дитрих! Его высокопреосвященство папа Бенедикт XXI высоко ценит вашу деятельность и назначает вас его нунцием по всем землям с этой стороны Великого Хребта.

Отец Дитрих, мне показалось, весьма ошарашен новостью, но после минуты молчания сказал то, что и следовало:

— Растроган, что мои скромные труды оценили так высоко. Спасибо, постараюсь и дальше не щадить сил во славу Церкви.

Кардинал повернулся ко мне:

— Сэр Ричард, верный сын Церкви! По поручению папы сообщаем о даровании титула Фидей Дэфэнсер, что значит — Защитник Веры.

Отец Габриэль поклонился.

— Главное, сэр Ричард, — сказал он, — с этим титулом вам открыт доступ в монастырь Истины.

Я пробормотал, еще не придя в себя:

— Там ее нашли?

— Там ближе к ней, чем бы то ни было.

— Тогда туда рано, — сказал я. — Вот найдут...

Губы кардинала чуть дрогнули в невеселой усмешке.

— Можешь и не дожидаться, сын мой. Но побывать я бы советовал. Здесь ты силен... но в другом месте, о котором мечтаешь, будешь ягненком среди львов. Магия не дейст-

вует на твое сознание, но по брenneй плоти бьет весьма, весьма... И потому поездка к Монахам Истины не помешает...

Дверь распахнулась, вбежал молодой воин, прокричал задыхающимся голосом:

— Сэр Ричард! Гонец от Его Величества короля Кейдана. Сэр Эйц сказал, такое вам нужно услышать немедленно...

Рыцари перестали взволнованно жужжать, взгляды обратились в мою сторону.

Я кивнул:

— Хорошо.

Вошел богато одетый вельможа, двойная золотая цепь на груди, множество брошек с огромными бриллиантами, изумрудами и топазами.

Не глядя ни на кого, он вскинул голову и провозгласил громко:

— Его Величество король Орифламме Кейдан милостию жалует сэру Ричарду титул рауграфа с пожалованием земли дьявола и предписанием обустроить ее!

Лицо графа Ришара быстро и страшно побелело. Сэр Растер скрипнул зубами, его рука дернулась к рукояти меча.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	52
Глава 6	58
Глава 7	67
Глава 8	78
Глава 9	89
Глава 10	98
Глава 11.	107
Глава 12.	117
Глава 13.	122
Глава 14.	128
Глава 15.	139
Глава 16.	147
Глава 17.	156

ЧАСТЬ II

Глава 1	162
Глава 2	172
Глава 3	180
Глава 4	185
Глава 5	195
Глава 6	202

Глава 7	214
Глава 8	223
Глава 9	233
Глава 10.	245
Глава 11.	254
Глава 12.	264
Глава 13.	272
Глава 14.	280
Глава 15.	288
Глава 16.	298
Глава 17.	308

ЧАСТЬ III

Глава 1	317
Глава 2	327
Глава 3	337
Глава 4	342
Глава 5	351
Глава 6	360
Глава 7	367
Глава 8	376
Глава 9	384
Глава 10.	393
Глава 11.	405
Глава 12.	413
Глава 13.	421
Глава 14.	429
Глава 15.	439
Глава 16.	448
Глава 17.	456
Глава 18.	463

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — РАУТРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Литературный редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *Н. Сгибнева*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 14.01.2010.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 1650.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-40575-6



Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: international wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ISBN 978-5-699-40575-6



9 785699 405756 >

Ричард

Длинные Руки —

граф

